

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

Құрметті оқырмандар!

Халықаралық ғылыми-сараптаулық және ақпараттық тоқсан сайын жарияланатын «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы Әлеуметтік-саяси зерттеулер Институты (ӘСЗИ-Қазақстан) қамқорлығымен шығады.

Журналдың басымдылығы – қоғамымыздағы өзекті мәселелерін көрсету болып табылады. Негізгі фокус – ТМД елдерінде сол секілді барлық елдерде өткізілетін зерттеу жобаларының нәтижелері.

Журналдың бірінші нөмірі қазіргі қоғамның өзекті мәселелерінің бірі-әр түрлі қырларының және аспектісінен қарастырылатын миграцияға арналған. Журналдың бұдан арғы нөмірлері де нақты тақырыптарға арналатын болады.

Журналдың редакциялық Кеңесінің мүшелері – Болгария, Ұлыбритания, Германия, Үндістан, Қазақстан, Қытай, Литва, Польша, Ресей, АҚШ, Тәжікстан, Түркия, Финляндия, Оңтүстік Корея, Жапония елдерінің белгілі де беделді ғалымдары журналға кеңес берді, бұл кісілерге шексіз алғысымызды білдіреміз!

Журналдың редакциялық Кеңесінің мүшелері: саясаттану ғылымдарының докторы, профессор **Джүнісова Жаңылжан Хасымқызына** (Астана, Қазақстан), саясаттану ғылымдарының докторы, профессор **Сыроежкин Константин Львовичке** (Алматы, Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор **Ким Герман Николаевичқа** (Алматы, Қазақстан), экономика ғылымдарының кандидаты **Полетаев Дмитрий Вячеславовичқа** (Мәскеу, Ресей), саясаттану ғылымдарының докторы, профессор **Қаюм Кесижиге** (Мюнхен, Германия), әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор **Хаяти Тюфекчиоглуға** (Стамбұл, Түркия) бірінші нөмірді дайындаған кездегі баға жетпес еңбектері үшін ерекше алғысымызды айтамыз!

Журналдың шығарылымы үшін редакциялық алқадан, корректорлардан, аудармашылардан, қаржы әкімгерлерінен құралған зор еңбектерін аса құрмет пен ризашылықпен бағалауға тұрарлық үлкен тату-тәтті команда жұмыс істеді!

ӘСЗИ мен журналдың концепт-дизайнының фирмалық стилін әзірлеген Джанет Жакиенге және журналдың дизайнері Гүлмира Мақсуринаға алғыс білдіреміз!

Журналдың болашақ оқырмандары мен авторларын шын жүректен қарсы аламыз! Біздің жаңа журналымыз «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» зерттеу ортасында халықаралық қарым-қатынастың дамуына өз үлесін қосады деген үміттеміз!

*Құрметпен,
Журналдың баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исламовна*

*Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейовна*

Dear readers!

Magazine “**International Research. Society. Politics. Economics**” is an international research magazine that is published on a quarterly basis under the Institute for Socio-Political Research of Kazakhstan (ISPR-Kazakhstan).

The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

The first issue of the magazine is devoted to one of the most current issues of modern societies – migration, which is examined from various perspectives and aspects. The further issues of the magazine will also be thematic.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board to whom we express our unbounded gratitude.

We want to express our special thanks to the following members of the Editorial Staff for their assistance in the design of the first issue: **Junussova Zhanylzhan Khassymovna** (Astana, Kazakhstan), Professor, Ph.D (Political Science); **Syroezhkin Konstantin Lvovich** (Almaty, Kazakhstan), Professor, Ph.D (Political Science); **Kim German Nikolayevich** (Almaty, Kazakhstan), Professor, Ph.D (History); **Poletaev Dmitry Vyacheslavovich** (Moscow, Russia), Candidate of Science (Economics); **Kayyum Kesici** (Munich, Germany), Professor, Ph.D (Political Science); **Hayati Tufekcioglu** (Istanbul, Turkey), Professor, Ph.D (Sociology)!

Big friendly team worked over the magazine, including the editorial staff, correctors and proofreaders, translators, financial manager. Their painstaking work can be appreciated with the words of deep respect and gratitude!

We would like to thank Janet Zhakiyen, our designer, who designed the ISPR concept and identity, and Gulmira Maksurina, the magazine designer!

With all our heart we greet future readers and authors of the magazine. We hope that our new magazine “International Research. Society. Politics. Economics” will contribute to the development of international relations in the research field!

Sincerely yours,
Rakisheva Botagoz Islyamovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Magazine publisher

Kozhirova Svetlana Bassegovna,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» международный научно-аналитический и информационный ежеквартальный журнал, выпускаемый под эгидой Института социально-политических исследований Казахстана (ИСПИ-Казахстан).

Приоритетом журнала является освещение актуальных общественных проблем. Основной фокус - результаты исследовательских проектов, проводимых как в странах СНГ, так и во всём мире.

Первый номер журнала посвящен одной из актуальнейших проблем современных обществ – миграции, рассматривающейся в различных ракурсах и аспектах. Дальнейшие номера журналов также будут тематическими.

Консультационную поддержку журналу оказывают известные и авторитетные ученые из Болгарии, Великобритании, Германии, Индии, Казахстана, Китая, Литвы, Польши, России, США, Таджикистана, Турции, Финляндии, Южной Кореи, Японии - члены Редакционного Совета журнала, которым мы выражаем безмерную признательность.

Особую благодарность мы выражаем следующим членам Редакционного Совета журнала за неоценимую помощь в подготовке первого номера: профессору, доктору политических наук **Джунусовой Жанылжан Хасымовне** (Астана, Казахстан), профессору, доктору политических наук **Сыроежкину Константину Львовичу** (Алматы, Казахстан), профессору, доктору исторических наук **Киму Герману Николаевичу** (Алматы, Казахстан), кандидату экономических наук **Полетаеву Дмитрию Вячеславовичу** (Москва, Россия), профессору, доктору политических наук **Каюму Кесижи** (Мюнхен, Германия), профессору, доктору социологических наук **Хаяти Тюфекчиоглу** (Стамбул, Турция)!

Над выпуском журнала работала большая дружная команда, состоящая из редакционной коллегии, корректоров, переводчиков, финансового администратора, кропотливый труд которых можно оценить словами глубокого уважения и благодарности!

Хотелось бы сказать слова благодарности разработчику концепт-дизайна фирменного стиля ИСПИ и журнала Джанету Жакиену и дизайнеру журнала Гульмире Максуриной!

От всей души приветствуем будущих читателей и авторов журнала. Выражаем надежду, что наш новый журнал «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» внесет свою лепту в развитие международных отношений в исследовательской среде!

*С уважением,
Ракишева Ботагоз Ислямовна,
кандидат социологических наук,
Издатель журнала*

***Кожирова Светлана Басейовна,**
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

Халықаралық ғылыми-сараптамалық және ақпараттық журнал

Бастырушы:

Әлеуметтік-саяси зерттеу институты
(Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдар докторы

Бас редактордың орынбасары:

Тукаева Дарига,
халықаралық мемлекеттік басқару магистрі

Техникалық редактор:

Руднева Евгения, социология бакалавры

Дизайнер:

Мақсурина Гүлмира

Корректор:

Мухтарова Сандугаш

Аударма:

Хайдарова Аида (ағыл.), Колобаев Руслан (каз.)

Редакция алқасы:

Калмыков Сергей,
философия ғылымдар кандидаты
Сәдуақасова Айгүл,
әлеуметтану ғылымдар докторы

Пак Марина, психологияның магистрі
Ерданова Светлана, ізденуші

Бекетаева Дамиля, әлеуметтану бакалавры
Мәжитова Айнұр, әлеуметтану бакалавры
Ахметжанова Наила, агрономия магистрі
Еркебаева Гүлден, әлеуметтану бакалавры
Шалова Гүлден, әлеуметтану бакалавры

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Дүйсембекова Сәнімкүл

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86-30
Телефондары: 466 234, 457 002, 457 003
Электрондық адрес: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Басуға 14 желтоқсан 2009 жылы қол
қойылды. Пішімі. 170x260 мм
Таралымы: 1000 дана
ЖШС "Жарқын Ко"

баспаханасында басылғын

Жазылу индексі: 74270

Журнал ақпарат және архивтар Комитетімен
Қазақстан Республикасы Мәдениет және
ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан 3
Теория және методология сұрақтары

ОЛИВЬЕ ФЕРРАНДО Орталық Азия мемлекеттері
және олардың шетелдегі этникалық азшылдығы:
диаспоралық саясаттан бастап репатрианттарға
арналған бағдарламаларға дейін 12

ПОТЕМКИНА О.Ю. Европа Одағының заңсыз
иммиграция және адамдарды сатуға қарсы күресі
жөніндегі саясаты 27

ЧЕСНОКОВ А.С. Эмиграциядан оралу,
репатриациялану және экспатрианттармен байланысты
ұстану процесстерін реттеу саласындағы ұлттық және
халықаралық саясат: мәдени фактор рөлі 48

Шығыс Еуропа

ПАВЕЛ ХАТ 1990 жылдардан кейінгі Польшаға
қоныс аудару 62

ЙОРДАН К. КОЛЕВ Болгарлар Болгариядан
тысқары жерде 1878-1945 69

Батыс Еуропа

ДУЛОТКЕЛЬДИЕВА Ә.
Мәскеудегі қырғыз мигранттары 80

ФРАНСИСКО ХИМЕНЕС БАУТИСТО Испаниядағы
көші-қон: Андалузия мен Гранада 94

Қазақстан

ЕЛМЫРЗАЕВА Р.С. Халықаралық көші-қон
мәселесі және мемлекеттік көші-қон саясатын жүзеге
асыру қағидалары 108

СЫРОЕЖКИН К.Л. Қазақстандағы қытай көші-
қоны: жорамалды және шынайы қатерлер мен қарсы
шығулар 117

Ресей

ДАЦЫШЕН В.Г. Қазіргі Ресейдің даму кезеңінде
Сібірдегі қытай көші-қон мәселелері 128

ДЯТЛОВ В.И. Қазіргі Ресейдегі трансшекаралық
мигранттары: таптаурындарды қалыптастыру
динамикасы 140

ҚАДЫРБАЕВ А.Ш. 1916 жылғы көтерілістің
басылуынан кейін орыс Түркістаны халықтарының
нәтижесі және XX ғасырдағы Орталық Азиядағы
көші-қон барысының салдары 154

ПОЛЕТАЕВ Д.В. Қазақстаннан Ресейге білім алу
көші-қоны. Зерттеу тәжірибесі 161

ТАРАСОВ А. Байкалдың арғы жағындағы
қытай еңбегі 178

Орталық Азия

АБАЗБЕК УУЛУ РАСУЛ, ЭРГЕШОВ З.
Қырғыз Республикасындағы көші-қон үдерістері:
елге қауіп-қатерлері 186

УЛЬМАСОВ Р., ХАСАНОВ М.М. Тәжікстаннан
еңбек көші-қоны: әлеуметтік-экономикалық және
саяси салдардары, болашағы 191

Cross Study

**РАКИШЕВА Б.И., ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛЫ,
СЕДА БИЛАН, КОЖИРОВА С. Б., МАЖИТОВА А.Б.**
Cross study: Стамбулдағы қазақ диаспорасы мен Астана-
дағы түрік қауымдастығының әлеуметтік – экономикалық
жағдайының кейбір көріністері 198

Түйіндеме 205

Кітапқа шолу 212

Авторлар үшін ақпарат 218

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:

ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры, ИСПИ-Қазақстан Бағдарламасының директоры, әлеуметтік ғылымдар кандидаты

Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (СРАПД) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресі шетел ісі бойынша төрағасының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Донг Янг – Ресей институты, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясы директорының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, түркітілдес халықтар әлеуметтанушылары Одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия Институтының директоры, әлеуметтік ғылымдар докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – миграциялық зерттеулер Орталығының (Ж.А. Зайончковская Орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясы Халықшаруашылық болжау институты миграцияны сараптау мен болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркут мемлекеттік университеті әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспоры» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» Зерттеу Орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей).

Грегори Глиссен – Нью-Мексико Университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу Бағдарламасының директоры, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – ҚР Парламенті мәжілісінің Ақпараттық-талдау бөлімі секторының меңгерушісі, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы стратегиялық зерттеулер Қазақстан институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Алексеевко Александр Николаевич –

Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы азиаттық зерттеу Институтының қызметкері, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Анджей Вержбицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, гуманитарлық ғылымдар кандидаты (Варшава, Польша)

Раса Алишаускиене – Baltic Surveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру Институты мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет Зерттеу Орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Шығыстану және жазба мұралар ғылыми Академиясы Институтының тарих және аймақтық шиеленіс зерттеулер бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультеті деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Бавна Деви – Лондон университеті шығыс және африканық зерттеулер Мектебі жанындағы заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеуінің үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Каюм Кесижи – Людвиг Максимилиан Институты профессоры, Батыс Еуропа еуропалық мәдени орталықтар Федерациясының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Мюнхен, Германия)

Эм Гу-хо – халықаралық зерттеулер факультеті профессоры, Азиаттық-тынықмұхиттық зерттеулер Орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

Уяма Томохико – Хоккайдо университеті славян зерттеулері Орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

International Research Magazine**Publisher:**

Institute for Socio-Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-Chief:

Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-Chief:

Tukayeva Dariga, MPA

Technical Editor:

Rudneva Yevgeniya, Bachelor of Sociology

Designer:

Maksurina Gulmira

Proofreader:

Mukhtarova Sandugash

Translators:

Khaidarova Aida (English),
Kolobayev Ruslan (Kazakh)

Editorial Staff:

Kalmykov Sergei,
Candidate of Science (Philosophy)
Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)
Pak Marina, Master of Psychology
Yerdanova Svetlana, Ph.D Candidate
Beketayeva Damilya, Bachelor of Sociology
Mazhitova Ainur, Bachelor of Sociology
Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Yerkebayeva Gulden, Bachelor of Sociology
Shalova Gulden, Bachelor of Sociology

Financial Department:

Dussembekova Sanimkul

The magazine is issued four times a year.

Address:

86-30 Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 466 234, 457 002, 457 003
Email: ispr@ispr.kz
Website: www.ispr.kz

Signed for printing December 14, 2009

Format 170x260 mm

Circulation: 1000 copies

Printed LLC "Zharkyn Co"

Subscription index: 74270

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.
License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.

No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference

CONTENT

<i>From the Publisher</i>	3
<i>Issues of theory and methodology</i>	
OLIVIER FERRANDO Central Asian states and their ethnic minorities abroad: from the diaspora policy to the programs for repatriates	12
POTEMKINA O.U. The European Union Policy towards Combating Illegal Migration and Human Trafficking.....	27
CHESNOKOV A.S. National and International Politics of Re-emigration, Repatriation and Relations with Expatriates: the Role of Cultural Factor	48
<i>East Europe</i>	
PAVEL KHAT Resettlement to Poland after 1990	62
IODAN K. KOLEV Bulgarians outside Bulgaria 1878-1945	69
<i>West Europe</i>	
DOOLOTKELDIEVA A. Kirghiz Migrants in Moscow.....	80
FRANCISCO JIMÉNEZ BAUTISTA Migration in Spain: Andalusia and Granada.....	94
<i>Kazakhstan</i>	
YELMYRZAYEVA R.S. The Issue of International Migration and Realization of the Principles of State Migration Policy	108
SYROYEZHKIN K.L. Chinese Migration to Kazakhstan: Imaginary and Real Threats and Challenges	117
<i>Russia</i>	
DATSYSHEN V.G. The Issues of Chinese Migration to Siberia at the Modern Stage of Development of Russia.....	128
DYATLOV V.I. Transfrontier Migrants in Modern Russia: Dynamics of Stereotypes Development.....	140
KADYRBAYEV A.SH. Move of the Peoples of Russian Turkestan after the Suppression of 1916 Rebellion and its Consequences on the Migration Processes in Central Asia in the XX century	154
POLETAEV D.V. Educational Migration from Kazakhstan to Russia. Research Experience.....	161
TARASSOV A. Chinese Labor in Trans-Baikal.....	178
<i>Central Asia</i>	
ABAZBEK UULU RASUL, ERGESHOV Z. Migration Processes in the Republic of Kyrgyzstan: Challenges and Risks for the Country.....	186
ULMASSOV R., KHASSANOV M.M. External Labor Migration from Tajikistan: Socio-Economic and Political Consequences, Perspectives.....	191
<i>Cross Study</i>	
RAKISHEVA B.I., HAYATI TUFEKCIOGLU, SEDA BILAN, KOZHIROVA S.B., MAZHITOVA A.B. Cross Study: Some Aspects of the Socio-Economic Situation with the Kazakh Diaspora in Istanbul and the Turks' Community in Astana	198
<i>Summary</i>	205
<i>Book Review</i>	212
<i>Information for Future Authors</i>	218

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board:

Rakishева Botagoz Islyamovna,

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;
Program Director, Institute for Socio-Political
Research ISPR-Kazakhstan,
Candidate of Science (Sociology)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People’s
Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People’s Congress
of the Chinese People’s Republic, Professor
(Beijing, China)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,
Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School, Istanbul
University; President, the Union of Turkish
World Sociologists, Ph.D (Sociology), Professor
(Istanbul, Turkey)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,
Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich –
Expert, Center of Migration Studies
(J.A. Zaionchkovskaya’s Center); Leading
Researcher, Laboratory of Migration, Institute
of Economic Forecasting of Russian Academy
of Sciences, Ph.D., Candidate of Science
(Economics) (Moscow, Russia)

Dyatlov Viktor Innokentyevich –
Professor, Department of the World History
and International Relations, Irkutsk State
University; Deputy Editor-in-Chief, Magazine
“Diasporas”; Director, Research Center
“Internal Asia”, Ph.D (History),
(Irkutsk, Russia)

Gregory Gleason – Director, National Security
Studies Program, University of New-Mexico,
Professor, Ph.D (Political Science),
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhana Khassymovna – Head, Sector
of the Information and Analytical Department,
Majilis of Parliament of the Republic of
Kazakhstan; Ph.D (Political Science),
Professor (Astana, Kazakhstan)

Syroyezhkin Konstantin Lvovich – Senior Researcher,
Kazakhstan Institute for Strategic Studies
under the President of the Republic of
Kazakhstan, Professor, Ph.D (Political
Science), (Almaty, Kazakhstan)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department
of Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History),
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich –
Head, Demography Laboratory, Eastern
Humanitarian Institute, Ph.D (History),
Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad
Institute of Asian Studies, Ph.D (Political
Science), Professor (Kolkata, India)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political
Science, Warsaw University, Department
of the Eastern (Post-Soviet) Studies;
Candidate of Science (Humanitarian
Science), (Warsaw, Poland)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research
Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Tatyana Dronzina – Professor, Department
of Political Science, Kliment Ohridski
University of Sofia; Ph.D (Political Science),
(Sofia, Bulgaria)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research Center
for Public Administration and Public Service,
Institute of Advanced Training of Public
Officers (IAT PO) of the Republic of Tajikistan;
Chairman, Division of History and Regional
Conflicts, Institute of Oriental Studies and
Written Heritage of the Academy of Sciences
of the Republic of Tajikistan; Ph.D (History),
(Dushanbe, Tajikistan)

Sara O’Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,
School of Geography, Nottingham
University, Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary
Central Asia and the Caucasus under the
School of Oriental and African Studies,
University of London; Ph.D (Political
Science), Professor
(London, Great Britain)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East
European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science),
(Helsinki, Finland)

Kayyum Kesici – Professor, Ludvig-Maximilian
Institute; Chairman, Federation of the
European Cultural Centers of Western
Europe; Ph.D (Political Science), Professor
(Munich, Germany)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of
International Studies; Head, Hanyang
University’s Asia-Pacific Research Center
(APRC), (Seoul, South Korea)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian
Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Издатель:Институт социально-политических
исследований (Казахстан)**Главный редактор:**Кожирова Светлана,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**Тукаева Дарига,
магистр государственного управления**Технический редактор:**

Руднева Евгения, бакалавр социологии

Дизайнер:

Максурина Гульмира

Корректор:

Мухтарова Сандугаш

Перевод:Хайдарова Аида (анг.),
Колобаев Руслан (каз.)**Редакционная коллегия:**Калмыков Сергей,
кандидат философских наук
Садвакасова Айгуль,
доктор социологических наук
Пак Марина, магистр психологии
Ерданова Светлана, соискатель
Бекетаева Дамиля, бакалавр социологии
Еркебаева Гульден, бакалавр социологии
Ахметжанова Наиля, магистр агрономии
Мажитова Айнур, бакалавр социологии
Шалова Гульден, бакалавр социологии**Финансово-административный отдел:**

Дюсембекова Санимкуль

Журнал выходит 4 раза в год.

Адрес редакции:000001, Астана, Пр. Абая 86-30
Телефоны: 466 234, 457 002, 457 003
Электронная почта: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Подписано в печать 14 декабря 2009 года.

Формат 170x260 мм

Тираж: 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО "Жаркын Ко"

Подписной индекс: 74270

Журнал зарегистрирован Комитетом
информации и архивов Министерства
культуры и информации Республики
Казахстан. Свидетельство № 10291- Ж.Точка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.**СОДЕРЖАНИЕ***От редакции* 3*Вопросы теории и методологии***ОЛИВЬЕ ФЕРРАНДО** Государства Средней
Азии и их этнические меньшинства за рубежом:
от диаспоральной политики до программ для
репатриантов 12**ПОТЕМКИНА О.Ю.** Политика Европейского
Союза по борьбе с нелегальной иммиграцией и
торговлей людьми 27**ЧЕСНОКОВ А.С.** Национальная и международная
политика в сфере регулирования процессов
реэмиграции, репатриации и поддержания связей с
экспатриантами: роль культурного фактора 48*Восточная Европа***ПАВЕЛ ХАТ**
Переселение в Польшу после 1990 года 62**ЙОРДАН К. КОЛЕВ**
Болгары за пределами Болгарии 1878-1945 69*Западная Европа***ДУЛОТКЕЛЬДИЕВА А.**
Киргизские мигранты в Москве 80**ФРАНСИСКО ХИМЕНЕС БАУТИСТО**
Миграция в Испании: Андалузия и Гранада 94*Казахстан***ЕЛМЫРЗАЕВА Р.С.** Проблема международной
миграции и реализация принципов государственной
миграционной политики 108**СЫРОЕЖКИН К.Л.** Китайская миграция в
Казахстан: воображаемые и реальные угрозы и
вызовы 117*Россия***ДАЦЫШЕН В.Г.** Проблемы китайской миграции
в Сибири на современном этапе развития
России 128**ДЯТЛОВ В.И.** Трансграничные мигранты в
современной России: динамика формирования
стереотипов 140**КАДЫРБАЕВ А.Ш.** Исход народов русского
Туркестана после подавления восстания 1916 года и
его последствия на процессы миграции
в Центральной Азии в XX веке 154**ПОЛЕТАЕВ Д.В.** Учебная миграция из Казахстана
в Россию. Опыт исследования 161**ТАРАСОВ А.** Китайский труд в Забайкалье 178*Центральная Азия***АБАЗБЕК УУЛУ РАСУЛ, ЭРГЕШОВ З.**
Миграционные процессы в Кыргызской Республике:
вызовы и риски для страны 186**УЛЬМАСОВ Р., ХАСАНОВ М.М.** Внешняя
трудовая миграция из Таджикистана: социально-
экономические и политические последствия,
перспективы 191*Cross Study***РАКИШЕВА Б.И., ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛЫ,
СЕДА БИЛАН, КОЖИРОВА С.Б., МАЖИТОВА А.Б.**
Cross study: некоторые аспекты социально-
экономического положения казахской диаспоры
Стамбула и турецкой общины Астаны 198*Резюме статей* 205*Книжное обозрение* 212*Информация для авторов* 218

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Ракишева Ботагоз Ислямовна,

директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской Народной Ассоциации за Мир и Разоружение (СРАPD), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального Народного Конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии Социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Коркут Туна – декан Гуманитарного факультета Стамбульского университета, Президент Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, Профессор, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории Анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Грегори Глиссен – директор Программ исследований Национальной Безопасности Университета Нью-Мексико, профессор, доктор политических наук (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая сектором Информационно-аналитического отдела Мажилиса Парламента РК, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, профессор, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения, КазНУ им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Алексеевко Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Мауланы Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Анджей Вержбицкий – сотрудник Института Политических наук Варшавского Университета, кафедра Восточных (Постсоветских) исследований, кандидат гуманитарных наук (Варшава, Польша)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys /The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук, университета Ноттингем профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Бавна Деви – Председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт- профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Каюм Кесижи – профессор Института Людвиг Максимилиана, Председатель Федерации европейских культурных центров Западной Европы, доктор политических наук, профессор (Мюнхен, Германия)

Эм Гу-хо – профессор факультета международных исследований, Директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований (Сеул, Южная Корея)

Уяма Томохико – Профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

CENTRAL ASIAN STATES AND THEIR CO-ETHNIC MINORITIES ABROAD: FROM DIASPORIC POLICIES TO REPATRIATION PROGRAMMES

OLIVIER FERRANDO

Research Associate Paris Institute of Political Studies
(Institut d'Études Politiques de Paris) - «Sciences Po» (Paris, France)

In 1991, the collapse of the Soviet Union led to a real upheaval in international relations. On the one hand the external boundaries of the USSR became less hermetic and allowed the Soviet people to get out of their isolation and (re)discover a historical and territorial continuity beyond the Iron Curtain. This was the case particularly in Central Asia, where Kazakhs, Uzbeks, Turkmen, Kyrgyz and Tajiks had their own national republics within the Soviet Union, but constituted as well a sizable part of the population of neighbouring countries such as Iran, Afghanistan, China and Mongolia. The opening of external borders highly contributed to restore the relations between inner nations and their co-ethnic^[1] minorities abroad. On the other hand the break-up of the Soviet Union into fifteen independent states led to the internationalisation of their borders. Former internal administrative limits turned suddenly into international frontiers between newly sovereign states.

The stranding of millions of Russians outside their homeland has received significant scholarly attention^[2]. In Central Asia, the indigenous population experienced a less widely explored dispersal which was not the result of past migrations, as for the Russians, but the consequence of the artificial drawing of borders across settlements. The territorial division of Central Asia by the Soviet power led to the creation of five full-fledged national republics, but it could not avoid major mismatches between borders and populations. For as long as all Central Asians were Soviet citizens, residence was just an administrative issue. However when the republics gained independence, over five million Central Asians remained on the “wrong side” of the border. Rather than being part of their eponymous kin-state, they became kin-minorities “hosted” by neighbouring states across the border.

This chapter explores this intertwined population issue in Central Asia and particularly the triadic nexus between kin-states, their kin-minorities abroad and the host-states where they reside. Using the concept of diaspora as an analytical frame, I propose to analyse how Central Asian states develop diasporic politics that may lead or not to the implementation of repatriation programmes. This research focuses on the five post-Soviet Central Asian republics and is supported by existing literature, particularly Sally Cummings' and Alexander Diener's on Kazakhstan, as well as documents and official data from Statistical Committees and Migration Agencies. It is also grounded in comprehensive empirical research, carried out during several field visits to the region between 1999 and 2008, where interviews were conducted with state policy-makers, local authorities and ethnic community leaders.

[1] This neologism refers to people who share a common ethnic identity, whether this identity is officially recognized by the state (China, Mongolia, Afghanistan), or the expression of a personal belonging with no legal framework (Iran, Turkey)

[2] See, for instance, V. Shlapentokh, M. Sendich et E. Payin (dir.), *The new Russian diaspora: Russian minorities in the former Soviet republics*, Armonk, Sharpe, 1994, 221 p.; P. Kolstoe, *Russians in the former Soviet republics*, London, Hurst, 1995, 340 p.; G. Smith, “Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora”, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 22, n°3, 1999, pp. 500-523; N. Kosmarskaja, ‘*Deti imperii’ v postsovetsoj Central’noj Azii* (‘Children of empire’ in post-Soviet Central Asia), Moscow, Natalis, 2006, 596 p.; M. Laruelle (dir.), “Les Russes de l’*’tranger proche et la question de la ‘diaspora’* (Russians from the near abroad and the ‘diaspora’ question)”, *Revue d’Études Comparatives Est-Ouest*, vol. 39, n°1, 2008.

Background: the Formation of Kin-Minorities

The History of the Dispersal of Central Asian Nations

One of the most captivating features of Central Asia is undoubtedly its multiethnic population. This mosaic of peoples, cultures, religions and languages results from a rich history. Pre-colonial Central Asia was a borderless region stretching from western China to Persia and from Russia to British India. Its population was typical of oasis societies, where sedentary farmers, artisans and traders lived side by side with nomadic herders. In the XIXth century, the Russian conquest of Central Asia had two major consequences on local populations.

First, the establishment of interstate borders with China, Afghanistan and Iran created an artificial separation between those living under Russian rule and their fellow tribal, clan or even family members who were left stranded on the other side of the border. This was the case of numerous Turkic- and Persian-speaking communities in Afghanistan and Iran, as well as Kazakh and Kyrgyz clans in China and Mongolia. The extension of Russian rule to Central Asia^[3] and the period of civil war following the 1917 Bolshevik revolution caused the flight of many Central Asians through the border into neighbouring countries and even further to the Ottoman empire. The consolidation of Soviet power in Central Asia was a second force behind the dispersal of native peoples. From an economic perspective, Soviet rule aimed to modernize the traditional indigenous society through a large programme of industrialization and collectivization. For the nomads, this process was backed up with forced sedentarization with a brutal change in their way of life. Some two million people, totalling 42 % of the Kazakh population of that time, reportedly died in the early years of Soviet power. One third of the remaining Kazakhs fled abroad, mainly to China, Afghanistan, Iran, and Turkey^[4].

In administrative terms, the region's boundaries were determined during the national-territorial demarcation of 1924-1936. In accordance with communist rationality, five native peoples – the Kazakhs, Uzbeks, Kyrgyz, Turkmens, and Tajiks – were promoted to the rank of nationalities (ethnic groups in the Soviet terminology) and granted national republics. The Soviet federation was a political system in which ethnic affiliation was both reified and valorised: reified in that it was actively constructed by Soviet ethnographers, linguists, and historians; valorised in the sense that the promotion of these nationalities and the creation of republics along ethno-national lines privileged ethnicity and underscored ethnic identity as a focus of group solidarity^[5]. However the intertwined settlement of newly created Central Asian nations made the initial plan of having five ethnically homogeneous republics clearly unattainable. As a result, each Central Asian republic comprised a large part of the nationality it was named for, but also significant shares of the four other nationalities, besides a myriad of non-native groups. In 1989, out of 49 million inhabitants, 33,4 million belonged to one of the five Central Asian nationalities, the rest being descended from non-native families who settled in the region under the Russian and Soviet rules either voluntarily (most of the Slavs and Uralian Tatars) or by forced deportation during the Second World War (Germans, Koreans, Caucasians, Crimean Tatars, etc.) (see Annexe 1). Among Central Asians, 5,7 million – one in six – lived outside the administrative boundaries of their eponym republic within the USSR and more than 7,7 million in a state out of the Soviet borders (see Annex 2).

[3] For instance in 1916, the Russian government decreed the conscription of Central Asians with the clear objective of strengthening forces on the fronts of the First World War. This caused a major protest movement.

[4] S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", in C. King, N. J. Melvin (dir.), *Nations abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*, Oxford, Westview Press, 1999, p. 136.

[5] A. Haugen, *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. New York, Palgrave MacMillan, 2003, pp. 109-137.

*From Nationalities to Minorities status:
the New Central Asian Ethnic Homelands*

In Soviet Central Asia, all citizens used to enjoy the same Soviet citizenship and were consequently granted equal rights regardless of their nationality and their country of residence. In 1991 the Soviet republics became independent states and sought new national identities, that of the titular group they were named after. Dominant elites endeavoured to legitimate state sovereignty by promoting the characteristics of the titular group to the rank of state attributes – its language, cultural traditions, demographic position, history and literature. Each nation-state had a multiethnic population comprising a titular nation and hosting not less than a hundred other nationalities which did not share its state attributes and were therefore reduced to the status of ethnic minorities. This geopolitical upheaval challenged the population of the region to reformulate basic notions of “home” and “abroad”. As a result, each state had to develop new political relations primarily with its inner multiethnic population, but also with neighbouring states which were hosting co-ethnic minorities.

These co-ethnic minorities experience a double affiliation: they enjoy the citizenship of their host-state, but at the same time they share common attributes with their eponymous kin-state, that I will call the “ethnic homeland”^[6]. Therefore my understanding of the diasporic fact in Central Asia does not aim to designate in a static way kin-minorities cut off from their ethnic homeland. It rather qualifies the dynamic interaction between a state, its kin-minorities abroad and the host-states where these minorities reside. The diasporic fact arises from an active triadic nexus between firstly the ethnic homeland in the way it engages in the construction of diasporic policies towards its co-ethnics abroad (a top-down process), secondly the kin-minority abroad in how it influences state policies (a bottom-up process) and finally the host-state in the way it allows or limits the expression of diasporic identities within its citizenry. This triadic nexus actually frames the development or not of diasporic politics, repatriation programmes and eventual migration flows.

A Diasporic Rhetoric toward Co-Ethnics Abroad

In their attempt to define the nation, all five Central Asian states encouraged a diasporic narrative encompassing all co-ethnics irrespective of their country of residence. Through this appeal to their kin-minorities abroad, the states made the choice of an ethnic definition of their national identity. But at the same time they paid special attention to maintain the cohesion of their own multiethnic society. Therefore each state coupled its diasporic discourse towards co-ethnics abroad with a rhetoric of tolerance and cultural diversity which was intended primarily for their internal population in order to promote a shared sense of civic belonging to the nation within its territorial borders and regardless of the ethnic identity of its citizens.

Tajikistan provides a revealing illustration of such diasporic rhetoric. The creation of the Tajik Soviet socialist republic (Tajik SSR) in 1929 was a turning point in the history of Persian-speaking Central Asians, classified as Tajiks by the Soviet ethnographers. From then on Tajikistan constituted the only tangible homeland for all Tajiks of the USSR and as such became the proper locus of a Tajik national identity. Even though a large part of the Tajik population and most Persian historical cities lay outside the Tajik SSR, the very existence of this

[6] This expression is borrowed from Rogers Brubaker. The kin-state should be understood as a putative homeland, not in historic terms, since many co-ethnics abroad have no genealogical link with their eponymous state, but in ethnic terms in the sense that it embodies the identity features of an ethnic group and offers a privileged ethnic affiliation to its members, both the inner titular group and kin-minorities abroad. R. Brubaker, “Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account”, *Theory and Society*, vol. 23, n°1, 1994, pp. 47-78.

political entity shifted the centre of Tajik national consciousness to a new kin-state and a new capital – Dushanbe^[7]. After independence Tajik nationalists faced a paradoxical situation. On the one hand they presented Tajikistan as a modern state with internationally recognized borders. But on the other hand they were in search of a new legitimacy and traced a direct genealogy between independent Tajikistan and the emirate of the Samanids, known as the first and last Persian dynasty which ever ruled Central Asia, in the Xth century, and now considered as the first historical Tajik state. According to the official line, Tajikistan is the only repository of a historical region stretching beyond its current borders and whose dynastic shrine lies in Bukhara, in present-day Uzbekistan. Such a discourse can be qualified as diasporic, in that it promotes a Tajik identity rooted in a mythicized national history transcending the state boundaries and seeking to encompass all Central Asia's Tajik communities. However this diasporic rhetoric was articulated primarily with a domestic objective: to strengthen the national consciousness of inner Tajiks. It did not find expression in actual foreign policy toward countries hosting Tajik kin-minorities abroad.

In Kazakhstan, the discourse toward co-ethnics abroad arose under Gorbachev's perestroika, when ethnic associations denounced the state-led russification of the Kazakhs and the threat that this represented to Kazakh national identity. They placed their demands for ethnic regeneration on the political agenda and regarded co-ethnics from outside the USSR as a powerful weapon in its armoury, since Kazakh communities abroad had been spared the experience of cultural assimilation and managed to preserve their knowledge of both written and spoken Kazakh. From 1991 independent Kazakh authorities developed a diasporic rhetoric toward these distant Kazakhs who were viewed as living repositories of Kazakh national traditions and whose repatriation would help inculcate traditions long lost by Soviet Kazakhs in the homeland^[8].

The first degree of institutionalization of diaspora politics: worldwide pan-ethnic congresses

Beside diasporic rhetoric toward their kin-minorities abroad, Central Asian states quickly developed a more structured approach. The first degree of institutionalization of diaspora politics was the creation in the early 1990s of pan-ethnic congresses which were intended to embrace all co-ethnics residing outside their ethnic homeland and to promote cross-border links between kin-states and their kin-minorities abroad. Such gatherings were made possible because of the running of kin-minorities associations in their various countries of residence. Most of them were set up during perestroika in the former Soviet republics and to some extent outside the USSR (China, Mongolia, Iran, Afghanistan, Turkey). The very existence of worldwide pan-ethnic congresses endorsed the central role of the ethnic homeland and acknowledged its symbolic function of cross-border guardian of all co-ethnic minorities abroad.

In 1991 Uzbekistan called its first kurultai^[9] and created the World Association of Uzbeks in Tashkent to encourage experiences of language and cultural exchange. Representatives of Uzbek communities from the Middle East, Afghanistan, China, and from the four Central Asian republics met with Uzbeks coming from Russia, Ukraine, and several western countries. A US citizen of Uzbek origin was then elected president of the association. The same year Turkmenistan gathered its kin-minorities at its first World Congress of Turkmens and president Saparmurat Niazov was appointed himself general

[7] A. Haugen, *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*, op. cit., pp. 159-164.

[8] S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", op. cit., p. 140.

[9] This word of Turko-Mongolian origin means a traditional gathering of tribal leaders in nomadic societies. Central Asian states use it to designate various types of political gatherings, including pan-ethnic meetings.

secretary of the Congress. In 1992, the first World Congress of Kazakhs was organized with government sponsorship in Almaty to regroup Kazakhs from around the world. Kyrgyzstan followed this initiative and organized its World Congress of Kyrgyz in Bishkek. Apart from Uzbekistan which stopped the activities of its association at the second congress in 1993^[10], pan-ethnic gatherings were repeated periodically. The 11th congress of Turkmens took place in October 2008^[11], while Kazakhstan and Kyrgyzstan organized their 3rd congress respectively in 2005 and 2008.

In Tajikistan the planning of such gatherings was delayed by the civil war. All Tajik communities met for the first time in September 1994 in Dushanbe at the so-called first World Congress of Tajiks and Persian Speakers (WCTPS). The Tajik initiative seems to differ from the other Central Asian congresses in three respects. Firstly, in terms of structure, all the gatherings were clearly promoted with a top-down approach, but the WCTPS is the only Central Asian pan-ethnic congress to have a permanent executive committee sponsored by the state, and to publish a yearly magazine – *Pajvand* (Liaison) – in the Tajik and Persian languages. This organizational frame helps both to maintain closed links between its members across the kin-state borders and to keep a regular schedule, with Congresses taking place every other year^[12]. Second, the late creation of the WCTPS in comparison to the other Central Asian congresses led to major discrepancies between the WCTPS objective and the mandate of its member associations. In Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan, each pan-ethnic organization developed at the same time as kin-minorities associations in the neighbouring host-states and could therefore formulate common objectives. In Tajikistan, however, the WCTPS gathered in 1994 ethnic associations that have run for several years and were initially founded according to their host-state agenda. This put the Tajik associations in an awkward position since they had to manage their primary task of representing and promoting the rights of their community within their host-state, and at the same time play a role in the diaspora politics of their kin-state. Last but not least, the name of the congress can lead to confusion in the sense that its identity is defined in terms of both ethnicity (Tajiks) and language (Persian speakers), the latter being much wider and blurring the ethnic border between the Tajiks, the Afghans and the Iranians. Therefore the WCTPS comprises leaders of Tajik minorities' associations from Central Asia and other former Soviet republics, as well as representatives of Persian-speaking communities from Iran, Afghanistan, India, and western countries such as the USA, Canada, France and Germany. Interestingly these latter members are not leading an ethnic association, nor representing Tajiks from abroad. They rather play the emblematic role of delegates of the WCTPS abroad. In most cases they are not of Tajik but of Iranian origin^[13].

Co-ethnic minorities abroad in the heart of inter-state negotiations

Despite their symbolic existence, worldwide pan-ethnic gatherings have a limited capacity and can actually hardly carry out diaspora politics toward

[10] At this second and last congress, the representatives of the Uzbek minorities of neighbouring Central Asian states refused the project of the Uzbek government to switch from the Cyrillic to the Latin alphabet. They feared that such a reform would create a language barrier between latinized Uzbekistan and its Uzbek minorities who were fully depending on their host-state language policy and had no other choice but to keep using the Cyrillic script. The Uzbek government turned down these critics and requested Uzbek representatives from abroad "not to interfere in the state domestic affairs" (reported by N. Fahriddinov, founding member of the Uzbeks' association of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, September 11, 2008).

[11] Ferghana.ru, « V A habade pro el forum gumanitarnej asociacii turkmen mira (In Ashkhabad took place the forum of the world association of Turkmens) », Central Asia news, October 25, 2008 <<http://www.ferghana.ru/news.php?id=10496>> [accessed June 28, 2009].

[12] The last congress took place in August 2008 on the occasion of the 1150th birth anniversary of the poet Rudaki, considered to be the father of the Persian literature in Samanids times.

[13] Interview with Masud Mirshahi, WCTPS delegate in France, Paris, France, March 17, 2009.

kin-minorities abroad. Since in Central Asia kin-states and kin-minorities are frequently contiguous, host-states maintain strong control over all ranges of cross-border activities. For this reason, any state programme overtly supporting co-ethnics abroad needs a prior negotiation with the host-state. It often takes the form of bilateral agreements.

Securing education in the mother tongue

In Soviet times, all children had the right to “an education in [their] mother tongue”^[14]. The school system was managed through a double chain of command that was based on the territory and the language of education. For instance an Uzbek-language school in Tajikistan was under the administrative supervision of the ministry of Education (MoE) of the Tajik SSR, but at the same time the school was supplied with Uzbek-language textbooks and pedagogical material from the MoE of their kin-Uzbek SSR. However this integrated regional system did not outlast the collapse of the USSR. Each independent state endeavours to manage on its own this Soviet legacy of multilingual schooling – 7 education languages in Uzbekistan, 6 in Tajikistan, 5 in Kazakhstan, 4 in Kyrgyzstan and Turkmenistan^[15].

In post-Soviet Central Asia, there are very few examples of interstate cooperation in the sector of education. Education plays a key role in the process of state-building, in particular by inculcating the new national ideology to young generations. Tajikistan and Kyrgyzstan agreed however to go beyond their mere domestic concerns and address the education needs of their respective kin-minority in bilateral terms. Kyrgyzstan’s Tajiks represent 0.9 % of the country’s population (i.e. 42,636 people in 1999^[16]), enjoy Tajik-language schools and have founded in 1992 an ethnic association to defend their rights. Similarly Tajikistan’s Kyrgyz amount to 1.1 % of the country’s population (i.e. 65,515 people in 2000^[17]), enjoy Kyrgyz-language schools and have launched in 1995 a Society of Tajikistan’s Kyrgyz with the same objective of protecting their cultural specificities. As these minority-language schools were isolated from their kin-state and from the support of their kin-MoE, the leaders of the two associations joined forces to support their children. On the one hand they endeavoured to make their ethnic homeland aware of the issue of education, in particular at the worldwide pan-ethnic congresses that they were attending. On the other hand they kept claiming to their host-state the right to be educated in their mother tongue^[18]. The two MoEs agreed to open bilateral negotiations and signed in 2001 a win-win inter-governmental agreement consisting in the mutual provision of materials and services. The agreement was a mere restoring of the former double chain of command. Both minority-language schools remained under the administrative and financial supervision of their host-state’s MoE, but they depended on the MoE of their ethnic homeland to order textbooks, train teachers, and provide further education for students in their mother tongue. It appears clear that both the active mobilization of kin-minorities and the willingness of state authorities led to the actual materialization of an interstate agreement and made therefore effective the expression of diaspora politics.

[14] Article 45 of the 1977 Soviet Constitution.

[15] J.M. Landau, B. Kellner-Heinkele, *Politics of language in the ex-Soviet Muslim states*, London, Hurst, 2001, pp. 166-203.

[16] *Naselenie Kyrgyzstana. Itogi pervoj nacional’noj perepisi naselenija Kyrgyzskoj Respubliki 1999 goda v tablicah* (Population of Kyrgyzstan. Results of the first national population census of the Kyrgyz republic of 1999 in tables), Publication II (1), Bishkek, National Committee of Statistics, 2000, p. 70.

[17] *The Population of the Republic of Tajikistan 2000*, Dushanbe, State Committee on Statistics, 2002, p. 155.

[18] Interview with A. Raim anov, head of the Association of Kyrgyzstan’s Tajiks, Bishkek, Kyrgyzstan, May 4, 2007, and with Z. Davlatlieva, head of the Society of Tajikistan’s Kyrgyz, Dushanbe, Tajikistan, November 15, 2006.

Securing freedom of movement

Due to the artificial delimitation of Central Asia, most families living in bordering areas had relatives in the neighbouring republic. After independences, administrative boundaries suddenly became international frontiers. In 1992, however, the Central Asian states signed in Bishkek a regional agreement guaranteeing their citizens free movement within the Commonwealth of Independent States (CIS). All inhabitants of Central Asia could then continue to move unrestrainedly across their interstate borders. But in 1999, following a series of bombings in Tashkent, officially ascribed to transnational Islamic movements, Uzbekistan decided to take control of its borders. It denounced the Bishkek agreement and introduced a very strict visa regime to its neighbours. From then on, citizens of Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan and Kyrgyzstan – including 2.5 million of ethnic Uzbeks living beyond the border – could not enter their ethnic homeland and visit their relatives without a visa. In return, neighbouring countries imposed more or less successfully a converse visa regime to Uzbekistan. Consequently their co-ethnics living in Uzbekistan were cut off. The administrative and financial burden dramatically affected the relationship between kin-states and their kin-minorities. Since the Uzbek authorities kept refusing regional agreements, each country undertook bilateral negotiations with Uzbekistan in order to cancel the visa regime and restore freedom of movement to their kin-minorities.

In 2002, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed a mutual agreement providing all citizens with a free 3-day transit. In addition residents of bordering districts were authorized to stay for up to 60 days in the neighbouring state, but in an area not exceeding 40 kilometres from the border. This latter provision was obviously intended for Kyrgyzstan's Uzbek minority (664,950 people in 1999^[19]) and Uzbekistan's Kyrgyz minority (estimated to 370,000 people in 2005^[20]) who were both living in compact areas beyond the border of their respective kin-state and were definitely harmed by the visa regime. In 2006, further bilateral negotiations extended the free 60-day stay to all citizens and removed the 40-kilometre limitation^[21]. The freedom of movement of all citizens of Uzbekistan and Kyrgyzstan was eventually restored between the two countries.

Securing dual citizenship

Dual citizenship is a central tool of diaspora politics in that it establishes formal relations between a state, its kin-minority abroad, and the host-state. The recognition of dual citizenship allows minority members on the one hand to keep the citizenship of their host-state and carry out their rights and duties there, and on the other hand to have the possibility to adopt the citizenship of their kin-state as a symbolic attachment to their putative ethnic homeland^[22]. In Soviet times, all Central Asians enjoyed the same Soviet citizenship irrespective of their ethnicity or place of residence. After becoming independent, each state introduced a new citizenship that applied to all former Soviet citizens residing within the border of the state. Central Asian governments immediately denied dual citizenship because they feared that the multiethnic nature of the population would lead to a weak civic awareness among minorities and therefore erode the very legitimacy of the state. Concretely any person willing to get the citizenship of its kin-state should first abandon the citizenship of its host-state.

[19] Naselenie Kyrgyzstana, op. cit., p. 70

[20] As there are no official up-dated statistics on the ethnic composition of Uzbekistan, this figure comes from the report that Uzbekistan submitted to the United Nations Committee on the elimination of racial discrimination (CERD), Fifth Periodic Reports of State Parties due in 2004. Uzbekistan, CERD/C/463/Add.2, 2 september 2005, 36 p. <<http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/>>

[21] Ferghana.ru, "Visa-free regime accord for citizens of Kyrgyzstan and Uzbekistan comes into effect", Central Asia news, February 16, 2007 <<http://enews.ferghana.ru/article.php?id=1839>> [accessed March 2, 2009].

[22] A. C. Diener, "Kazakhstan's Kin-State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma", Europe Asia Studies, vol. 57, n°2, 2005, p. 347.

In accordance with this rule, the first Kyrgyz constitution of 1993 clearly banned dual citizenship^[23] and the presidential decree on ‘Measures to regulate citizenship in Kyrgyzstan’ from 1995 stipulated the need for any applicant to Kyrgyz citizenship to provide a certificate of relinquishment of his/her past citizenship. These legal provisions made it difficult for Kyrgyz co-ethnics abroad to move to Kyrgyzstan and become Kyrgyz citizens. In order then to facilitate the shifting of citizenship, the Kyrgyz government decided to add to the general framework exceptional arrangements to be applied on a case by case basis through bilateral negotiations. A first case concerned Kyrgyz refugees from Tajikistan. The Tajik civil war (1992-1997) caused the displacement of civilians within Tajikistan and to neighbouring countries^[24]. Among the 16,700 people who found refuge in Kyrgyzstan, most of them were actually ethnic Kyrgyz who were back in their region of origin^[25]. Following the ratification by the Kyrgyz government of the Geneva Convention relating to the status of refugees in 1996, these exiles were granted the status of refugees and could enjoy assistance programmes under the supervision of the High Commissioner for Refugees (HCR) to settle in their homeland and get Kyrgyz citizenship. However Kyrgyz migrants moving to Kyrgyzstan from other countries or from Tajikistan after the civil war were not concerned by this status. They had no choice but to conform with the legal framework and provide a certificate of their abandoned citizenship. But the authorities of their country of origin were reluctant to provide them with such documents. The increasing number of ethnic Kyrgyz who were left stranded without citizenship urged the Kyrgyz government to enter into bilateral negotiations with neighbouring countries from where these migrants were moving. A first interstate agreement was signed with Tajikistan in May 2004 to simplify the procedure for relinquishing citizenship. Since then, 14,540 Kyrgyz who moved from Tajikistan after 1997 and were therefore not eligible for the status of refugees were reportedly granted Kyrgyz citizenship in a simplified procedure^[26].

Kyrgyzstan developed a similar approach toward Uzbekistan in 2005 in order to regularize some 2,000 ethnic Kyrgyz families who have arrived from Uzbekistan since independence^[27]. However the Uzbek ministry of the Interior has refused so far to take any action. The lack of bilateral agreement made it impossible for ethnic Kyrgyz from Uzbekistan to abandon their Uzbek citizenship. The pressure of public opinion encouraged Kyrgyzstan to amend unilaterally its provision on dual citizenship. The constitutional reform of December 30, 2006, adopted by referendum on October 24, 2007, simply removed the banning of dual citizenship and introduced a new clause for Kyrgyz co-ethnics abroad: “Kyrgyz residing abroad have the right to get the citizenship of the Kyrgyz republic with a simplified procedure, regardless of the existence of another state’s citizenship”^[28]. For the time being Kyrgyzstan is the only Central Asian state to recognize dual citizenship and to provide constitutional guarantees to foreign citizens on an exclusive ethnic basis. By doing so the Kyrgyz government overtly proclaimed its diaspora politics toward co-ethnics abroad, in

[23] Article 13 (2): “Citizens of the Kyrgyz republic shall not be recognized as citizens of other states”

[24] The fighting led to the displacement of more than a million people – one in five inhabitants. Beside 700,000 internally displaced persons and the exile of 200,000 ethnic Russians and other Slavs, the United Nations High Commissioner for Refugees (HCR) registered in 1996 30,000 refugees from Tajikistan in Uzbekistan, 20,000 in Turkmenistan, 18,900 in Afghanistan, 16,700 in Kyrgyzstan and 6,000 in Kazakhstan. US Committee for Refugees, “World Refugee survey 1997 – Tajikistan”, in HCR Refworld 2006, 15th edition, Geneva, 2006.

[25] Ethnic Kyrgyz who fled the Tajik civil war were actually often not originating from Tajikistan. The virgin lands of southern Tajikistan were brought under cultivation in the XXth century after the development of irrigation and the settlement of thousands of families from all around Central Asia and the Soviet Union: Tajiks of course, but also Uzbeks, Turkmens, Kyrgyz, and Kazakhs, as well as Russians, Ukrainians and Tatars among many other ethnic groups. Kyrgyz moved down from the Dara mountainous area in southern Kyrgyzstan. Their exile from Tajikistan took then the form of a return to the land of their ancestors. O. Ferrando, “D placements de populations et identités dans la vallée de Ferghana: les limites du paradigme ethnique (Movements of population and identities in the Ferghana valley: the limits of the ethnic paradigm)”, Cahiers d’Asie Centrale, n°19-20, Brussels, Complexes-IFÉAC, 2009, to be published.

[26] Kginfo.ru, “Okolo 14 tysjač etničeskikh kyrgyzov iz Tadžikistana polučili kyrgyzskoe građanstvo (About 14,000 ethnic Kyrgyz from Tajikistan acquired Kyrgyz citizenship)”, April 8, 2009 <<http://kginfo.ru/diasporas/tj/news/>> [accessed June 28, 2009].

[27] As reported by the State Committee on Migrations of Kyrgyzstan, CA-news, “V Kyrgyzstane 257 semej etničeskikh kyrgyzov iz Uzbekistana polučili kyrgyzskoe građanstvo (In Kyrgyzstan 257 Kyrgyz families from Uzbekistan got Kyrgyz citizenship)”, June 5, 2008 <<http://www.ca-news.org/news/28497>> [accessed June 6, 2008].

[28] Article 20 (4) of the amended constitution, available on the Internet portal of the Kyrgyz government <http://eng.gov.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=47> [accessed June 24, 2009].TM

particular the Kyrgyz minority living in Uzbekistan, but also probably the recent, albeit large, community of Kyrgyz migrant workers in Russia.

Repatriation Policies and Special Status Granted to “Ethnic Repatriates”

The adoption and effective implementation of repatriation programmes is the logical outcome of the process of institutionalization of diaspora politics. Such programmes postulate that an ethnic group can only flourish within the boundaries of its ethnic homeland, that is, a state where it constitutes the titular group. They are a prime example of the existing tension between two distinct conceptions of the nation – either ethnic or civic. In domestic terms Central Asian states promote the image of a tolerant multiethnic society, where all citizens have the same rights irrespective of their ethnic affiliation. This civic conception of the nation finds institutional expression in the People’s Assembly (Assambleja naroda) in Kazakhstan and Kyrgyzstan, or the Civic Council (Ob čestvennyj sovet) in Tajikistan. These advisory bodies were initiated by each state as a forum for ethnic minorities and the civil society. They consider all ethnic groups as constituents of the nation and offer them the opportunity to enter into dialogue with state authorities and assert their rights. Besides promoting internally common civic values, Central Asian states also developed an ethnic conception of the nation through diasporic rhetoric and pan-ethnic gatherings of their kin-minorities abroad. Repatriation programmes conceived on an exclusive ethnic basis partakes of this essentialist approach.

To date two countries, namely Kazakhstan and Kyrgyzstan, have developed active repatriation policies. In both cases, the interest in co-ethnics abroad was actually couched in terms of two interlinked domestic policy imperatives. First the authorities sought to legitimise the territorial boundaries of the new state and overcome the disadvantageous demographic position of the titular nation. Unsurprisingly the two states which made the choice of an overt repatriation policy were precisely those having the less favourable ethnic structure. In 1989, Kazakhs represented 39.7 % of Kazakhstan’s total population^[29]. The government invited Kazakhs from abroad to move to their ethnic homeland with the clear objective of increasing the proportion of the titular Kazakh group. In addition, repatriates were sent primarily to those regions where Kazakhs were the less numerous, in northern provinces dominated by Russians, and southern ones with compact Uyghur and Uzbek settlements^[30]. In Kazakhstan this relocation actually dovetailed with a separate policy of internal migration, initiated in 1992 and designed to encourage ethnic Kazakhs already residing within the republic to move to regions dominated by non-Kazakhs^[31]. In Kyrgyzstan the titular group enjoyed a small absolute majority (52.4 % in 1989) but was seriously challenged in the northern province of Chuy (38.2 % of Kyrgyz vs. 35.5 % of Russians), in the capital Bishkek (55.7 % of Russians vs. a limited 22.9 % of Kyrgyz) and in several southern districts, where the Uzbeks dominated^[32]. Co-ethnic Kyrgyz moving from abroad were directed in priority to these areas to counterbalance ethnic statistics.

The second domestic imperative of repatriation was historical. Kazakhs and Kyrgyz are descended from nomadic tribes which were dramatically affected

[29] Comparatively Tajiks amounted to 62.3 % of their eponymous state, Uzbeks 71.4 %, and Turkmens 72 %. Nacional’nyj sostav naselenija SSSR po dannym vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g. (Ethnic structure of the population of the USSR according to the results of the 1989 Soviet population census), Moscow, Goskomstat SSSR, 1991, pp. 92, 102, 130 and 136, electronic version at <http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php> [accessed March 3, 2009].

[30] D. Arel, “D mographie et Politique dans les Premiers Recensements Post-Sovi tiques: M fiance envers l’État, Identit s en Question (Demographics and politics in the first post-Soviet censuses: Mistrust toward the state, Identities at stake)”, Population-F, vol. 57, n°6, 2002, pp. 805-806.

[31] S. Cummings, “The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and ‘Return’”, op. cit., pp. 140-143.

[32] Nacional’nyj sostav naselenija SSSR po dannym vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g., op. cit., p. 126.

by the Russian colonization and the further politics of modernization forcibly implemented by the Soviet regime. The eradication of traditional societies caused the death or exile of the majority of Central Asian nomads. In 1991 both Kazakhstan and Kyrgyzstan could address the legacies of the past in an official rewriting of national history, where the independent state was portrayed as the culmination of a traumatic history of dispersion and struggle. The restoring of relations with kin-minorities abroad drew on this re-examination of the past. Repatriation was then perceived as the imperious duty of a kin-state toward its co-ethnic exiles.

Who are the recipients of repatriation policies?

Due to the multiethnic nature of Kazakhstan's and Kyrgyzstan's societies, the development of repatriation policies raises the question of who can be subject to the state assistance. Repatriates could be defined either ethnically, as ethnic Kazakhs or ethnic Kyrgyz respectively, or on a territorial basis and would therefore comprise all groups considering Kazakhstan or Kyrgyzstan to be their homeland, regardless of ethnicity. This would apply to the Uzbek and Uyghur communities, for instance who were living on the territory of present-day Kazakhstan and Kyrgyzstan in pre-colonial times, but were incorporated into these Soviet republics during the ethno-territorial division of Central Asia. In other words, a territorial definition of the repatriate would consider autochthony as the prime criterion to claim a right to repatriation^[33]. However Kazakhstan and Kyrgyzstan failed to capture the multiethnic essence of their indigenous population. In November 1992 at the opening of the First World Congress of Kazakhs, president Nazarbaev appealed to "all Kazakhs to unite under a single flag on the soil of Kazakhstan"^[34]. The following year a first repatriation programme was signed with the Iranian government and concerned only Kazakh co-ethnics from Iran^[35]. In Kyrgyzstan, the legislation defined repatriates as "ethnic Kyrgyz returning to their historical homeland (*vozvra čaju čiesja na istoričeskiju rodinu*)"^[36]. Authorities targeted only ethnic Kyrgyz who were residing abroad because of their ancestors' resettlement. Such a definition clearly ignored the fact that many Kyrgyz who were living abroad, particularly in Afghanistan and China, had actually no ancestry from the territory of modern Kyrgyzstan. The concept of 'return' to the historic homeland was therefore purely mythical.

Besides this issue of defining repatriates, their treatment was not equal and highly dependent on the relationship between their kin-state and their country of residence. Repatriation programmes developed by Kazakhstan were actually targeting only co-ethnic Kazakhs from outside the former Soviet territory (Mongolia, Turkey, Afghanistan, Iran). They did not concern Kazakh minorities from other Central Asian states, nor from Russia or China, although they were the largest ones. This reluctance to claim overtly the repatriation of co-ethnics living in neighbouring countries can be explained by the intertwined ethnic composition of Central Asia. The Kazakh government was well aware

[33] Debates that took place in Russia in the early 1990s about the definition of the Russian diaspora, and the related right to repatriation, give an interesting perspective on this issue. Different conceptions were conflicting: many nationalists supported a narrow ethnic definition of the 'Russian diaspora' (*russkaja diaspora*); others preferred the linguistic criteria of 'Russian-speakers' (*russkojazyčnye*), the oxymoron 'ethnic citizens of Russia' (*etničeskie rossijane*), or the term 'compatriots' (*sootečestvenniki*). On December 9, 1995, a declaration was passed in support of the Russian diaspora and the Russian compatriots, with the following definition: "the Russian [*rossijskij*] diaspora consists of all those who (1) have "issued from [*vyhodec*] the Russian empire, Russia, the RSFSR, and the Soviet Union, and their direct descendants irrespective of their national or ethnic affiliation, their occupation, place of residence, or citizenship, and (2) recognize a spiritual or cultural-ethnic link with the Russian Federation or any of its subject territories". The Duma clearly opted for a territorial definition of its diaspora and considered that the diaspora consisted of ethnic Russians, as well as Chechens, Tatars, or any other ethnic group recognizing Russia as its homeland. N. J. Melvin, "The Russians: Diaspora and the End of Empire", in C. King, N. J. Melvin (dir.), *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*, op. cit., pp. 27-57.

[34] A. C. Diener, "Kazakhstan's Kin-State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma", op. cit., p. 339

[35] Presidential decree n°1184 on 'Immigration quotas and the organization of immigration of co-ethnics from Iran and other states', April 15, 1993. S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", op. cit., p. 142.

[36] Presidential decree on the 'Support to ethnic Kyrgyz returning to their homeland', August 29, 2001.

that the extension of diaspora politics at the edge of Uzbekistan, where nearly one million Kazakhs live, would have been perceived as an interference in Uzbekistan's internal affairs and would probably encourage Tashkent to take a more active stance on co-ethnic Uzbeks from Kazakhstan (400,000 people) in return. Similarly Uzbekistan hosts the largest Kyrgyz minority but Kyrgyzstan never designed an overt repatriation policy toward this minority, for fear that Uzbekistan would mobilize the 750,000 ethnic Uzbeks from Kyrgyzstan who represent the country's largest minority (14.3 % in 2006^[37]). Regarding China and Russia which were hosting in 1989 sizeable Kazakh (respectively 1,110,758 and 635,865 people) and Kyrgyz communities (143,737 and 41,734), neither Kazakhstan nor Kyrgyzstan seems ready to sacrifice their strategic partnership with these two powerful neighbours. Economic and political concerns – in other words *realpolitik* – shadow the interest that Kazakhstan and Kyrgyzstan may develop towards their kin-minorities in both countries.

The content of repatriation policies

Repatriation policies developed progressively in both countries. In Kazakhstan the first provisions for repatriation were formulated in bilateral agreements with Iran (1992) and Mongolia (1994). In 1995, president Nazarbaev launched a programme to fix annual quotas of repatriates and support them to resettle in Kazakhstan. However this first decree had no budget and very limited legal provisions^[38]. In the period 1991-2000, there were reportedly 180,000 Kazakh repatriates, mostly originating from Mongolia^[39]. Due to the inconsistency of the national legislation and the general confusion in which repatriates were managed, the Kazakh parliament adopted in 1997 the law on the 'Migration of population' which introduced the legal status of Oralman (repatriate in Kazakh language) and provided a clearer legal framework to implement repatriation policies. The law defines the Oralman on exclusive ethnic grounds as "any foreigner or stateless person with Kazakh ethnicity who resided outside the boundaries of Kazakhstan on the day of independence and entered Kazakhstan in order to settle on a permanent basis"^[40].

The law distributes tasks and duties to various law enforcement institutions as follows: the ministry of Labour and Social Protection coordinates the repatriation process by organizing quotas, managing the state repatriation fund, supervising housing, employment and training programmes; the ministry for Foreign Affairs oversees departure procedures from the host-states; the ministry of Transport and Communications provides logistical support, for instance free flights on the state airline company; the Customs committee ensures smooth passage to the repatriates and their properties (belongings, livestock); and the ministry of Interior is in charge of processing residency and citizenship documents^[41]. The Kazakh legislation provides therefore the Oralman with a large range of services to support the repatriation process, from their residence of origin to their final place of destination in Kazakhstan.

Unlike its neighbour, Kyrgyzstan took a longer time to develop a comprehensive legal framework to manage its repatriates. While the Kyrgyz exiles from Tajikistan were protected by the international legislation

[37] Demografičeskij e egodnik Kyrgyzskoj Respubliki 2001-2005 gg. (Demographic bulletin of the Kyrgyz republic 2001-2005), Bishkek, National Committee of Statistics, 2006, p. 102.

[38] Presidential decree n°2366 of July 18, 1995 on the 'Implementation of presidential directives on repatriation'.

[39] A. C. Diener, "Kazakhstan's Kin-State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma", op. cit., p. 339.

[40] Article 1(11) of the law on the 'Migration of population', adopted on December 13, 1997. The text is available in Russian on the Web site of the Kazakh mission to the International Organization for Migration <http://www.iom.kz/index.php?lang=rus&podmenu_id=4&menu_id=3> [accessed March 2, 2009].

[41] S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", op. cit., p. 142-143.

on refugees and supported by the HCR, Kyrgyz migrants arriving from Tajikistan after the civil war or originating from other countries did not enjoy such benefits. The 2001 presidential decree on the ‘Support to ethnic Kyrgyz returning to their homeland’ was a first step towards an official recognition of repatriates, but with no legal status. In 2007, the media reported that 22,800 ethnic Kyrgyz arrived from Uzbekistan were facing difficulties to get Kyrgyz citizenship^[42]. Urged by the public opinion, the Kyrgyz government finally addressed this gap in the law and developed a legal framework based on the Oralman model. The law on ‘State guarantees to ethnic Kyrgyz returning to their historical homeland’ was adopted in October 2007 and introduced the status of Kajrylman (repatriate in Kyrgyz language) granted to all “ethnic Kyrgyz migrants (pereselencev-etničeskikh kyrgyzov) and stateless people of Kyrgyz ethnicity”. This status provided all Kajrylman with the rights to temporary shelter, free medical care, access to real estate, and Kyrgyz citizenship. The law was accompanied with a programme fixing the tasks of the state for the period 2006-2008. It consisted in completing the existing legislation on migration, fixing annual quotas of Kajrylman, and conducting information campaigns toward Kyrgyz communities abroad to explain the legal conditions they were eligible to^[43].

Limits and shortcomings of repatriation policies

Despite the kin-state’s willingness to attract co-ethnics from abroad and the development of legal and institutional frameworks to implement repatriation programmes, diaspora politics of Kazakhstan and Kyrgyzstan remained largely ineffective. The overall figures prove to be limited in comparison to the repatriation potential. Out of an estimated population of 3,1 million Kazakhs living outside their kin-state, only 430,000 co-ethnics (14 %) actually moved to Kazakhstan in 1991-2005^[44]. As for Kyrgyzstan, out of a potential of 500,000 co-ethnics abroad, less than 50,000 people (11 %) would have joined Kyrgyzstan in the same period, including 16,000 Kyrgyz exiles from Tajikistan. This shortcoming can easily be explained by the fact that both kin-states decided not to extend their diaspora politics to China, Russia and Uzbekistan which were hosting large co-ethnic communities. The Kazakh government has however launched the new programme Nurlı Ko (blessed migration in Kazakh) since January 1, 2009, with an ambitious budget of \$1.3 billion to accelerate and expand inward migration. The programme increases the annual quota of Oralman by one-third to 20,000 families over the three year program, and offers a large range of subsidised services to those who settle in target areas where Kazakhs are in minority^[45].

A second shortcoming is the lack of equity in the treatment of co-ethnic migrants. Those entering the country in the limit of annual quotas are automatically granted the status of Oralman in Kazakhstan and Kajrylman in Kyrgyzstan, and benefit from various state services. Those entering their kin-state outside the quota system are not granted this status and cannot therefore enjoy the same rights. This differentiation is even more blatant in Kyrgyzstan between the Kyrgyz refugees from Tajikistan and the Kyrgyz migrants coming from other countries of the region, in particular from Uzbekistan. The former

[42] D. Verkhoturov, “Oralman i kajrylman (Oralman and Kajrylman)”, *Zakon.kz*, 2006, <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30074316>> [accessed March 3, 2009].

[43] Ferghana.ru, “Kyrgyzstan: Uzakoneny garantii etničeskim kirgizam, vozvra čaju čimsja na istoričeskiju rodinu (Kyrgyzstan: legal guarantees to ethnic Kyrgyz returning to their historical homeland)”, *Central Asia news*, November 28, 2007, <<http://www.ferghana.ru/news.php?id=7792>>; Internet portal of the Kyrgyz government <<http://www.gov.kg/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=2449>> [accessed March 2, 2009].

[44] A. C. Diener, “Kazakhstan’s Kin-State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma”, *op. cit.*, p. 339.

[45] EurasiaNet, “Kazakhstan: Astana lures ethnic Kazakh migrants with financial incentives”, *Eurasia Insight*, February 27, 2009 <<http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav022709.shtml>> [accessed June 25, 2009].

were provided with social programmes under the auspices of the international community (food distribution, allocation of land plots, building of houses, schools, health centres, agricultural programmes, etc.^[46]), while the latter had no assistance. In addition, due to the administrative burden inherited from the Soviet rule, most Oralman and Kajrylman did not benefit from the simplified procedures that the law granted them. A large number of repatriates were refused the access to real estate and the acquisition of their kin-state's citizenship^[47].

Last, despite an active rhetoric from the Kazakh government on the ethnic purity of distant Kazakhs, the so-expected regeneration of the Kazakh society proved to be simply utopian. The meeting of inner Kazakhs who were urbanized and largely russified^[48], with their fellow outsiders who spoke Kazakh and used to living in remote rural areas of Mongolia or Iran, led to mutual cultural misunderstanding. The locals (*mestnye*) regarded the repatriates as backward Kazakhs tied to anachronistic traditions, and referred to them as "those from abroad" (*iz-za rube a*)^[49]. Conversely in Kyrgyzstan, the arrival of refugees from Tajikistan to southern Kyrgyzstan put in touch Kyrgyz who were moulded by the same Soviet history. However despite this shared Soviet Kyrgyz identity, the two groups had little in common. The refugees of Tajikistan were coming from multiethnic cotton *kolkhozes*, where their language, religious and cultural practices have changed. In the meantime the local population of southern Kyrgyzstan was living in an ethnically homogenous environment. Their unexpected encounter in a context of political transition and economic reform led to a competition over scarce natural resources, in particular, over access to agricultural land and water. These tensions eventually took the form of cultural intolerance, with the local Kyrgyz refusing to acknowledge that the refugees were descendants of the same ancestors and preferring to call them "the Tajiks"^[50].

This chapter shows that the triadic nexus between a state, its kin-minority abroad, and the host-state of this minority greatly conditions the development of migration flows. In post-Soviet Central Asia, both the perception of co-ethnic communities abroad and the diaspora politics pursued in relation to these co-ethnics follow three patterns. In Uzbekistan after a first attempt in the early 1990s to diasporize its kin-minorities abroad, the Uzbek government sought to downplay within public opinion the significance of its co-ethnics abroad and decided to break all official links with them. This attitude actually conforms with the process of nation-building that Tashkent has developed since independence. Uzbekistan opted for a civic and territorial conception of the state, based on the values of Uzbekness (*O'zbekchilik*), and intended to regroup all those who embrace Uzbek customs and traditions regardless of ethnic belonging^[51]. The unity of the Uzbek nation within its territorial boundaries prevailed over diaspora politics that many considered hazardous for the state stability. Tajikistan represents a second pattern, based on diasporic rhetoric and institutions aiming to reinforce the state. However this half-hearted diaspora politics lacks a clear strategy and means to encourage actual migration flows. The last pattern is the one developed by Kazakhstan and Kyrgyzstan. It consists in the enforcement of comprehensive repatriation policies, providing

[46] Interview with V. Makeev, office for refugee protection, HCR, Osh, Kyrgyzstan, December 13, 2006.

[47] Development and Cooperation in Central Asia, "Pomo et li 'Kajrylman'", May 28, 2008 <<http://www.dcca.kg/?p=60>> [accessed March 16, 2009].

[48] In 1989 64 % of Kazakhstan's Kazakhs declared Russian as their mother tongue or their second language of communication. Nacional'nyj sostav naselenija SSSR po dannym vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g., op. cit., pp. 102-103.

[49] S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", op. cit., pp. 143-147.

[50] Personal observation in the province of Batken, Kyrgyzstan, October 1999.

[51] M. Fumagalli, "Ethnicity, State Formation and Foreign Policy: Uzbekistan and 'Uzbeks abroad'", Central Asian Survey, vol. 26, n°1, 2007, pp. 105-122.

clear legal provisions and the needed funding to implement assistance programme to repatriates.

Repatriations constituted the main form of inward migration in Central Asia during the first years after independence^[52]. This phenomenon is however becoming marginal in comparison with the dramatic rise in the last years of the emigration of gastarbeiters to Russia. Official statistics reveal a negative migration balance for all Central Asian states, except Kazakhstan^[53]. For instance in Kyrgyzstan, if the repatriation of co-ethnics could explain the positive balance of ethnic Kyrgyz in the 1990s (+17,219 in 1990-1999), the outflow of migrant workers resulted in a negative balance in the 2000s (-46,467 in 2000-2007)^[54]. Therefore the Kyrgyz population abroad consists of historical minorities, long-established in their host-states, and migr communities who have recently moved in. In Russia the two groups coexist in society but have limited contact. In addition to existing repatriation programmes, the Kyrgyz government tries to cope with this new migration picture. In 2008 the state committee on migrations, the very one already responsible for the repatriation process of Kajrylman, required all diplomatic missions located in regions of destination of Kyrgyz gastarbeiters to appoint a labour attach (trudovoj atta e) who would be in charge of assisting these migrant workers, without however fixing the terms of this “assistance”^[55]. To date no attach has been appointed.

Annexe 1
**Ethnic
composition of
the republics
of Central Asia
(CA) in 1989**

	Uzbekistan	Kazakhstan	Kyrgyzstan	Turkmenistan	Tajikistan	Total CA
Uzbeks	14,142,475	332,017	550,096	317,333	1,197,841	16,539,762
Kazakhs	808,227	6,534,616	37,318	87,802	11,376	7,479,339
Kyrgyz	174,907	14,112	2,229,663	634	63,832	2,483,148
Turkmens	121,578	3,846	899	2,536,606	20,487	2,683,416
Tajiks	933,560	25,514	33,518	3,149	3,172,420	4,168,161
Sub-total Ethnic groups of CA	16,180,747	6,910,105	2,851,494	2,945,524	4,465,956	33,353,826
Russians	1,653,478	6,227,549	916,558	333,892	388,481	9,519,958
Ukrainians	153,197	896,240	108,027	35,578	41,375	1,234,417
Belarusians	29,427	182,601	9,187	9,220	7,247	237,682
Koreans	183,140	103,315	18,355	2,848	13,431	321,089
Tatars	467,829	327,982	70,038	39,245	72,228	977,322
Germans	39,809	957,518	101,309	4,434	32,671	1,135,741
Others	1,102,450	859,154	182,787	151,976	71,214	2,367,581
Sub-total Other ethnic groups	3,629,330	9,554,359	1,406,261	577,193	626,647	15,793,790
TOTAL	19,810,077	16,464,464	4,257,755	3,522,717	5,092,603	49,147,616

Source: 1989 Soviet census <http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php>

[52] It should however be noted that the main form of migration at that time was the outflow of the European ethnic groups (Russians, Ukrainians, Belarusians, Germans, Poles, Jews, etc.).

[53] Kazakhstan had a negative migration balance a 2003 (-8,306 that year). But the economic boom that the country is experiencing has limited the outflow of Russians and attracted workers from neighbouring countries. The balance was +69,460 on the period 2004-2007 (The agency of statistics of the republic of Kazakhstan <<http://www.stat.kz/digital/naselenie/Pages/default.aspx>> [accessed June 25, 2009]).

[54] State committee on statistics of the Kyrgyz republic <<http://www.stat.kg/rus/part/census.htm>> [accessed June 25, 2009].

[55] Ferghana.ru, “Svy e djuh tysjač etničeskij kirgizov-pereselencev ne imejut pravovogo statusa (More than two thousand ethnic Kyrgyz migrants do not have a legal status)”, Central Asia news, June 5, 2008, <<http://www.ferghana.ru/news.php?id=9344&mode=snews>> [accessed March 7, 2009].

Annexe 2

**Distribution of
Central Asian ethnic
groups within and
outside the post-
Soviet space**

	Within the post-Soviet spacea		Outside the post-Soviet space
	Kin-republic (% of the country's pop.)	Other republics	
Uzbeks	14,142,475 (71.4 %)	2,555,350 Central Asia ^o : 2,397,287 Russia ^o : 126,899	1,000,000 Afghanistan ^{bo} : 1,000,000 China ^{co} : 14,763
Kazakhs	6,534,616 (39.7 %)	1,601,202 Central Asia ^o : 944,723 Russia ^o : 635,865	1,330,000 China ^{co} : 1,110,758 Mongolia ^{do} : 177,000 Turkey ^{do} : 25,000 Afghanistan ^{do} : 3-21,000 Iran ^{do} : 3-5,000
Kyrgyz	2,229,663 (52.4 %)	299,283 Central Asia ^o : 253,485 Russia ^o : 41,734	146,000 China ^{co} : 143,537 Afghanistan ^{bo} : 2,000
Turkmens	2,536,606 (72.0 %)	192,359 Central Asia ^o : 146,810 Russia ^o : 39,739	1,500,000 Afghanistan ^{bo} : 400,000 Iran ^{bo} : 1,055,000
Tajiks	3,172,420 (62.3 %)	1,042,952 Central Asia ^o : 995,741 Russia ^o : 38,206	3,600,000 Afghanistan ^{bo} : 3,500,000 China ^{co} : 33,223
TOTAL	28,615,780	5,691,146	7,576,000

Sources^o: (a) 1989 Soviet census <http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php>

(b) Encyclopaedia Iranica <<http://www.iranica.com/newsite/>>

(c) 1990 Chinese census

<http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/YB2000e/B09E.htm>>

(d) S. Cummings, "The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and 'Return'", op. cit., p. 137.

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО БОРЬБЕ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИЕЙ И ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ^[1]

ПОТЕМКИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

Кандидат исторических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, доцент МГИМО (Москва, Россия)

Миграция населения является объективным процессом, неотъемлемой чертой глобализации, и вызвана неравномерностью развития отдельных регионов земного шара. Правительства стран всего мира вполне благожелательно воспринимают циркуляцию товаров и капиталов, при этом гораздо более негативно реагируя на передвижение людей. Резкое ограничение доступа на европейские рынки труда населения третьих стран, начавшееся еще в 70-ые годы прошлого столетия, породило феномен нелегальной иммиграции, который в начале XXI века принял самую опасную форму. Торговля и транспортировка людей привела к возрождению современного вида рабства, о котором цивилизованный мир, казалось бы, давно забыл.

Таким образом, иммиграция сама по себе не является нелегальной. В соответствии с определением Комиссии ЕС, нелегальным считается иммигрант, который въехал незаконно на территорию государства-члена ЕС через сухопутные, морские или воздушные границы, включая транзитные зоны аэропорта самостоятельно или с помощью криминальных группировок^[2].

Разделение нелегальной иммиграции на «контрабанду людей» (human smuggling), которая осуществляется с согласия мигранта, и «торговлю людьми или трафик (human trafficking)» с целью эксплуатации» было введено Протоколами к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Конвенция Палермо), принятой в декабре 2000 года. Термин «облегченная нелегальная иммиграция» (facilitated illegal immigration), который применяется в Евросоюзе, по существу объединяет эти два понятия по одному признаку: специализирующиеся на нелегальной иммиграции группы и лица «облегчают» иммигранту доступ на территорию ЕС. Однако, разделение все же признается законодательно, хотя зачастую трудно на практике распознать, каким способом иммигрант проник на территорию ЕС. Контрабанда людей считается преступлением против государства, когда нарушаются его границы и законы. Трафик – гораздо более тяжелое преступление не только против государства, но и личности^[3]. Конвенция о Европоле определяет «контрабанду» иммигрантов (smuggling) как «преднамеренные действия с целью финансового обогащения по облегчению въезда, проживания и найма на работу в государствах-членах ЕС, с нарушением существующих в стране правил и условий». Данный вид «облегченной нелегальной иммиграции» включает, таким образом, изготовление и снабжение иммигрантов фальшивыми въездными документами и видами на жительство, обеспечение транспортировки к месту назначения.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект 09-03-00706а/р)

[2] Communication from the Commission on Policy priorities in the fight against illegal immigration of third-country nationals. Brussels, 19.7.2006, COM(2006) 402 final

[3] S rensen P. Cases of Child Trafficking. ERA Forum, vol.8, N 4, December 2007, P.486

Причины, по которым мигранты отправляются в опасные путешествия, принято называть «выталкивающими факторами»: конфликты, распад многонациональных государств, природные катаклизмы и другие экологические проблемы, дискриминация, политическая нестабильность или тяжелая экономическая ситуация. Хотя нищета, конфликты и другие бедствия, несомненно, являются мощными «выталкивающими факторами», они скорее вызывают локальную или региональную миграцию, чем нелегальную миграцию мирового масштаба. Бедные, раздираемые войнами государства не представляют особого интереса для преступных группировок, специализирующихся на доставке мигрантов к месту назначения, ведь население в таких странах не в состоянии оплатить высокую стоимость услуг перевозчиков.

Одновременно с «выталкивающими» действуют и «притягивающие факторы», благодаря которым страна назначения представляется иммигрантам очень привлекательной. Прежде всего, это потребность в иностранной рабочей силе, экономическая, политическая и социальная стабильность и, что также немаловажно – традиционно существующие культурные и родственные связи между странами исхода мигрантов и назначения. «Выталкивающим фактором», облегчающим отъезд населения из страны, справедливо считается и деятельность в той или иной стране организованных преступных группировок, которые создают свои собственные рынки нелегалов и уговаривают людей, у которых, возможно, и не появилось бы намерения эмигрировать, попробовать счастья на чужбине. При этом наблюдается полнейшее пренебрежение безопасностью клиентов, например использование утлых, по существу не пригодных для морских путешествий лодок; перевозка нелегалов в контейнерах, ящиках, багажниках и другими способами, без всяких гарантий не только здоровью, но и жизни пассажиров.

В Протоколе ООН против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протоколе о предупреждении, предотвращении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми, торговля людьми (human trafficking) определяется следующим образом: «Осуществление с целью эксплуатации: вербовки, перевозки, передачи, сокрытия или получения людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, или путем подкупа в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, которое контролирует другое лицо». Данный вид нелегальной иммиграции приравнивается к рабству: иммигранты в надежде на лучшую долю попадают под полный контроль и в зависимость от хозяина, который вывозит их из страны иногда насильственным путем (похищение), а иногда и при согласии, путем обмана^[4]. На основе Протокола ООН в законодательстве ЕС также существует подобное подразделение. В соответствии с рамочным решением Совета ЕС, к преступным действиям, которые квалифицируются как трафик людей, отнесены «вербовка, транспортировка с пересадками, укрытие, последующая передача контроля над людьми лицам, их принимающими, если при этом используется принуждение, посредством силы и угроз или похищение; обман и мошенничество; злоупотребление властью; выплаты лицам, имеющим контроль над данным лицом (фактическая купля-продажа)». В рамочном решении употребляются понятия «рабства», «эксплуатации труда и услуг» жертвы трафика, причем порнография приравнивается к видам сексуальной эксплуатации^[5]. Серьезных расхождений в международном законодательстве по определению сущ-

[4] The UN Convention against Transnational Organised Crime (Palermo Convention). The Protocol against Smuggling of Migrants by land, Sea or Air. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children.

[5] Framework Decision on combat trafficking in trafficking in human beings. Official Journal, L8.2002: Framework decision on defining the facilitation of unauthorized entry, transit or residence. Official Journal, 18.03.2002 См. Balazq T. Carrera S. Migration, Borders and Asylum. Trends and Vulnerabilities in EU Policy, Brussels, Centre for European Policy Studies, 2005, PP.32-34

ности нелегальной иммиграции и ее составных частей не наблюдается, хотя ряд государств ЕС все еще не ратифицировали Конвенцию ООН и Протоколы к ней.

В последние годы наблюдается значительное увеличение числа жертв трафика, прибывающих в ЕС через Центральную и Южную Европу, Украину, Россию. В Евросоюзе существует обширный и крайне выгодный рынок, где в изобилии встречаются выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки. Нищета и надежды начать новую жизнь традиционно эксплуатировались торговцами людьми, когда они искали и завлекали свои жертвы. Скрытая картина преступлений вкупе с пробелами в статистике трафика сильно осложняет оценку числа жертв, привезенных в страны ЕС. Европол утверждает, что речь может идти о сотнях тысяч людей. До тех пор, пока существуют мотивы для расцвета современной работоторговли, трафик будет расти, так как этот вид криминального бизнеса почти не требует издержек и поэтому крайне привлекателен для организованных криминальных сетей, преступных групп и самостоятельно действующих преступников.

Современные рабы поставляются в государства-члены главным образом из экономически неблагополучных регионов. Существует определенный стереотип жертвы трафика: малообразованные люди, те, кто стремится сбежать из неблагополучных семей, безработные без особых надежд на занятость. Тем не менее, известно множество случаев, когда люди позволяли торговцам увлечь себя в силу самых разных причин личного свойства, выходящих за рамки стереотипов. Люди с университетским образованием, знанием нескольких языков, имеющие хорошую работу или перспективы трудоустройства оказываются не менее уязвимыми. Возможности, открывающиеся в связи со свободой передвижения, сравнительно дешевые транспортные издержки, телекоммуникации и доступность информации о заманчивых предложениях работы за границей делают даже благополучных людей, особенно молодых, доверчивыми к предложениям профессиональных торговцев людьми. Стоит еще раз подчеркнуть, что для всех групп жертв трафика доминирующую роль играют перспективы получения работы - любой для отчаявшихся и интересной и высокооплачиваемой для охотников за удачей.

Традиционно в рабство к торговцам попадали главным образом женщины, однако вследствие отмеченного роста использования нелегальной рабочей силы в экономике государств-членов, жертвами трафика считаются в настоящее время и мужчины. Наиболее уязвимой категорией остаются дети, которых значительно легче похитить и обмануть. Известны случаи, когда родители сами сотрудничали с торговцами. Подсчеты, проведенные бельгийскими исследователями, показали, что подростки (самая большая группа 15-17 лет) составляют 35% жертв трафика^[6].

Торговля людьми, как и нелегальная иммиграция в целом, определяется потребностями и возможностями рынков рабочей силы. Преступные группировки, занимающиеся этим прибыльным бизнесом используют методы соответствующие окружающей обстановке и существующим спросом, в принципе так же, как и при организации легального бизнеса. Расцвет торговли людьми особенно удивляет в условиях, когда общественность хорошо осведомлена о том, какую угрозу собой представляет трафик. Так, часто при невероятно заманчивом предложении работы будущую жертву не может не посетить подозрение о том, что перспективы слишком хороши, чтобы быть настоящими. Тем не менее, сотни людей продолжают попадать в ловушки, срабатывает так называемый «синдром Золушки» - уверенность человека в том, что именно ему удастся избежать всех подводных камней на пути к успешной карьере и лучшей жизни.

[6] S rensen P. Cases of Child Trafficking, P. 486

Точное число нелегальных иммигрантов, включая жертв трафика, находящихся на территории стран ЕС, невозможно установить. Очень часто их число определяют по данным об отказе претендентам на политическое убежище (подразумевается, что они не покинули страну, а остались проживать в ней нелегально); по числу задержанных при попытке пересечения границы; по объему депортаций. Очевидно, что такие разрозненные данные могут дать лишь гипотетические представления о реальном положении дел.

Число претендентов на политическое убежище в Евросоюзе сократилось в период 2004-2006 годов, однако новые данные свидетельствуют о росте ходатайств об убежище. В 2006 году страны ЕС получили 197, 4 тыс. заявлений об убежище, в 2007 – 222,2 тыс. и 112,2 тыс. в первой половине 2008 года. Таким образом, общий рост числа претендентов составляет с середины 2006 года 12%. Такая ситуация вызвана массовым притоком беженцев из Ирака. Интересно отметить, что иракцы имеют шанс получить защиту в Швеции в 71 случаях из ста, и практически нулевую возможность в Греции. Аналогичная ситуация с претендентами на убежище из Чечни – 72% их ходатайств может быть удовлетворено в Австрии и 0% - в Словакии. В целом, разница в удовлетворении заявлений между государствами-членами огромная: Италия, Швеция и Мальта дают положительный ответ на 50% ходатайств, тогда как Словакия, Греция и Словения – всего лишь на 3%, остальные иммигранты не получат легальный статус^[7].

Новыми обстоятельствами – увеличением числа претендентов на убежище в целом и соответственно ростом отказов - не преминули воспользоваться криминальные группировки, переправляющие нелегально иммигрантов в страны Евросоюза, взимая с каждого по 40 тысяч долларов. Законодательство, политика, правоприменительная практика и выстраивание приоритетов в урегулировании проблемы нелегальной иммиграции имеют свои различия в государствах-членах. По оценкам Европола, «организованная» нелегальная иммиграция усилилась, криминальные группировки приспособили свои действия и даже изменили их, например, стали гораздо реже пользоваться фальшивыми ходатайствами о получении убежища, предпочитая подлинные.

По информации Европейской Комиссии, на территории ЕС в 2008 году насчитывается от 4,5 млн. до 8 млн. нелегальных иммигрантов. Это число ежегодно увеличивается на 350-500 тыс. человек (для сравнения: легально в ЕС ежегодно въезжают около 600 тыс. иммигрантов). Теневая экономика, складывающаяся при использовании труда нелегальных иммигрантов в сельском хозяйстве, строительстве и обширном секторе обслуживания, занимает от 7 до 16 % ВВП, при этом большинство нелегальных рабочих трудятся в условиях, больше напоминающих подневольный труд. Как отметил Ф.Фраттини, только 2,8% европейских компаний проходят ежегодную проверку на предмет использования нелегальной рабочей силы, тогда как для обеспечения минимального контроля со стороны государства необходимо осуществлять проверку по меньшей мере 10% всех компаний и отдельных работодателей это означает практически полное отсутствие контроля со стороны соответствующих государственных структур^[8].

Эксплуатация иностранной рабочей силы – далеко не новое явление в Евросоюзе. Однако, вследствие скрытого характера этого вида преступной деятельности и недостаточно развитой законодательной базы, оно до сих пор не является приоритетным в борьбе с организованной преступностью, и соответственно практически безнаказанным. Рабский труд традиционно практиковался в государствах ЕС внутри иммигрантских сообществ, когда нелегальные иммигранты, не имеющие документов, использовались на самых тяжелых и вредных работах за символическую плату.

[7] Bulletin Quotidien Europe 9796-4.12.2008

[8] Illegal immigration fact sheet, March 2008. Europol

После расширения ЕС в 2004 году появилось все больше свидетельств о трафике из новых стран, граждане которых оказывались жертвами работорговцев, будучи привлечены рассказами о высоких заработках в старой Европе. Торговцы в основном специализируются на поставке своих собственных сограждан, таким образом, в ЕС начали действовать каналы поставки на нелегальные рынки труда поляков, литовцев, румын и болгар. В 2007 году в Евросоюзе было задержано 11 тыс.500 перевозчиков иммигрантов, треть из которых были гражданами государств-членов^[9].

Многие из упомянутых «выталкивающих» факторов традиционно использовались для сексуальной эксплуатации женщин и детей, однако, те же факторы в одинаковой степени определяют возможности использования нелегального труда в экономике. Потребность в дешевой рабочей силе считается главной движущей силой трафика с целью эксплуатации рабочей силы. На рабском труде основаны сельское хозяйство, строительство, сфера услуг (отели и рестораны, уборка домов). Следует отметить, что нелегальные иммигранты трудятся и во вполне законно функционирующих отраслях хозяйства, однако, ввиду отсутствия легального статуса, не могут воспользоваться социальными гарантиями и законодательством, регулирующим трудовые отношения. Кроме того, нелегальные иммигранты массово вовлечены в организованное попрошайничество, уличный грабеж, изготовление и распространение наркотиков. По данным Международной организации труда (МОТ), ежегодный доход преступных группировок, занимающихся поставкой рабочей силы, как посредством контрабанды, так и трафика, составляет 44 млрд. долларов; трафик или торговля людьми приносит до 31 млрд. долларов, поставка женщин и детей для занятия проституцией – 27, 8 млрд^[10].

Пути нелегальной иммиграции

Любой путь, по которому следуют нелегалы, начинается в стране их исхода за пределами Евросоюза и оканчивается в одной из стран назначения. Транзитные страны располагаются как внутри ЕС, так и за его пределами. Некоторые из соседних стран ЕС используются как главные перевалочные пункты перед заключительным этапом в страну назначения. Изучив слабые места в пограничном контроле и иммиграционном режиме, организованные преступные группы воспользовались определенными маршрутами для переправки нелегалов. Нелегальные иммигранты часто используют сразу несколько путей:

[9] FRONTEX Annual Report, 2007, P.16/62

[10] Facilitated Illegal immigration, 2008. Europol. http://www.europol.europa.eu/publications/Serious_Crime_Overviews/Facilitated_illegal_immigration_2008.pdf

- Северо- и Западно-африканское побережье – это пути самой массовой транспортировки нелегалов в Европейский Союз; из африканских стран они попадают в Италию, Мальту и Испанию;
- Восточно-средиземноморское направление; конечная цель на этом маршруте – Греция; Турция и ближневосточные государства служат транзитом;
- Балканский путь проходит через западно-балканские государства; далее иммигранты попадают в ЕС через Грецию, Италию, Словению, Австрию, Болгарию, Румынию и Венгрию; Центрально и восточно-европейский путь проложен транзитом через Россию, Украину, Молдову и Беларусь, отсюда через Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Болгарию и Румынию вглубь территории Евросоюза;
- В последнее время чаще стал использоваться балтийский маршрут – «организованная» нелегальная иммиграция через балтийские страны направляется в Скандинавию.

В соответствии с докладом Европола о нелегальной иммиграции, Россия включена в число самых проблемных регионов мира – источников нелегальной иммиграции, наряду с Ираком, Турцией, Индией, Афганистаном, Пакистаном, Китаем. Россия является также страной транзита, через нее проходит также несколько путей транспортировки нелегальных иммигрантов – Северный путь, Балтийский и Восточноевропейский. Москва, вместе с Киевом и Стамбулом, считается крупным центом сбора нелегальных иммигрантов, где они «отдыхают», распределяются по маршрутам, снабжаются нужными документами.

Транзитные пути функционируют как коридоры нелегальной миграции с фиксированными остановками. Как правило, эти пункты снабжены соответствующей «инфраструктурой» - убежищами для временного проживания, определенными пунктами, где можно тайно пересечь границу, и даже транспортными терминалами^[11]. Исследования, проведенные в рамках Международной организации по миграции (МОМ), выявили еще несколько путей, которыми транзитные нелегальные иммигранты попадают в европейские страны через территорию России. Активно используется Сибирский или Китайский путь, также в обоих направлениях. Продвижение по этому пути нелегальных иммигрантов облегчено политикой упрощения визового режима и поощрения туризма в Россию из Китая. Сибирский путь соединен с Центрально-европейским: нелегальные иммигранты из Китая попадают через Москву и Прагу в Германию, а также и с Балтийским путем, который признается самым отлаженным. Особенно удобными остаются белорусско-литовская, украинско-польская и польско-литовская границы, которые нелегальные иммигранты пересекают, следуя из России через Белоруссию и Украину в Польшу, и далее на запад^[12]. Таким образом, на территории Европейского союза, а также России проложены и успешно функционируют своего рода «трансевропейские криминальные коридоры», которые, будучи соединенными и с другими континентами, приобретают глобальное измерение.

Способы проникновения в ЕС

подавляющее большинство нелегальных иммигрантов попадает на территорию стран Евросоюза при помощи организованных преступных группировок. Отправляясь в поездку, будущие нелегалы часто не имеют необ-

[11] Organised Illegal Immigration into the European Union. Europol. P. 3

[12] IOM News Release. "Trafficking in Migrants: the Baltic Route", 24 January, 1997. См. также: Sally W. Stoecker. The Rise in Human Trafficking and the Role of Organized Crime // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. Vol. 8, No 1. Winter 2000

ходимых документов, но, тем не менее, путешествуют в открытую, прячась лишь в момент пересечения границы. Если удастся благополучно избежать пограничного контроля, нелегалы пытаются воспользоваться процедурой получения убежища, будучи осведомлены, что даже в случае неудачи им не грозит немедленная репатриация.

Вследствие усовершенствования пограничного контроля, а также и других мер противодействия нелегальной иммиграции в последние годы, организаторы переправки нелегалов вынуждены отказываться от обычных способов пересечения границы и придумывать более сложные комбинации.

Например, получив краткосрочную визу или вид на жительство, иммигрант остается в стране после того, как срок действия документа истечет. При этом штамп о выезде подделывается, чтобы создать впечатление о том, что человек покинул территорию ЕС. После истечения срока визы или краткосрочного вида на жительство иммигрант переходит на нелегальное положение. Эта категория нелегалов получила название «оставшийся сверх положенного срока» - *overstayer*. Таким же образом определяются и граждане стран, имеющие право въезжать в ЕС без виз на срок до 90 дней, но впоследствии не выезжающие обратно. Очень часто «оставшиеся» подают фальшивые ходатайства об убежище на чужое имя. Отсутствие пограничного контроля между шенгенскими странами значительно упрощает нелегалам возможности путешествовать по поддельным документам и пользоваться существующими до сих пор прорехами в системе убежища в ЕС. Нелегалы надеются, кроме того, фальшивыми приглашениями от компаний и рекомендациями от работодателя, документами, подтверждающими регистрацию на обучение в школах и университетах документы.

Однако, по мере совершенствования технических средств, способных выявить подделки, преступные группировки все чаще используют подлинные документы – краденные или одолженные, которые используются многократно. Существует и способы и изготовления подлинных документов, довольно простой. Преступные группировки учреждают собственные туристические агентства, которые предоставляют полный пакет услуг, включая визы. На службе у криминала множество агентств по найму и компаний по морским перевозкам. Мало того, появились и учебные заведения, которые учреждаются для облегчения получения студенческих виз.

Еще один невероятно популярный способ нелегальной иммиграции - заключение фиктивных браков с целью получения студенческих и туристических виз, а также видов на жительство. Еще в 1997 году Совет ЕС в своем решении указал на растущее число случаев подобного проникновения в ЕС и призвал государства-члены принять соответствующие национальные законы. Тем не менее, многие страны ЕС до сих пор не приняли надлежащих мер. В 2006 году Европол сообщил о выявленных 8000 случаях фиктивных браков, подчеркнув при этом, что во многих государствах-членах не налажено разделение статистики по различным видам нарушения визового режима, так что в реальности фиктивных браков гораздо больше^[13].

Стратегия Европейского союза по борьбе с нелегальной иммиграцией

Разработка концепции иммиграционной политики, общей для государств ЕС была предложена Европейской комиссией в контексте политических целей европейской интеграции, и особенно в рамках создания «Пространства свободы, безопасности и правопорядка» в Евросоюзе.

[13] Facilitated Illegal immigration, 2008. Europol

Однако, Комиссия не обладает преимущественными полномочиями в формировании законодательства в данной сфере: несмотря на то, что по Амстердамскому договору иммиграционная политика была изъята из исключительной компетенции национальных государств и перенесена в «первую опору» - на наднациональный уровень, государства-члены продолжают играть значительную роль. До самого последнего времени они скорее были склонны реагировать на конъюнктурные моменты усиления иммиграционного давления или возникающие проблемы интеграции иммигрантов в общество, чем объединить усилия и сформулировать общую стратегию по борьбе с нелегальной иммиграцией. Даже необходимость гармонизации законодательств, заявленная Договором о Европейском союзе, игнорировалась некоторыми странами, поэтому крайне трудным было достигнуть политического консенсуса в Совете по утверждению той или иной общей инициативы, согласовать различные подходы к такой чувствительной и неоднозначной проблеме, как иммиграция.

В то же время, нелегальная иммиграция и торговля людьми уже давно стали вызовом безопасности не только отдельных стран, но и ЕС в целом. Государства-члены объективно оказались перед необходимостью прийти к согласию по поводу хотя бы минимального стандарта по противодействию нелегальной иммиграции, усилению координации действий и улучшению взаимодействия трансграничного сотрудничества между полицейскими, пограничными и иммиграционными службами. Расцвет торговли людьми ставит под сомнение возможности ЕС защищать права человека, заявленные в Хартии основных прав человека. В силу этих причин в течение последнего десятилетия Европейский Союз постепенно продвигался к установлению основ общих правовых рамок в области иммиграционной политики на основе заключений саммита в Тампере в октябре 1999г., которые в впоследствии получили развитие в Гагской программе. В новой программе была заявлена цель создания общей политики ЕС к 2010 году, когда начнет функционировать специальное ведомство по вопросам иммиграционной политики и убежища. Среди основных задач программы:

- укрепление партнерства со странами, не входящими в ЕС для регулирования нелегальной иммиграции;
- разработка политики возвращения нелегальных иммигрантов на родину;
- эффективное использование биометрических и информационных систем^[14].

Методы борьбы с нелегальной иммиграцией, предложенные Гагской программой, были подробнее проанализированы в нескольких Сообщениях Комиссии и Планах действий, посвященных как непосредственно нелегальной иммиграции и трафику, так и формированию общей иммиграционной политики ЕС. Наибольший интерес представляет Сообщение Комиссии «Общая иммиграционная политика Европейского Союза: принципы, направления, инструменты»^[15], так как в нем получили развитие десять принципов, на которых будет основываться иммиграционная политика в перспективе. Принципы сгруппированы по трем разделам, первый из которых носит название «Процветание и иммиграция». Комиссия подчеркивает, что для успешного социально-экономического развития Евросоюза и каждого государства-члена необходима законная иммиграция, которая будет регулироваться четкими и ясными правилами в соответствии с потребностями ЕС в рабочей силе определенной квалификации. Второй раздел «Солидарность

[14] Council of the European Union. The Hague programme strengthening freedom, security and justice. http://europa.eu.int/comm/justice_home/fsj/intro/fsj_intro_en.htm; J.W.de Zwaan. EU Asylum and Immigration Law and Policies. // "Freedom, Security and justice in the European Union. Implementation of the Hague Programme. J.W.de Zwaan, F.Goudappel eds., The Hague, 2006. P.120-122

[15] «A Common immigration policy for Europe: principles, actions and tools», Brussels, 23 June 2008

и миграция» содержит положения касательно внутреннего управления миграционными потоками (солидарность между государствами-членами, в том числе распределение финансовых затрат), а также внешнего (партнерство со странами-экспортерами и мигрантов и транзитными государствами). Наконец, четыре принципа по противодействию нелегальной иммиграции, объединены под заголовком «Безопасность и иммиграция»:

- визовая политика, которая призвана облегчить законопослушным гражданам въезд и пребывание в странах ЕС, и в тоже время она сопровождается повышенными мерами безопасности;
- совместная охрана общей границы с целью обеспечения безопасности шенгенского пространства;
- усиление борьбы с нелегальной иммиграцией, и особенно с торговлей людьми;
- эффективная политика репатриации нелегальных иммигрантов.

Мотивация соединения нелегальной иммиграции и безопасности в одном разделе вполне оправдана. Трафик людей, кроме того, что подразумевает эксплуатацию рабского труда, часто связан с терроризмом, торговлей наркотиками и оружием. Попытки проникнуть на территорию государств-членов с помощью криминальных группировок оканчиваются трагично. В Сообщении предлагается усилить сотрудничество на всех уровнях – региональном, национальном и наднациональном.

Десять принципов, изложенных в Сообщении Комиссии, предположительно лягут в основу следующей пятилетней «Стокгольмской программы» развития пространства свободы, безопасности и правосудия, которая будет утверждена в конце 2009 года. Интересно отметить, что председательствующая Франция выступила со своей «конкурирующей инициативой» в виде Пакта об иммиграции, который прямо не противоречит подходам Комиссии, однако имеет некоторые отличительные черты^[16].

Иммиграционная политика Евросоюза стала одним из приоритетов французского председательства в ЕС во второй половине 2008 года, и Пакт стал главным результатом активной деятельности Президента Саркози. Напомним, что, занимая в недавнем прошлом пост министра внутренних дел Франции, Саркози напрямую занимался вопросами национальной иммиграционной политики, и в составе Совета министров внутренних дел ЕС внес большой вклад в развитие иммиграционной политики на наднациональном уровне. В то же время Саркози явно стремился выстроить эту политику по французскому образцу, что нашло свое отражение в Пакте. Документ, не имеющий юридической силы, а скорее представляющий программный манифест ЕС, подвергся критике, как со стороны правозащитных организаций, так и лидеров ряда государств-экспортеров мигрантов. По их мнению, основной акцент в документе сделан на меры по ограничению доступа иммигрантов в страны ЕС и высылке, а не на защите их прав.

Пакт представляет собой программу формирования общей иммиграционной политики Евросоюза в пяти основных направлениях^[17]:

1. Защита границ. Центральный пункт этой задачи - усиление роли агентства ФРОНТЕКС, посредством учреждения центрального штаба и двух постоянно действующих подразделений на южной и восточной границах ЕС.

Государства-члены будут по-прежнему нести ответственность за контроль над своим участком границы, опираясь при этом на обязательные нормы шенгенского законодательства, таким образом, в отношении между Брюсселем и странами ЕС сохраняется принцип субсидиар-

[16] См. Collet E. The EU Immigration Pact – from Hague to Stockholm, via Paris. European Policy Centre http://www.epc.eu/TEWN/pdf/304970248_EU%20Immigration%20Pact.pdf

[17] 'European Pact on Immigration' . <http://www.euractiv.com/en/justice/european-pact-immigration-unveiled/article-173980>

ности. Однако страны, более всего страдающие от наплыва нелегальных иммигрантов, смогут рассчитывать на помощь отрядов ФРОНТЕКС, действующих на наднациональном уровне.

2. Регулирование легальной миграцией в соответствии с возможностями каждого государства-члена принимать и трудоустраивать иммигрантов.

Эта сфера по-прежнему остается главным образом в компетенции национальных государств. Они сами будут определять условия въезда в страну и число приезжих. В русле политики, которую Саркози поддерживал, начиная с 2003 года, государства-члены будут осуществлять «выборочную иммиграцию» в соответствии с потребностями национальных рынков труда. Основная роль отводится «голубой карте» (blue card) по образцу американской «зеленой карты», которая вводится для привлечения высококвалифицированных специалистов в страны ЕС.

3. Одновременно предлагаются меры по сокращению числа притока неквалифицированной иностранной рабочей силы, главным образом в виде нелегальной иммиграции.

Это направление почти целиком покрывается директивой о высылке нелегальных иммигрантов, принятой летом 2008 года. В Пакте же дополнительно разработаны возможности сотрудничества государств-членов, которые, например, могут использовать совместные рейсы для вывоза нелегалов, согласовывать соглашения о реадмиссии, объединить усилия в борьбе с торговлей людьми. В то же время изначально жесткое предложение Франции о прекращении практики массовой легализации нелегальных иммигрантов было смягчено под нажимом Италия и Испания, которые выдали документы почти 700 тысячам иммигрантов за последние несколько лет. Государства-члены смогут легализовать нелегалов, но на индивидуальной основе, при тщательном рассмотрении каждого случая.

4. Создание общей системы предоставления убежища.

К 2010 году планируется введение единых гарантий предоставления убежища всеми государствами-членами и унифицированный статус беженца – данное положение взято из Гаагской программы и поддержано всеми государствами-членами. Однако, Германия решительно отвергает планы учреждения наднациональной структуры, которая будет определять статус беженцев.

5. Поддержка стран – экспортеров мигрантов.

Для стимулирования сотрудничества этих стран в борьбе против нелегальной иммиграции, Евросоюз предоставляет им возможности легальной иммиграции для работы и обучения в странах ЕС. Будет также поощряться добровольное возвращение нелегальных иммигрантов на родину, а также обеспечены условия для инвестирования заработка легальных мигрантов в странах ЕС в экономику их родных государств. Предложение Саркози о введении «контрактов иммигрантов» - обязательством потенциальными иммигрантами разделять ценности Евросоюза, не нашло поддержки у государств-членов и поэтому не вошло в Пакт.

По существу, Пакт об иммиграции воспроизводит основные принципы иммиграционной политики Евросоюза, заявленные в «Плане Тампере» и «Гаагской программе». Однако, он представляется весьма противоречивым документом. С одной стороны, в отличие от предложений Комиссии, где на первом месте стоит солидарность государств-членов и необходимость гармонизации иммиграционной политики, Пакт в большей степени основывается на принципах межправительственного подхода, где неоднократно подчеркивается ведущая роль государств-членов в той или иной сфере. С дру-

гой стороны, если в предыдущие годы речь шла о формировании основ общей иммиграционной политики, Пакт об свидетельствует о намерении Евросоюза перейти непосредственно к общей политике, опираясь на положения Лиссабонского договора, хотя соответствующей ссылки в документе не содержится..

Необходимо отметить, что политика противодействия нелегальной иммиграции в настоящее время разделена между первой и третьей опорами ЕС и регулируется соответственно Договором об учреждении Европейского сообщества (Римским, раздел IV) и Договором о Европейском Союзе (Маастрихтским, раздел VI). Негативные последствия такого раскола для практической реализации политики очевидны. Кроме отсутствия прозрачности действий и подотчетности Суду ЕС, проблема еще и в низкой эффективности политики из-за наличия разных правовых инструментов, действующих в рамках опор. По вопросам третьей опоры применяются рамочные решения, первая же опора регулируется директивами Совета. Такой инструментальный дуализм препятствует проведению полномасштабных действий по борьбе с трафиком. В законодательстве и подходах государств-членов много различий, особенно относительно участия компетентных органов в операциях, что, безусловно, затрудняет сотрудничество^[18].

В соответствии с Лиссабонским договором, «третья опора» прекращает свое существование, и полномочия институтов ЕС на всю сферу внутренних дел и юстиции^[19]. В договоре появляется раздел «Пространство свободы, безопасности и правосудия», где соединены вместе положения о полицейском и уголовно-правовом сотрудничестве, а также об иммиграции, охране границ, политическом убежище и сотрудничестве в сфере гражданского права. Все вопросы иммиграционной политики будут решаться в Совете квалифицированным большинством голосов. Соответственно в Договоре появляются положения о постепенном учреждении «интегрированной (совместной) охране границ, а также «общей политики предоставления убежища», подразумевающей формирование «общей системы убежища», «унифицированный статус убежища и временной защиты». Общей названа также иммиграционная политика в целом, причем коммунитаризация (перенесение на наднациональный уровень отдельных сфер деятельности ЕС) касается не только тех областей, где Евросоюз и так был достаточно активен – борьба с нелегальной иммиграцией и заключение международных соглашений о реадмиссии. «Общей» будет считаться и политика по регулированию легальной иммиграции, включая интеграцию иммигрантов. Интересно отметить, что именно к сфере общей иммиграционной политики будет применяться принцип солидарности государств ЕС, прежде всего в смысле справедливого распределения материальной и финансовой ответственности за охрану внешней границы и регулирование потоков беженцев.

Таким образом, выполнение заявленных программ ЕС по развитию иммиграционной политики напрямую связано с судьбой Лиссабонского договора и реформы внутренних дел и юстиции. ЕС приступил к реализации Гаагской программы, будучи уверен в скором завершении реформы. Следующие же документы (Пакт об иммиграции, Стокгольмская программа) были задуманы в тот период, когда исход реформы пока не ясен. Тем не менее, представляется, что соединение положений внутренних дел и юстиции в одном разделе договора, ликвидация опор могла бы сыграть позитивную роль в развитии пространства свободы, безопасности и правосудия, в том числе и конкретных направлений иммиграционной политики, поэтому такая реформа – вопрос времени.

[18] Cm. Pastore F. *Visas, Borders, Immigration: Formation, Structure and Current Evolution of the EU Entry Control System*, "Europe's Area of Freedom, Security and Justice", Walker N. ed., Oxford University Press, 2004, PP.89-142

[19] The Treaty of Lisbon. Official Journal of the European Union 306/42, 17.12.2007, art.61-69

Новые инициативы в законодательной области

Еще в сентябре 2005 года Комиссия предложила на рассмотрение Совету пакет предложений, включающий проект директивы о нелегальной иммиграции. Директива предусматривает разработку общих правил относительно способов репатриации, принудительные меры, включая тюремное заключение. При этом в директиве подчеркивается, что для борьбы с нелегальным проживанием иммигрантов в странах Евросоюза следует ввести процедуры, гарантирующие прозрачность и соблюдение прав иммигрантов. Директива была принята только летом 2008 года после длительных дебатов в Совете и Европарламенте. Много возражений, как депутатов, так и правозащитных организаций вызвали положения о запретах на повторный въезд высланных нелегалов, и, более всего, о содержании их под стражей. Между тем, представляется неправомерным говорить о том, что ЕС ужесточил иммиграционную политику, и, в частности, процедуру высылки иммигрантов. Во-первых, в соответствии с директивой, каждое государство вправе решить - урегулировать ли статус иммигранта или выслать его. В случае решения о депортации нелегалом предлагается покинуть страну добровольно в срок от семи до тринадцати дней и, лишь в случае отказа, применяется принудительная высылка. Во-вторых, тюремное заключение по решению суда в случае опасений, что депортируемый может скрыться, никак нельзя считать нововведением директивы, придуманным Комиссией. Это положение применяется и государствами-членами на основе национальных законов, лишь сроки заключения значительно отличаются. Так, они не ограничены в Дании, Эстонии, Финляндии, Литве, Нидерландах, Великобритании и Швеции. В остальных странах период тюремного заключения составляет от 32-40 дней во Франции, на Кипре, в Испании и Италии до 18 (Мальта, Германия) - 20 месяцев (Латвия). В директиве ЕС взял за основу шесть месяцев как максимальный срок содержания под стражей (такая мера наказания применяется в Словакии, Словении, Венгрии и Чехии) с правом продления еще на двенадцать месяцев. Если высланный иммигрант не представляет угрозы для общественной безопасности, ему запрещено въезжать в Евросоюз в течение пяти лет, однако, государства-члены ЕС сохраняют право отменить такой запрет.

Одновременно ЕС пытается воздействовать на такой «притягивающий фактор» нелегальной иммиграции как спрос на теневых рынках рабочей силы. В мае 2007 года Комиссия ЕС представила новые предложения против использования труда нелегальных иммигрантов, представив свою инициативу как составную часть массированного удара по нелегальной иммиграции. Новое законодательство основывается на трех главных принципах. Во-первых, вводятся новые административные обязанности, которые работодатели должны будут выполнить, прежде чем нанимать иностранцев. В случае уклонения предприниматели подвергаются штрафам, они также должны возмещать расходы по репатриации иммигрантов. За повторное нарушение правил предполагается уголовное наказание, включая тюремное заключение, особенно в случае, если работодатель не обеспечивает подходящие условия для работы, а особенно, если он вовлечен в торговлю людьми.

Во-вторых, предполагается гармонизация процедуры рассмотрения судебных исков против нарушителей. Нельзя сказать, чтобы в государствах-членах отсутствовало национальное законодательство, преследующее приращение нелегального труда. Государства-члены в принципе были согласны ужесточить правила. Однако, Комиссия преследует гораздо более амбициозные цели; по ее мнению, предприниматели должны знать, что им гро-

зят санкции против эксплуатации нелегалов одинаково жесткие во всех государствах-членах. Такая мера способствовала бы и увеличению легальной иммиграции, особенно притоку квалифицированной рабочей силы.

В-третьих, в планы Комиссии также входит увеличение с 2% до 10% количества компаний, которые подвергаются ежегодной проверке на предмет выявления случаев использования нелегального труда. Против квотирования в принципе возражает Германия, полагая, что проводить выборочные проверки всех фирм гораздо более эффективно, чем лишь определенных компаний.

Длительные дебаты в Совете продемонстрировали, что государства-члены, страдающие от большого притока нелегалов, решительно выступили за ужесточение уголовной ответственности за нелегальную иммиграцию; те же, что сталкиваются с данной проблемой в меньшей степени, возражали, полагая предложенные меры неоправданными. Так, самым активным сторонником нового законодательства ЕС стал Р.Марони, министр внутренних дел Италии, где весной 2008 года был принят закон, ужесточающий наказание нелегальных иммигрантов. Он высказался в поддержку уголовных санкций против фирм, использующих труд нелегалов. На стороне Марони выступили остальные страны Средиземноморья. Однако, группа стран, расположенных к северу, дальше от главных путей наплыва нелегалов, во главе с Германией (Финляндия, Венгрия, Латвия, Польша, Нидерланды и Швеция) настаивали на том, чтобы государства-члены имели возможность решать, вводить ли им подобное отказывались вводить подобное уголовное наказание.

В мае 2008 года Ж.Барро, член Комиссии, курирующий пространство свободы, безопасности и правосудия, заявил о необходимости новой редакции рамочного решения ЕС 2003 года о борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией^[20]. Предполагается, что на его основе к 2009 г. будет подготовлена соответствующая директива. Действующее рамочное решение предусматривает уголовное наказание лица, признанного виновным в совершении действий насильственного характера в отношении ребенка, или в распространении детской порнографии. Однако проблема в том, что некоторые государства-члены на практике уклоняются от выполнения рамочного решения. Директива же, имеющая большую обязывающую силу, позволяет применить определенные санкции к недисциплинированным странам. Кроме того, Комиссия предложила составить базу данных лиц, уличенных в преступлениях на сексуальной почве, а также считать уголовным преступлением детскую порнографию в Интернете.

Важным событием в борьбе с торговлей людьми будет запуск в Евросоюзе системы оповещения в случае похищения ребенка и внедрение в государствах-членах единого номера, по которому можно будет позвонить в случае исчезновения ребенка. Этот единый номер – 116 000 – уже действует с января 2007 г., но пока лишь в Греции и Венгрии^[21].

Результаты выполнения Плана ЕС по борьбе с трафиком людей свидетельствуют об определенных успехах деятельности государств-членов, которые, тем не менее, не смогли кардинальным образом переломить ситуацию. Судебная статистика показывает, что случаев вынесения приговоров по торговле людьми всего лишь в нескольких странах ЕС слишком мало, чтобы говорить о надлежащем противодействии преступным группировкам. В 2006 году в Германии было зарегистрировано 353 дела о трафике, переданного в суд, в Бельгии и Болгарии – 291, Италии – 214, Австрии – 128, Португа-

[20] Council framework Decision 2004/68/JHA of 22 December 2003 on combating the sexual exploitation of children and child pornography Official Journal L 013, 20/01/2004

[21] Кудрина Л.Н. Пространство свободы, безопасности и правопорядка. Европейский Союз: факты и комментарии, выпуск 52, апрель-июнь 2008

лии – 65 и Великобритании – 65; всего в Евросоюзе – 1.569 случаев^[22]. Многие жертвы трафика не были признаны таковыми и остались без какой-либо поддержки. Мало того, очень часто они сами попадали в положение преступников и подлежали немедленной депортации, будучи лишены возможности не только получить легальный вид на жительство, но и воспользоваться медицинской и психологической помощью. План Комиссии по изменению ситуации включает несколько направлений: отчеты государств-членов о мерах, принятых по противодействию трафику; подготовка органов социальной защиты для оказания помощи жертвам, прежде всего детям; усиление координации действий национальных полицейских сил по расследованию преступлений и привлечению к суду, главным образом, через Европол и Евроюст. Например, Комиссия предложила добавить в рамочное решение Совета 2002 года о противодействии торговле людьми положение об освобождении жертвы трафика от уголовного преследования за нарушение иммиграционного режима, а также об оказании соответствующей помощи.

Не остался без внимания и такой способ проникновения в Евросоюз как заключение фиктивных браков. В ноябре 2008 года Совет пришел к согласию относительно усиления мер по противодействию фиктивным бракам между гражданами государств-членов ЕС и лицами из стран, в Евросоюз не входящих. Однако, воплотить такое намерение будет непросто, если иметь в виду, что придется вводить определенные ограничения свободы передвижения и семейного воссоединения. Тем не менее, данная мера признана в качестве одного из способов борьбы с нелегальной иммиграцией и будет разрабатываться в рамках новой «Стокгольмской программы».

Еще несколько инициатив в русле противодействия нелегальной иммиграции и организованной преступности направлены на укрепление внешних границ Евросоюза. В Сообщении в феврале 2008 года. Комиссия предложила создать электронную регистрационную систему въезда/выезда граждан третьих государств с целью отслеживания лиц, въезжающие в ЕС легально, но при этом остающихся на территории ЕС уже на нелегальных основаниях, например, по истечении краткосрочной визы. Система электронного учета въезда/выезда с автоматическим уведомлением иммиграционных властей об истечении срока действия виз остается, по мнению Комиссии, единственным способом выявления и пресечения попыток нелегально пребывания на территории Евросоюза граждан третьих государств^[23].

Сообщение Комиссии было опубликовано почти одновременно с ее предложением внести поправки в принятый в 2006 году Шенгенский кодекс о границах с тем, чтобы обеспечить эффективное использование Визовой информационной системы (ВИС) на внешних границах. Проект регламента, выдвинутый Комиссией, предполагает обязательное применение данных ВИС на границах с целью дальнейшего развития интегрированного управления границами Европейского Союза. Комиссия также предлагает внести поправки в Общую консульскую инструкцию относительно введения биометрических данных, включая организацию предоставления биометрических данных при приеме заявлений на получение визы. По мнению Комиссии, только биометрическая проверка способна со всей определенностью установить, что человек, намеревающийся въехать в шенгенскую зону – именно тот, кому была выдана виза. Поэтому систематические консультации с ВИС, включая проверку биометрических данных пограничниками, должна будет осуществляться при проверке каждого держателя визы^[24].

[22] Bulletin Quotidien Europe, 9765, 21.10.2008

[23] Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and social Committee and the Committee of the Regions Preparing the next steps in border management in the European Union of 13.2.2008 (COM(2008) 69 final)

[24] Proposal of the European Commission for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 562/2006 as regards the use of the Visa Information System (VIS) under the Schengen Borders Code Brussels, 27 February 2008 (28.02)

Агентство ФРОНТЕКС как инструмент борьбы с нелегальной иммиграцией

Усовершенствование охраны внешних границ Евросоюза всегда рассматривалось как один из методов противодействия нелегальной иммиграции.

В июне 2005 года в Варшаве начало работать новое Агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов ФРОНТЕКС (FRONTEX). Государства-члены, расположенные по периметру внешней границы ЕС, также возлагают большие надежды на Агентство, и, как оказывается, слишком большие. Материальные возможности и полномочия его ограничены, главную роль в обеспечении пограничной безопасности продолжают играть национальные пограничные службы. Задачи же ФРОНТЕКС, согласно «учредительному» регламенту (ЕС) № 2007/2004 состоят в следующем:

- Координация оперативных действий государств-членов по охране внешних границ;
- Развитие общей интегрированной модели оценки рисков и подготовка анализа специфических рисков;
- Оказание помощи государствам-членам в обучении персонала национальных пограничных служб посредством организации занятий на наднациональном уровне для инструкторов и проведения семинаров;
- Оказание помощи государствам-членам в организации ими совместных операций по депортации нелегальных иммигрантов; с этой целью Агентство может воспользоваться ресурсами Сообществ;
- Составление каталога успешных мероприятий государств-членов по высылке нелегальных иммигрантов.

Из всех перечисленных функций ФРОНТЕКС приоритетной считается анализ рисков на отдельных участках границы ЕС. В структуре Агентства для этих целей создано специальное подразделение, которое составляет аналитические разработки для проведения совместных операций государств-членов и следит за ситуацией на границах в целом, определяя численность иммигрантов, пути трафика и другие показатели. Аналитические данные поступает в Комиссию, Совет и Парламент, которые основываются на них при разработке своих документов. ФРОНТЕКС определяет степень серьезности положения на границах – есть ли необходимость начать совместную операцию, а также, какие технические средства следует использовать. Аналитическое подразделение участвует в подготовке операции, а затем систематизирует данные о результатах, готовит полный отчет, который поступает в распоряжение государств-членов.

В учредительном регламенте подчеркивается, что ответственность за контролем на внешних границах несут государства-члены, ФРОНТЕКС же облегчает применение имеющихся и находящихся в разработке коммуни-тарных мер по охране границ. В работе Агентства участвуют страны шенгенской группы, каждая из них имеет представителя в правлении, возглавляемом исполнительным директором. ФРОНТЕКС финансируется Комиссией и государствами ЕС^[25]. О значении, которое ЕС придает своему новому Агентству, свидетельствуют показатели ежегодного увеличения его финансирования из бюджета ЕС: 6,9 млн. евро в 2005 г., 19 млн. в 2006 г. и 70 млн. в 2008 г.^[26]. Более половины общего бюджета тратится на операции на морских границах.

[25] Council Regulation (EC) No 2007/2004 of 26 October 2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union. Official Journal 349 . 25.11.2004. Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 establishing a mechanism for the creation of Rapid Border Intervention Teams

[26] FRONTEX Annual Report, 2007, P.20

В 2007 году ФРОНТЕКС провел 22 операции, в ходе которых были задержаны 19 тысяч 225 нелегалов (41 тыс.476 на морских границах, 4 тыс. 225 – на сухопутных и 3 тыс.297 – в аэропортах). Самые крупные, продолжившиеся в 2008 году – «Наутилус» у берегов Сицилии и «Гера» у Канарских остров. Однако список можно продолжить за счет и других мероприятий: «Индало» (Гибралтарский пролив), «Посейдон» (Эгейское море), «Минерва» (порты Андалузии), «Гермес» (Сардиния и Балеарские о-ва), «Зевс» (порты Германии), «ФИФА» (Чемпионат мира по футболу в Германии в 2006 г.), «Нирис» (в Балтийском регионе против нелегальной иммиграции из Китая), «Гордый» (в Румынии, Словакии и Венгрии), «Урс» (в Румынии, Словакии, Венгрии и Польше)^[27]. В 2008 г. Агентство координировало обеспечение безопасности границ Австрии и Швейцарии во время чемпионата «Евро-2008».

В качестве примера можно рассмотреть операцию «Гордый» на молдавской границе. В последние годы граждане Молдовы составляли подавляющее большинство нелегальных иммигрантов, которых удавалось задержать на восточных границах ЕС. В апреле 2007 года ФРОНТЕКС начал совместную операцию с бюджетом 200 тыс. евро на территории Румынии, Венгрии и Словакии, в которой также участвовали эксперты из 12 государств-членов ЕС. В течение месяца тщательнейшим образом проверялись паспорта граждан Молдавии на пунктах перехода границы, где дежурили также и эксперты, которые изучали фальшивые документы и выясняли, откуда нелегалы прибыли к границе. В результате было выявлено 109 случаев нелегального пересечения границы, что касается попыток легального проникновения в ЕС с фальшивыми документами, то в 855 случаях они были пресечены^[28].

Морские же операции проводятся в гораздо более серьезных масштабах и требуют больших затрат. Так, бюджеты самых крупных операций «Гера» и «Наутилус», которые продолжались в несколько этапов с 2006 по 2008 годы, составляли от 3,5 до 8 млн. евро ежегодно. В ходе операций в 2006-2007 годах более 53 тыс. человек были задержаны у границ, более 2 тыс.900 фальшивых документов изъято и 58 перевозчиков арестовано. Эксперты из Франции, Португалии, Испании и Германии, приехавшие на Канарские о-ва и Лампедузу, в процессе беседы (интервью) с задержанными иммигрантами пытались установить личность нелегалов, воспользовавшихся поддельными документами и страну, откуда они приплыли. Богатой на улов оказались и этапы операций, проведенных в 2008 году. Операция «Наутилус 2008» стоимостью в 8 млн. евро проводилась при координации Евросоюза с мая по октябрь 2008 году силами Мальты, Италии, Франции, Германии и Греции. В этот период были задержаны десятки тысяч нелегалов, арестовано более пятисот перевозчиков^[29]. Если соотнести эти данные со статистикой ежегодного проникновения в ЕС нелегальных иммигрантов (350-500 тыс. человек), становится понятно, в каком тяжелом положении находятся страны, охраняющие южные границы ЕС. Кроме того, задержка в ходе одной операции примерно 10% нелегалов, прибывающих в ЕС, свидетельствует о результативности совместных операций, хотя деятельность ФРОНТЕКС неоднократно подвергалась критике за неоправданно завышенные расходы по проведению операций^[30].

В августе 2007 года полномочия ФРОНТЕКС были усилены в результате учреждения специальных отрядов быстрого реагирования RABIT для оказания поддержки государствам-членам ЕС в обстоятельствах, требующих усиленной технической и оперативной помощи на внешних грани-

[27] Ibid., P.23-24

[28] Ibid, P.25

[29] HERA 2008 and NAUTILUS 2008 Statistics, 09-12-2008

[30] См. например «FRONTEX: the EU external borders agency HOUSE OF LORDS European Union Committee 9th Report of Session 2007-08», P.28-29

цах. «Стратегический резерв» RABIT включает 300-500 специально обученных пограничников и экспертов национальных государств, которых ФРОНТЕКС может мобилизовать, когда одно или два государства-члена оказываются в непредвиденной и сложной ситуации вследствие значительного наплыва нелегальных иммигрантов. Это крайне важное нововведение, дающее основу для создания интегрированных отрядов для охраны внешней границы Евросоюза – Европейской пограничной службы. Данная идея обсуждалась и была отвергнута государствами-членами как преждевременная несколько лет назад. Функционирование отрядов RABIT дает основание Комиссии вернуться к ее разработке. Пока по существующему законодательству, члены команды имеют право участвовать в совместных операциях государств ЕС и носить оружие, но лишь для самозащиты. Во всех остальных случаях возможности применения оружия отрядом решается командованием национальных пограничных служб и регулируется законодательством государств-членов. Получается, что главной функцией отрядов является спасение утопающих иммигрантов, когда не приспособленные к серьезным путешествиям лодочки и катера переворачиваются в море. Вопрос о самостоятельной мобилизации RABIT в экстренных случаях пока рассматривается лишь гипотетически, поскольку официально запросов о подобных действиях со стороны государств-членов до сих пор не поступало. Чтобы представить себе, в каких случаях может потребоваться послать команду на какой-то участок границы, лидеры ФРОНТЕКС обычно вспоминают о штурме иммигрантами испанских анклавов Сеута и Мелилья в Марокко в сентябре 2005 года, когда на помощь были призваны испанские войска.

В этой же связи встает вопрос о пределе возможностей Агентства. В соответствии со ст.7 учредительного регламента ФРОНТЕКС создало Центральный реестр наличных технических средств (ЦРНТС/CRATE) для пограничного контроля и наблюдения, принадлежащих государствам-членам ЕС, которые они готовы предоставить на добровольной основе и по просьбе другого государства-члена ЕС, в распоряжение этого государства на определенный период времени. База данных ЦРНТС на данный момент содержит данные более чем о ста судах, более 20 самолетах и 25 вертолетах, а также о нескольких сотнях единиц оборудования пограничного контроля, такого как мобильные радарные установки, средства транспорта, термо-камеры и мобильные детекторы. Хотя в первую очередь эта база данных предназначена для использования на двусторонней основе между государствами-членами ЕС, она содержит сведения о наличной технике, которая может использоваться и в совместных операциях. Пока что для совместных операций техника использовалась ограниченно: в рамках операции «Посейдон-2007» (британские датчики сердцебиения) и операции «Гермес-2007» (французские самолеты «Фалькон»). С июля 2007 года государства-члены ЕС имеют доступ к централизованным реестрам наличных технических средств (ЦРНТС).

Техника, находящаяся на вооружении у ФРОНТЕКС служит камнем преткновения Агентства и государств-членов. В принципе, бюджет и законодательство позволяют Агентству иметь на вооружении собственную технику, однако, в количестве, явно не достаточном для проведения совместных операций. Поэтому в любом случае ФРОНТЕКСу приходится полагаться на ресурсы государств-членов, которые не всегда горят желанием их предоставить. Вот как выглядело техническое оснащение операции «Наутилус-2008»: Мальта выделила три судна и два самолета на весь период операции; Греция – одно судно на неделю; Испания также одно судно на десять дней; Германия – два вертолета на три недели; Италия и Франция – по одному самолету на неделю. При этом, в реестре ЦРНТС зарегистрировано 32 итальянских судна. Получается, что операция была ограничена в средствах,

что не согласовывается с масштабами наплыва нелегальных иммигрантов. Подобная ситуация дает основание директору ФРОНТЕКС, И.Латинену констатировать: «Мы все время слышим от государств-членов, что следует использовать отряды RABITs, чтобы остановить иммиграцию из Африки и, кроме того, развернуть как можно больше технических средств в регионе. Чем вызваны такие заявления? Тем, что ФРОНТЕКС обладает резервом в 21 самолет, 27 вертолетов и 116 судов? Это правда, но лишь на бумаге»^[31].

Мальта - маленькое островное государство - принимает на себя основной удар наплыва нелегалов по морю и выражает крайнее недовольство усилиям Евросоюза и государств-членов по оказанию помощи в регулировании иммиграционных потоков. Оценивая итоги операции «Наутилус», директор ФРОНТЕКС заявил, что ситуация в Средиземноморье тревожная, Патрулирование средиземноморских морских границ вдоль побережья Сицилии, Мальты и Ливии не смогло приостановить рост числа мигрантов, которые стремятся по морю достичь Италии, Греции и Мальты. С мая по сентябрь 2008 года 12 641 иммигрантов прибыли на итальянский остров Лампедузу и 2 192 высадились на Мальте. В целом в первой половине 2008 года поток нелегалов на Лампедузу увеличился на 190% по сравнению с 2007 годом. Мальта в 2007 году зарегистрировала рост иммиграции на 32%^[32]. Отмечается невероятная изворотливость криминальных группировок: перевозчики нелегалов затопляют лодки для того, чтобы тонущих спасали патрули и доставляли в страны назначения.

Несколько другой пример являет собой сотрудничество Польши с ФРОНТЕКС. Польша очень довольна тем обстоятельством, что штаб-квартира ФРОНТЕКС находится в Варшаве. Польская национальная пограничная служба выигрывает от участия в образовательных программах, использования аналитической информации, помощи ЕС в патрулировании внешней границы^[33]. Следует отметить, что штаб-квартиру в свое время решено было разместить в столице государства, которому предположительно пришлось бы нести самое тяжелое бремя по охране общей границы. Практика показала, что наиболее ответственный участок, требующий серьезных средств и помощи со стороны ЕС – южные морские границы. Операции же по патрулированию восточных границ, как уже было продемонстрировано, проводились в гораздо менее значимых масштабах. Тем не менее, они были очень важны с точки зрения оказания помощи вновь вступившим в Евросоюз странам, на которые возложена ответственность за охрану общей границы. При поддержке ФРОНТЕКС проводилось патрулирование украинно-польско-белорусской границы, во время которого были задержаны перевозчики и нелегалы, изъяты фальшивые документы, а также и настоящие, но чужие, принадлежавшие совсем другим людям, а не тем, кто пытался перейти с ними границу. Участие в совместной операции помогло польским пограничникам справиться с охраной участка границы, имеющей важное значение и для других государств-членов: именно здесь пролегает один из самых крупных путей нелегальной иммиграции.

Получается, что государства-члены оценивают деятельность ФРОНТЕКС крайне субъективно, возлагая на Агентство слишком большие надежды, которые по объективным причинам остаются не оправданными. Положительно оценивают деятельность Агентства те страны, которым не приходится сдерживать огромный наплыв нелегалов.

Между тем, крайне негативную роль в провале попыток ЕС противостоять притоку нелегалов на южных морских границах играет отказ пра-

[31] Bulletin Quotidien Europe 9747, 25.09.2008

[32] Bulletin Quotidien Europe 9747, 25.09.2008

[33] «FRONTEX: the EU external borders agency HOUSE OF LORDS European Union Committee 9th Report of Session 2007-08», PP.74-81

вительства Ливии от сотрудничества: при отсутствии соответствующих соглашений нелегальные иммигранты, перехваченные ФРОНТЕКС, не могут быть репатриированы, Ливия не принимает их обратно.

Именно поэтому сотрудничество с государствами-поставщиками нелегальной рабочей силы и странами транзита справедливо считается в Евросоюзе одним из необходимых средств противодействия трафику. Учредительный регламент наделяет ФРОНТЕКС полномочиями вести переговоры и заключать рабочие соглашения (протоколы и/или меморандумы взаимопонимания). Такие соглашения заключены с пограничными службами России (февраль 2006), Украины, Швейцарии, Молдовы и Грузии. Ведутся переговоры с Хорватией и консультации с Македонией, Турцией, Египтом, Ливией, Марокко, Мавританией, Сенегалом, Кабо-Верде. В меморандуме о взаимопонимании стороны договариваются об обмене информацией, успешным практическим опытом, исследованиях, совместных образовательных программах, анализе рисков, и на более поздних стадиях – о совместных оперативных действиях. В краткосрочной и среднесрочной перспективе ФРОНТЕКС предполагает начать переговоры со странами Западных Балкан, Западной Африки, США и Канадой.

С особенностями институциональной структуры пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС связано еще одно ограничение возможностей ФРОНТЕКС: в соответствии с Учредительным регламентом, будучи Агентством Евросоюза, оно не может вести борьбу с криминальными группировками, занимающимися поставками нелегальных иммигрантов, этот вид деятельности находится в компетенции государств-членов. На деле же, как показывает практика, сотрудникам ФРОНТЕКС приходится иметь дело с перевозчиками, и вообще, пограничный контроль сам по себе предполагает сотрудничество государств-членов в противодействии организованной преступности. Комиссия пытается найти решение этой существенной проблеме, однако, по всей вероятности, ситуация могла бы измениться лишь в случае вступления в силу Лиссабонского договора, в котором проведена реформа сферы внутренних дел и юстиции

Впоследствии можно было бы вернуться к предложению о «европейской пограничной службе» и «европейской полиции» с более широкими оперативными функциями, чем те, что есть у ФРОНТЕКС. Пока же вопрос о создании наднациональной структуры по охране общей границы Евросоюза на ближайшее будущее снят с повестки дня, наиболее оптимальным вариантом считается национальная компетенция на каждом отдельном участке границы при координирующей роли ФРОНТЕКС. Однако, это не означает, что не предпринимаются попытки усилить функции Агентства.

Пакет предложений Еврокомиссии предусматривает создание общей системы пограничного наблюдения - European Border Surveillance System (EUROSUR), направленной на пресечение нелегальной иммиграции и трансграничной преступности, главным образом, на южных границах Евросоюза^[34]. ФРОНТЕКС играет решающую роль в успешной подготовке такой системы, включая налаживание сети, которая объединит все системы морского наблюдения. На основании оценки деятельности Агентства^[35] Комиссия пришла к выводу, что ФРОНТЕКС мог бы стать центральным звеном в обмене оперативной информацией в реальном масштабе времени между государствами-членами ЕС. Кроме того, предоставление Агентству систематического и структурированного доступа к данным наблюдения могло бы послужить основой для разработки «информационной системы ФРОН-

[34] Communication of 13 February 2008 from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Examining the creation of a European border surveillance system (EUROSUR) [COM(2008)] 68 final

[35] Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and social Committee and the Committee of the Regions Report on the evaluation and future development of the FRONTEX Agency of 13.2.2008 (COM(2008) 67 final)

ТЕКС на базе разведывательных данных», нацеленной на внешние границы ЕС. Комиссия рассчитывает на вступление вышеупомянутых предложений в силу к 2012-2015 гг.

В этой связи важно отметить растущее взаимодействие между ФРОНТЕКС и другими агентствами ЕС – Евроюстом, СИТСЕН (информационным центром, ответственным за информацию о терроризме), и, прежде всего, с Европолом. Именно Европол заинтересован в обмене аналитической информацией о рисках на границах ЕС и путях нелегальной иммиграции. Учредительный регламент ФРОНТЕКС позволяет заключать рабочие соглашения или меморандумы о взаимопонимании между двумя организациями, хотя и без соглашения Агентства тесно сотрудничают в ходе совместных операций на границах, ФРОНТЕКС принимает участие в аналитической работе Европола по составлению отчетов о борьбе с организованной преступностью.

* * *

Нельзя не отдать должное растущей активности агентства ФРОНТЕКС и его стремлению играть важную роль в координации действий государств-членов по охране общей границы ЕС. Тем не менее, представляется очевидным, что сдерживание миграционных потоков на границах было и остается средством борьбы с симптомами тяжелого недуга (если можно так назвать нелегальную иммиграцию), а не ее корнями. Вряд ли возможно добиться прекращения нелегальной иммиграции полностью – спрос на сверхдешевую рабочую силу на рынках труда целиком подавить нереально. Кроме того, наличие огромного разрыва между уровнями жизни стран-экспортеров и импортеров мигрантов и впредь будет вызывать массового перемещения людей с одного континента на другой. Таким образом, взаимодействие «выталкивающего» и «притягивающего» факторов остается основой формирования миграционных потоков, в том числе и нелегальных. Однако, международное сообщество должно стремиться к ограничению доли нелегальных иммигрантов в общем числе прибывающих в страны назначения. И, что совершенно необходимо, так это решительные совместные действия против торговли людьми, именно этот феномен должен быть искоренен полностью.

Вряд ли стоит оспаривать очевидные достижения Евросоюза в сфере формирования общего подхода к иммиграционной политике, в том числе и борьбе с нелегальной иммиграцией, тем более, если принять во внимание традиционно различные взгляды на проблему у государств-членов и трудности в согласовании даже минимальных общих стандартов. За время, прошедшее с момента начала комунитаризации иммиграционной политики по Амстердамскому договору (1999), можно констатировать, что основы ее созданы уже и *de facto*. В то же время разногласия государств-членов по вопросам иммиграционной политики, в том числе, и борьбы с нелегальной иммиграцией, продолжают препятствовать достижению ощутимых результатов. Здесь мы наблюдаем классический пример противоречия европейской интеграции: между объективными потребностями интеграционной группировки в усилении сотрудничества и гармонизации действий и национальными интересами ее участников. Трудности в разработке и принятии нормативных актов, задержки в их имплементации на национальном уровне, недостаток во многих случаях солидарности государств-членов приводят к тому, что основную нагрузку по сдерживанию наплыва мигрантов продолжают нести государства, расположенные на границе Евросоюза, а также те, кто принимает у себя наибольшее число иностранцев. Реформа пространства свободы, безопасности и правосудия по Лиссабонскому договору могла бы расчистить путь для более сбалансированного подхода, в том числе, к

вопросам противодействия нелегальной иммиграции, удалив, прежде всего правовой и институциональный дуализм иммиграционной политики. Под ожидающуюся реформу разработаны все положения существующих и будущих программ развития пространства свободы, безопасности и правосудия. Хотя их реализация и происходит на основе вторичного законодательства, она сильно затруднена, пока не принята новая правовая основа развития пространства.

Анализ основных направлений политики ЕС (охрана границы ЕС, высылка нелегалов, уголовное преследование торговцев людьми и предпринимателей, использующих рабский труд, меры против фиктивных браков, информационный обмен и визовая политика, защита прав жертв торговцев, особенно детей) выявляет комплексный подход ЕС к феномену нелегальной иммиграции. Надо отдать должное Евросоюзу, в последние годы много усилий приложено для борьбы с «притягивающими факторами», а именно, преследованию не столько жертв трафика, сколько его организаторов и тех, кто использует труд иммигрантов незаконно. Кроме того, проблему нелегальной иммиграции невозможно решить вне общего развития иммиграционной политики, а также и пространства свободы, безопасности и правосудия в целом. Создание общих, хотя и минимальных стандартов, правил и процедур в рамках пространства, взаимное признание судебных решений, гармонизация основ уголовного законодательства государств-членов – все эти меры непосредственным образом способствуют укреплению такого важного направления как противодействие нелегальной иммиграции.

Все более возрастает значение международного сотрудничества в борьбе с угрозами внутренней безопасности. Взаимодействие со странами, не входящими в Европейский Союз, и международными организациями как часть внешней политики ЕС реализуется в форме разного рода соглашений, которые заключает ЕС, его агентства и ведомства, а также государства-члены, совместных оперативных действий, обмена информацией, образовательных программ. Отсутствие доверия между партнерами по борьбе с организованной преступностью, разногласия по экономическим и политическим вопросам играют на руку криминальным группировкам. Равная же ответственность за построение общеевропейского пространства внутренней безопасности, как главный принцип сотрудничества, способно принести ожидаемые результаты, как в ближайшее время, так и в долгосрочной перспективе.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ РЕЭМИГРАЦИИ, РЕПАТРИАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЯ СВЯЗЕЙ С ЭКСПАТРИАНТАМИ: РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА

ЧЕСНОКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия)

Одним из главных проявлений значимости культурного фактора как в политике, осуществляемой акторами мировой политики на международном уровне и направленной на регулирование этих трендов в глобальных/региональных масштабах, так и в национальной иммиграционной политике государств мира являются, во-первых, процессы реэмиграции так называемых соотечественников, а во-вторых, политика в отношении диаспоры соотечественников, проживающих за рубежом. Культурный (этнический и лингвистический) фактор играет определяющее значение в процессе разработки приоритетов национальной иммиграционной политики и ее последующей реализации. Это касается как правил адмисии иммигрантов, так и получаемого ими статуса в принимающем государстве.

Государственная политика, направленная на поощрение реэмиграции лиц, ранее выехавших из данной страны, как правило, является институционализацией стратегического взгляда правящей политической элиты соответствующей страны на зарубежные диаспоры соотечественников как на инструмент внешней политики, который можно использовать тем или иным способом для достижения государственных целей. В этом смысле политика поощрения реэмиграции обычно является не целью, а средством. Важно отметить, что стратегия управления реэмиграционными процессами не всегда инкорпорируется во внешнеполитический курс того или иного государства. Нередко, идея «возвращения соотечественников» изначально возникает и развивается на общественном уровне – в среде землячества экспатриантов, общин соплеменников и/или единоверцев, находящихся за пределами родины. В этом случае идея возвращения выступает средством консолидации зарубежной диаспоры и часто имеет религиозную подоплеку. Кроме того, реэмиграционный процесс может поощряться и превращаться в последовательно реализуемую политику не в странах исхода эмигрантов, а в странах их приема, либо в определенных международных организациях. Дело в том, что некоторые страны, имеющие избыточный уровень иммиграции реализуют специальные программы по содействию добровольному возвращению на родину части прибывающих и/или проживающих в стране прибытия иммигрантов. В то время как для международных организаций «реэмиграция» выступает формой глобального или регионального управления миграционными процессами, осуществляемого в целях экономического раз-

вития или из гуманитарных соображений. В двух последних случаях возвращение эмигрантов на родину становится для стран отдающих население скорее мерой навязываемой извне, нежели, чем внутренне назревшей, востребованной государством, обществом и экономикой потребностью.

Следует оговориться, что понятия «реэмиграция» и «репатриация» не являются синонимами. Первое широко используется для обозначения самого процесса добровольного возвращения в страну своего гражданства/страну постоянного проживания/происхождения, мигрантов, ранее выехавших по тем или иным причинам в другие страны. При этом не имеет значения, стимулирует ли принимающая страна процесс реэмиграции или нет. В то время как второе понятие используется для обозначения специально проводимой политики конкретного государства, направленной на возвращение соотечественников, которые ранее, как правило, в силу вооруженного конфликта оказались за пределами своей страны. Так, например, о репатриации принято говорить применительно к возвращению из-за рубежа военнопленных или интернированных лиц, беженцев и лиц, насильно изгнанных/вывезенных из своей страны. Реже понятие «репатриация» используется для обозначения государственной политики стимулирования возвращения в страну гражданства/постоянного проживания/происхождения лиц, которые добровольно или в силу внешних обстоятельств оказались на территории другого государства. Например, репатриацией официально именуется политика, проводимая в Израиле, Польше, Казахстане и Германии, поощряющая возвращение лиц соответствующей титульной национальности и их потомков на историческую родину, вне зависимости от того, как, когда и почему они покинули родную страну.

Анализ иммиграционной политики и иммиграционного законодательства стран, поощряющих реэмиграцию, как правило, показывает наличие сложного сочетания различных мотивационных факторов, заложенных в основу реализуемого курса. Такая сложность является следствием целого комплекса причин, среди которых: степень консенсуса в среде правящей элиты данного государства относительно того, кто такие соотечественники, проживающие за рубежом и для чего они необходимы стране; финансовая, законодательная и управленческая готовность властей целенаправленно и последовательно проводить политику реэмиграции этих соотечественников; уровень и регулярность контактов органов государственной власти с организациями и общественными объединениями экспатриантов за рубежом, а также степень институционализированности этих объединений; и, наконец, собственно желание и готовность тех, кого обозначают понятием «соотечественники» на определенных условиях вернуться на «историческую родину».

Очевидно, что решение различных стран имплементировать реэмиграционную стратегию в национальное законодательство, внешний и внутренний политический курс связано с различными причинами, обусловленными историческими особенностями развития каждой конкретной страны. Представляется возможным разделить все страны, реализующие такой внешнеполитический курс, на четыре группы. Для первой группы государств, возвращение соотечественников (собрание нации) это государствообразующая идея, которая давно и глубоко проникла в национальный менталитет и без которой немислима национальная культура и национальная идентичность (например, Израиль). Для второй группы государств – поощрение иммиграции соотечественников – это способ комплексного решения демографических и экономических проблем (речь идет о двух взаимосвязанных демографических проблемах: о сокращении рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства населения, что вызывает депопуляцию, а также об увеличении когорты лиц пенсионного возраста в общей структу-

ре населения страны, что ведет к «старению» населения. И то и другое неизбежно ведет к необходимости увеличения государственных расходов на социальное обеспечение пенсионеров, дефициту рабочей силы на рынке труда и т. д.). В данном случае, соотечественники приобретают особую ценность потому, что они владеют национальным языком, имеют представление о национальной культуре и традициях, а значит, минимизируются издержки, связанные с их интеграцией в принимающее общество на «исторической родине», а также решается задача сохранения и воспроизводства национальной культуры, языка, религии «государствообразующего» народа. Иными словами, в этих странах политика содействия возвращению соотечественников играет катализатора «желательной» иммиграции и сокращения «нежелательной». Одним из вариантов такой политики может являться поощрение иммиграции не соотечественников и их потомков по прямой нисходящей линии (или не только их), но и лиц, из определенных стран или регионов. Причем, и в этом случае всегда будет иметь место связь между страной донором и страной-реципиентом выражающаяся в общности определенного языка или религии, одинаковых этнических или расовых характеристик населения и/или наличия устойчивых исторических (культурных, коммерческих, военных и иных) контактов между принимающими и отдающими мигрантов странами. Такая политика реализуется не только в Европе, но и в большинстве стран мира, вне зависимости от региона). Для третьей группы государств, возвращение соотечественников – это инструмент аккумуляции инвестиционно-финансовых и научно-технологических ресурсов диаспоры, используемый для ускорения экономического развития страны. Он используется преимущественно странами Азии и Латинской Америки. Наконец, для четвертой группы государств политика привлечения и поддержки соотечественников является элементом официальной идеологии, направленной на обоснование определенных геополитических притязаний на восстановление или установление контроля над территориями, где проживают так называемые «соотечественники». Такую политику реализуют Китай, Россия. Кроме того, понятие «соотечественники», как правило, используется в контексте международных дискурсов об исторической принадлежности тех или иных территорий какому либо государству и легитимации соответствующих действий.

Последние десятилетия XIX в. и начало XX в. ознаменовались активизацией эмиграции из многих европейских (Россия, Ирландия, Италия, Франция, Германия, Греция) и некоторых азиатских (Япония, Китай, Индия) стран в Северную и Латинскую Америку, в Африку и страны Океании. Это достаточно быстро привело к появлению развитой и разветвленной сети множества этнических диаспор по всему миру. В первой половине XX в., процесс становления и укрепления диаспор стал сопровождаться постепенной институционализацией их отношений, с одной стороны, с правительствами принимающих стран и, с другой стороны, с правительствами стран исхода. Именно в это время процессы реэмиграции обретают в целом ряде государств мира форму последовательно реализуемой политики защиты прав соотечественников за рубежом и их возвращения на родину. Помимо репатриации в Израиль, в XX в. имело место немало примеров реэмиграции, и это всегда было связано с разными причинами и происходило в различных обстоятельствах. В 1910-х – 1920-х гг. проводимые Османской империей, а затем Турецкой республикой репрессии против армян, ассирийцев и греков, а также Первая и Вторая Балканские войны вызвали интенсивные добровольные и вынужденные миграционные перемещения населения на Балканском полуострове и в Малой Азии. Одним из главных миграционных трендов этого периода стало перемещение представителей раз-

ных этнических групп, преимущественно, армян, турок и греков на территорию национально-государственного самоопределения соответствующих народов.

Помимо ориентированной на репатриацию иммиграционной политики некоторых государств мира, следует отметить, что существуют также и программы реэмиграции, реализуемые не странами исхода, а правительствами некоторых стран, принимающих значительные потоки иммигрантов или структурами ООН. Так, например, в Германии, Франции и Швейцарии начиная со второй половины 1970-х гг. действуют программы содействия добровольной репатриации иммигрантов (как правило, речь идет о лицах ищущих убежища или имеющих статус беженца, либо лицах, пребывающих в стране на временной основе). Государственные программы включают в себя бесплатное консультирование и профессиональное обучение мигрантов; финансовую помощь и выплату специальных пособий на обустройство по возвращении на родину; бесплатную медицинскую помощь и содействие в организации переезда на родину. В рамках ООН, две организации непосредственно связаны с программами содействия добровольному возвращению иммигрантов на родину. Во-первых, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев реализует программы защиты беженцев, в том числе в виде содержания лагерей беженцев и перемещенных лиц и организации их добровольного возвращения на родину/в места постоянного проживания, по мере создания безопасных условий для возвращения, т.е. прекращения вооруженного конфликта или преодоления последствий стихийного бедствия. В 2005 г. УВКБ ООН способствовало добровольной репатриации 1,1 млн. человек, из которых наибольшее число пришлось на беженцев, вернувшихся в Афганистан, Либерию, Бурунди, Ирак и Анголу^[1]. Во-вторых, Международная организация по миграции, финансирует целый ряд региональных программ содействия добровольному возвращению и реинтеграции временных иммигрантов, действующих на территории Европы и Северной Америки. Основной задачей программ является оказание помощи в возвращении на родину, прежде всего, образованным и квалифицированным мигрантам – выходцам из стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы реэмиграции стали поистине глобальным феноменом, не только благодаря появлению и повсеместному использованию современных средств коммуникации и транспортировки, но и потому, что в мировые процессы реэмиграции включились такие демографические гиганты как Индия и Китай. Последний, использует реэмиграцию не только для привлечения финансовых ресурсов глобальной китайской диаспоры, но и как инструмент возвращения территорий населенных «соотечественниками» под юрисдикцию КНР. Таким образом, Китай уже включил в свой состав Гонконг (Сянган) в 1997 г. и Макао (Аомынь) в 1999 г. и в настоящее время сосредоточил усилия на возвращении Тайваня.

Также, на рубеже 1980-х – 1990-х гг. некоторые страны Западной Европы и большая часть стран Восточной Европы и бывшего СССР, испытывавшие острую потребность в поиске новой (постсоциалистической и постбиполярной) идентичности столкнулись с феноменом массовой иммиграции, появлению разнообразных и многочисленных диаспор. Многие из этих государств оказались не готовы к изменению общественной структуры в сторону полиэтничности и поликонфессиональности, а предлагаемая интеллигентами идеология мультикультурализма входила в радикальное противоречие либо с глубоко укоренными в менталитете традиционными со времен установления Вестфальской системы идеями нации-государства (у западных европейцев), либо потребностью в форсированном нацистроительстве

[1] Беженцы в цифрах - 2006. УВКБ ООН. Женева, 2006. С. 14.

(у восточных европейцев и на постсоветском пространстве). Поэтому, в большинстве европейских стран в сфере иммиграционной политики был сделан акцент на сохранении в стране ситуации доминирования определенной (государствообразующей) этнической группы, которая, одновременно, является носителем определенной, доминирующей (языковой, религиозной и бытовой) культуры. Учитывая тот факт, что на протяжении XVI–XX вв. абсолютное большинство европейских стран являлись странами эмиграции и, в процессе глобальной колонизации, более или менее активно отдавали население Северной и Латинской Америке, Австралии, в меньшей степени, Африке и некоторым странам Восточной и Южной Азии, совершенно очевидно, что за пределами Европы образовались многотысячные диаспоры выходцев из европейских стран и их потомков. Учитывая вышесказанное, а также, на фоне очевидного демографического спада при относительном социально-экономическом благополучии в Европе и нестабильном развитии бывших европейских колоний и зависимых территорий на современном этапе, в Европе возникла идея катализации процесса реэмиграции как универсального решения целого ряда проблем: этнонациональных, демографических, культурных и экономических. Следует отметить, что не только европейские, но и некоторые страны Азии также на протяжении XIX – XX вв. являлись источником эмигрантов, переселявшихся (а иногда – добровольно или принудительно переселяемых) с трудовыми целями, а затем и на постоянное место жительства чаще всего в соседние азиатские страны (из Индии – в Шри-Ланку и Фиджи; из Китая – в Малайзию и Вьетнам), в страны обеих Америк, реже – в Африку и государства Океании. Однако, единственной страной Азии, имеющей схожие с европейскими проблемы развития, в начале 1990-х гг. также сделавшей ставку на возвращение соотечественников из-за рубежа, была Япония. Аналогичным образом, интенсивный процесс реэмиграции в 1990-е гг. шел в странах Восточной и Южной Европы.

Можно утверждать, что миграции между близкородственными (в этническом и лингвистическом отношениях) народами составляют костяк миграционных процессов в регионе Восточной и Южной Европы, а также Латинской Америки. При этом весьма показательна динамика приобретения гражданства страны приема иммигрантами, которая находится в тесной корреляции с предыдущим гражданством или страной исхода иммигранта. Статус иммигранта по прибытии в страну назначения имеет немаловажное значение, поскольку очевидно, что не только гражданство, но даже и виды на жительство оформляются в соответствии с определенными приоритетами государственной политики страны приема в сфере иммиграции и натурализации.

Фактически, миграции между родственными не только в этноязыковом, но и в религиозно-культурном, равно как и в политико-историческом отношениях составляют (за некоторыми, впрочем, исключениями) костяк миграционных процессов вообще во всем мире. Особым вариантом таких миграций являются миграции между странами, ранее составлявшими и, иногда, составляющими по сей день политические союзы: империи, унии, содружества, федерации и др. В этом случае между народами, вступающими в контакт в результате иммиграционных процессов может не быть общих этнических корней или религиозных ценностей, но, как правило, присутствует языковое единство (определенный язык используется в качестве *lingua franca*), а также общая социальная и политическая история.

В качестве исключения следует рассматривать случаи возникновения в XX в. устойчивых миграционных связей между народами, ранее никогда не входивших ни в какие политические союзы, не имеющих никаких общих этнических корней, религии, истории и культуры и, наконец, далеко отсто-

ящих друг от друга географически и изначально начавших взаимодействие фактически исключительно только в коммерческих (связи, возникшие между Турцией и Германией с 1960-х гг., между Вьетнамом и СССР после 1981 г., а также между странами Персидского залива и рядом стран Юго-Восточной Азии с начала 1970-х гг. То же касается присутствия индийской и китайской диаспоры далеко за пределами азиатского региона, начало которому было положено еще в XIX в.); либо, реже, в военно-стратегических целях (в данном случае речь идет, например, о миграционных связях между Вьетнамом и США, возникших в начале 1970-х гг., между Афганистаном и СССР – в начале 1980-х гг.).

Показательно, что наиболее интенсивно реэмиграция идет именно из тех стран и регионов, в которых иммигрантам приходилось осваиваться в чужеродном для них культурном, религиозном, этническом и языковом пространстве. Существует немало примеров показывающих, что возвращение экспатриантов в страны эмиграции во многом обуславливается более или менее жестким отторжением принимающего общества и потребностью самих экспатриантов в восстановлении разорванных социально-родственных и культурно-языковых связей со страной эмиграции^[2]. В ряде случаев интенсивность репатриации может определяться наличием между принимающими и отдающими население государствами постколониальных связей или наличия в прошлом общей государственности^[3].

Несколько иная ситуация сложилась с реэмиграцией в странах Азии. Практически все страны Восточной и Южной Азии в настоящее время имеют достаточно разветвленную сеть диаспор по всему миру. Однако, отчасти по причине нестабильного и крайне неравномерного социально-экономического развития, а также ввиду достаточно высокого уровня естественного воспроизводства населения ни сами представители диаспоры, ни органы власти стран эмиграции не торопятся поощрять массовую реэмиграцию. Это, впрочем, не означает невнимания властей стран исхода к своим соотечественникам за рубежом. Напротив, в ряде азиатских стран существуют специальные правительственные структуры, отвечающие за изучение потребностей соответствующей диаспоры и использование ее возможностей для всестороннего развития родной страны. Как правило, это организация системы приема денежных переводов и инвестиционных средств, а также поощрение возвращения избранных соотечественников (т. е. образованных, опытных и высококвалифицированных специалистов).

Следует отметить, что термин «соотечественник» по смыслу и содержанию значительно варьируется от страны к стране. Для одних государств, соотечественник – это представитель определенной этнической группы, для других – лицо, владеющее определенным языком, исповедующее определенную религию или имеющее определенные исторические/юридические связи с данной страной. Вместе с тем, этот термин всегда выступает своего рода маркером, отличающим «своих» от «чужих» в иммиграционном притоке, а также фильтром, призванным еще на стадии разработки иммиграционной политики определить категории «желательных» для страны иммигрантов. В большинстве стран мира, являвшихся демографическими донорами, в 1980-е – 2000-е гг. были созданы специальные государственные органы, в компетенцию которых входит определение приоритетов в выстраивании связей с диаспорой соотечественников и контроль реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Содействие возвращению обычно не является единственной целью работы страны эмиграции со своими соотечественниками, нередко экспатрианты и их орга-

[2] Андреева Г. Государственная политика в отношении репатриантов и ее отражение в законодательстве. // <http://www.materick.ru/index.php?section=analytics&bulid=39&bulsectionid=2923>

[3] Чеснов А.С. Феномен постимперского развития и иммиграционная политика России // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург, 2006. Стр. 586 – 592.

низации используются как канал политического влияния за рубежом и/или источник инвестиций.

Следует отметить, что работа по организации реэмиграции соотечественников с различным успехом ведется не только государствами, но и различными социальными общностями, имеющими четкую групповую идентичность и высокую степень сплоченности. Ассоциации соотечественников могут быть сформированы на разных основаниях: землячество страны исхода, землячество страны пребывания, профессиональные союзы, культурно-религиозные ассоциации, трансграничные/межрегиональные/межмуниципальные координирующие органы, объединяющие отдельные иммигрантские общины. Благодаря коммуникациям и транспорту – проблема изначально дисперсных, изолированных и несплоченных общин в современном глобализованном мире решена. У современных диаспор, как правило, есть свои средства массовой информации, общественные объединения, лоббистские структуры и консультативные органы при органах власти страны иммиграции и, что очень важно, устойчивые каналы связи со страной исхода – финансово-инвестиционные, культурно-религиозные и семейно-родственные.

Многие иммигранты перечисляют часть своих доходов на родину в виде денежных переводов, из которых складывается более или менее значительная доля национального ВВП стран исхода^[4]. В случае достижения определенного уровня благосостояния эмигранты нередко начинают вкладывать средства в экономику страны исхода, как правило, в предприятия малого бизнеса, недвижимость и т. п. Кроме того, эмигранты в большинстве случаев продолжают использовать родной язык в повседневном общении, в том числе на рабочем месте. В условиях стрессовой ситуации отрыва от привычного социального контекста у многих эмигрантов актуализируется потребность в сохранении и поддержании своих национальных традиций, религии, языка, культуры и обычаев. В государствах имеющих относительно моноэтнический состав населения, напротив, соотечественником, как правило, считается лицо, имеющее определенное, документально подтверждаемое, этническое происхождение, нередко, при этом владение языком данной этнической группы и определенное вероисповедание являются ожидаемыми и желательными с точки зрения ускорения процесса интеграции после реэмиграции. Такой подход характерен, например, для Греции, Казахстана, стран Балтии, Израиля, Японии.

В этой связи показателен пример бангладешской диаспоры, 88 % представителей которой достаточно регулярно делают денежные переводы на родину, при этом главными назначениями платежей является поддержка семьи и уплата закята^[5], следом идут взносы на развитие общины, приобретение собственности, расходы на благотворительность и оказание помощи пострадавшим от природных катастроф, а также пожертвования политическим партиям и организациям. Следует отметить, что в 1971 г. эмигранты из Бангладеш, проживавшие в странах Запада, преимущественно, в Соединенном Королевстве и США, играли активную роль в борьбе Восточного Пакистана за независимость – организовывали общественные комитеты, собирали деньги, издавали СМИ, встречались с местными политическими лидерами и фактически формировали общественное мнение в странах проживания о ситуации в их родном государстве^[6]. С 1980-х по 2009 гг. аналогичная деятельность, была развернута тамилами – сторонниками создания государства Тамил-Илам, эмигрировавшими из Шри-Ланки в европейские стра-

[4] См.: Ozden, C., Schiff, M. International Migration, Remittances, and the Brain Drain. – Washington D.C., 2006

[5] Закят – один из пяти столпов веры в Исламе. Представляет собой милостыню, которую мусульмане обязаны выплачивать один раз в году и которая идет на благотворительные цели. Размер закята исчисляется по-разному в зависимости от категорий имущества, с которых он уплачивается, а также исходя из определенного имущественного минимума. Таким образом, сам по себе факт уплаты закята свидетельствует о сравнительном материальном благополучии мусульманина.

[6] См.: Siddiqui, T. Institutionalising Diaspora Linkage. The Emigrant Bangladeshis in UK and USA. Dhaka, 2004

ны. Однако, в связи с фактическим разгромом правительственным войсками Шри-Ланки отрядов Тигров освобождения Тамил-Илама (ТОТИ) и оккупации ранее подконтрольной им территории, а также признанием ТОТИ террористической организацией в странах ЕС, США, Канаде, Австралии и Индии пропагандистская деятельность тамил-экспатриантов не принесла желаемых результатов.

Интересно отметить, что на протяжении XX в. часть политической элиты многих государств (преимущественно, азиатских и африканских), до того как прийти к власти в родных странах получала образование и проживала в странах Западной Европы и Северной Америки.

Иногда, правительства государств, на территории которых сконцентрированы более или менее многочисленные диаспоры выходцев из разных стран пытаются извлечь из этого обстоятельства собственные политические дивиденды. Так, например, многочисленные общины кубинских эмигрантов, покинувших родину после 1959 г., сплоченные помимо общих этноконфессиональных характеристик еще и антикоммунистическими идеями, активно призывали США к противодействию кубинской революции, и были использованы армией и спецслужбами страны их принявшей для подготовки и осуществления интервенции в бухте Кочинос в 1961 г. В этом отношении не следует забывать о рассредоточенных по многим государствам Азии, Европы и Северной Америки общинах тибетцев и чеченцев, социально-политическая деятельность которых привлекает к ним внимание мировой общественности и не только превращает проблему их возвращения на историческую родину в событие глобальной значимости, но и делает эти общины одним из средств, используемых крупными мировыми акторами в глобальной конкуренции за власть, влияние и ресурсы.

Все государства, имеющие продолжительную историю эмиграции, результатом которой стало формирование разбросанных по всему миру диаспор экспатриантов, прилагают усилия по использованию потенциала и ресурсов соотечественников. Эти усилия предпринимаются одновременно в трех сферах: политической, правовой и институциональной.

В политической сфере результатом таких усилий становится разработка и утверждение на правительственном уровне стратегии работы с соотечественниками, чаще всего в форме концепции, в которой отражается принципиальная готовность политической элиты решать вопрос о возвращении соотечественников. В правовой сфере проводится работа по изменению и дополнению существующего законодательства о гражданстве с тем, чтобы облегчить получение такового иммигрантами-соотечественниками. В институциональном отношении это проявляется в создании специализированных учреждений в структуре органов власти, ответственных за реализацию конкретных программ работы с соотечественниками.

Однако политика поощрения реэмиграции не всегда приносит стране ее иницилирующей и проводящей ожидаемые и однозначные результаты. Реэмиграция соотечественников, проживающих в странах, отстающих в уровне экономического развития или сильно отличающихся в культурном плане от «родной» страны ведет скорее к дополнительным проблемам, нежели к каким-либо выгодам, как для самих реэмигрантов, так и для стран в которые они возвращаются. С такой ситуацией столкнулись, например, Германия, Казахстан и Япония. Этнические немцы, казахи и японцы, репатрирующие на родину, соответственно, из России, Китая и Бразилии, в большинстве своем достаточно сильно отличаются от местного населения страны прибытия в плане уровня квалификации, ментальности и уровня владения государственным языком. Это ведет к тому, что принимающая страна оказывается вынуждена тратить значительные средства не только на размеще-

ние и первичное социальное обеспечение экспатриантов, но также на их обучение, повышение квалификации, обучение языку, реализацию различных программ адаптации и аккультурации.

Политика, направленная на управление реэмиграционными процессами является важной составляющей внешней и внутренней политики многих государств мира, а ее реализация напрямую связана с глобальными миграционными трендами и современным состоянием и перспективами политического и социально-экономического развития различных регионов мира.

В настоящее время в мире функционируют созданные во второй половине XX в. несколькими группами государств международные организации, в которых формальный принцип общности государственного и/или официального языка положен в основу глубокого, но гибкого сотрудничества по широкому спектру вопросов – от культуры и искусства до промышленности и финансов. Не последнее место в межгосударственном диалоге внутри таких организаций обычно занимают вопросы кооперации в миграционной сфере. Очевидно, что далеко не всегда в бывших доминионах, владениях и зависимых территориях европейских империй формально декларируемый в качестве государственного или официального язык бывшей метрополии в действительности является широко и повсеместно распространенным языком общения. С другой стороны, не менее очевидно также и то, что именно язык бывшей метрополии используется в официальном документообороте, при обучении в учебных заведениях, в национальных средствах массовой информации и т. п. и, тем самым, служит не только интегрирующим различные этноконфессиональные группы и формирующим картину мира (через языковое восприятие), но и своего рода мостом между странами, в которых распространены схожие культурные (мировоззренческие) модели, основанные на одинаковом лингвистическом фундаменте. Именно поэтому такие международные объединения, за некоторыми исключениями, как правило, объединяют государства, ранее составлявшие колониальные империи. Так, Содружество наций объединяет большинство бывших колониальных владений Соединенного Королевства, Содружество португальязычных стран – Португалии, а Франкофония – Франции.

Остановимся подробнее на рассмотрении особенностей кооперации в миграционной сфере в этих международных объединениях.

Термин «Британское Содружество наций» начал употребляться в правящих кругах Британской империи еще в середине 1880-х гг., что было связано с эволюцией колониальной политики империи в направлении предоставления наиболее развитым ее территориям статуса самоуправляемых доминионов. В 1926 г. доминионы (Канада, Ньюфаундленд, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Ирландия) фактически были приравнены к независимым государствам, при этом формально оставаясь владениями британской короны. Вестминстерский статут 1931 г. установил правовой статус доминионов и их взаимоотношения с Соединенным Королевством. Наконец, в 1949 г. объединение изменило название и оформилось в существующем в настоящее время виде: главой Содружества наций является британский монарх, а членом Содружества может стать любое государство вне зависимости от формы правления, имевшее в прошлом политические связи между Соединенным Королевством или его доминионами. Единственным исключением из этого правила стал Мозамбик, никогда не являвшийся британской колонией и не имевший с ней политической взаимосвязи. В настоящее время в Содружество наций входят 53 государства^[7], объеди-

[7] В 2003 г. из Содружества вышло Зимбабве после принятия в 2002 г. главами правительств стран-членов Содружества решения о приостановлении участия Зимбабве в совещаниях лидеров и министров стран Содружества. За время существования Содружества во второй половине XX в. на разные периоды приостанавливалось членство ЮАР, Нигерии, Фиджи и Пакистана. Подробная информация о Содружестве – на официальном веб-сайте организации: <http://www.thecommonwealth.org/>

ненные с целью содействия развитию, демократии и мира. В 29 государствах английский является государственным языком и еще в 16 государствах английский входит в число двух или более официальных языков. Только в 8 странах английский не является ни государственным, ни официальным языком, однако и там он продолжает более или менее широко использоваться, особенно в сфере государственного управления, образования и культуры (Бангладеш, Пакистан Бруней-Даруссалам, Республика Кипр, Малайзия, Мальдивская Республика, Шри-Ланка, а также Мозамбик).

Институт гражданства Соединенного Королевства представляет собой комплексный феномен, сформировавшийся в силу различности политического курса, проводимого правительством страны по отношению к своим бывшим доминионам, колониям, протекторатам и зависимым территориям по мере приобретения последними полной независимости или ограниченного суверенитета. Во-первых, гражданство Соединенного Королевства могут получить лица, рожденные за границей в том случае, если хотя бы один из родителей – гражданин Соединенного Королевства. Во-вторых, статус гражданина Британских зависимых территорий могут получить жители Британских заморских территорий (Бермудские острова, Каймановы острова, Гибралтар, остров Св. Елены, британские военные базы на Кипре и др.). Эти два способа получения гражданства Соединенного Королевства активно используются иностранцами и в настоящее время. Нижеследующие четыре способа получения гражданства Соединенного Королевства были разрешены только непосредственно в момент обретения бывшей колонией независимости, и распространялось только на лиц, проживавших в ней в то время, но не на их потомков. Таким образом, в-третьих, статус Британского заморского гражданина могли получить жители Малайзии и Кении. В-четвертых, статус Британского субъекта имели право получить жители Индии и Ирландии. В-пятых, статус Британского гражданина (за рубежом) могли получить жители Гонконга. Наконец, статус лица, находящегося под британской защитой могли получить лица, проживавшие на территориях на которые распространялся британский мандат Лиги Наций или, позднее, на территориях, находившихся под британским мандатом ООН.

Отдельно следует сказать о гражданстве Содружества наций. В принципе, каждый гражданин страны, входящей в Содружество наций, а также Британский гражданин любой из вышеперечисленных категорий (за исключением пятой - лица, находящегося под британской защитой) автоматически является гражданином Содружества и обладает, на территории Соединенного Королевства, практически теми же гражданскими правами, что и граждане Королевства. Кроме того, на время пребывания в Соединенном Королевстве гражданам Содружества не требуется вставать на учет в полиции. Граждане Содружества, родившиеся до 1983 г. от родителей, являвшихся гражданами Соединенного Королевства, освобождаются от иммиграционного контроля и могут свободно жить и работать в стране. В случае, если лицо является гражданином любой из стран Содружества наций и имеет предков, родившихся в Соединенном Королевстве (без ограничения по времени) или Ирландии (до 1922 г.), то оно имеет право на получение, в упрощенном порядке, сначала иммиграционной визы сроком на 5 лет, а затем – права на бессрочное проживание и работу в Соединенном Королевстве.

Современная международная организация Франкофония также имела длительную историю. В 1960 г. впервые была проведена Конференция министров образования франкофонных государств. В 1970 г. на конференции в Нигере по инициативе франкофонных стран Африки и Азии было создано Агентство по культурному и техническому сотрудничеству, однако ин-

ституционализация Франкофонии произошла только в 1986 г. – на первом саммите, с которого организация начинает существовать в современном виде. Главным критерием для вступления в организацию является наличие в прошлом или настоящем политических связей с Францией или использование страной французского языка как государственного или официального. Однако многие страны вошли во Франкофонию исключительно в силу устойчивых исторических и широких культурных связей с Францией (например, Армения, Болгария, Молдова, Гана, Кабо-Верде и др.), возникшим не в последнюю очередь благодаря миграционным процессам.

Во Франкофонию^[8] в настоящее время входит 56 территориальных образований (как государств мира, так и отдельных субъектов в составе некоторых государств). При этом только в 29 государствах и 3 субъектах государств (Франкоязычное сообщество Бельгии, почти полностью совпадающее с регионом Валлония; Квебек и Нью-Брансуик – провинции Канады) французский язык является государственным (одним из государственных) или официальным. Среди основных задач, стоящих перед организацией сотрудничество значатся не только сотрудничество в сфере образования, науки и культуры и поддержка и развитие французского языка, но и мониторинг свободы, демократии и прав человека, а также реализация программ экономического развития во франкоговорящем мире.

Согласно законодательству Франции о гражданстве, в упрощенном порядке гражданство страны могут приобрести лица, в том случае, если они родились от родителей, проживающих во Франции, но не являющихся ее гражданами и родившихся в какой-либо из бывших колониальных владений Французской республики до того как Франция признала их суверенитет. Следует отметить, что независимость абсолютного большинства бывших французских колоний и заморских территорий была признана Францией в период с середины 1950-х по начало 1960-х гг.

Содружество португальязычных стран (СПЯС)^[9] – международная организация, созданная в 1996 г. и объединяющая восемь стран, в которых португальский язык является официальным государственным языком: Португалия, Ангола, Бразилия, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, а также Тимор-Лешти.

В СПЯС с 2004 г. действует Наблюдательный орган, отвечающий за мониторинг международных миграций между странами, входящими в организацию^[10], а с 1997 г. – регулярно проходят заседания глав национальных служб, отвечающих за иммиграционный и пограничный контроль.

В пакете из пяти соглашений касающихся ряда аспектов миграционного обмена между странами СПЯС^[11], подписанных странами Содружества 30 июля 2002 г. в Бразилиа, указывается, что бизнесмены, лица свободных профессий, ученые и исследователи, спортсмены, журналисты и артисты, являющиеся гражданами стран СПЯС имеют право на получение на облегченных условиях (в течение 7 дней; без уплаты консульских сборов; и с правом на прохождение таможенного и паспортного контроля в специально оборудованных пунктах пограничного пропуска для граждан стран СПЯС) многократных въездных виз в любое из государств Содружества.

Согласно законодательству Португалии о гражданстве, в упрощенном порядке гражданство страны могут приобрести жители индийского штата Гоа, в том случае, если они проживали там до аннексии этой территории Индией в 1961 г. Аналогичная схема применяется к жителям Тимора-Лешти, находившимся там до индонезийской оккупации в 1975 г. Кроме того, до

[8] Официальный веб-сайт организации: <http://www.francophonie.org/index.cfm>

[9] Официальный веб-сайт организации: <http://www.cplp.org/Default.aspx>

[10] Подробнее см. официальный веб-сайт: <http://www.sef.pt/cplp/new/>

[11] Тексты соглашений см. на официальном веб-сайте СПЯС: <http://www.cplp.org/Circulaçao.aspx?ID=185>

1999 г. гражданство Португалии автоматически предоставлялось жителям Макао, однако с переходом территории под административный контроль Китая, эта практика прекратилась.

Интересный пример представляют собой страны Скандинавии, составлявшие между собой различные политические альянсы, начиная с XIV в., и тесно связанные друг с другом в культурно-цивилизационном плане. В 1397-1523 гг. Дания на правах личной унии управляла Норвегией (в состав которой входили Исландия, Гренландия и Фарерские острова) и Швецией (в состав которой входила Финляндия). В 1523 г., с распадом Кальмарской унии Дания признает независимость Швеции. С 1536 по 1814 гг. существовало Датско-норвежское королевство, которое сменила Шведско-норвежская уния, прекратившая существование в 1905 г., в связи с провозглашением Норвегией независимости. В 1809-1917 гг. Финляндия являлась частью Российской империи. Последней в 1944 г. независимость от Дании получила Исландия.

В 1952 г. Норвегия, Швеция, Дания, Исландия (в 1955 г. к объединению присоединилась Финляндия) создали Северный совет^[12]. Уже в 1954 г. в рамках сотрудничества между странами была создан общий рынок труда, а в 1957 г. – паспортный союз, ставший основой взаимного безвизового пространства который позволяет гражданам стран-членов Северного совета свободно путешествовать, бессрочно жить и работать, а также иметь равный объем прав и обязанностей во всех пяти странах без каких-либо визовых и регистрационных процедур. Несмотря на то, что территория, охватываемая Северным паспортным союзом, пересекается с шенгенской зоной, для граждан стран Скандинавии предусмотрены дополнительные преференции, касающиеся упрощенного оформления вида на жительство/гражданства в другой скандинавской стране и необязательности паспорта в качестве документа, удостоверяющего личность.

Некоторые государства, ранее обладавшие широкими колониальными владениями, зависимыми или присоединенными территориями, после распада империй по разным причинам не сформировали на основе вновь образованных государств институционализированные союзы. Что, впрочем, не исключило продолжения активного экономического и культурного сотрудничества между ними уже в формате межгосударственного диалога. Это касается, прежде всего, Испании, России, Нидерландов и Бельгии. Однако эти государства стали проводить различную политику по отношению к бывшим зависимым и присоединенным территориям. Так, например, Нидерланды автоматически лишили гражданства метрополии жителей всех своих бывших колоний (Суринама и Индонезии) по достижению ими независимости. Единственным исключением остаются Нидерландские Антильские острова и Аруба, жители которых могут свободно иммигрировать в Нидерланды и получать гражданство без дополнительных условий, среди которых обязательность 5-ти летнего легального проживания в стране, прохождение специальных натурализационных тестов и т. п. В Бельгии исключение в виде упрощенного порядка получения гражданства для лиц, родившихся за рубежом сделано только для тех, кто родился от гражданина Бельгии или гражданки Бельгии, родившейся в Бельгии, Бельгийском Конго (до 1960 г.); в Бурунди или Руанде (до 1962 г.).

В Испании и России, напротив, сложилось иное, значительно более лояльное отношение к новым независимым странам-партнерам. Применительно к бывшим владениям Испании применяют понятие «испанидад», что означает совокупность стран (или некоторых территорий в составе государств), в становлении которых значительную роль сыграла испанская ко-

[12] Официальный веб-сайт организации: http://www.norden.org/en?set_language=en

лонизация, результатом которой стало широкое распространение испанского языка и католицизма. Так, испанский язык является государственным или официальным в 23 странах мира, из которых 19 расположены в Латинской и Центральной Америке, две – в Африке (Западная Сахара и Экваториальная Гвинея) и по одной – в Европе (собственно Испания) и Азии (Филиппины).

С декабря 2008 г. в Испании действует так называемый «Закон об исторической памяти», согласно которому, во-первых, эмигранты, родившиеся в Испании и их дети, имеют право сегодня получить гражданство Испании без обязательного предварительного проживания в стране в качестве легального резидента. Во-вторых, дети и внуки, проживающих за рубежом граждан Испании вне зависимости от места рождения, имеют право получить гражданство Испании после одного года легального проживания в стране. Этим же правом и с такими же условиями пользуются потомки евреев, в 1492 г. изгнанные из Испании в результате принятия Альгамбрского декрета. Наконец, в-третьих, жители всех бывших испанских колоний в Латинской Америке, а также Португалии, Андорры, Филиппин и Экваториальной Гвинеи имеют право получить гражданство Испании после двух лет легального проживания в стране. Отметим, что для всех остальных иностранцев этот срок составляет десять лет.

После распада СССР, первым международным объединением, в задачу которого входило, помимо прочего, сохранение культурных связей между народами, «оказавшимися» в новых независимых государствах, стало Содружество Независимых Государств, созданное в декабре 1991 г. Однако еще до создания СНГ, 19 августа 1991 г. в Москве был проведен Первый конгресс соотечественников, и, несмотря на то, что работа его была прервана путчем, произошло важное событие: во-первых, снимались все идеологические противопоставления как между различными группами российских эмигрантов за рубежом, так и между нами в целом и россиянами, проживающими в России. Вместо эмигрантов разных волн и их потомков возникло понятие соотечественники. Во-вторых, на заседании оргкомитета Конгресса было подчеркнуто, что «русский» означает не национальность соотечественника, а его самоидентификацию – т. е. отношение к русскому языку, культуре и истории как родным. В этой связи нельзя не отметить и роль религии в самоидентификации соотечественников. Так, например, многие белоэмигранты «отмечали, что быть православным для них означало чувствовать себя русским. Православие оставалось духовной опорой тех, кто верил в возрождение жизненного уклада прежней дореволюционной Российской державы, в уничтожение коммунизма и безбожия»^[13].

О стремлении России всемерно поддерживать соотечественников за рубежом Б. Н. Ельцин заявил в Указе Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» от 11 августа 1994 г. № 1681. Однако этот документ касался поддержки только тех соотечественников, которые проживают в государствах - участниках Содружества Независимых Государств и странах Балтии. Во второй половине 1990-х гг. реализация положений Указа была приостановлена объективными причинами экономического характера и фактически сводилась лишь к регулярным выражениям недовольства в адрес внутренней политики ряда стран СНГ и Балтии, прежде всего, Эстонии и Латвии, а также Казахстана, в отношении русскоязычного меньшинства.

За время своего президентства в 2000 – 2008 гг., В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно формулировал один из главных внешнеполити-

[13] Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. - 1996. - № 1. - С. 53-65.

ческих приоритетов России, заключающийся в комплексной целевой поддержке русского языка, русской культуры и соотечественников за рубежом: «Русскоязычное сообщество – вместе с гражданами России – сейчас занимает пятое место в мире. Десятки миллионов людей, говорящих, думающих, а, может быть, что еще важнее – чувствующих по-русски, проживают за пределами Российской Федерации»^[14]; «не только многонациональный народ России, но и миллионы наших соотечественников за рубежом, объединяет весь так называемый русский мир»^[15]; «российская диаспора за рубежом – это в известной степени часть России, вынесенная на периферию, если иметь в виду, что центром российской цивилизации является многонациональное Российское государство»^[16]. Следует отметить, что после вступления в мае 2008 г. в должность главы государства Д.А. Медведева, в риторике нового президента РФ сохранился тот же настрой: «взаимодействие с соотечественниками позволяет объединять наши усилия по продвижению в мире русского языка и ценностей российской культуры, способствует поддержанию высокого международного авторитета России»^[17].

Подводя итоги, отметим, что политика поощрения репатриации и реэмиграции, расширения связей с соотечественниками, проводимая в последние два десятилетия многими странами на всех континентах самым тесным и непосредственным образом связана с культурными императивами, закладываемыми странами, принимающими иммигрантов в основу не только иммиграционной политики как таковой, но и всего внешнеполитического курса страны в целом.

Некоторым империям и государствам, имевшим обширные присоединенные территории или колониальные владения, после распада, по разным причинам, не удалось создать вообще никаких «основанных на общей культуре» союзов со своими бывшими владениями и территориями, приобретшими статус независимых государств. Например, Австро-Венгрии, Германии, Италии и Турции. Но даже и в этих случаях можно наблюдать выстраивание четких миграционных каналов между указанными и некоторыми другими государствами, поскольку иммиграционная политика этих государств выстраивается либо на этнических основаниях, либо на целевом миграционном сотрудничестве с определенными государствами. Впоследствии когда в странах приема образуется устойчивая диаспора, а затем и общины разной величины и степени институционализации – тогда миграционные процессы приобретают характерную и устойчивую этнокультурную основу.

Культурные императивы, в свою очередь, представляют собой разделяемые как правящей элитой страны, так и большинством населения соответствующей страны достаточно устойчивые представления о том, что определенные параметры социума страны приема (язык, используемый большинством населения для общения; доминирующая религия; определенный этнический состав населения) не должны изменяться и потому их динамика должна находиться под строгим государственным контролем.

[14] Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 11 октября 2001 г. Москва. <http://2002.kremlin.ru/events/330.html>

[15] Вступительное слово Президента Российской Федерации В.В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 24 октября 2006 г. Санкт-Петербург, Таврический дворец. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112923.shtml>

[16] Заключительное слово Президента Российской Федерации В.В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 24 октября 2006 года Санкт-Петербург, Таврический дворец. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112924.shtml>

[17] Приветствие Президента Российской Федерации Д.А. Медведева участникам и гостям конференции «Соотечественники – потомки великих россиян». 7 июля 2008 года. Москва. <http://www.kremlin.ru/text/greets/2008/07/203723.shtml>

PRZESIEDLENIA DO POLSKI PO 1990 ROKU

DR. PAWEŁ HUT

Institut Polityki Społecznej
Uniwersytetu Warszawskiego

W świadomości społecznej utrwaliło się przekonanie, że repatriacja oznacza przyjazd do Polski osób narodowości polskiej ze Wschodu. Warto jednak podkreślić, że tradycyjnie pojęcie repatriacji służyło głównie do opisu migracji powrotnych z Zachodu (Francja, Belgia)^[1]. Zastosowanie tego terminu w okresie powojennym wynikało natomiast z przesłanek politycznych i nie znajdowało uzasadnienia z perspektywy socjologicznej lub etnograficznej^[2]. Niektórzy badacze uznają, że w przypadku wyjazdów z Kresów Wschodnich mamy do czynienia z procesem ekspatriacji, czyli opuszczania ojczyzny^[3]. Pojęciem repatriacji ewentualnie można określać wyjazdy z azjatyckiej części Związku Sowieckiego; należy jednak pamiętać, że dla większości Polaków w Kazachstanie czy na Syberii ojczyzną były Kresy Wschodnie, które po zakończeniu działań wojennych w 1945 roku znalazły się poza granicami RP. Jednocześnie wspomniane przyjazdy obejmują głównie osoby, które urodziły się i wychowały już w miejscu przymusowego osiedlenia. Złożoność losów Polaków w na Wschodzie powoduje chaos pojęciowy – dla opisu tego typu migracji proponuję przyjąć termin impatriacja, rozumiany jako uojejczyźnienie^[4].

W latach 1944-1960 do Polski w nowych granicach przyjechało około 2 milionów osób^[5]. W przeważającej części byli to polscy obywatele, którzy korzystając z zawartych pomiędzy władzami polskimi i sowieckimi umów, zdecydowali się przy akceptacji lokalnych władz na przesiedlenie do nowego miejsca. Dawni żołnierze Polskich Sił Zbrojnych na Zachodzie, więźniowie niemieckich obozów koncentracyjnych, a także uchodźcy wojenni w większości zdecydowali się na pozostanie na Zachodzie.

W latach 40. przesiedleniom ze Wschodu (Kresy Wschodnie, azjatycka część Związku Sowieckiego) towarzyszyły przesiedleńcze wyjazdy Niemców, Rusinów i Litwinów. Władze polskie w ten sposób uzyskiwały nieruchomości, które następnie przekazywano przyjezdnym. Szacuje się, że w tym czasie osiedlono około 1,2 miliona osób ze Wschodu w większości na Ziemiach Północnych i Zachodnich.

Skala i zasięg przesiedleń w latach 50. był nieporównanie mniejszy. Z Zachodu przyjechało w tym czasie do PRL zaledwie kilkanaście tysięcy osób, natomiast ćwierć miliona przesiedleńców pochodziło ze Związku Sowieckiego. Podobnie jak w latach wcześniejszych osiedleniu Polaków ze Wschodu towarzyszyły masowe wyjazdy ludności niemieckiej i żydowskiej, po których pozostawały mieszkania oraz gospodarstwa rolne.

Charakteryzując proces osiedlania Polaków poza granicami w PRL należy podkreślić, że problemy adaptacyjne nie miały tak istotnego znaczenia jak wspólnie, bowiem były to osoby wychowane i ukształtowane w środowisku

[1] Wiodące opracowania L. Krzywickiego i M. Niemyskiej-Hessenowej powstały w okresie międzywojennym.

[2] Należy podkreślić, że międzynarodowe porozumienia władz polskich i sowieckich z lat 40. mówią o ewakuacji.

[3] Z.J. Winnicki, *Fale migracji polskich na przestrzeni dziejów* (uwagi), s. 7 [w:] *Repatriacja jako element polityki demograficznej Polski*; Materiały z konferencji, Poznań 2004

[4] Zob. *Z dziejów Polaków w Kazachstanie 1936-1956*. Zbiór dokumentów w Archiwum Prezydenta Republiki Kazachstanu. Warszawa 2006 (przekład z wydanego w 2004 r. w Almaty *Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.)*).

[5] Część badaczy uznaje, że łącznie proces osiedlania się w PRL objął około 2,5 mln. osób.

polskim, kt re czasowo przebywały w odległych częściach ZSRS lub nigdy nie opuszczały rodzinnych stron na Kresach Wschodnich. Dodatkowo przesiedleńcy szybko i bez trudności znajdowali zatrudnienie w pracochłonnym przemyśle ciężkim lub w rolnictwie, wręcz można stwierdzić, że z perspektywy demograficznej ratowali niekt re obszary przed depopulacją, zaś z perspektywy – ekonomicznej, minimalizowali oni deficyty siły roboczej na krajowym rynku pracy.

Warto podkreślić, że w proces migracji do PRL zaangażowane były potężne siły społeczne. W ambasadach na terytorium Związku Sowieckiego istniał aparat organizujący akcję przesiedleńczą (Państwowy Urząd Repatriacyjny). Współ z ze stroną sowiecką organizowano pociągi, system aprowizacji, pomocy medycznej; po zachodniej stronie granicznego Bugu tworzone prężnie działające punkty recepcyjne – świadczące doraźną pomoc medyczną (gł wnie dla kobiet w ciąży) i umożliwiające załatwienie najpilniejszych formalności po przekroczeniu granicy. Po kilkutygodniowym pobycie w ośrodkach recepcyjnych Polacy z ZSRS byli osiedlani w miejscach docelowych. Z dzisiejszej perspektywy wydaje się to być zjawiskiem całkowicie kuriozalnym, ale warto wspomnieć, że na decyzję o skierowaniu transportu przesiedleńców w wpływ miały także przesłanki klimatyczne: Polak w z p łnocnych Kres w Wschodnich osiedlano na Pomorzu, zaś przybysz w z Małopolski Wschodniej – na Śląsku, Polacy z Polesia trafiali nad Odrę. Nad przebiegiem akcji osiedleńczej w kraju czuwały delegatury Państwowego Urzędu Repatriacyjnego, kt re mimo masowości akcji – bardzo dobrze radziły sobie z licznymi problemami (napięcia z niemieckojęzyczną ludnością autochtoniczną, napady grup przestępczych, przekazywanie mieszkań, załatwianie formalności, szczepienia zdrowotne i leczenie)^[6].

Od początku lat 60. Polska stała się już państwem, z kt rego wyłącznie emigrowano. Jednocześnie dane z przeprowadzanych w Związku Sowieckim spis w ludności m wiły o ponad 1,3 mln. os b narodowości polskiej, kt re mieszkaly na Kresach Wschodnich oraz w azjatyckiej części ZSRS^[7]. Jednakże ze względu na brak woli ze strony sowieckiej nie podjęto dalszych pr b kontynuowania akcji przesiedleńczej. Na kolejną szansę wyjazdu do historycznej ojczyzny Polacy ze Związku Sowieckiego musieli czekać trzy dekady.

Trzecia fala przesiedleńców do Polski rozpoczęła się wskutek zmian politycznych i społecznych w dawnym bloku wschodnim. Wydarzenia te stały się sygnałem do podjęcia pr b osiedlenia się w ojczyźnie przodk w przez Polak w - obywateli sowieckich. Korzystając ze sprzyjającej sytuacji politycznej oraz kontakt w rodzinnych w spos b spontaniczny osiedlano się w Polsce. Należy jednak podkreślić, że brakowało stosownych regulacji prawnych, kt re porządkowałyby tę sferę. Instytucje centralne zostały zmuszone do wytyczenia ram prawnych akcji przesiedleńczej, gdy pojawiły się problemy związane z zabezpieczeniem społecznym os b, kt re uzyskaly status repatrianta, ale jednocześnie w świetle obowiązujących przepis w nie miały prawa do świadczeń emerytalnych^[8].

Pierwszą pr bą uregulowania spraw związanych z przesiedlaniem się do RP os b narodowości Polskiej była ustawa o cudzoziemcach z 1997 roku. Warto dodać, że określała ona uprzywilejowany tryb nabycia obywatelstwa dla Polak w rozsianych po całym świecie, niezależnie od okoliczności, w wyniku kt rych osoby te znalazły się poza granicami ojczyzny. Prawdopodobnie jedynie niedoinformowanie środowisk polonijnych na Zachodzie spowodowało, że wyłącznie nielicznie wystąpili z wnioskami o wydanie wizy repatriacyjnej.

[6] Zob. K. Kersten, Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej. (Studium historyczne), Wrocław-Warszawa-Krak w-Gdańsk 1974 oraz M. Ruchniewicz, Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955-1959, Warszawa 2000.

[7] Zob. Итоги всеоюзной переписи населения 1959 года. Сводный том. Москва, 1962. С.184.

[8] Zob. M. Kurenda, Polityka repatriacyjna Polski; zarys ewolucji rozwiązań instytucjonalno-prawnych w latach 1918-1998, BSiE Sejmu RP, 1999.

Najwięcej wniosków w złożono na terytorium dzisiejszej Ukrainy oraz w Kazachstanie^[9].

Szacuje się, że na mocy przepisów obowiązujących do stycznia 2001 roku przybyło do RP około 2 tys. osób^[10]. Jednakże nie wiadomo: ilu z nich w czasie przemieszanych nadal pozostaje w Polsce?, ilu wyemigrowało na Zachód?, a ilu reemigrowało do kraju pochodzenia lub osiedliło się w innej części byłego ZSRS?

W listopadzie 2000 roku uchwalono ustawę o repatriacji. Był to pierwszy tej rangi akt prawny w Polsce, który odnosił się do całości do kwestii przesiedlania Polaków w granice do ojczyzny. Ponadto po raz pierwszy od zakończenia wojny polskie władze mogły samodzielnie określać zakres i sposób akcji przesiedleńczej; wszelkie ograniczenia narzucane poprzednio przez stronę sowiecką, ustąpiły. Ustawa wprowadziła jednak zasadniczą zmianę – uprzywilejowanym trybem przesiedlania mogły być objęte jedynie osoby, które do końca 2000 roku mieszkały na stałe w azjatyckiej części ZSRS^[11]. Dane Urzędu do Spraw Repatriacji i Cudzoziemców w Warszawie ukazują, że na mocy nowych przepisów przyjechało do kraju około 3 tys. osób^[12]. Tak radykalne ograniczenie obszaru, z którego planowano prowadzić akcję przesiedleńczą uzasadniano koniecznością uprzywilejowania przyjazdów Polaków z Kazachstanu. Uznano, że była to grupa szczególnie doświadczona przez sowiecki system represji i w związku z tym należy się jej wyjątkowa pomoc. Przyjęto – z dzisiejszej perspektywy widać to wyraźnie, mylnie założenie, że repatrianci z Kresów Wschodnich stanowią niejako konkurencję w wyścigu o zaproszenia gmin. W efekcie drastycznie ograniczono liczbę przesiedleńców z Łotwy, Litwy, Białorusi i Ukrainy, natomiast liczba repatriantów z azjatyckiej części byłego ZSRS pozostała prawie niezmienna^[13].

Tabela 1.

Liczba osób, które otrzymały wizę repatriacyjną w latach 1997-2005

rok	liczba osób, które przybyły do kraju z wizą repatriacyjną	ilość wydanych w Almaty wiz repatriacyjnych i zgód na pobyt czasowy (krewni przesiedleńców)	ilość wniosków o wydanie wizy repatriacyjnej i zgody na pobyt (krewni) złożonych w Almaty
1997	267	316	671
1998	399	236	808 + 90
1999	362	172	937 + 77
2000	944	361	929 + 97
2001	1000	216	933 + 118
2002	832	194 + 37	717 + 84
2003	455	156 + 27	552 + 34
2004	372	122 + 21	151 + 20
2005	335	155 (+42 dzieci) + 32	276 + 31
ogółem	4966	2087	6525

Źródło: dane Urzędu do Spraw Repatriacji i Cudzoziemców, Warszawa 2006r.

Analizując strukturę osób, które przesiedliły się po 1989 roku do Polski należy wskazać, że poza wyjątkami, byli to dawni obywatele Związku Sowieckiego. Podobnie jak w obu powojennych falach przesiedleńczych znaczną grupę stanowili Polacy z terytorium dzisiejszej Ukrainy. Osoby wchodzące

[9] Zob. P. Hut, Warunki życia i proces adaptacji repatriantów w Polsce w latach 1992-2000, Warszawa 2002

[10] Dane Departamentu Repatriacji i Obywatelstwa MSWiA, czerwiec 2001 roku.

[11] W ten sposób ustawodawca pragnął ułatwić przesiedlenie się do ojczyzny osobom, które wcześniej miały ograniczone możliwości wyjazdu do Polski w ramach „repatriacji”.

[12] Dane Departamentu Repatriacji i Obywatelstwa URiC, czerwiec 2006 roku

[13] Problem w szacunkach skali przesiedleń stanowi instytucja wizy repatriacyjnej – wiza R ważna jest przez rok, w tej sytuacji osoby, które otrzymały wizę przed 2001 r. mogły przyjechać do kraju w ciągu 12 miesięcy; ponadto wizę wydawano w czasie, gdy osoba była gotowa do przesiedlenia – spora grupa osób, które zostały zakwalifikowane na mocy wcześniejszych przepisów, przemieszła się już po 2001 roku.

w procedurę repatriacyjną często legitymują się wykształceniem wyższym – ta swoista nadreprezentatywność dobrze wykształconych, wynika z faktu wspierania przez rząd RP kształcenia w Polsce student w polonijnych. Pod koniec toku kształcenia duża część absolwent w polskich uczelni wyższych składa wnioski o repatriację^[14].

Drugą znaczącą grupę d przesiedleń w stanowią osoby ze średniego pokolenia, kt re wykształcone są znacznie gorzej. Nie znają języka polskiego w stopniu umożliwiającym swobodną komunikację, przyzwyczajone są do innych stosunk w społecznych i w efekcie adaptują się z dużymi trudnościami. Bez wątplenia na przebieg procesu adaptacji miało wpływ olbrzymie bezrobocie, kt re apogeum osiągnęło w pierwszej połowie nowego wieku – dane Gł wnego Urzędu Statystycznego ukazują, że w 2004 roku padł rekord pod względem liczby zarejestrowanych bezrobotnych (stopa bezrobocia przekroczyła 20%).

Oceniając przebieg wsp łczesnej fali przesiedleń do naszego kraju należy wskazać, że ze względu na brak woli politycznej, wynikający po części także z trudnej sytuacji gospodarczej Polski, kolejne rządy starały się odkładać zdecydowane rozwiązania tej kwestii na przyszłość. W efekcie blisko dziesięciokrotnie większa liczba Polak w z Kazachstanu zdecydowała się na przesiedlenie do Federacji Rosyjskiej^[15]. Kazachstańska Polonia została uszczuplona r wnieź w efekcie masowych wyjazd w do Niemiec i do Izraela^[16]. Aktualnie ocenia się, że z blisko 60 tys. Polak w żyjących w tej republice na początku lat 90., zostało około 40 tys. Os b^[17].

Głębokie przeobrażenia, kt re dokonały się w dawnej przestrzeni postsowieckiej – zaś szczeg łnie w jej części azjatyckiej, wywoływały zmienne natężenie zainteresowania wyjazdami do Polski. Na podstawie danych statystycznych można dowieść istnienia ścisłej zależności pomiędzy sytuacją ekonomiczną i społeczną, a chęcią osiedlenia się w Polsce. Największa presja wyjazdowa występowała w latach 90. W wezas, dynamicznie zmieniający się Kazachstan budził odczucia niepewności u ludności, kt ra napłynęła w czasach sowieckich. Jednocześnie korzystając z rozluźnienia rygor w migracyjnych rozpoczęto się masową akcją emigracyjną: Rosjan, Ukraińc w, Niemc w.

Zapoczątkowane w latach 90. spontaniczne przesiedlenia do Polski w ramach tzw. repatriacji nie pozwoliły władzom RP na osiągnięcie żadnego ze stawianych sobie cel w. Po pierwsze z uprzywilejowanego trybu przyjazdu do naszego kraju skorzystali najlepsi (często animatorzy życia polonijnego), co w niekorzystny spos b odbija się na polskich społecznościach na Wschodzie, kt re zostały w ten spos b pozbawione elit.

Po drugie – przesiedleńcy w większości przyjechali w latach, gdy wyź demograficzny lat 80. wchodził na krajowy rynek pracy, poważnie go destabilizując. Rodziło to swoistą rywalizację i niechęć w przyjmowaniu tzw. repatriant w. Po trzecie, prawie połowa przesiedleń w zamieszkała w trzech wojew dztwach: mazowieckim (754 osoby), dolnośląskim (600) i małopolskim (439). Wynikało to z faktu osiedlania się absolwent w polskich szk ł wyższych, kt rzy z czasem występowali o nadanie im polskiego obywatelstwa jako repatriantom. Tym samym strumienie migracji nie poprawiły wskaźnik w demograficznych w pasie wschodnim, co byłoby zjawiskiem pożądanym. Jak wspomniano przesiedleńcy wiązali swe losy z miejscami, gdzie wcześniej kończyli studia wyższe (Warszawa, Krak w) i gdzie było stosunkowo łatwo znaleźć zatrudnienie.

[14] Wynika to z zasad przyznawania stypendium Rządu RP dla student w polonijnych, jeśli student złożyłby wniosek przed zakończeniem studi w uzyskałby obywatelstwo RP ale utraciłby prawo do otrzymywania świadczenia.

[15] Z danych Urzędu do Spraw Repatriacji i Cudzoziemc w wynika, że z Kazachstanu przesiedliło się około 2 tys. os b; jednocześnie szacuje się, że do Federacji Rosyjskiej wyjechało ponad 20 tys. Polak w.

[16] Polacy w małżeństwach heteroetnicznych korzystali z uprzywilejowanego trybu osiedlania w Niemczech i w Izraelu.

[17] Zob. M. Gawęcki, *Kazachstańscy Polacy*, Warszawa 1996.

Tabela 2.
**Miejsce i
 struktura
 impatriantów
 w latach
 1998-2005**

Województwo	liczba osób	liczba rodzin
Dolnośląskie	600	203
Kujawsko-pomorskie	145	53
Lubelskie	288	155
Lubuskie	141	61
Łódzkie	212	88
Małopolskie	439	188
Mazowieckie	754	351
Opolskie	218	81
Podkarpackie	215	51
Podlaskie	287	103
Pomorskie	248	76
Śląskie	375	125
Świętokrzyskie	74	14
Warmińsko-mazurskie	117	47
Wielkopolskie	267	97
Zachodniopomorskie	319	86
Ogółem	4699	1179

Źródło: dane Urzędu do Spraw Repatriacji i Cudzoziemców, Warszawa 2006 r.

W kategoriach porażki można ocenić także dwa dalsze aspekty związane z przesiedleniami: przebieg procesu adaptacji oraz zaangażowanie lokalnych samorządów w pomoc przy zorganizowaniu przesiedleń. Zgodnie z intencjami ustawodawcy przyjęto, że administracja centralna zajmie się kwestiami formalnymi, natomiast o faktycznym przebiegu akcji przesiedleńczej zdecydować działacze samorządowi. Uznano, że dowolność i nie stwarzanie ograniczeń w ilości kierowanych zaproszeń spotykają się z zainteresowaniem lokalnych władz. Skromne zachęty finansowe (ekwiwalent za przekazane mieszkanie lub za stworzenie miejsca pracy dla repatrianta) i ogólna sytuacja na rynku pracy zniechęciły przedstawicieli samorządów do angażowania się w umożliwianie osiedlania się Polakom ze Wschodu. O rozmiarach ewentualnego zainteresowania przesiedleniem do ojczyzny przodków świadczy ewidencja systemu Rodak, w którym zarejestrowano około 2 tys. osób, w stosunku do których stwierdzono polskie pochodzenie, natomiast brakuje dla nich warunków do osiedlenia w Polsce. Niektóre z tych osób na możliwość zamieszkania w naszym kraju oczekują już ponad kilka lat. Obecnie – statystycznie, na jedno zaproszenie przypada dziesięcioro chętnych, przy czym nie oddaje to faktycznej sytuacji, bowiem strona zapraszająca (gmina) określa kryteria, które musi spełnić kandydat na impatrianta.

Przy projektowaniu zasad regulujących przesiedlenia założono, że samorządy będą zapraszały rodaków ze Wschodu z pobudek moralnych. Natomiast przedstawiciele lokalnych władz potraktowali przesiedlenia jako element polityki imigracyjnej i zaproszenia kierowano do profesjonalistów, którzy z łatwością zostaliby wchłonięci przez lokalne rynki pracy: anglistów, lekarzy, inżynierów. Należy nadmienić, że Polacy podlegający przez dziesięciolecia represyjnej polityce władz moskiewskich byli i są grupą słabo wykształconą i zajmującą mało znaczące miejsce w hierarchii społecznej w krajach pochodzenia. W efekcie oczekiwany napływ specjalistów w poszukiwanych na polskim rynku pracy nie powiódł się.

Pewną szansą na poprawę przebiegu procesu przesiedleń są obecne zmiany na krajowym rynku pracy, z którego do części państw unijnych odpłynęły tysiące pracowników w fizycznych. Słabo wykształceni i przyzwyczajeni do

ciężkiej pracy fizycznej Polacy z kazachstańskich kolchoz w mogliby – przynajmniej częściowo, po odpowiednim przeszkoleniu, uzupełnić deficyty na polskim rynku pracy. Brakuje jednak szerszej dyskusji na ten temat. Nie podjęto żadnych działań mających na celu poinformowanie pracodawców w ich zrzeszeń korporacyjnych o wsparciu przez władze RP tego typu migracji. Bez wątpienia to podmioty zatrudniające mogłyby wspólnie stać się akceleratorem akcji przesiedleńczej.

Na przebieg akcji przyjazd w Polak w ze Wschodu negatywny wpływ miał i ma utrwalony w społecznej świadomości stereotyp „ruskiego”. Osoby o specyficznych cechach osobowości, zacofanej i ubogiej. Właśnie istnienie tego stereotypu należy traktować jako jeden z kluczowych problemów w powodujących wstrzemięźliwość w umożliwianiu przesiedlania się do Polski. Dodatkowo został on utrwalony poprzez liczne przypadki trudności adaptacyjnych. Warto nadmienić, że wielu przesiedleńców boleśnie odczuło kontrast pomiędzy wyobrażeniami o warunkach życia w historycznej ojczyźnie i rzeczywistością; dla wielu oznaczało to szok kulturowy – przede wszystkim związany z brakiem kontaktów w nowym miejscu osiedlenia, skazaniem na samotność. Polacy ze Wschodu przyzwyczajeni do oswojonego środowiska społecznego z dużymi trudnościami nawiązywali kontakty z sąsiadami w nowym miejscu. Warto też podkreślić, że do Polski przyjechali najambitniejsi i najzamożniejsi, bowiem samo złożenie wniosku o wydanie wizy repatriacyjnej wymaga pokonania ogromnych odległości i poniesienia relatywnie olbrzymich wydatków^[18]. Do 2007 roku przedstawiciele Ministerstwa Spraw Zagranicznych nie podjęli żadnych działań pozwalających na określenie skali zainteresowania ewentualnym osiedleniem w Polsce; nadal brakuje wiarygodnej diagnozy, zaś ze względu na wysokie koszty zorganizowania wyjazdów w badawczych skupiskach polonijnych w Kazachstanie czy w Uzbekistanie podlegają monitorowaniu głównie przez pracowników w MSZ.

Przyjmuje się, że wskutek masowych ruchów migracyjnych w Azji Centralnej tysiące osób wyjechało przede wszystkim do różnych części Federacji Rosyjskiej. Trudności nastrożają nawet oszacowanie jak liczne są skupiska polskie na Wschodzie. Brak rozeznania w skali zainteresowania impatriacją uniemożliwia przedstawienie kompleksowych rozwiązań w tym zakresie. W sytuacji braku szerszego zainteresowania opinii publicznej w kraju, nie powinny dziwić wyniki badania sondażowego przeprowadzonego przez Instytut Badania Opinii GfK Polonia w 2004 roku. Wynika z nich, że zaledwie 56% polskiego społeczeństwa wie, co oznacza określenie repatriant. Niezależnie od znajomości tego pojęcia – 71% ankietowanych uznało, że repatrianci powinni być traktowani tak samo jak inni obywatele Polski, a zatem społeczna zgoda na uprzywilejowane traktowanie tej grupy ludności jest ograniczona. W dużym stopniu świadomość tej postawy polskiego społeczeństwa była czynnikiem hamującym podjęcie działań na szerszą skalę przez polskie elity polityczne. Na tle wcześniejszych wypowiedzi zaskakuje, że czterech na pięciu respondentów uważało także, że repatriacja stanowi moralną powinność wobec Polaków na Wschodzie. Bezpośrednio swoją pomoc repatriantom, którzy osiedlili się w Polsce zaoferowałyby co trzeci ankietowany.

Przedstawione tu regulacje dotyczące wybranych elementów w szerszej rozumianym procesie migracyjnym były i są nieadekwatne do potrzeb współczesnych uczestników w wędrówkach zewnętrznych. Utrwalony od połowy lat 90. stereotyp chronienia Polski przed napływem cudzoziemców w Polak w znacząco ograniczył skłonności naszych rodaków ze Wschodu do wyboru historycznej ojczyzny jako miejsca przyszłego osiedlenia. W czasach, gdy najbardziej poszukiwanym typem pracownika jest osoba, która nie stwarza

[18] Głównie skupiska ludności polskiej w Kazachstanie oddalone są od placówki dyplomatycznej RP o ponad tysiąc kilometrów.

głębszych problem w adaptacyjnych, przegrano wyścig o przyjazd takich osób z przestrzeni postsowieckiej do naszego kraju. Władze posiadają także coraz mniej instrumentów, aby uczestniczyć w procesie przesiedleń. Najkorzystniejszy moment do zorganizowania tego typu masowej akcji – początek lat 90., został utracony.

W kategoriach sukcesu nie można także ocenić wpływu ograniczenia akcji przesiedleńczej na wzmocnienie środowisk polskich na Wschodzie. Wskutek zmian demograficznych, społecznych i gospodarczych środowiska polskie na Wschodzie przeżywają regres. Przy uwzględnieniu struktury ludności polskiej w byłym Związku Sowieckim, pod względem wieku, płci, wykształcenia, miejsca osiedlenia czy wykonywanego zawodu, można przyjąć, że osoby te nie zmieniają pozytywnie i w istotny sposób wskaźnik w demograficznych w naszym kraju. Tylko część z nich jest w wieku produkcyjnym i ewentualnie mogłaby podjąć zatrudnienie, jednakże do przesiedlenia zniechęca także brak dobrych uregulowań w sferze zabezpieczenia społecznego, w tym brak porozumień w kwestii uznania za okresy składkowe czasu zatrudnienia za granicą; perspektywa otrzymywania najniższej emerytury z ZUS (około 170 USD miesięcznie) przy jednoczesnym podwyższeniu świadczeń w krajach pochodzenia ogranicza postawy emigracyjne. W zaistniałej sytuacji akcję przesiedleńczą należałoby potraktować w sposób szczególny i wyłączyć ze strategii całościowej polityki migracyjnej, bowiem obszary, na których mieszkają Polacy w byłym ZSRS dawno już zostały „wydrenowane” demograficznie. Tym samym proces przesiedleń rodaków ze Wschodu można traktować wyłącznie w kategoriach spłaty „długu moralnego”.

БЪЛГАРИТЕ ИЗВЪН БЪЛГАРИЯ 1878-1945 г.^[1]

ЙОРДАН К. КОЛЕВ

сотрудник Государственного агентства болгар, проживающих за границей

„Национално малцинство”, „национална общност”, „етническа група”, „диаспора”, „емигрантска” и „имигрантска общност”, „бежанска общност” са понятия, които и в началото на ХХІ в. имат силно влияние върху перспективите за развитието на човешките взаимоотношения в Европа и света. Живеем във време, когато идеята за европейско единство започва да изглежда осъществима, а с новите технологии и комуникации се проявява тенденцията към глобализация на света. Същевременно историческото мислене за политическата принадлежност не търпи сериозни промени, чувствата на хората за етническа и национална принадлежност не избледняват.

Българската нация се формира по модела етнос-държава-народ-нация. Процесът на формирането на нашата модерна нация протича на Балканския полуостров през XVIII-XIX в. и завършва към 1878 г. Българите са абсолютното мнозинство от населението в историко-географските области Мизия, Тракия и Македония. Етнонационалните граници на българите в територията на Османската империя са признати през 1870 г. чрез диоцеза на Българската Екзархия и през 1876 г. от Посланическата конференция в Цариград. Те се простират на север до р. Дунав, на изток до Черно море, на юг до Бяло море, на запад до р. Морава и на югозапад обхващат цялата историко-географска област Македония – повече от 215 000 кв.км. с повече от 7 милиона население като българите са повече от 6 милиона.

През периода на Руско-турската война 1877-1878 г. и след нея в българското етническо землище има масова миграция на населението. Мюсюлмани от Мизия и Северна Тракия мигрират в Македония, Южна Тракия и Мала Азия – територии останали под османска власт, а християни от Македония и Южна Тракия мигрират в Княжество България и в Източна Румелия. Миграция има и от страна на българите в Западните земи (етнолингвистичната граница между българи и сърби до края на XIX в. минава по долината на река Морава от вливането ѝ в Дунава до изворите ѝ в Косово) и в Северна Добруджа. Всички тези хора преживяват тежката участ на бежанци загубили дом и имот. Независимо от процесите на миграция и емиграция българите продължават да представляват абсолютно мнозинство от населението в етническите територии останали извън свободната част на отечеството.

Всички балкански държави са недоволни от решенията на Берлинския конгрес и се стремят към обединение на териториите със свои сънародници. Но има сериозни различия между претенциите на балканските държави. Българите искат политическите граници на държавата да се покриват със съществуващите етнически, а останалите държави искат териториално разширяване независимо от етническото съзнание и желание за държавна принадлежност на населението.

Показателно е, че съседните държави никога не се съгласяват с предложенията на България, от международна комисия да се извърши плебисцит, допитване до населението в спорните територии. До Втората световна война,

[1] Колев, Й. К. Българите извън България 1878-1945 г., С., 2005, Използвана литература, с. 351-367.

Сърбия, Гърция и Румъния не приемат и предложенията Македония, Западна Тракия или Добруджа да получат статут на автономни области или на независими държави. Те искат непременно дележ или цялостно завладяване на съответната област за да могат да асимилират населението с друго национално и етническо самосъзнание.

Българската държава насочва усилията си главно в подкрепа на българите в Македония и в по-малка степен в Тракия. Разчита се на етническата даденост, на безспорното мнозинство, което българите имат в Македония и Тракия, и не се извършва активна дипломатическа и пропагандна дейност за да бъдат намерени съюзници и подкрепа за осъществяването на националното обединение. Българите в Македония и Тракия, от една страна чувстват липсата на необходима българска пропаганда, а от друга агресията на гръцката и сръбска пропаганда. Чрез своята Вътрешна македоно-одринска революционна организация (ВМОРО), българските студентски организации в чужбина, българската емиграция в Европа, САЩ и Канада, те се стремят да пропагандират справедливостта на българската национално-обединителна кауза. Също да разобличават фалшификациите и клеветите на сръбския и гръцкия печат, да разкриват истината за насилията и убийствата извършвани от гръцката и сръбска въоръжена пропаганда.

През периода 1878-1903 г. българите в Македония и Тракия постигат сериозни успехи в изграждането на собствена училищна система. По степен на грамотност и процент на децата посещаващи училище, те изпреварват Сърбия и Гърция. Наред с борбата с мирни средства, през 1893 г. те създават ВМОРО и започват въоръжена националноосвободителна борба. Връх на въоръжената борба на българите в Македония и Тракия е Илинденско-Преображенското въстание, потушаването на което е възторжено приветствано в Атина и Белград. Срещу националноосвободителната борба на българите, Османската империя намира съюзници в лицето на гръцката и сръбската въоръжена пропаганда. След неуспеха на въстанието България започва подготовка за война с Османската империя. Тя става инициатор за създаване на Балкански съюз със Сърбия, Гърция и Черна Гора. Но при сключване на договорите от българска страна не е направено достатъчно за твърди договорености относно бъдещите граници, за по-голямо участие на българската войска в освобождаването на Македония, за сътрудничество и съюз с албанците, за неутрализиране на Румъния.

България мобилизира 592 000-на войска, по-голяма от тази на останалите три държави взети заедно, Сърбия – 190 000, Гърция 120 000 и Черна Гора – 30 000. Българската войска е хвърлена в Тракия срещу главните сили на Османската империя. Преди всичко с героизма и себеприщанието на българските войници империята е победена и заставена да отстъпи на съюзниците европейските си територии зад линията Мидия (на Черно море)-Енос (на Бяло /Егейско/ море).

Сърбия и Гърция се договарят за обща граница и дележ на Македония, до където са стигнали войските им и ако се наложи да воюват срещу България. Търсят съюз със Румъния. Още през март 1913 г. гърците и сръбите фактически започват Междусъюзническата война като подлагат на масов терор българите и провокират инциденти с малобройната в Македония българска войска за да я изтласкат от заетите позиции.

На 16 юни 1913 г. българската войска започва наказателна операция срещу позиции на сръбската и гръцката. Така България дава дълго чаканият повод на съюзниците, а след това е допусната нова грешка като е спряно настъплението и дадена възможност на Сърбия и Гърция да поемат инициативата.

Българските войници изпълняват своя дълг и приковават войските на Гърция, Сърбия и Черна Гора, но се намесват Румъния и Турция. Погрешната българска политика на дипломатическата сцена и надценяването на българските материални и човешки ресурси довеждат до национална катастрофа. На преговорите в Букурещ, жертвата България е обявена за виновен, а победеният няма приятели.

Сърбия, Гърция и Румъния подемат мащабна пропагандна война срещу България и европейския печат е изпълнен с публикации за “българските жестокости” и “българската вина”. Карнегиевата анкета, проведена през септември 1913 г., подготвя “безпристрастен доклад за информирани и осветляване на световното обществено мнение по истинските факти във връзка с двете Балкански войни от 1912-1913 г.” Но той е публикуван няколко дни след атентата в Сараево и в годините на Първата световна война не може да изчисти фалшификациите и клеветите върху България и българите. След септември 1915 г., когато България става съюзник на Централните сили, клеветническата кампания срещу българите е подновена и натрупаната литература се ползва до наши дни от медиите, а резултатите на Карнегиевата анкета знаят само специалистите.

Настъпва жестоко, страшно време за българите в Източна Тракия (част от Южна Тракия между Черно, Мраморно, Егейско море и долината на река Марица в долното ѝ течение), Македония, Добруджа. В Източна Тракия турските войски подлагат българите на геноцид и прогонване от родните им огнища. Вместо освобождение и обединение за българите в Македония настъпва много по-жестоко робство, защото победителите се стремят към обезбългаряване на завладяната територия с всички средства.

Започналата през август 1914 г. Първа световна война дава надежда за ревизия на Букурещкия договор. Но България много трудно може да си намери съюзници, защото е в противоречия с всичките си съседни. Няма никакво значение справедлива ли е или не българската кауза.

Емоционалната идея за освобождение на българите в Македония, тероризирани и избивани от сръбските и гръцки власти е използвана от цар Фердинанд и правителството на Радославов, България да стане съюзник на Централните сили. Но войната е спечелена от Антантата. На 29 септември в Солун е подписано примирие и България излиза от войната като оставя 400 000 войници и офицери за заложници. Българите в Македония, в Добруджа, Западните земи пак са оставени на милостта на победителите и на плахата надежда за справедлива мирна конференция, в духа на 14-те точки на президента на САЩ, Удроу Уилсън.

След Първата световна война е погребан династично-религиозният ред в Европа и тържествува националистическият принцип, идеята че политическите граници трябва да съответстват на етническите, също че управниците в етническо отношение не трябва да се различават от управляваните. Но на българите целенасочено се пречи да се обединят, според същия националистически принцип. По време на Парижката мирна конференция, победителите с изключение на делегацията на САЩ, не мислят кои от териториите населени с българи може да получи България или поне да се попита населението, каква държавна принадлежност предпочита. Предмет на разговорите между победителите са какви и колко територии да бъдат отнети от България и предадени на нейните съседни? Ньойският мирен договор с България, всъщност диктат, е точно определен като “акт на върховна неправда и отмъщение”. България е жестоко и неоправдано наказана с анексии, контрибуции и репарации, като са нарушени споразуменията в примирието, подписано в Солун.

По общо признание, в края на XIX и началото на XX век на Балканиите, българите и България са постигнали най-много в модернизацията на

обществото, превръщайки „Високата култура” в стандартизирана с масова грамотност и по-висока образованост. Водени от имперските си интереси Великите сили и подгласниците им от малките държави предават образованото, “по-културно” в модерния смисъл на думата, българско население в Македония, Южна Тракия и Добруджа на по-изостаналите в модернизацията си сръбска и гръцка, румънска и турска държави. Това обстоятелство изостря конфликта като от една страна предизвиква съпротивата на българите, а от друга прави свиреп сръбския, гръцкия и румънския шовинизъм, заложили единствено на завоеванието и терора. Новите власти заграбват в свои ръце целия стопански и културен живот, натрапвайки с безогледен терор и насилия своя “ред”. Срещу подобна “законна власт” не може да се оказва съпротива с мирни, законни средства.

За съпротивата на българите в Македония, Тракия и Добруджа, която не спира през целия период между Първата и Втората световна война, съседните държави и техните съюзени от Великите сили държат отговорна ограбената и разоръжена българска държава.

Наред с поредицата от хищническо-грабителски договори, Парижката конференция приема и решения за правата на озовалите се в положение на малцинства, около четиридесет милиона души. Според част от съдържанието на Сенжерменския договор от 29 ноември 1920 г., “малцинство” е сбор от лица, принадлежащи от една раса, една религия или говорещи на един език, различни от расата, религията или езика на мнозинството от жителите на страната. Създадената световна организация, Общество на народите (ОН) трябва да защитава правата на малцинствата. След разочарованието от създадената в Париж Версайската система от договори, българите оказали се в положението на малцинства, се стремят да получат поне обещаните малцинствени права. Властите на Кралството на сърби-хървати и словенци (от 1929 г. Югославия) отказва да предостави малцинствени права на своите поданици българи, защото според държавниците, политиците и учените в тази държава, в нейните граници българи няма.

В годините на Втората световна война България се вижда принудена да избира между окупация и съюз с Хитлерова Германия. Цар Борис III и българското правителство избират съюза и след окупирането на Гърция и Югославия от германските войски, българите в Македония и Западна Тракия посрещат българска войска и администрация с надеждата, че този път обединението на отечеството ще е по-трайно. На България са предадени за управление значителна част от Западните земи: околиците на Цариброд, Пирот, Бабушница, Сурдулица, Босилеград, Врания, Бояново; от Вардарска Македония: Крива паланка, Куманово, Скопие, Кочани, Кратово, Свети Никола, Велес, Брод, Берово, Радовиш, Щип, Неготин, Прилеп, Битоля, Крушево, Ресен, Охрид, Струмица, Дойран, Гевгели, Кавадарци; от Егейска Македония: Демир Хисар, Сяр, Зиляхово, Драма, Правище, Кавала, Саръ Шабан; от Западна Тракия: Ксанти, Гюмюрджина, Дедеагач и островите Тасос и Самотраки. Българското население посреща българските войници и администрация като освободители. В тези райони не се организира силно съпротивително движение. Във Вардарска Македония, слабата съпротива е на идейно-политическа, комунистическа, а не на национална основа. В Беломорската област има комунистически групи, и групи на национална съпротива.

В годините на война и несигурност българските власти извършват в посочените територии голяма съзидателна дейност. Възстановени са училищата и свободната културна изява на българите и няма извършени националистически погроми над мирното сръбско и гръцко население. Ремонтирани са старите и прокарани нови пътища, водопроводи, канализация, построени са

училища, църковни храмове. Във Вардарска Македония, през периода 1941-1944 г. като данъци от населението са събрани 2 милиарда лева, а в ремонти и ново строителство са вложени 37 милиарда и 300 милиона лева. В Беломорската област, която включва Западна Тракия и част от Егейска Македония между реките Места и Струма, в ремонти и ново строителство България влага 47 милиарда и 102 милиона лева. За 4 години във временно управлявани територии България построява повече отколкото сръбските и гръцки власти за 20 години. Но съюзниците от Антихитлеристката коалиция, Великобритания, САЩ и Съветския съюз още през 1943 г. решават, че след войната България ще бъде върната в границите си преди 1941 г.

* * *

След завладяването на Балканите и на почти цяла югоизточна Европа от Османската империя през XIV-XV век, в живота на българите настъпват сериозни промени. Наред с миграцията вътре в границите на империята групи българи излизат в кратка, по-продължителна и постоянна емиграция. Големи емиграционни вълни напуцат българската земя при завладяването през XIV-XV в., след въстания и при многобройните войни на Османската империя с Австрийската и Руската империя. Така се формират многобройни български общности в Средна и Източна Европа. През периода 1878-1945 г. емиграцията от българските земи продължава с различна интензивност, но в сравнение със свободната част на отечеството винаги е по-многобройна от териториите останали под чужда власт. Българската емиграция е главно икономическа, но в земите останали под чужда власт тя е и политическа, тъй като напуска родните си огнища поради терора и насилията над българите. Големи емиграционни вълни от Македония, Тракия, Добруджа, Западните земи има след неуспеха на Илинденско-Преображенското въстание, националните катастрофи след 1913 и 1919 г., кризата след Първата световна война.

Посочването на точни цифри за броя на българите емигранти е невъзможно, трудно е приемането дори на приблизителни числа. Българите емигранти от Македония, Тракия, Добруджа, Западните земи, също от Бесарабия, Банат и пр. са много повече от тези, които излизат от територията на Княжество (от 1908 г. Царство) България. В държавите приемници записват пристигащите емигранти главно според паспорта на държавата от която идват, а не според етническото или национално самосъзнание. Така българската диаспора повтаря съдбата на българската етническа територия, а денационализацията на българите продължава в държавите приемници.

След 1878 г. Княжество България, чрез Екзархията е в постоянна връзка с българите в Тракия и Македония. Но няма подобна институция или организация за духовна връзка с българите в Западните земи и Северна Добруджа. Поддържат се активни връзки с българите в Бесарабия и Румъния, а чрез студентите и градинарите, с българите в Средна и Западна Европа. До Балканските войни българската държава и Българската православна църква осъществяват контакт с българската емиграция в Северна Америка. Оказва се известна поддръжка на създадените български организации, главно на църковните настоятелства и на училищата. Но национална програма за опазване идентичността на българите останали извън държавната територия и на емиграцията разпръснала се по света не е изработена. След националните катастрофи 1913 и 1919 г. контактите с българите извън България са затруднени и занемарени. През 1927 г. в страната се проявява обществен интерес към българите в чужбина – създаден е Всебългарският съюз “Отец Паисий”. Пръв председател е Софийския митрополит Стефан, заместник председател проф. Иван Георгов. През 30-те години Всебългарският съюз осъществява контакти с българските общности по света и се раз-

бира, че българите в чужбина изпитват жажда за духовна връзка с родината. Става ясно, че броят на българите разпръснати се по света и не забравили своя корен, е много по-голям от съществуващата представа в България. Осъзнава се необходимостта от грижливо и системно проучване за броя на българите от диаспората. Отчита се характерната особеност на българската народопсихология, че с преселението българите не търсят приключения и печалба за сметка на други хора. Българите, преди всичко се стремят към спокоен труд, сигурен поминък и честна прехрана, макар и с непосилен труд. Масовите преселения на българите през годините на османското владичество, в края на XIX и първите десетилетия на XX в. са проява на този стремеж. Българите са лоялни поданици, изрядни данъкоплатци, честни работници и работодатели. Тези качества на българите ги правят желани и ценени работници навсякъде по света.

* * *

На територията обхваната от Руската империя и по-късно от СССР винаги присъстват български поселения. Руските власти се стремят да привличат дунавските българи за заселници, тъй като са отлични земеделци и занаятчии. През 1878 г. само в областта Бесарабия, по официални данни живеят повече от 70 хиляди българи. Получили земя и условия за спокоен труд, с пословично трудолюбие, стопански умения и предприемчивост, заселниците постигат добро материално благосъстояние. Те грижливо пазят и продължават етнокултурната традиция. Поддържат непрекъснатата връзка с отечеството и активно участват в общобългарското Възраждане. Постигнатото от диаспората на дунавските българи в Русия до края на XIX в. се оказва толкова трайно, че жестоките превратности на историята през XX в. не успяват да го разрушат. След 1878 г. мнозинството от българската интелигенция, формирана от тази диаспора, идва в свободната част на отечеството за да изгражда нова България. Само от Бесарабия са двама министър-председатели, седем министри, седем генерали, 25 полковници, двама ректори и шест професори на Софийския университет, много юристи, лекари, учители.

В края на XIX и началото на XX век в южните губернии на Русия, от България започват да идват градинари. В навечерието на Първата световна война, броят на тези градинари достига 4500 души. Те задоволяват потребностите на местния пазар от зеленчуци и увеличават българската диаспора. След 1918 г. до 1940 г. Бесарабия е в границите на Румъния. През 1930 г. българите в Бесарабия са около 300 хиляди. В Украйна и полуостров Крим живеят повече от 120 хиляди българи. Според Съюза на бесарабските българи през 1930 г. в цяла Бесарабия, Украйна и Крим живеят повече от 500 хиляди българи. По време на революцията в Русия, през периода на изграждането на социализма в Съветския Съюз, в годините на Втората световна война българите в Бесарабия, Украйна, Крим и цяла Русия преживяват терор, насилия, изселване в Сибир и Средна Азия. По официални данни през 1959 г. в целия Съветски Съюз българите са 500 хиляди души.

В Средна и Западна Европа българската диаспора, която има родова памет, че произхожда от дунавските българи се формира през периода XV-XX в. и става забележима след Първата световна война. По състав тя е предимно икономическа, но има и групи политическа емиграция. От икономическата емиграция характерна група са градинарите, които създават многолюдни колонии в Унгария, Чехословакия, Австрия, Полша и по-малобройни в Германия, Италия, Франция, Испания. С пословичен, денонощен труд, скромно до нищета бит, честни взаимоотношения с държавата приемник, с местните власти и хора, българите градинари спечелват уважението на цяла Европа. Заедно с градинарите мигрират и емигрират строители, сладкари, търговци и други.

Много млади българи следват във средни специални и висши учебни заведения в Русия, Средна и Западна Европа. През периода 1898-1908 г. в Министерството на просвещението са легализирани дипломите на 1593 българи от цялата етническа територия, Бесарабия и пр. завършили в 11 държави. Почти половината са завършили медицина и фармация, следват завършили право, инженерство и др. През 1927 г. по официални данни 1947 българи само от територията на България следват в чужбина. Най-голяма е групата във Франция, следвана от Германия, Австрия, Италия. Част от тези българи след завършването на образованието си или по-късно при специализация остават в страните където са учили. Така се създава българска емиграция от предимно образовани специалисти: лекари, художници, музиканти, инженери, архитекти и пр. С градинарите, в областта на производството на много и евтини зеленчуци, но и в агротехниката и селекцията, и с талантиливи, високообразовани специалисти в изкуствата, но и във всички останали области, България се явява като дарител на Европа и света. През периода 1878-1945 г. българите много повече са дали на другите народи и сравнително по-малко са взели за себе си.

* * *

През първата половина на ХХ в. най-многобройна емиграция от българи се отправя към Новия свят, към Северна и Латинска Америка. От 1878 до 1926 г. повече от 120 хиляди българи само от територията в границите на България емигрират в Северна и Латинска Америка. Значителна част от тези хора след известно време се връщат в родината, но 70 хиляди остават в Новия свят, главно в САЩ и Канада, и повече от 10 хиляди в Аржентина.

С представители на САЩ българското възрожденско общество се запознава през първата половина на ХІХ в., когато Османската империя разрешава на американски протестантски мисионери да работят по нашите земи. През 1863 г. в Цариград се открива известния Роберт колеж, в който до 1878 г. завършват 200 българи от Мизия, Тракия и Македония. Научили английски език и с подкрепата на протестантски мисионери, десетки млади българи заминават да учат в САЩ. През 70-те години на ХІХ век в САЩ вече практикуват лекари българи, завършили образованието си там. След 1878 г. потокът от студенти българи в САЩ бързо се увеличава. Още през 1890 г. в Ню Йорк се създава Българско студентско дружество. Част от завършилите образованието си остават в САЩ. Те не създават общности, но оказват подкрепа на българската икономическа емиграция, която започва да пристига в САЩ. Пристигат групи на българите градинари, но голямото разстояние, фермерското земеделие, ограничителните мерки на американските власти спрямо гурбетчиите, се оказват сериозна пречка. Работна ръка се търси главно в строителството, в изграждането на пътища и железопътни линии, в мините, заводите на тежката индустрия.

За броя на българите емигранти в САЩ до края на ХІХ в. се посочват цифри от 300 до 5000 души. До 1903 г. емиграцията е главно от свободната част на отечеството и предимно икономическа. Специално от Македония емиграцията рязко се увеличава след поражението на Илинденско-Преображенското въстание. Това е по-скоро политическа емиграция, защото българите се спасяват от терор и насилия. През 1903 г. само от Битолска област към Америка се отправят 4000 българи. През 1907 г. броя на българите, пристигнали в САЩ от цялата етническа територия в Югоизточна Европа надминава 100 хиляди. От територията на Княжество България са 21 372 души. След 1913 г. потокът от българи емигранти за САЩ отново си увеличава, особено от Македония, където новите господари, гръцките и сръбски власти се оказват много по-жестоки поробители от Османската империя. През 1917 г. САЩ въвеждат строги ограничителни мерки за емиграцията.

След 1921 г. за българи емигранти в САЩ е определена квота от 320 души. За обидият брой на имигрантите българи в САЩ до 1945 г. американската статистика дава малко и несигурни данни. До 1899 г. името българи не се употребява в американските документи. От 1899 до 1920 г. се дава обща цифра за емигрантите българи, сърби и черногорци. Народността се записва според паспорта на емигранта, а повечето българи имат османски, сръбски, гръцки, румънски, руски, австро-унгарски и прочие паспорти.

Българите пристигат в САЩ на източното крайбрежие и постепенно се предвижват на запад. Първи големи поселения възникват в щата Илинойс. Български квартали възникват в градовете Ист Сент Луис, Гранит сити и Мадисон. Макар че емигрантския поток минава през Ню Йорк, помногбройна българска колония в този град се обособява след Първата световна война. Но в Ню Йорк се събира голяма група българи специалисти – лекари, адвокати, художници, преподаватели в специални и висши учебни заведения. Български колонии възникват в щатите Пенсилвания, Охайо, Индиана, Мичиган, Мисури. По строящите се пътища и железопътни линии българите достигат Северна и Южна Дакота, Монтана, Юта, Невада, Аризона, до Орегон, Вашингтон и Калифорния на запад, да Флорида и Тексас на юг. Вече стана дума за щата Илинойс, неговия най-голям град Чикаго се превръща в един от центровете на българската емиграция от работници, занаятчии, търговци, интелигенция. Създават се земеделски, взаимоспомагателни, културно-просветни и политически организации. Друг подобен център е гр. Детройт в Мичиган, с различни организации, българска църква, две училища, оркестри, театрална трупа. В Северна Дакота през 1918 г. идва голяма група бесарабски българи и създава десетки земеделски ферми. В щата Оклахома се заселват банатски българи и създават земеделски ферми за зърнени храни и зеленчукопроизводство. Български колонии възникват и на Тихоокеанското крайбрежие. В щата Ню Мексико, през 1914 г. група българи полагат основите на нов град и му дават името София. Българи достигат до щата Аляска като златотърсачи, а след известно време като търговци. В столицата на САЩ, Вашингтон се събира значителна група от високообразовани българи.

През 1909-1910 г. българската емиграция в Северна Америка създава Български православни църковни общини и построява храмове, а 1921 г. Св. Синод на БПЦ създава “Духовна мисия в Америка”. През 1937 г. е създадена православна епархия за българите в Америка начело с Великия епископ Андрей.

Първото поколение българи пристигнало в САЩ, най-често няма специална подготовка и по-високо образование. То постъпва на работа, където не се изисква знаене на езика и специална квалификация – миньори, строители, металурзи и пр. След няколко години упорит труд и спестяване, занаятчиите откриват бръснарници, хлебарници, шивачници, общарници и пр., а търговците кафенета, магазини, хотели. След Първата световна война вече има собственици на акции в параходни и търговски агенции, адвокатски кантори, банки. Първоначално занаятчиите и търговците обслужват българи и клиенти от другите балкански и славянски страни. Но по-късно излизат на общоамериканския пазар. При второто поколение започва да се формира слой от специалисти, свободни професии. От свободните професии първа се формира групата на лекарите, сред които се изиявяват специалисти известни в САЩ и Канада. Втора значителна група са юристите, повечето от които работят като адвокати. Те помагат на останалите българи емигранти, на работниците при възникнали трудово-правни спорове, на занаятчиите и търговците, на различните дружества и политически организации. Сред емиграцията се издигат журналисти, които списват нейните вестници и спи-

сания, сътрудничат и в американските периодични издания. Формират се и групи в инженерно-техническата област – машинни и строителни инженери, архитекти, химици и пр. Българинът Иван Атанасов, пристига в САЩ 13 годишен от с. Бояджик, Ямболско. Успява да завърши средно и висше образование, специалност физика, а неговия син Джон-Винсент завършва електроинженерство и преподава математика и физика. През 1937 г. той открива принципа на електронната изчислителна машина и е признат за баща на компютъра. Друг българин, Асен Йорданов е признат за един от бащите на съвременната авиация – пилотаж, самолетостроене, приборостроене. Българи се изявяват в областта на изкуствата като артисти, художници, скулптори, в областта на спорта като Дан Колов и др.

Българите от Македония и Тракия не забравят останалите в робство свои близки. През 1899 г. се слага началото на Българо-македоно-одринско дружество “Левски”, което да помага в борбата за освобождение на българите в Македония и Тракия. От 1902 г. Дружество “Левски” започва да издава вестник “Борба”, първият вестник на български език в САЩ. През първото десетилетие на XX в. българите емигранти в САЩ създават взаимоспомагателни, културно-просветни, женски, църковни и политически организации. След войните 1912-1913 и 1915-1918 г. организационната дейност продължава със създаване на младежки дружества, просветителни клубове, читалища, музикални дружества, хорове, оркестри. Почти всички посочени организации са свързани с националноосвободителното движение в Македония, Тракия, Добруджа, Западните покрайнини. До 1945 г. в САЩ и Канада излизат 44 вестника и списания, 26 вестника стоят на национални позиции и се интересуват от положението в Македония и другите български земи под чужда власт, комунистическите издания са 9, социалистическите 4 и пр. Социалистическия и особено комунистическия печат слага “социалното” пред “националното”, води борба срещу българската буржоазия и националните организации, сиреч срещу всички останали. Така българите комунисти и в Америка работят за разделянето на българите от Македония от останалите българи, за отродяване на македонските българи от България.

Българската емиграция в САЩ и Канада има общи организации, общи периодични издания, общ културен и политически елит. Същевременно в канадския град Торонто се формира втората по численост и в редица отношения водеща по влияние българска колония. Границата между САЩ и Канада непрекъснато се преминава от нашите емигранти и трудно може да се посочи точната бройка на българите в двете държави поотделно.

В Латинска Америка най-предпочитана от българите емигранти е Аржентина. Сигурни данни за българи емигранти пристигнали в Аржентина и Уругвай има от 1906 г. Според аржентински документи от 1900 до 1910 г. в страната са влезли 10 хиляди българи, но в по-късни публикации това число не се потвърждава. Има логично предположение за позоваване на етнически произход, а не на държавно поданство, според паспорта на емигранта. През периода 1920-1926 г. от България емигрират 25 хиляди души, повечето от които пристигат в Латинска Америка, главно в Аржентина и по-малко в Уругвай, Бразилия, Венецуела. Не разполагаме с данни колко са българите емигранти от Македония, Тракия, Добруджа, Бесарабия и пр. До Аржентина достигат българите градинари и през 1930 г. в страната работят 1027 души. Те създават градини дори в сухата и студена Патагония, но трайно се установяват 300-400 души. В Аржентина идва икономическа и политическа емиграция от България. Вместо земя и бързи печалби, мнозинството от българите емигранти мизерства и намира само ниско платена обща и сезонна работа. Няколко хиляди българи, 1166 с подкрепа на аржентинската държава, отиват в рядко населената провинция Чако, да се занимават със

земеделие и скотовъдство. Те се проявяват като най-добри земеделци, които прилагат механизация и модерни агротехнически способности при отглеждането на памук.

Докато в Северна Америка мнозинството на българите емигранти е под влияние на патриотични организации, в Латинска Америка мнозинството е под влияние на левите социалистически и комунистически организации. Създават се клубове, културни дружества, накрая и училища, но няма църковни общини и храмове. Българо-македонските работнически просветителни клубове разпространяват мита за отделен македонски народ и вместо да обединяват, разделят българите. Преодоляването на езиковата бариера на испанския е последвано от изоставянето на българския език и децата родени в Аржентина от родители българи говорят само испански. Подобно е развитието на българските емигрантски колонии в Уругвай, Бразилия, Венецуела, като в последната държава не се стига до организационни структури.

* * *

За заселване на българи в континента-държава Австралия има сведения от последната четвърт на XIX в. След 1878 г. в южния континент идват българи извън свободната част на отечеството, главно от Македония. До 1945 г. в Австралия, от България идват около 1000, а от Македония, Румъния, Русия около 5-6 хиляди българи. По значими колонии се формират в Пърт, Мелбърн, Аделаида, Сидни, Бризбейн. Първа се оформя колонията в Пърт, главно от македонски българи. Бързо се развива и укрепва колонията в Аделаида, където пристигат градинари от Търновско, Поповско и Свищовско. Те създават печеливши градини и продават зеленчуци в цялата страна. Най-голямата българска колония през 30-те години се събира в Мелбърн. В рядко населената Австралия, където се търси работна ръка, младите българи често сменят работата си, а и поради големите разстояния трудно се създават организации. Дори градинарите в Аделаида не създават традиционното си дружество, само веднъж седмично се събират за да определят цената на зеленчуците.

България и БПЦ, до 1945 г. не отделят никакво внимание на българите в Австралия. В края на 20-те и началото на 30-те години, когато целия останал свят е обхванат от икономическа криза, българи от Северна и Латинска Америка идват в Австралия и по тяхна инициатива започва доставяне на вестник "Македонска трибуна" и създаване на организации. Първите организации на МПО са създадени през 1930 г. в Пърт и Сидни. През 1934 г. е създадена организация в Мелбърн и до края на 30-те години Народните македоно-български организации в Австралия стават пет. В годините между двете световни войни българите в Австралия и специално македонските българи са подложени на активна гръцка пропаганда, а в края на Втората световна война прониква и македонизма.

В Африка има силна българска колония в Египет, град Александрия. От средата на XIX в. до Първата световна война българите в този град държат в свои ръце производството и търговията с мляко и млечни произведения. В годините на войната англичаните обявяват българите за военнопленници и отнемат имотите им. През 1938 г. в Александрия българите са 100 души, но имат Дружество "Отец Паисий", клуб с библиотека и радиоапарат. В Кайро живеят 50-60 българи, но също имат Дружество "Св.св. Кирил и Методий". В годините на Втората световна война българите отново са арестувани от английските власти и много от тях се разоряват. Към края на войната от България започват да идват политически емигранти.

Според официално признатите в момента исторически източници Азиатския континент е родина на древните българи. В Мала Азия през цялото

Средновековие и през периода на Османското владичество има многобройни български общности. Българи монаси има в Синайските манастири, а в Ерусалим има българска църковна община. Българи търговци и занаятчии има в Бейрут, Дамаск, Багдат и други градове. В целият регион известен като Близкия Изток са известни българите майстори строители от Дебърско, Трънско, Родопите, Тревненско и Габровско.

България е единствената държава съюзник на Германия, която в годините на Втората световна война спасява своите евреи. След войната българските евреи са най-трудолюбивите строители на Израел. Тези хора и техните потомци тачат България като своя родина и са нейно лоби в чужбина.

KYRGYZ MIGRANTS IN THE CITY OF MOSCOW

ASEL DOOLOTKELDIYEVA

Research Associate Paris Institute of Political Studies
(Institut d'Études Politiques de Paris) - «Sciences Po» (Paris, France)

As in the other Central Asian republics, migration out of Kyrgyzstan, mainly to Russia, began with the disintegration of the Soviet Union. Between 1991 and 1994, it was characterized by the departure of the so-called European populations, mostly Russians, to their countries of origin. But beginning in the mid-1990s, emigration took on an economic aspect. Suffering from high rates of unemployment and declining standards of living, thousands of people and entire families flooded into Russia and, to a lesser degree, Kazakhstan.

Outward migration of the Kyrgyz population to Russia takes a number of forms. First are trips that specifically aim to earn enough money to finance a project such as the purchase of a car, the construction of a house, or payment for a medical treatment. Geographical proximity to Russia facilitates this occasional movement, which involves almost all social classes and age groups. However, people progressively considered these trips abroad as “normal” economic activity with its own manner of function; years or months of intensive work in Russia followed by a well-deserved rest back home, in a regularly repeating cycle. Like other in countries, some of the population of Kyrgyzstan began to see the country not as a place of development and opportunities, but as an ultimate destination for retirees.

Besides these temporary and circular flows, there has been a noticeable increase in the number of individuals permanently immigrating to Russia. Some in this category of immigrants chose to settle down in small to medium-sized regions and cities such as Astrakhan, Yekaterinburg, Samara, and even the island of Sakhalin. They come with their entire families, as their children have access to Russian public education. But most individuals head to Moscow in search of higher wages and other opportunities.

The Problem of Assessment

Such a range of movement makes it difficult to measure migration flows both out of the place of origin and into the host country. In addition, census methodologies have become old and inefficient. Today in Kyrgyzstan, the only source of information is the household survey. The first, and so far the last, examination of this kind was conducted in 2006, and covered a total of 1,040 households throughout the country. This survey revealed that 18,700 individuals had gone abroad for work, but according to its authors the study does not reflect the actual scale of the phenomenon due to insufficient coverage^[1]. Another type of documentation, conducted by the Ministry of Interior, is the departure notification application form. But it is not an alternative source of data since this announcement is optional and therefore does not reflect the real size of emigration. Accordingly, the National Committee of Statistics, which uses such data, does not provide adequate information. Given these difficulties,

[1] «Itogi edinovremennogo obsledovaniya naseleniya v iule 2006goda. Zanatost, besrabotica, trudovoi migraciya». National Committee of Statistics of the Kyrgyz Republic, Committee of Migration and Employment of the Kyrgyz Republic, Bishkek, 2007, in Russian.

the National Committee for Migration and Employment, which is in charge of migration policy, has recently attempted to quantify the number of migrants in Russia with the help of ethnic organizations active in almost all the regions where Kyrgyz citizens live. During her meeting with President Kurmanbek Bakiev on February 1, 2008, the head of the Committee, Aigul Ryskulova, revealed a figure of 253,000 migrants^[2]. If the census conducted by the aforementioned organizations is fairly accurate in small cities and regions, it might only be approximate in large cities, especially Moscow, where they do not have the same degree of access to all migrants.

Russia also does not have precise information on the number of foreigners working on its soil. Before the entry into effect on January 15, 2007, of new legislation on migration policy, foreign workers were registered every time they entered the country. With the legal stay for professional activity limited to a maximum of three months, the registration system was biased because of single individuals frequently crossing the border in a single year. At the end of the three-month period, foreign workers were obliged to leave Russia. Since the return to Kyrgyzstan was too expensive—three months' work would not pay for a return ticket—migrants preferred to travel to neighboring Ukraine and then to go back to Russia at a lesser expense and reduced time, again for three months. Each entry was then recorded like a new person, creating an illusion of saturation of the Russian market by foreign labor. This also explains the very different estimates of the number of immigrants, especially illegal ones. According to the researchers of the Russian Center for Migration Studies, it amounted to 3.5 to 4.5 million people in 2006^[3], while during the same year the Migration Service of Russia (FMS) identified 11 million people^[4]. Implementation of the new “very liberal”^[5] migration policy in January 2007, including the expansion and possibility of renewal of stays, would have regulated movement and allowed for the improved management of migration data. These recent improvements were nevertheless affected by the quota system, also introduced in January 2007.

Kyrgyz Migration Policy

Concerning the difficulty of evaluating and controlling migration in Kyrgyzstan, it should be noted that the inefficiency of the statistics system is not the only issue. More fundamentally, the Kyrgyz state did not employ any comprehensive migration policy and, until 2006, lacked concrete tools for its implementation. Up to that time, jurisdiction over migration was shared between several institutions, namely the Committee of Migration, the Ministry of Employment and of Foreign Affairs, and to a lesser degree, the Ministry of Interior. Undertaken in 2005, an institutional reform sought to overhaul governmental bodies in order to delegate migration matters, which were becoming gradually larger, to an independent and efficient institution. The merging of the Committee of Migration and the Ministry of Employment into a new structure, the Committee for Migration and Employment, reduced this superposition of institutional actors^[6].

The urgency of reform was also a state response of to growing social pressure inside Kyrgyz society, generated by repetitive violations of the rights of migrants abroad. An actual case of ill treatment of Kyrgyz workers during their work on

[2] «Aigul Ryskulova: v Rossii truditsya 253 tisach migrantov iz Kirghizstana» Aigul Ryskulova: 253,000 migrants from Kyrgyzstan work in Russia, February 1, 2008, <http://www.gazeta.kg/news/2008-02-01/3742>. According to its own employees, this website is frequently inaccessible because of its opposition orientation.

[3] For more information and to obtain free publications, visit the Internet site of the Russian Research Centre for Migration: <http://migrocenter.ru>, in Russian.

[4] Source: Russian Federal Service of Migration, 2006.

[5] Interviews with well-known Russian specialists in the field of migration, Zhanna Zaiontchkovskaia and Elena Turukanova, Moscow, December 2008.

[6] Interview with the national secretary of the Committee of Migration and Employment, Bishkek, March 2008.

a tobacco plantation in Kazakhstan during summer 2005 spurred the reform initiation.

It is interesting to note that the combination of the previously separate issues, those of migration and of employment, reflects the priority of the link the state established between them. This is far from a coincidence. In 2006, the unemployment rate reached 16.8 percent of the active population^[7], while about 500,000 Kyrgyz migrants working in Russia and Kazakhstan represented approximately one quarter of the active population, excluding those working in Turkey, China, and the United States. The link between the lack of jobs in Kyrgyzstan and the exodus of the population thus seems clear.

However, beyond the migration-employment puzzle with which the Kyrgyz state is currently concerned, a considerable departure of the population inevitably raises questions of national sovereignty. Is emigration a threat or deliverance for Kyrgyzstan? Should the state facilitate its organization or hold it back? What is the impact on the integrity of the territory and population? The desertion by migrants of the southern regions and their occupation by Tajik and Uzbek families in need of land are an example of plausible long-term impacts. Some parliamentarians, such as Murat Juraev, speak of a “creeping migration” leading to the changing of state borders due to the settlement of foreign families—even though these borders have still not been delineated with the neighboring countries—and describe the plausible risk of losing Kyrgyz territory^[8]. These land occupations are considered to be a threat to national security and in September 2008, the parliament passed a law on the protection of border areas. Specifically, it confers a special administrative status on a dozen villages along the border and provides social assistance to local populations in order to deter their departure. The law also prohibits foreigners from purchasing property in the border territories. This does not actually stop the activity; the law can be bypassed by buying a house in a Kyrgyz citizen’s name.

In short, how can the state conception of the Kyrgyz territory, population, and the borders change under the pressure of migration processes? Conversely, how does the issue of migration, made public, influence current political regime? In other words, does the free discussion of a mass exodus, which symbolizes basically the economic failure of the country, indicate the liberalization of the current political regime? The migration agenda becomes more complex as it unavoidably weakens the popularity and legitimacy of Kurmanbek Bakiyev’s government.

One of the major attributes of the constitution of the official migration policy was to provide greater visibility and transparency to the issue. As stated by Aigul Ryskulova, “Under President Askar Akayev^[9], discussion around the topic of migration was deliberately suppressed. And if it had a place, it was treated as a social phenomenon whose economic grounds were kept silent. Today, migration provokes not only debates, but a strong mobilization of public institutions”^[10]. It is true that, when analyzing the action of the new committee and the rhetoric surrounding the topic within the government and the media^[11], one can see that compared to its predecessor, Kurmanbek Bakiyev’s government more easily admits that socioeconomic difficulties are the main driver of emigration. Does it do so in order to blame the former regime for these problems and to gain new political capital? In fact, the government often dramatically portrays emigration

[7] Source: National Committee of Statistics of the Kyrgyz Republic, 2002-2006.

[8] «Murat Juraev: v sledstvií « polzuchei migracii» mi mojem poterat tret territorii strani» Murat Juraev: following “creeping migration” we can lose a third of our territory, March 6, 2008, <http://www.gazeta.kg/interview/2008-03-06/4450>, in Russian. Murat Juraev is a member of the Social Democratic Party.

[9] The first President of the Kyrgyz Republic; following the “Tulip Revolution” in March 2005, he left his post and sought refuge in Moscow.

[10] Aigul Ryskulova’s speech during the Intergovernmental Conference on Migration in Bishkek, March 2008. She is the head of the Committee of Migration and Employment.

[11] Some electronic newspapers like <http://www.fergana.ru> and <http://www.gazeta.kg> have created on their websites files entirely devoted to the topic of migration.

as an unwanted event, expressed in terms of sacrifice. Frequent use of the term “forced emigration” in political discourse, a label usually applied in times of armed conflict, helps to reinforce the “compulsory” departure of individuals, even while increasing numbers of migrants are driven in their choice of departure by economic rationales, specifically the need to save and the desire to consume.

Most importantly, the acceptance or even facilitation by the state of emigration of a large part of the population is linked to state efforts to avoid social tensions caused by the lack of employment. To limit or to prevent departures in a situation where economic stagnation hinders the creation of new jobs seems absurd. This concern is even stronger considering the current regime was brought to power in March 2005, in part thanks to young unemployed people on the outskirts of the capital, mobilized by alcoholic beverages. The looting that took place in the days after the “Tulip Revolution” demonstrated how this category of society was readily available, targeted, and destructive. The mobilization of unemployed youth has been a constant component of the demonstrations that have proliferated in response to some unpopular policies of Bakiyev.

Unemployment particularly affects new graduates, who cannot find jobs at the end of their studies. In this context, the opening of borders seems to considerably alleviate the labor market. The message sent to the population is one of social autonomy. In the transitional period wherein the regime moves from socialist to liberal, immigration is presented as a means of adaptation and a short- or medium-term response to the degradation of quality of life. If individuals feel able to migrate for employment, they should do so in order to solve their own financial problems, rather than wait for state assistance. To prevent a definite and massive outflow of labor and education, the government proposed a law on dual citizenship, which would aim to facilitate seasonal and circular mobility between the two countries. Its ratification was suspended.

However, the “retreat” of the state from private life, leading to greater freedom of movement, does not prevent it from seeking to control the financial transfers coming in from abroad. In 2008, migrants working in Russia sent 870 billion dollar using banking services, twice the amount in 2007^[12]. In addition, this number does not account for the billions of American dollars transferred through informal channels. Thus, official remittances represent about 43 percent of the Kyrgyz GDP, an unprecedented figure in the history of the country. This high figure explains the desire of the state to better manage transfers and their circulation between the two countries. It seeks to tax remittances, as Tajikistan does. Meanwhile, remittances have started to become a concrete form of development assistance. For instance, after the February 2008 earthquake in Naokat village, an association of migrants collected funds to help the families of victims recover. Can one then speak of the emergence of a new force whose financial power would have a potential to substitute the state?

At the Point of Arrival: A Sociological Portrait of Migrants

In Kyrgyzstan, as in the other republics of Central Asia, two groups seem to be particularly disposed to international mobility: young men who seek to gain financial independence from their parents, housing, and a spouse; and mature men who face continued financial challenges related to events such as the marriage of their children and funerals. These two groups fall within a broader category of people whose ages range from 16 to 50 years. Women are also beginning to swell the ranks of migrants. Kyrgyz women appear to depart

[12] “Migranty iz Kirghizstana, rabotauchi v Rossii, v 2008 godu pereslali na rodinu bolee \$870 millions” Kyrgyz migrants working in Russia sent more than \$870 million in 2008, January 26, 2009, <http://www.24.kg/community/2009/01/26/104271.html>, in Russian.

more frequently than those in Tajikistan and Uzbekistan, since traveling alone is less socially constrained for the former.

Because of their education during the Soviet era, generations older than 30-35 years are more fluent in the Russian language than younger people, but this does not necessarily translate into improved positions in Russia. As for the younger generation of migrants, it is less homogeneous, divided between those who have higher or specialized educations but could not find a job in Kyrgyzstan and those who migrated as soon as have obtained their first school certificate. The latter group increasingly grows. Russia therefore hosts immigrants from a variety of social groups, ranging from highly skilled individuals, like medical personnel and teachers, to completely unskilled laborers. According to Shabolotov Tajimamat, 37 percent of Kyrgyz migrants are employed on construction sites, 13 percent in trade, 11 percent in industry, 5 percent in transport and communications, 3 percent in agriculture, and the remaining 31 percent in other sectors of the Russian economy^[13].

In Kyrgyzstan, international emigration of individuals is often preceded by an internal migration from rural to urban areas. A profound agricultural crisis, the decreasing quality of social services, and especially the lack of employment in rural areas encourages individuals, especially the young, to travel to large cities for seasonal or temporary jobs or to permanently settle there. Villages are thus deserted to the extent that it has become necessary to mobilize women and the elderly to plow fields and organize the harvest. At the social level, the abandonment of rural areas by men challenges traditional societal relations and customs, such as weddings and funerals. Consequently, in their absence it is impossible to carry out a funeral ceremony, a task normally performed by men according to the Muslim tradition.

According to official estimates of the National Committee of Statistics, between 1991 and 2005, the total volume of interregional displacement involved some 889,921 people, although this figure might not correspond to the actual social reality^[14]. The main destinations of internal migrants are the capital of Bishkek and the province of Tchui. These localities are experiencing difficulties in adapting their infrastructures and are no longer able to absorb these massive inflows of people. Official statistics also point to reduced employment opportunities. Unemployment rates in Bishkek and Osh, the two largest cities of the country, are high at 14.6 percent and 22.9 percent of their respective active populations^[15]. The failure of the rural population to integrate in urban areas is thus often followed by their expatriation to Russia. This trend was particularly pronounced in recent years. The rural exodus is no longer considered a reliable means of earning a living.

Russian Migration Policy

Russia remains the primary destination for Kyrgyz migrants. This host country offers great possibilities for saving due to its higher wages and does not require an entry visa, therefore not imposing cumbersome administrative procedures and long waits before departure. Moreover, Moscow has not yet established a system of labor force selection, like in other high immigration countries such as France or Canada, even though the idea is progressively spreading within Russian political circles. Finally, the common language of the post-Soviet space, Russian, eases the integration and work of migrants, former

[13] Interview with Shabolotov Tajimamat, former head of the main overseas bureau of the Committee of Migration and Employment in Moscow, March 2008.

[14] See the analytical report «Uslavia i sostoianie socialnoi reabilitacii trudovih migrantov – grajdan Kirgizskoi Respubliki, posle vozvrachenia na rodinu» Conditions and state of social rehabilitation of labor migrants - citizens of the Kyrgyz Republic - after returning home, international organization "PACT", Social Research Center of the American University in Central Asia, Bishkek, 2007.

[15] Source: National Committee of statistics of the Kyrgyz Republic, 2002-2006.

Soviet citizens. These provisions did not however set up sufficient conditions for a regulated professional stay for the majority of migrants. In January 2007, when Russian migration policy was liberalized, only 10 percent of Kyrgyz workers were there legally^[16]. With the new legislative changes, at least 30 percent of all foreign workers, all nationalities combined, were legalized and 85 percent gained the ability to register, compared to 54 percent prior to the reform^[17]. However, inadequate management of the quota system, which was also introduced in January 2007, has hindered the final regularization of migrants.

Indeed, the Russian government designed the quota system so that the number of migrant workers entering its territory would correspond to the real needs of the domestic labor market. It was then decided that the federal quota would be set annually using figures provided by regional administrations in charge of assessing labor needs by centralizing the requests from the private and public sectors. In conformity with the law, these requests must be submitted to local administrations in May of each year in order to benefit from the quota the following year. However, many companies function on the basis of allocated credits and cannot therefore formulate and communicate their needs until the end of the year. Consequently, they do not submit applications, but may later acquire workers on a quota since there is no administrative control over quota requestors or the quantity of migrants requested.

This technical defect, in addition to the absence of an efficient mechanism to assess the real volume of migrants, has led to the establishment of insufficient quotas that do not correspond to actual demand. During the two years following the introduction of the quota system, all the working permits allocated for the entire year were distributed by June. Migrants arriving after this date were not able to receive one. To date, there is no mechanism for informing potential migration candidates on the status of the quota before they depart. Consequently, many foreign workers who did not receive a work permit upon arrival are obliged to enter the black market in order to find a job. The quota system therefore did not lead to a better management of illegality. Also, quota did not become an efficient control mechanism as it does not prevent the entry of thousands of new migrants who are not stopped at the border by a visa regime.

In addition to the quota, there is a sort of “reserve” that is supposed to allocate new permits in case the initial quota is insufficient, but it actually serves to dissimulate many failures of the system. In 2008, the reserve represented 50 percent of the total quota, confirming that the latter was so approximate that it was necessary to provide for a very large margin for error. For Janna Zaiontchkovskaia, the existence of such a large reserve symbolizes the inefficiency of the quota system as a mechanism of migration policy. Also, if one observes quota and reserve levels, radical changes can be noticed. In 2007, the quota for immigrants from CIS countries that do not require an entry visa was equal to 6 million; it fell to 1.2 million in 2008, and increased to 2 million in 2009, rather than the planned 4 million. The magnitude of the global economic crisis prompted Russian political leaders to sharply reduce the quota by half. The question is whether Russian citizens will be willing to accept the economic niche occupied by foreign workers. This is unlikely. The change therefore responded to a symbolic and populist objective to calm the fears of the population—linked to the risk of unemployment—by turning migrants into scapegoats.

This measure seems to disrupt any liberal trend in the new migration policy. The migration issue is particularly sensitive, as it is closely related to the problem of forming a multinational and multicultural nation-state in Russia. Beyond

[16] Interview with Shabolotov Tajimat, former head of the main overseas bureau of the Committee of migration and employment in Moscow, March 2008.

[17] Materials of the conference “Forms of cooperation and mechanisms of labor migration management in Russian Federation and Countries of Central Asia.” December 3-4, 2008, Moscow. The conference is a part of joint projects with the International Organization for Migration and the International Labor Organization.

economic advantages immigration represents an opportunity to compensate for the demographic deficit caused by an aging Russian society. The country lost 3.5 million of people between 2002 and 2006, approximately 700,000 per year^[18], due to low birth and high mortality rates. To resolve this dilemma, the famous Russian demographer Anatoly Vichnevski suggests hosting hundreds of thousands of migrants each year in order to halt the decline of the Russian population. Even a positive forecast based on the necessary increase of birth rates and the decline of mortality rates, stresses that the country needs between 500,000 and 600,000 migrants per year^[19]. Another prominent Russian migration specialist Janna Zaiotchkovskaia, a member of the National Academy of Sciences, supports this view and affirms that “Russia’s future lies together with immigration”^[20].

However, a massive influx of migrants from the South Caucasus and Central Asia would likely receive stiff cultural and political resistance. The fact that the majority of them are young, rural men, who after the collapse of the Soviet Union lost the equal opportunity to learn Russian, reinforces local concerns about their ability to integrate into the host society. Increased xenophobic acts and speech—such as the wide use of the expression “chernye”, literally, the blacks—against foreign workers reveals the presence of hostility. This adjective with a racist connotation has entered the everyday vocabulary of both law enforcement bodies and the Russian public. It refers not only to the color of the skin or hair, but also to “mud”, pointing out in this context the pitiable work done by migrants. In addition, this generalizing term allows for all foreign workers to be grouped into a single socio-political group regardless of nationality. Vietnamese, Chinese, Tajik, Kazakh, Kyrgyz, or Afghan, it implied that “security risks” are stored in the “south” of Russia. By equating drug traffickers from Central Asia with migrant laborers, the Russian media also contributes to the worsening of their image.

At the political level, the immigration and permanent settlement of foreigners raise a profound discrepancy of views. On one hand, nationalist xenophobic circles lobby the government to set up a visa regime with some CIS countries, wishing to reduce these “dangerous” inflows. On the other hand, trade unions with direct interest in the professional integration of foreigners under Russian law call for the CIS to become a viable organization to liberalize human movement within it, as it was during the Soviet Union^[21]. Finally, the opposition of the administration of former President Vladimir Putin to opening up the Russian labor market to foreigners completes the divergence of opinions^[22]. The situation was clarified in 2006, when Vladimir Putin promoted a number of laws to liberalize migration policy.

It is curious to note that migration policy is the prerogative neither of the government nor Duma, but depends solely on presidential decision. The aforementioned quota reduction represents an example.

Migrants Against Representatives of the Russian State

The pre-2007 opacity of certain mechanisms of Russian migration policy deserves special attention. It worthwhile to point out that before this date, nationals of CIS countries, except Turkmenistan and Georgia, had the right to enter Russia without a visa and stay consecutively for three months. A date of entry stamp affixed on the passport allowed law enforcement to check the

[18] *Naselenie Rossi 2006* The population of Russia 2006, Moscow, 2008.

[19] Vichnevski A., “Migrations et croissance démographique en Russie”, *Migrations Soci* 1, 17(101), September 2005, p.129-142.

[20] Interview with Zhanna Zaiotchkovskaia, December 2008, Moscow.

[21] Interview with O. Sokolov, deputy secretary of the Federation of Independent Trade Unions, Moscow, December 2008.

[22] Interview with a member of the scientific council of the former president Vladimir Putin on the question of migrations, Moscow, December 2008.

validity of a stay. People exceeding this period were thus considered to be in the country illegally.

However, a certificate of residence, or propiska, was requested for migrants and conditioned their right to reside temporarily in Russia. This certificate had to be submitted to police authorities^[23] within a period of three days after arrival. The procedure was extremely burdensome first of all due to the very short period of time allotted to complete administrative procedures, especially if coinciding with a weekend or a holiday. The consent of all individuals permanently occupying a residence was required as well. A simple certificate of consent was insufficient; the physical presence of each resident and the owner of the property was mandatory. Such regulations made it difficult or impossible to register foreign workers and led to an increase in illegal migration.

These control mechanisms engendered specific relations between migrants and various actors in the Russian state. As in all repressive regimes, the regime of “documentation”^[24] led to the growth of corrupt practices and false documents. The number of companies specializing in the falsification of propiska and shtamps, the entry stamp, gradually increased. Advertisements with these services flooded the streets and subways of Moscow. Falsification, offered both by individual traders and private companies, took several forms ranging from the petty sale of fake entry stamps at the Kazan train station in Moscow to the more significant, like fictitious naturalization or marriage^[25]. Some providers of illegal services work closely with employees of the Federal Migration Service, which is in charge of Russian migration policy, and the police. But unlike private companies, state agents maintain individual relations with foreign workers and are involved in what one might call the “industry of migration papers”.

By studying in depth this “industry”, two distinct but interrelated areas of activity can be outlined. The actors involved in the first one participate in the cycle of production and circulation of false documents. If the registration system is complex and encourages people to approach informal solutions, these actors contribute in turn to the preservation of illegality among migrants. The second stands for the disclosure and punishment of those holding fake papers. Through intimidation and pressure, the actors have an objective to sow panic among migrants. Behind these two facets of the system, there are often the representatives of the same bodies, namely the police and the Federal Migration Service. Increasingly, fictive representatives of law enforcement bodies easily imitating police checks also take advantage of the system. Both activities are extremely lucrative and simple to implement because of the near absence of legal and social protection for foreign workers. The two cycles complete each other and form an integral “commerce” of migration papers.

In-depth interviews conducted with Kyrgyz migrants highlight some of the schemes. Production of a false certificate of residence serves as an example for the first type. In addition to taking money from—an act considered now “normal” during paper checks at subway exits, on the street, and in workplaces—policemen started producing fake home registrations. Unlike a propiska issued illegally by a company specializing in this sort of activity, a propiska created by the police is an “authentic counterfeit”, or chistaia falchivka in Russian, and thus more desirable. The manufacture of a chistaia falchivka by local district policemen, uchastkovy, is the result of informal cooperation between migrants, a policeman, and the owner of a house^[26] who is under the supervision of that law enforcement officer. At his request the house owner registers a number

[23] Before the reform of the Ministry of Interior, the police were in charge of the registration of migrants. Today, the Federal Service for Migration, created within the ministry, manages it; however, the three-day period is maintained.

[24] In her ongoing research project “Unbecoming Citizens: Subjectivity and the Negotiation of “Law” in a Moscow Migrant Community”, Madeleine Reeves describes the Russian system of control of migrants as a regime of “documentation”.

[25] See, for example, advertisements published on <http://www.lesruk.ru> and <http://www.delbraknarod.ru>, in Russian.

[26] In general, they are elderly people, for whom a false registration in exchange for money is a significant financial source to add to their meager pension.

of foreigners in exchange for an amount of money. The “protection” (*krycha*) of local district policemen therefore allows migrants to obtain their *propiska*, or right of residence. In the case of street controls, the police might make a phone call to an owner in order to verify the authenticity of a registration. This scheme thus traces the itinerary of the illegal production of papers, initiated by representatives of law enforcement who are enabled by their technical and administrative tools, and the power of control.

Moreover, the introduction of several types of fictive documents, which allows for varying degrees of authenticity, is a sign of blurring boundaries between a genuine legal certificate and genuine illegal certificate—in short, between legal and illegal, and formal and informal. Illegal police activities could come into conflict with the general regime of verification of migrants, but it seems that a “personalized” relationship established between an *uchastkovy* and foreign workers in his district only contributes to better control. This explains the silence of the “surveillance” regime, to which Madeleine Reeves refers in her ongoing study based on the work of Michel Foucault’s “Discipline and Punish: The Birth of the Prison”. She argues that documents related to the status of legality or illegality of labor migrants constitute real administrative technology, designed to render this group “visible” and thus controllable by the state^[27].

Each district police station acts according to its financial needs and issues control documents that sometimes might be valid only in its district. Some migrants say that after paying a “fine”^[28], they were escorted by police to the nearest subway station, in an act of sympathy, in order for them to avoid meeting with other officers, as if the later were not colleagues but a rival group of document providers/controllers. This observation leads to the suggestion that the implementation of migration policy is uneven and that district police stations enjoy certain autonomy in the management of their precincts and seek to preserve their grip on migrants living or working there.

The second side of the migration papers industry is designed to repair the damage caused by the production of fake documents. However, it does not penalize the providers, but the holders of the fictive papers. This task, at the basis of law enforcement’s mission, is diverted in order to double the yield from immigration. If the police once would limit activity to checking dates of entry and certificates of residence at subway exits and on the street, the new work permit inspections are carried out directly in workplaces, especially in the large companies that are likely to hire foreign labor. Such inspections usually occur unexpectedly, proving to be particularly successful as they allow for the collective punishment of foreign workers, without any obligation to distinguish those with official papers. The “fines” collected in this manner are far greater than those gathered during individual checks on the street. In general employers stay out of disputes, leaving workers at the arbitrary mercy of controllers. The inspections result in the vast majority of cases of the collective payment of “fines”. Yet the brutal character of these interventions leads one to believe that their objective is to intimidate workers, even those in compliance with the law.

The new legislation implemented on January 15, 2007, introduced a new certificate of residence. It can be obtained at the migrant’s workplace and even provided by the employer. However, this method is only likely to be used by large construction companies, which usually house employees directly on construction sites. Therefore, foreign workers employed in the trade and service sectors are left out of from this eased regime and are forced to approach private companies or the police to obtain a certificate of residence. Whether under the new or the

[27] Madeleine Reeves, “Unbecoming Citizens: Subjectivity and the Negotiation of “Law” in a Moscow Migrant Community”.

[28] During the field study, respondents were not able to distinguish whether they paid a legal fine or a bribe because the records were made on the basis of arbitrary or non-existent infractions.

old legislation, illegal operations by representatives of the Russian state do not seem to decrease.

The Kyrgyz State and its Migrants in Moscow

How does the Kyrgyz state react to these developments and what policy does it implement to guarantee the rights of migrants? What is the level of efficiency of its delegated institutions? What is their image among migrant labor in the host country?

The Kyrgyz embassy is designed to connect Kyrgyz citizens permanently or temporarily living in Russia with their home country, mainly through cultural events, while the Moscow office of the Committee of Migration and Employment specifically targets economic migrants. Its mission primarily consists in promoting the rights and interests of workers. The committee seeks to establish preferential relations between the Kyrgyz and Russian governments concerning employment of Kyrgyz nationals, to provide information on vacancies, and to supply technical and judicial support to resolve of disputes between Russian employers and Kyrgyz migrants. The committee claims to have helped 9,000 people obtain employment in 2007^[29]. In addition, negotiations have been conducted to obtain a specific quota for Kyrgyz workers in preparations for the winter Olympics, scheduled in Sochi for 2014.

This complex field of activity requires cooperation with the Russian government, which is not always open to even the most fundamental claims. An intergovernmental meeting of heads of the institutions involved in migration processes and policy—bringing together the representatives from Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan in March 2008 in Bishkek^[30]—revealed a significant number of discrepancies between the countries of origin and destination. The Kyrgyz side claimed the necessity to officially record the professional experience of migrants in Russia in order to transmit it to the Kyrgyz register of employment. This recognition could allow the workers not to have “gaps” in their professional histories as well as to be eligible to receive a pension in Russia. Moreover, the claim of the right to retirement seems particularly reasonable considering what Kyrgyz citizens contribute to Russian GDP. In 2007, the input of Central Asian labor into Russian GDP was equal to 8 percent^[31].

Meanwhile, how does the Embassy manage massive and illegal flows of migrants seeking work? Does it aim to help them to legalize and thus control them? The existence of extensive media coverage, the distribution of information leaflets, television debates, and a hotline, all organized throughout Kyrgyzstan by the Committee of Migration and Employment, was designed to raise awareness among the population on how to prepare for the departure, normalize employment, and comply with Russian laws. However, this information does not seem to reach potential candidates for emigration, or those already living illegally in Moscow. For these individuals, the primary source of information remains personal contact with the host country. According to respondents, only a family member or a friend who actually lived in Russia can give a complete and a real picture, while the information provided by the committee is not useful and “too official^[32]. Emigration indeed requires a “specific know-how such as knowledge of informal circuits and codes of police officers, FMS, train stations

[29] Interview with Shabolotov Tajimamat, former head of the main overseas bureau of the Committee on Migration and Employment in Moscow, March 2008.

[30] The conference was funded by the International Organization for Migration (IOM) and the European Union under the program “Forms of cooperation and mechanisms of labor migration management in Russian Federation and Countries of Central Asia”.

[31] Nikolai Bailo’s speech during the Intergovernmental Conference on Migration, Bishkek, March 2008. He is the head of the Committee on Migration Issues within the Kyrgyz parliament.

[32] Interview with Ishen, driver and distributor in a private company in Moscow, March 2008.

and airports, but also witty ways and strategies of survival^[33], the knowledge that the Committee is unable to provide with because it is informal.

When workers were asked about their awareness of embassy^[34] activities in the field of regulation of migration and of employment, nearly half of respondents answered affirmatively. Although aware of the existence of a governmental structure for migrations, they did not know its exact purpose and showed little interest in the missions of the committee, accusing it of inefficiency. The post-Soviet experience—where state institutions are cumbersome, inefficient, corrupt and hypocritical—has been always present in the minds of those who avoid public institutions. Migrants have therefore chosen to rely on informal networks, such as family, clans and networks of friends. These are perceived to be more efficient and reliable, but increasing distance from state institutions and subsequent lack of legal and political protection, such groups become uncontrollable to both the Russian and Kyrgyz governments.

Economic Strategies of Migrants in Moscow

How do migrants manage to move safely, make money, and send funds to their families even in light of the Kyrgyz government's inefficient actions and the corrupt practices of Russian state officials and the private sector? Even in a highly bureaucratic context, individuals manage to optimize revenue, rationalize their stay, and demonstrate a high capacity of resistance. We can therefore sketch a sociological study of their “entrepreneurial” choices.

Among job offers existing in the service sector^[35] in Moscow, migrants favor positions such as waiters in restaurants and hotels (which give access to free food, substantial tips, and contact with the host society, especially appreciated by young people) and manual labor (the employers may sometimes provide shelter, food, or free clothing, depending on the nature of the company). It is worth noting that the position of concierge has become particularly popular among Kyrgyz workers, since it offers many advantages like free housing, easy work, and physical security far from the reach of police officers and FMS controllers. In addition to a monthly fixed salary of 15,000 rubles, migrants are attracted by multiple financial opportunities available to them. Residents often ask them to help with renovation projects or shopping. Furthermore, Kyrgyz concierges value direct “human” contact with the residents because they decide issues related to their payment and social benefits, often in opposition to established practices and Russian laws.

However, the initial establishment of contact with the Russian population is not always easy. Migrants who were interviewed recall, for instance, a great reluctance shown by certain residents. They were curiously called “Mujahedeen”, as Central Asia is generally seen as an “obscure Islamic area”. With time their dedicated work allowed migrants to establish a trusting relationships. Direct protection from residents can help them not only to negotiate housing extensions, but also to better integrate in the local community through participation in construction, security, and community planning projects. Concierge work, a source of pride among migrants, therefore provides not only significant savings but is a substantial factor in successful immigration.

In view of these various survival strategies, one can suggest that some select jobs exist that allow migrants to best adjust and to achieve their individual economic objectives. The existence of such a typology allows for a departure from an analysis that portrays foreign workers as victims and describes them

[33] Interview with Ishen, driver and distributor in a private company in Moscow, March 2008.

[34] Because the committee's office is located inside the embassy, an international diplomatic structure, migrants usually confuse them.

[35] According to FMS, this economic sector hires the largest number of migrants in Moscow.

as passive and oppressed actors, forced to comply with the conditions of the host country.

Social promotion of Kyrgyz workers can also be achieved through the acquisition of Russian citizenship. The “purchase” of citizenship, costing between 700 and 1000 U.S. dollars depending on “provider”, is possible with the only restriction being a financial one. Although there is a provision in Russian legislation stipulating a simplified acquisition of Russian citizenship for nationals of the former Soviet Union, migrants often fail to obtain it through formal administrative procedures. They thus reach out to informal services and Kyrgyz community organizations. A Russian passport provides many advantages, such as an exemption from police checks, the right to higher wages and positions^[36], and greater freedom of movement. However, the upholding of the residence registration requirement remains a major obstacle to definitive or long-term settlement in large cities. Here the purchase of property is the only way to register, but prohibitively expensive. Outside the two capitals, this problem is eased due to more affordable housing prices. The acquisition of a Russian passport nevertheless remains the favorite tool of migrants despite its reduced positive effects. The number of Kyrgyz nationals who naturalized in recent years amounts to around 100,000^[37]. The legal provision facilitating the acquisition of a Russian passport expired on January 1, 2009 and it is likely that the number of illegal immigrants will now increase. In any case, facilitated naturalization of the first generation of immigrants will certainly leave a room for further family reunification and will contribute during a certain period to the continuation of migration flows towards Russia. The remaining question is how this will affect the neighborhood policy of the European Union towards Russia, which runs the risk of becoming an area of migratory transit between Central Asia and Europe.

Kyrgyz Organizations of Assistance in Moscow

Economic migrants often fall beyond state control by participating in underground circuits. The activity of their community organizations seems to be one of the reasons.

In the conventional sense of the term, a diaspora is an ethnic community abroad. The Kyrgyz community in Russia seems far from this definition, particularly in terms of community organization. It is represented in Moscow by a dozen of heterogeneous associations holding various objectives and using ambiguous tactics. Their number is constantly changing; some split from their parent organizations, others become unpopular and disappear. In general, these are compact and mobile units because the majority of them do not have permanent offices, conducting business by phone or meeting in city cafes, and even if they claim hundreds or thousands of members, the actual number of activists is limited to a dozen or so individuals. Some of them are run only by one person. The degree of institutionalization of these organizations is thus particularly low.

Concerning their legal status, they are registered with the Russian Ministry of Justice as “social organizations” and are regional, interregional, or international depending on geographical coverage. This status may have been justified at the time of their foundation because they met the goal of representing the immigrant community, but with the predominance of economic migration, cultural and social aspects have gradually given way to financial ones. Community associations have shifted their activities towards the production of migration documents, like private agencies, but draw their legitimacy from

[36] There is discrimination in hiring migrants. They are not authorized to teach, practice medicine, or to occupy high positions even if they possess the necessary qualifications.

[37] Okolo 100 tysach kirghizstansev za poslednie neskolko let stali grajdzanami Rossii About 100 thousand citizens of Kyrgyzstan have become Russian citizens in recent years, March 25, 2008, <http://www.gazeta.kg/news/2008-03-25/4767>, in Russian.

ethnic unity with migrants. These paid services include the acquisition of work permits, entry stamps, certificates of residence, and naturalization. In order to maintain their community legitimacy, they hold regular cultural events, like dinners on national holidays and sports tournaments. These events allow them to sustain proximity with migrants while ensuring the continuity of their financial activities, which often exist at the edge of legality. Russian legislation does not in itself hinder the activity of intermediaries; foreigners can apply for papers independently or through expert organizations, but the preferential relations established between Kyrgyz associations and specialized Russian authorities are carried out in great obscurity.

The instrumentalization by community associations of ethnicity goes hand in hand with the commercialization of their activities. What are the implications of this process, knowing that the associations do not perceive migrants as a vulnerable social group but rather as clients and a source of income that should be kept non-normalized? By competing among themselves to preserve their segment of the total “migration market”, they do not allow for the establishment of a diaspora as an entity able to employ strategies of collective defense.

The degree of commercialization varies from one association to another. Some have already accumulated enough money and are now devoted to political objectives. These are the oldest associations, such as Ala-Too and Eldik Birimdigi (People’s Unity). They provide concrete legal, social, and sometimes financial assistance to Kyrgyz workers for free. The aid includes finding missing persons, repatriating the bodies of deceased migrants, and claiming wages from recalcitrant employers. Businessmen who generally settled in Russia long ago and have the economic resources to support such action typically run these groups. The objective is also political because they seek to lead the diaspora as a potential voters’ community or to influence political life of Kyrgyzstan by showing it the support—real or not—of the community based in Russia.

The creation of a new political party called “Migrants”, which gathers under its auspices the Kyrgyz workers in Russia, is an example of political aspirations influenced by the migration phenomenon. According to one of the founders of the party, they helped to organize in Moscow voting for the last Kyrgyz presidential elections in July 2005. Migrants were literally bused to vote for Kurmanbek Bakiev. Extensive propaganda and the organization of collective arrivals to the polling station on party chartered buses ensured that no one escaped suffrage. The political potential of these organizations is thus not negligible, especially as the number of workers amounts to hundreds of thousands of people and is growing.

Another source of legitimacy was found by the newly created association Leilik, named after a village in Kyrgyzstan and located in Moscow. Its founder, a native of this village, established an organization designed for the natives of Leilik, although it is not a priori completely closed to others. The head of the organization explains this segregation by the fact that he alone knows the specifics of his village and can best protect the rights of its compatriots. It is important to note that it is usually through the community associations that financial transfers and contact with families are channeled. By targeting a specific population, small associations guarantee their small share of the market. The example of Leilik is not exceptional. Several successful businessmen do not hide their assistance to migrants from their region, whether Naryn or Toktogul^[38], in order to ensure a kind of popular support from “captive” migrants. They derive their popularity by building houses, schools, mosques, and roads in the regions

[38] Names of the regions in Kyrgyzstan

using money earned through successful business in Russia. But unlike Leilik, other associations aim to transform Kyrgyz workers into a united diaspora freed from regional divisions.

Conclusion

This article sought to shed light on some key political, legal and economic features of current migration towards Russia, and the living and working conditions of labor migrants there. The economic crisis that is seriously affecting Russia has already reduced employment opportunities and wages, which changes the volume and frequency of financial transfers sent to the country of origin. Moreover, many workers have returned home. This perspective seems to worry the candidates for presidential elections in Kyrgyzstan, scheduled one year early for July 2009. Thus, the current president, Kurmanbek Bakiyev, has recently launched a program to fight against the crisis and to revive national economy. A credit of 1.7 billion U.S. dollars, granted by Russia for the construction of the Kambarata hydraulic station and the creation of jobs on site, supports this recovery program and Bakiyev's candidature for the upcoming elections.

LA INMIGRACIÓN EN ESPAÑA: EL CASO DE ANDALUCÍA Y GRANADA

FRANCISCO JIMÉNEZ BAUTISTA

Profesor-investigador del Departamento de Antropología social y del Instituto de la Paz y los Conflictos de la Universidad de Granada, España

1. INTRODUCCIÓN

En este artículo vamos a describir las inmigraciones, tal y como se presenta en la sociedad española en la actualidad y los futuros movimientos migratorios hacia Europa que constituyen uno de los fenómenos más significativos de la segunda mitad del siglo XX y comienzos del siglo XXI, crecidos en intensidad a raíz del desarrollo económico experimentado después de la II Guerra Mundial y la culminación de los procesos de independencia de las colonias, cuyas consecuencias afectan a los mercados sociales y laborales tanto de los países de origen como los de destino.

En la actualidad nos encontramos con una pluralidad creciente de grupos que comparten el espacio europeo, y ello se debe, en gran medida, al impacto que las recientes inmigraciones extra-comunitarias están teniendo en los países de la Unión Europea. En el caso español, esta pluralidad de grupos comienza a constituirse también como fruto de la inmigración. Los procesos migratorios de origen extranjero en España, tradicional país de emigración, si bien no son realmente inéditos, en la actualidad han suscitado un inusitado protagonismo basado en el acelerado e inesperado incremento de los últimos diez años, en especial desde el 2001.

A lo largo de la historia de los movimientos migratorios no han dejado de manifestarse a escala global, condicionados en un primer momento por causas económicas, así el proceso actual no se ubica sólo en lo económico. Los estudios e investigaciones científicas sobre las migraciones ofrecen un variado conjunto de modelos teóricos que tienen como denominador común, las razones de tipos sociales (económicos, políticos y culturales) en la afectación de grandes espacios como ámbitos de expresión de dichos movimientos.

Igualmente, es este artículo vamos a escribir sobre las migraciones en ese aspecto de inmigración. Este tema, en situaciones de crisis como las actuales nos ofrece suficiente material e información de formas de relación cultura para que su estudio nos ofrezca numerosas perspectivas de análisis del fenómeno.

Las diferencias más precisas que se pueden observar en este campo se dan, por un lado, en el uso de fuentes estadísticas para un análisis geográfico de carácter formal que busque los movimientos migratorios, sus elementos geográficos (flujos y distribución) y los estructurales (composición del grupo migrante atendiendo a sus características demográficas, económicas, familiares, etc.); y, por otro lado, el análisis de documentos procedentes de los mismos migrantes, para encarar un análisis cualitativo donde sea posible incidir en los rasgos sociales y de comportamiento que definen la trascendencia individual de la inmigración.

Una mezcla de metodologías (cuantitativa y cualitativa) es la que actualmente está ganando más adeptos en los estudios e investigaciones sobre movimientos migratorios a escala local y regional, la cual vamos a plantear en este capítulo. Las

ventajas de ambos métodos son evidentes ya que es posible estructurar los flujos y las características de los migrantes a partir de fuentes estadísticas oficiales que ofrecen comparatividad con otros estudios, a la vez que se investigan los motivos de las migraciones a partir de los análisis cualitativos, imprescindibles para comprender el fenómeno de la inmigración.

2. GLOBALIZACIÓN, MIGRACIONES Y SERES HUMANOS EN MOVIMIENTO

2.1. Introducción

Desde finales de los noventa, la inmigración en España se ha convertido en una corriente que ha ido adquiriendo cada vez más importancia y atención, tanto por parte de investigadores, políticos y agentes sociales de diferente formación científica, como un interés desproporcionado de los medios de comunicación. Sin duda se trata de un fenómeno nuevo, ya que España hasta no hace mucho tiempo se había caracterizado por ser un foco emisor de seres humanos.

En este contexto, la sociedad española asocia la inmigración, según los últimos documentos elaborados por el Observatorio Europeo del Racismo y la Xenofobia con sede en Viena, con inseguridad, delincuencia y terrorismo, de forma que se está volviendo cada vez menos tolerante con los inmigrantes. En España se observa todos los días en la prensa, la televisión y la radio como las personas indigentes pueden ser quemadas y pateadas, arriban en pateras y cayucos que llegan a las costas de Andalucía y Canarias y, todo esto unido al incremento de los partidos de extrema derecha que utilizan un lenguaje cada vez más spero, para sembrar un toque de inseguridad entre los pueblos, con eslóganes burdos y que suelen manipular a los que se encuentran en situaciones límites, presentándose como salvadores a realidades desesperadas en toda la Unión Europea.

Los datos de las encuestas que se han ido realizando en los últimos años, reflejan una tendencia lenta pero al alza de la preocupación por la inseguridad ciudadana –bandas, mafias, etc.,- ligándolo todo este fenómeno a la inmigración. Estas conclusiones y sus asociaciones son muy perniciosas para la percepción del fenómeno migratorio, ya que:

a) La inmigración, sobre todo la ilegal, no para de crecer (como se ve cada día a través de los medios de comunicación);

b) Qué la sociedad europea y las economías de mercado se está produciendo un gran fenómeno de deslocalización de muchas empresas, por lo que a corto y medio plazo, hasta que no se encuentre la alternativa a este problema, seguir aumentando el desempleo dentro de España y la Unión Europea, justo en la época de mayor ola de inmigración hasta ahora conocida, por lo que es muy probable que se va a seguir asociando desempleo con inmigración.

c) A Europa no solamente llegan inmigrantes del Tercer Mundo, sino también ciudadanos de Europa del Este. Estos últimos, tienen una buena formación técnica y profesional, capaces de competir por empleos que sí valoran los nacionales. Esto también va a contribuir a aumentar el recelo hacia los inmigrantes (la frase «quién teme al fontanero polaco») que surgió ante el temor de los franceses a perder su empleo o al menos a competir de forma más dura con los inmigrantes de los países de Europa del Este, cuando, además, muchos de ellos ya se están integrando en la Unión Europea con plenos derechos.

Más aún, para el caso de España, la inmigración desde el extranjero, debido precisamente a esa experiencia emigratoria previa, permite reflexionar sobre las diferentes circunstancias administrativas desde las que la movilidad migratoria se afronta, derivando de ello las facilidades/dificultades a las que se pueden

enfrentar los migrantes en el momento de la salida del país de origen y de la llegada al país de destino, dependiendo de su origen y/o ascendencia española.

Para otros países, países de Europa del Este, América Latina o África, la inmigración no es un problema sino todo lo contrario, ya que dicha inmigración realiza personas con poca formación y en muchos casos sin trabajo que desarrollar en sus respectivos países. Esto plantea la posibilidad de evitar conflictos en el país de origen y el dinero que suelen mandar se convierte en un incentivo de crecimiento económico para el país de origen. Por ejemplo, hoy el dinero en divisas que mandan los colombianos, ecuatorianos, peruanos, etc., suponen para cada uno de estos países su segundo ingreso de divisas.

2.2. Los posibles conflictos de la globalización

La palabra globalización comienza a producir un cierto hartazgo; globalización implica tres mundos entrecruzados, el global, el local y el personal. No creemos que sea posible que ninguno de ellos absorba del todo a los demás. El global se nos presenta de forma aterradora, su entramado militar, tecnológico, financiero, etc., suele dar vertigo. El local con sus conflictos culturales nos produce la misma sensación. Igualmente sucede con la crisis y situación del mundo personal, que suele bascular en una compleja gama de resignación, cinismo o desesperación (pasiva o airada, es decir, violenta)^[1].

En los tiempos actuales, por influencia de los medios de comunicación, incorporamos palabras a nuestro lenguaje antes de que nos hayamos explicado su contenido. Ese fenómeno sucede con el término globalización. Como se cita José María Tortosa, «la palabra globalización se encuentra en el centro de algunas discusiones sobre la desigualdad y la pobreza, [...] La lógica de este sistema es distintamente desigualitaria y produce, como novedad en la historia de la humanidad, el pauperismo, es decir, la posibilidad de que la pobreza aumente con independencia del crecimiento económico, debido a las reglas del reparto y no a lo que se podría llamar el tamaño de la tarta a repartir»^[2]. Sin embargo, pensamos con Alain Touraine, cuando dice: «La globalización no es más que capitalismo», esto no debemos olvidarlo nunca.

Todo Occidente está caminando para perder la verdadera guerra del siglo XXI, y que debería enfrentar: a saber, la lucha contra las raíces del terrorismo y la violencia, que son la miseria y la humillación de los pueblos desheredados. Tras el fracaso de las revoluciones del siglo XX, el modelo que se impone hoy día es la sociedad capitalista (libertad económica, igualdad jurídica y democracia política), de libre y feroz mercado donde los mass media han pasado a representar quizá el primer poder, como principales formadores de la opinión pública, desde el simulacro radiofónico de Orson Welles de una invasión marciana (1938), hasta los «montajes» de la guerra del Golfo (1991), a la posibilidad de la fiebre porcina o Gripe A (H1N1),... en el 2009. Y todo, con la lente macro del consumismo, también feroz, gracias al «analfabetismo audiovisual» que imponen el star system, los valores sociales (políticos, económicos y culturales), más que típicos, de los famosos y triunfadores a imitar^[3].

Todo ello nos invita a reactivar la crítica del capitalismo y para eso se empeñan, algunos críticos del sistema, en describirnos sus características actuales: el retroceso del sindicalismo; el auge del empleo precario, temporal, etc.; el aumento de la exclusión del mundo «rico»; la desestructuración de la sociedad,

[1] JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2009) Desarrollo social y conflictos en Granada (España): desde la globalización perfecta a lo local imperfecto, LÓPEZ, Adriana P.; MEZA, Carlos y SANABRIA LANDAZÁBAL, Néstor Juan (Comps.) Equidad y Desarrollo, Bogotá, Universidad de La Salle, pp. 247-302.

[2] TORTOSA, José María (2008) La Inseguridad humana: Mal desarrollo y violencia en el sistema mundial, Pamplona, Colombia, Universidad de Pamplona, p. 171.

[3] Véase, BECH, Ulrich (1998) ¿Qué es la globalización?, Barcelona, Paidós; ESTEFANÍA, Joaquín (1997) Contra el pensamiento único, Madrid, Taurus; SÁMPEDRO, José Luis et alii (2003) Un mundo para todos. Otra globalización es posible, Barcelona, Icaria.

de los vínculos sociales, etc., todo ello unido a una prensa controlada por el capital. Globalización ha habido siempre. El sistema capitalista ha globalizado la sociedad hacia un mercado único en el que cada uno tiene su papel, pero la globalización es mentira. Hay países que lo ponen todo, sus recursos humanos y económicos, mientras que otros los disfrutan. Los países pobres no reciben nada, sólo contaminación y miseria. El sistema capitalista, en su expresión neoliberal, arrastra lo poco que queda de la Tierra para introducirlo en una hormigonera y reciclarlo a su imagen y semejanza. Por ello, todo lo que les molestan lo criminalizan: el nacionalismo, los inmigrantes, los jóvenes, etc., las actitudes políticas colectivas que no coinciden con sus planteamientos se criminalizan.

Thurow (1997)^[4], analiza los efectos que puede provocar el colapso del sistema y que puede provocar su derrumbe: consumismo excesivo, aumento de las diferencias entre ricos y pobres, egoísmo, individualismo, supresión de largo plazo, etc. Por ejemplo, Thurow toma como modelo la demografía y la familia. Como tener hijos es, económicamente poco rentable, la gente prescinde de ellos. En consecuencia, cada vez hay menos cotizaciones de la Seguridad Social y ésta acaba por quebrar. Los Gobiernos occidentales, sean de derecha o de izquierda, obsesionados por el corto plazo y por reducir el peso del Estado, no ven los nacimientos como garantía de perpetuación, como inversión a largo plazo, sino como estorbo, como derroche que no están dispuestos a pagar.

Hoy lo único que se ha hecho universal es el capitalismo, que es el que establece los límites al desarrollo y la cooperación. El capitalismo mundial es un sistema económico, un modelo de distribución –injusto–, de producción y consumo –despilfarrador–, un mecanismo de organización que tras doscientos años parece, de momento, absolutamente hegemónico.

La globalización, debemos entenderla como un proceso de liberalización e integración mundial de los mercados de bienes, servicios, tecnologías, trabajo y capitales, es un proceso en marcha al que aún le queda mucho camino por recorrer: lo impulsa el sector privado y se fundamenta en los avances tecnológicos, de modo que las políticas de liberalización que lo apoyan o acompañan no son, en mi opinión, protagonistas del proceso sino que reconocen los graves costes y la inutilidad de los esfuerzos por detenerlo mediante controles e intervenciones.

Sin embargo, la globalización, en su origen basado en la teoría económica implica, en primera instancia, la abolición de fronteras económicas, es decir, la cancelación definitiva del cobro de aranceles. Esto crearía más conflictos a los países subdesarrollados ya que el precedente modelo de «apertura económica», sus economías han señalado como ruta ingresos por exportación pero ingresos para el Estado por aranceles. No cobrar o rebajar los aranceles, significa más libre mercado, que ha demostrado sus resultados negativos en años anteriores. Lo económico, en cuanto fuente de recursos para sustentar el consumo y la modulación estatal de las «desigualdades» o «inversiones en infraestructura», se debilitaría enormemente pues no hay obligatoriedad de «arraigo» de la migración del capital que puede conducir a revertir, estimular los «paraísos fiscales» cuyo dinero es «propiedad de la banca» y del llamado capital financiero que desde hace mucho tiempo no tiene fronteras, ni aranceles impositivos fáciles de imponer, etc.

Por ejemplo, la tesis central del libro de Lafontaine y Miller (1998)^[5] destaca la importancia de la demanda interna para el crecimiento y el error que supone (como en los tigres asiáticos) contar para el mismo únicamente con el sector exterior. La globalización no es ninguna desgracia, sino todo lo contrario: ofrece más oportunidades que riesgos; el miedo a la globalización ha sido utilizado en numerosas ocasiones por algunos Gobiernos como un espantajo para aplicar políticas impopulares, llenas de sacrificio sin contraprestaciones. Sin embargo,

[4] THUROW, Laster C. (1997) El futuro del capitalismo, Barcelona, Ariel.

[5] LAFONTEINE, Oscar y MÜLLER, Christa (1998) No hay que tener miedo a la globalización. Bienestar y trabajo para todos, Madrid, Biblioteca Nueva.

los problemas fundamentales, como el desempleo, son de carácter endógeno y necesitan políticas económicas diferentes y amplias reformas en el mercado de trabajo y en la política social. La globalización necesita de reglas de juego, de un marco organizativo que últimamente reclaman ya hasta los neoliberales con contacto con la realidad.

Frente a estos planteamientos que sucede con los seres humanos que se mueven por el mundo, con las migraciones, tanto inmigración como emigración dentro del estado español.

2.3. Los migrantes en la sociedad española: el fenómeno migratorio

Desde hace bastantes años, España ha dejado de ser un país de emigrantes para serlo de inmigrantes, con lo cual se podría decir que España ha pasado de ser tradicionalmente emisora de población a receptora de seres humanos. Esta segunda fase es tan nueva y desconocida para el territorio español que incluso no existía una legislación en este sentido. De hecho, hasta la Ley de Extranjería de 1985, Ley Orgánica sobre Derechos y Libertades de los Extranjeros en España (Ley Orgánica 7/1985, de 1 de julio, BOE de 3 de julio de 1985), y Reglamento de su ejecución (BOE de 12 de junio de 1996), no se ha cubierto un vacío legal para la población llegada a España de otros países. Es a partir del año 2000, quince años más tarde, cuando han aparecido dos leyes de extranjería, la Ley 4/2000 y la Ley 8/2000 las que hoy tratan de poner un cierto orden al problema de la inmigración en España, con la nueva Ley de Extranjería que se intenta poner en práctica en la actualidad.

Los datos facilitados para el año 2000 por la Delegación del Gobierno en materia de extranjería, cuando finalizó el proceso de regulación abierto por la Ley 4/2000, en el que son cerca de 250.000 solicitudes tramitadas, a finales de 2000 ya habían sido aceptadas unas 137.000 solicitudes. Hay que hacer notar que los ciudadanos comunitarios constituyen todavía el 45% de residentes extranjeros en España. Entre los extra-comunitarios los marroquíes son el grupo más numeroso (194.099 habitantes), seguidos por los chinos (30.958 hab.), los ecuatorianos (28.773 hab.), y los colombianos (26.650 hab.), sin embargo, tras los marroquíes, los grupos más numerosos proceden de países de la Unión Europea, especialmente: Gran Bretaña, Alemania, Portugal, Francia e Italia por este orden.

Los inmigrantes se concentran en diferentes comunidades autónomas según las nacionalidades, dando lugar a que en algunas zonas exista una presencia masiva de inmigrantes y en otras apenas sean significativos. Igualmente dependen de la cantidad o calidad del trabajo que se oferta en distintos lugares de España. Por ello, el fenómeno de la inmigración en España no se conoce en toda su dimensión. Se tienen datos de la inmigración de carácter legal, pero se desconoce la inmigración irregular o ilegal.

Si en 1980 el número de inmigrantes extranjeros no superaba los 200.000, en 1991 el número se sitúa en 350.000 (1% de la población española). A finales de la década de los 90 son unos 500.000 el número de inmigrantes extranjeros, en 2002 son 1.243.919 y para el 2004, ya son 1.854.218. Todos estos datos nos confirman que desde la década de los 80 hasta nuestros días la inmigración ha crecido de manera progresiva e incesante. Sin embargo, el conflicto social se ha generado por el incremento exponencial y por la incorrecta gestión que se ha llevado a cabo por las autoridades españolas^[6].

Los extranjeros empadronados en España representan el 9,3% del total de población con un total de población con 4.145.000 personas, según los datos del

[6] Véase, IZQUIERDO ESCRIBANO, Antonio (1995) Los inmigrantes extranjeros en Andalucía: perfil sociodemográfico. Sevilla, Junta de Andalucía/Consejería de Asuntos Sociales; JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2006) La inmigración marroquí en Granada: su imagen y percepción por los jóvenes granadinos, Estudios Geográficos, nº 261, Vol. LXVII, julio-diciembre, pp. 549-578.

padre municipal a 1 de enero de 2006, como se ve a la presidenta del Instituto Nacional de Estadística (INE), Carmen Alcalde, el 11,8% de los extranjeros censados están residiendo en Andalucía, donde Almería registra un 17,4% de habitantes según el censo y Málaga un 13,7%. En tan solo seis años, el porcentaje de residentes extranjeros ha pasado del 2,3% de 2000 (924.000 personas) al 9,3% de este último ejercicio (4.145.000 personas).

Es decir, frente al 9,3% de extranjeros empadronados en el ejercicio 2006, los extranjeros inscritos en los padrones giraban en torno a los siguientes porcentajes: en 2005 el porcentaje fue de 8,5% (3.730.000); en el 2004 llegó al 7% (3.034.000); en 2003 el 6,2% (2.664.000); en 2002 en el 4,7% (1.978.000); en 2001 el 3,3% (1.371.000); y en el 2000 fue de un 2,3% (924.000). Además, por sexos, el 53,5% de los extranjeros inscritos en 2006 son varones y el resto (46,5%) son mujeres.

Además, no hay que olvidar, que la población extranjera tiene un efecto rejuvenecedor. Según el Instituto Nacional de Estadística (Censos de Población y Viviendas, 2001), «la población extranjera residente en España ha pasado de 353.367 en 1991 a 1.572.017 en el año 2001, es decir, casi se ha quintuplicado en estos 10 años». Igualmente, esta población, en media es mucho más joven que la española. Por ello, sus efectivos más numerosos se concentran en el periodo de mayor fertilidad (de los 25 a los 34 años), lo que induce, tanto por el aumento de la natalidad como por los reagrupamientos familiares, un rejuvenecimiento adicional. Igualmente, entre los 20 y los 39 años, las nacionalidades más frecuentes son, por este orden: Ecuador, Marruecos, Colombia, Rumania y Argentina. En cambio, en las edades más avanzadas predominan los comunitarios, principalmente, ingleses, alemanes y franceses.

Otros datos, nos ayudan a comprender mejor esta realidad, los datos del Ministerio del Interior, en el año 2000, los porcentajes de residentes extranjeros se distribuían así: Marruecos (22,3%), Gran Bretaña (8,2%), Alemania (6,7%), Francia (4,7%), Portugal (4,6%), Ecuador (3,4%), Italia (3,4%), China (3,25%), Perú (3,1%), República Dominicana (2,9%), Colombia (2,7%), Cuba (2,1%), Países Bajos (1,8%), Argentina (1,8%), y un 29,05% que corresponde al resto de países. Todos estos datos nos ayudan a percibir la existencia en España de ciudadanos de muchos países a los que no marginamos ni excluimos socialmente. Pero también es verdad que se tratan de datos oficiales, a los que habría que añadir las numerosas personas que viven aquí, clandestinamente, y que, aunque son una rica fuente de producción (tanto en mano de obra como demográficamente), los discriminamos y los hacemos sentir fuera del grupo.

Para el caso más conflictivo en España, la población marroquí a finales de los 90, se constataba una población de 2.5 millones de magrebíes en Europa Occidental, de los cuales 1.4 millones residían en Francia, la cual concentraba el 96% del total de emigrantes argelinos (620.000), el 55% de marroquíes (585.000) y el 73% de los tunecinos (208.000). De hecho, la población inmigrante marroquí en Francia, Holanda, Bélgica, Italia, Alemania y España suma algo más del millón de personas, seguido de algo más de medio millón de argelinos y algo más de 250.000 tunecinos^[7].

Su amplia localización en el territorio español puede definir su distribución como de dispersa, aunque son más frecuentes en Cataluña (32,9% del total), Madrid (17,9%) y Andalucía (14,3%). Se trata de una población joven, en su mayoría varones solteros, que hace presuponer un aumento de la misma por un progresivo proceso de reagrupación familiar. La mayoría son de procedencia urbana, lo cual explica que en bastantes casos están disconformes con el trabajo que realizan en la agricultura, la construcción y el sector servicios.

[7] Véase, GONZÁLEZ PÉREZ, Vicente (Dir.) (1995) Inmigrantes marroquíes y senegaleses en la España Mediterránea, Valencia, Generalitat Valenciana/Consejería de Trabajo y Asuntos Sociales.

Los trabajos sobre inmigrantes en Andalucía se han incrementado ante los problemas que suscitan en nuestras costas^[8], y han provocado una cierta reacción por parte de la población. Pero ¿cuántos inmigrantes hay en Andalucía? Según el Censo de Población de 1991, los inmigrantes proceden de más de 125 países, y más del 50% son de tres países europeos: Alemania, Reino Unido y Francia. De forma que, según el Instituto de Estadística de Andalucía y EUROSTAT, tenemos en Andalucía 240.320 personas que son de otras comunidades autónomas, y sólo 76.085 que son de otros países. De éstos, más de la mitad pertenecen a los tres países señalados anteriormente.

Sin embargo, la situación de Andalucía es la siguiente: Andalucía es la cuarta comunidad autónoma en número de extranjeros. La población total de Andalucía es de 7.606.848, según datos del Instituto Nacional de Estadística de 2003, de las que 282.901 son extranjeras, el 3,71% de la población. La provincia con mayor número absoluto de inmigrantes es Málaga, aunque relativamente sea Granada la que cuenta con más personas inmigrantes porcentualmente es el 3,62%, por delante de Almería que tiene el 3,36%. No obstante, estos datos son los referidos a las personas inmigrantes empadronadas, y no todas las personas inmigrantes sin papeles deciden darse de alta en el municipio que viven, debido al temor a la expulsión y al desconocimiento de los derechos que esta actuación comporta.

Este porcentaje de inmigrantes va a producir cambios que hacen más evidente la existencia de un mosaico cultural, lingüístico, religioso y étnico que está muy lejos de la homogeneidad aparentemente predominante de hace veinte años, sin embargo, parece que es ahora, cuando encontramos entre la sociedad española «otros» considerados muy diferentes, cuando se le comienza a prestar atención.

Tabla I.
Evolución del
total de altas

Años	Extranjeros	Naturalizados	Retornados	Total
2001	494.953	37.687	9.383	542.023
2002	681.109	63.598	17.400	762.107
2003	723.436	65.962	19.201	808.599
2004	1.030.504	64.196	19.934	1.114.634
2005	1.115.978	65.477	17.814	1.199.269
Total	4.045.980	296.920	83.732	4.426.632

Fuente: Estadística de Variaciones Residenciales.
Instituto Nacional de Estadística.

Los datos producidos por la evolución del total de altas (véase, Tabla I), no deja la menor duda, ya que el porcentaje total de extranjeros desde el 2001-2005 ha pasado de casi medio millón de personas a cuatro millones de habitantes como acumulado durante estos años. Si el porcentaje del total de extranjeros para el 2001 representan un 91,32%, para el año 2005 representa un 91,40%, lo que evidencia una tendencia a constituir el principal grupo de altas que se produce dentro de España.

El segundo grupo de altas corresponde a los naturalizados que representan un total de unos 300.000 para el periodo que estamos estudiando. Este dato para el total comienza a decrecer de forma considerable, ya que para el 2001 correspondían a un 6,95% en el año 2005 representan sólo un 5,46%. Además, se observa un salto cualitativo desde el 2001 al 2002 de casi el doble, y desde este último año una constante en el número de naturalizados sobre unos 65.000 al año, por parte de las autoridades españolas.

El tercer grupo de altas corresponden a los retornados, que presentan unos cambios sustanciales desde el 2001 al 2005. Podemos observar que para el 2001

[8] Véase, CHECA, Francisco (Ed.) (2002) Las migraciones a debate. De las teorías a las prácticas sociales, Barcelona, Icaria/ Institut Català d'Antropologia.

tienen un valor del 1,73% y en el 2005 representa un 1,48% del total de altas, produciéndose un descenso de este último año con respecto al año anterior.

Estos tres colectivos presentan unas grandes diferencias cuantitativas en cuanto a su representación en el conjunto de altas dentro de los padrones de los municipios españoles, como pone de manifiesto el Gráfico I.

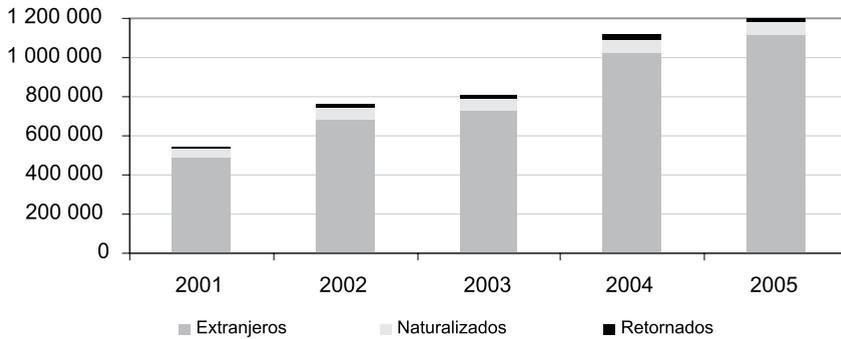

Gráfico I.
Porcentajes respecto del 2001 al 2005.

2.4. Estructura demográfica de las altas registradas

Para la estructura demográfica hemos considerado pertinente realizar unas Pirámides de Población, que son gráficos muy sencillos y que nos van a servir para ilustrar los datos sobre extranjeros, naturalizados y retornados. Creemos que estas deberían hacerse, en todos los estudios e investigaciones, especialmente si queremos establecer las necesidades de equipamientos e infraestructuras según las recomendaciones legales vigentes. Por ello, es preciso hacer unos estudios de población por edades, sexos y evolución.

En la pirámide de extranjeros, se observa que existe una sex ratio predominante de varones en el tramo de una población que corresponde de los 21 a los 36 años, teniendo un equivalente parecido con respecto a las mujeres pero en menor escala. El componente de jóvenes es mínimo al igual que el de personas mayores.

La pirámide de naturalizados se encuentra en forma de hongo, produciéndose un aspecto más equilibrado de la sex ratio entre varones y mujeres donde los incrementos de personas más mayores y otro fuerte ascenso en las cohortes se aprecia de 0 a 10 años, debido en la mayoría de los casos son matrimonios jóvenes o en edad de procrear, lo que aporta e incrementa en esos 35.000 niños

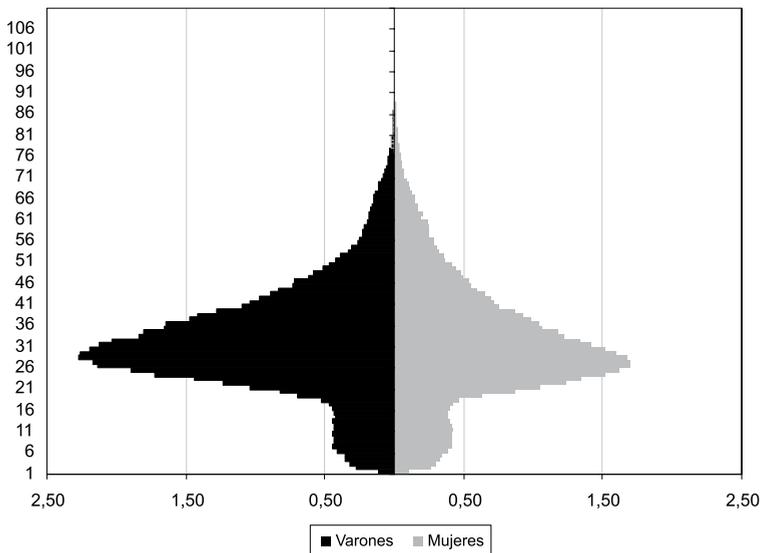
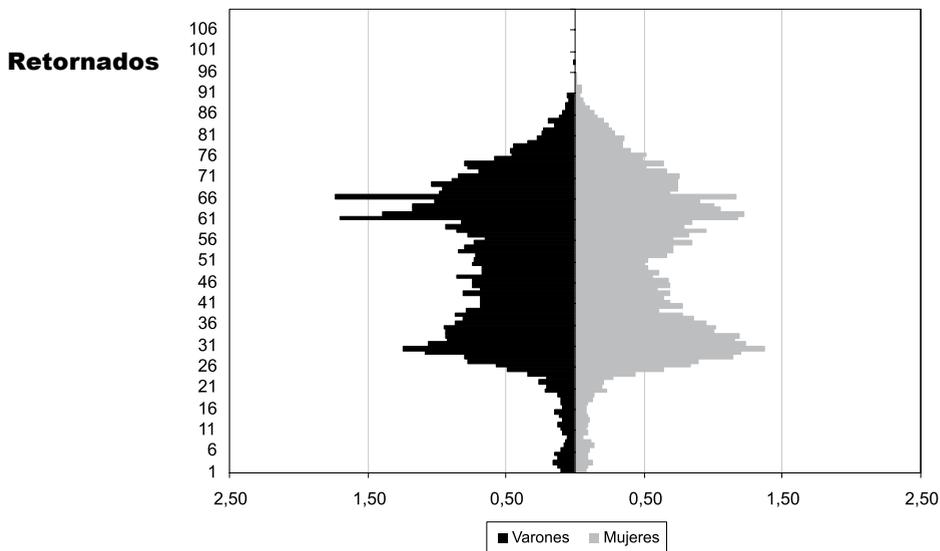
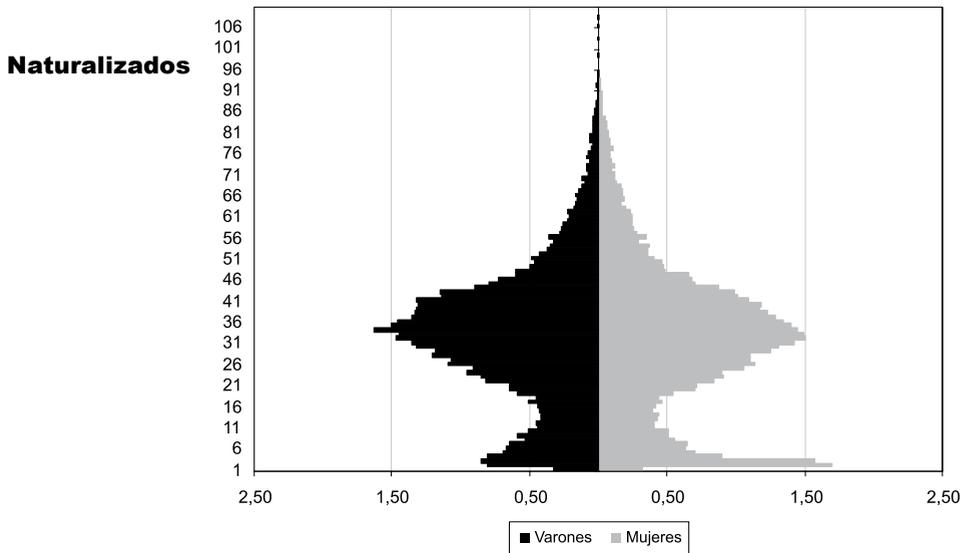

Gráfico II.
Estructura demográfica de las altas registradas

Extranjeros

que cada año nacen de la población inmigrante, en gran parte naturalizados por las políticas españolas.

El tercer grupo corresponde a los retornados, que suelen presentar un mayor equilibrio entre la sex ratio, varones y mujeres entre dos grupos de edad, que corresponde a los 26-36 años y los 56-71 años. Dos cohortes de edad que corresponden a los padres retornados que llegan a España, con muchos de sus hijos nacidos en el extranjero. Esta diferenciación se puede completar con las diferentes estructuras por movimientos de población, es decir, el porcentaje con respecto a la población autóctona (Gráfico II).

En el colectivo de extranjeros suele predominar el grupo de entre los 20 y 35 años en una perfecta curva de gauss, a diferencia de los naturalizados que representan dos picos muy importantes, entre los 0 y 5 años, y el grupo de 25 y 45 años que coinciden con el periodo de procreación de este colectivo que en su mayoría son parejas de jóvenes que tiende a pedir la nacionalidad española. El grupo de retornados, al igual que el anterior, constituye dos picos muy importantes, entre 25 y 35 años y el grupo de 60 y 75 años que corresponde a los inmigrantes que salieron de España en la década de los sesenta.

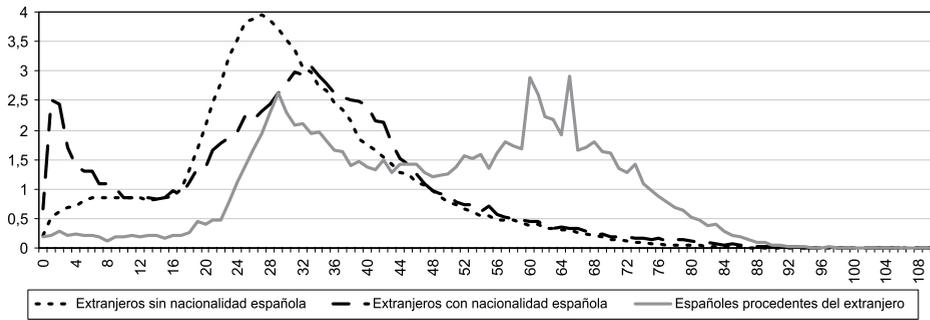

Gráfico III.
**Diferencias
estructurales
entre
movimientos**

2.5. Los principales países de origen y sus movimientos dentro de la sociedad española

Hasta el año 2000, en que aparecen las dos leyes de extranjería (Ley 4/2000 y Ley 8/2000) que intentan poner un cierto orden al fenómeno de la inmigración en España, no se conoce la auténtica dimensión del problema. Se tienen datos de la inmigración de carácter legal, pero se desconoce la inmigración irregular e ilegal^[9].

Destacar, en primer lugar, como el mayor porcentaje de extranjeros en España para el 2005 son ciudadanos de Marruecos con un total de 154.077 habitantes, seguido de los rumanos con unos valores casi parecidos. Destaca el colectivo de extranjeros de América Latina, donde de los diez países que más ciudadanos extranjeros hay en España seis son de este espacio geográfico con un total de 305.126 habitantes.

Destacan un país europeo con 53.613 habitantes, como es el caso de Reino Unido, y la importancia creciente que van teniendo en la actualidad los chinos.

En cuanto, al segundo grupo, que corresponden a los naturalizados, aunque su porcentaje es menor, se puede observar como argentinos y venezolanos son los que mayor número aportan, con 16.074 habitantes entre ambos. Y el otro grupo de ascendencia latinoamericana que se aproxima a 2.500 habitantes por año, está compuesto por procedentes de países como Cuba, Uruguay, República Dominicana y Colombia. Es decir, existe una fuerte tendencia a naturalizar a los habitantes de la esfera de habla hispana.

El otro aspecto de naturalización lo proporciona cuatro países, tres europeos, que son Francia, Alemania y Suiza, y otro del norte de África que es Marruecos. Por lo tanto, existe una estrategia geopolítica por parte de las autoridades españolas a la hora de naturalizar a los ciudadanos que piden esa naturalización, destacando las órbitas de América Latina y Europa (Tabla II).

El tercer grupo, que corresponde a los retornados, se pueden concretar en el retorno europeo, de países como Francia, Alemania y Suiza en primer lugar, sumando todos ellos juntos con el Reino Unido a un total de 7.760 personas. Destaca el porcentaje de 1.289 de Estados Unidos y llama la atención el caso de Andorra con 850 habitantes.

Los datos anteriores llevados a las provincias españolas pueden concretar los lugares de donde se asientan cada uno de estos tres grupos. El mayor número de extranjeros se encuentra principalmente representado en las dos provincias de mayor desarrollo de España, como es el caso de Madrid y Barcelona. Además, destacan también las principales naturalizaciones y los retornados que se producen dentro del estado español. En segundo lugar, destacan el litoral levantino con tres provincias, como son Alicante, Valencia y Murcia, con unos valores considerables. El tercer grupo con mayor volumen de extranjeros se corresponde con el entorno del mediterráneo, destacando en Andalucía las provincias de

[9] JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2007a) Menores marroquíes que emigran: la búsqueda de un sueño en la ciudad de Granada (España), *Equidad & Desarrollo*, nº 7, Bogotá, Universidad de La Salle, pp. 7-25.

Tabla II.
Principales países de origen de los distintos tipos de movimientos (2005)

País	Extranjeros (país de nacimiento)	País	Naturalizados (país de nacimiento)	País	Retornados (país de procedencia)
Marruecos	154.077	Argentina	8.469	Francia	2.373
Rumania	149.995	Venezuela	7.605	Alemania	1.951
Ecuador	65.673	Francia	5.771	Suiza	1.901
Bolivia	63.342	Alemania	4.569	Venezuela	1.547
Colombia	61.767	Marruecos	3.497	Reino Unido	1.535
Reino Unido	53.613	Suiza	3.134	Estados Unidos	1.289
Argentina	49.254	Cuba	2.635	Andorra	850
China	37.429	Uruguay	2.584	Argentina	749
Brasil	33.563	Rep.Dominicana	2.541	Bélgica	523
Perú	31.527	Colombia	2.424	México	475
10 primeros países	700.240	10 primeros países	43.229	10 primeros países	13.193
Total	1.115.978	Total	65.477	Total	17.814
(%) 10 países sobre el total	62,75	(%) 10 países sobre total	66,02	(%) 10 países sobre total	74,06

Fuente: Estadísticas de Variación Residenciales. Instituto Nacional de Estadística.

Málaga y Almería, asociadas a la mano de obra, en la primera relacionada con el sector servicios mientras que en la segunda con el sector de la construcción. De igual forma, destacan tres provincias como son Baleares, Tarragona y Gerona lo que completa todo el desarrollo de la cuenca del mediterráneo, frente al resto de España.

Para el caso de la naturalización, destacan Madrid y Barcelona igualmente, sin embargo, ya aparecen provincias atípicas, como son los casos de Santa Cruz de Tenerife, Las Palmas de Gran Canaria, donde el gran número de ciudadanos de Venezuela que están exigiendo la nacionalidad española. Valencia, Alicante y Baleares corresponden al grupo de ciudadanos de Europa que consiguen la nacionalidad española. Y en los casos de La Coruña y Pontevedra son los descendientes de la antigua inmigración de España a principios del siglo XX a Argentina y Venezuela los que están volviendo a España para conseguir la nacionalidad española.

Tabla III.
Principales provincias de alta de los distintos tipos de movimientos (2005)

Provincia	Extranjeros	Provincia	Naturalizados	Provincia	Retornados
Madrid	180.968	Madrid	10.636	Madrid	2.671
Barcelona	176.934	Barcelona	8.263	Barcelona	1.630
Alicante	75.111	Santa Cruz	4.326	Coruña	1.513
Valencia	63.971	Valencia	3.444	Pontevedra	1.137
Murcia	48.865	Coruña	2.853	Valencia	791
Málaga	43.025	Málaga	2.708	Orense	760
Baleares	36.447	Alicante	2.626	Santa Cruz	751
Almería	31.072	Las Palmas	2.230	Málaga	659
Tarragona	30.377	Pontevedra	2.227	Alicante	648
Gerona	29.034	Baleares	2.046	Asturias	572
10 primeros	715.804	10 primeros	41.359	10 primeros	11.132
Total	1.115.978	Total	65.477	Total	17.814
% 10 sobre total	64,14	% 10 sobre total	63,17	% 10 sobre total	62,49

Fuente: Estadística de Variaciones Residenciales. Instituto Nacional de Estadística.

Para el caso de los retornados, éstos tienden a concentrarse en las mismas provincias que los procedentes de la naturalización. Primero, destacan Madrid y Barcelona, con el mayor porcentaje de retornados. Segundo, se puede calificar a La Coruña, Pontevedra, Orense y Asturias como la zona norte de retorno de la población, cuya procedencia principal se puede detectar en argentinos y venezolanos. Y también podemos destacar una parte muy importante del litoral mediterráneo que corresponde a Valencia, Alicante y Málaga y el caso de Santa Cruz de Tenerife (Tabla III).

Los naturalizados presentan cierta similitud con los retornados que vuelven a España. Mientras que los extranjeros suelen ir a aquellas zonas de España donde el desarrollo económico es más pujante, especialmente en los sectores de la construcción, el turismo y la agrícola.

3. A MODO DE CONCLUSIÓN

De los diferentes aspectos que nos permite analizar la Estadística de Variaciones Residenciales, de las tres tipologías de inmigración establecidas, podemos destacar las siguientes:

a) El creciente protagonismo de los flujos de entrada desde principios de siglo XXI, aunque con grandes diferencias entre los tres colectivos, pues mientras «retornados» y «naturalizados» muestran una tendencia estable y equilibrada, el número de «extranjeros» en los últimos años crece de forma acelerada.

b) Las grandes diferencias cuantitativas que existen entre los tres grupos, ya que el 91,45% de las altas se deben a los «extranjeros», mientras que «retornados» y «naturalizados» apenas suponen el 1,48% y el 5,46% de las mismas, respectivamente.

c) Los perfiles son distintos desde un punto de vista estructural, así la entrada de «extranjeros» está protagonizada mayoritariamente por adultos jóvenes con una sex ratio ligeramente favorable al género masculino. Los «retornados», sin embargo, presentan un mayor equilibrio entre géneros y un mayor nivel de envejecimiento, pues su presencia se ensancha hacia la cúspide de la pirámide poblacional. Frente a ello, los «naturalizados» muestran una situación intermedia caracterizada por el equilibrio entre géneros, el protagonismo del colectivo adulto y el arrastre de un importante contingente infantil.

d) La variación de los países de origen de los distintos colectivos. Así los «extranjeros» provienen principalmente de zonas en vías de desarrollo como Marruecos, Latinoamérica (Ecuador, Bolivia, Colombia) o Europa del Este (Rumanía), escenarios muy distintos de los «naturalizados» que proceden de antiguos focos de emigración española que pasan, o han pasado recientemente, por episodios de crisis como Argentina y Venezuela, o de los «retornados» procedentes, en su mayor parte, de países, como Francia, Alemania o Suiza, donde fue muy importante el asentamiento de españoles en los años sesenta y setenta.

e) La diferencia de los patrones de asentamiento en territorio nacional. Así los «extranjeros» muestran su predilección por Madrid, Barcelona, el arco levantino y parte de Andalucía, destinos que más o menos mantienen los «retornados» y «naturalizados» pero con algunas diferencias pues el protagonismo que pierden las islas lo ganan algunas provincias de Galicia y la cornisa cantábrica.

BIBLIOGRAFIA

- BECH, Ulrich (1998) ¿Qué es la globalización?, Barcelona, Paidós.
 BERRY, John (2006) Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada, en *International Journal of Intercultural Relations*, nº 6, pp. 719-734.
 BLANCO, Carmen (2000) Las migraciones contemporáneas, Madrid, Alianza Editorial.

- BRODKIN, Karem (2005) Xenophobia, the state and capitalism, en *American Ethnologist*, nº 4, Vol. 32, pp. 519-520.
- CAMPO, Salustiano del y NAVARRO, Manuel (1987) *Nuevo análisis de la población española*, Barcelona, Ariel.
- CARRERA, Sergio (2006) Programas de integración para inmigrantes: Una perspectiva comparada en la Unión Europea, en *Migraciones*, nº 20, pp. 37-73.
- CASTLES, Stephen (1999) International migration and the global agenda: reflections on the 198 UN Technical Symposium, *International Migration* 37(1), pp. 5-19.
- CEA d'ANCONA, María (2004) La activación de la xenofobia en España: ¿quién mide las encuestas? Madrid, Centro de Investigaciones Sociológicas.
- CEA d'ANCONA, María (2007) *Inmigración, racismo y xenofobia en la España del nuevo contexto europeo*, Madrid, Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales.
- CHECA, Francisco (Ed.) (2002) *Las migraciones a debate. De las teorías a las prácticas sociales*, Barcelona, Icaria/Institut Català d'Antropologia.
- CHECA, Francisco (Ed.) (2005) *Mujeres en el camino. El fenómeno de la migración femenina en España*, Barcelona, Icaria/Antrazyt.
- CHOFRE, Lucía (2005) Racial discrimination in Spain, en *Studi Emigrazione*, nº 159, pp. 681-700.
- COHEN, Aron et alii (1998) La emigración extranjera en Andalucía, *Boletín Económico de Andalucía* 24, pp. 165-184.
- DÍEZ, Juan (2005) *Las dos caras de la inmigración*, Madrid, OPI.
- EGEA, Carmen; NIETO, José Antonio y JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2002) El estudio del retorno. Aproximación bibliográfica, *Migraciones & Exilios* 3, diciembre, AEMIC, pp. 141-168.
- EGEA, Carmen; RODRÍGUEZ, Vicente; NIETO, José Antonio y JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2005a) La migración de retorno en Andalucía, Granada, Editorial Universidad de Granada.
- EGEA, Carmen; NIETO, José Antonio y JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2005b) Estructura sociodemográfica de los retornados a Andalucía, 1997-2001, *Quaderni* 32, Universidad de Bari, pp. 33-51.
- EGEA, Carmen; NIETO, José Antonio; RODRÍGUEZ, Vicente y JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2005c) La inmigración actual en Andalucía (1997-2001), *Scripta Nova. Revista electrónica de geografía y ciencias sociales* 192, Barcelona, Universidad de Barcelona, Vol. IX, pp. 1-15.
- ESTEFANÍA, Joaquín (1997) *Contra el pensamiento único*, Madrid, Taurus.
- FARRE, Miracle y NAVARRO, Montserrat (1995) El uso de modelos en demografía: una aplicación al estudio de las migraciones, en *Habitar, vivir, prever: Actas del V Congreso de Población de España*, Barcelona, pp. 403-410.
- FERNÁNDEZ-CORDÓN, José Antonio (1998) *Población: situación actual y tendencias*, Andalucía, una sociedad incluyente, Sevilla, Junta de Andalucía.
(<http://www.juntadeandalucia.es/nuevosiglo/ponenhtml/fercorjua.html>).
- GALDÓS URRUTIA, Rosario (1993) Un nuevo modelo migratorio. Las migraciones interiores en España entre 1976 y 1989, *Eria* 30, pp. 73-79.
- GARCIA COLL, Arlinda y PUJADAS RÚBIES, Isabel (1998) Les migracions interiors a Espanya a finals del segle XX, *Treballs de la Societat Catalana de Geografia* 44, vol. XII, pp. 231-249.
- GONZÁLEZ PÉREZ, Vicente (Dir.) (1995) *Inmigrantes marroquíes y senegaleses en la España Mediterránea*, Valencia, Generalitat Valenciana/Consejería de Trabajo y Asuntos Sociales.
- GONZÁLEZ REBOREDO, Xos Manuel (1995) La identidad del inmigrante gallego, *Antropología. Rev. De Etnopsicología y Etnopsiquiatría* 18, pp. 151-169.
- GOODEY, Jo (2007) Racist violence in Europe: Challenges for official data collection, en *Ethnic and Racial Studies*, nº 4, Vol. 30, pp. 570-589.
- GUALDA CABALLERO, Estrella (2005) La inmigración en Andalucía, de finales de los noventa a inicios del siglo XXI: tendencias de interés, SOLÉ, Carlota e IZQUIERDO, Antonio (Coords.) *Integraciones diferenciadas: migraciones en Cataluña, Galicia y Andalucía*, Barcelona, Anthropos, pp. 56-70.
- IZQUIERDO ESCRIBANO, Antonio (1992) *Españoles en América Latina*, Madrid, Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales.
- IZQUIERDO ESCRIBANO, Antonio (1995) Los inmigrantes extranjeros en Andalucía: perfil sociodemográfico, Sevilla, Junta de Andalucía, Consejería de Asuntos Sociales.
- JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2006) La inmigración marroquí en Granada: su imagen y percepción por los jóvenes granadinos, *Estudios Geográficos* 261, Vol. LXVII, julio-diciembre, pp. 549-578.
- JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2007a) Menores marroquíes que emigran: la búsqueda de un sueño en la ciudad de Granada (España), *Equidad & Desarrollo* 7, Bogotá, Universidad de La Salle, pp. 7-25.
- JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2007b) Las implicaciones para España de la nueva identidad europea y los conflictos étnicos, *Espacios Públicos* 19, Toluca, UAEM x., pp. 214-236.
- JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2008) Alteridad y religión excluyente hacia los inmigrantes: el caso de Granada (España), *Ra Ximhai: Revista científica de sociedad, cultura y desarrollo sostenible* 3, Vol. 4, pp. 713-735.
- JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (2009) *Desarrollo social y conflictos en Granada (España): desde la globalización perfecta a lo local imperfecto*, LÓPEZ, Adriana P.; MEZA, Carlos

- A. y SANABRIA LANDAZÁBAL, N stor Juan (Comps.) *Equidad y Desarrollo*, Bogot , Universidad de La Salle, pp. 247-302.
- LAFONTAINE, Oscar y MÜLLER, Christa (1998) *No hay que tener miedo a la globalizaci n. Bienestar y trabajo para todos*, Madrid, Biblioteca Nueva.
- LARDIÉS BOSQUE, Ra l (1996) *Aproximaci n te rica a las interrelaciones entre turismo, trabajo y migraciones internacionales en el contexto europeo*, *Geographica* 33, pp. 103-125.
- LIMA MALVIDO, María de la Luz (1994) *Movimientos de poblaci n, delincuencia y control social. La situaci n de Latinoamericana*, *Eguzkilore* 7, pp. 49-72.
- MALGESINI, Gabriela (1998) *Cruzando fronteras. Migraciones en el sistema mundial*, Barcelona, Icaria.
- MARTÍNEZ GUZMÁN, Vicent y SANDOVAL FORERO, Eduardo Andr s (Eds.) (2009) *Migraciones, conflictos y cultura de paz*, M xico, Bonobos Editores.
- MARTÍNEZ VEIGA, Ubaldo (1997) *La integraci n social de los inmigrantes extranjeros en Espa a*, Madrid, Trotta.
- MENDLOVITZ, Saul H. y RUIZ, Lester E. (1994) *Algunas notas sobre mitos, política e identidad: el sujeto, el constitucionalismo global y la identidad basada en la especie*, SÁNCHEZ, Jes s A.; MUÑOZ, Francisco A.; RODRÍGUEZ, Francisco J. y JIMÉNEZ BAUTISTA, Francisco (Eds.) *Paz y prospectiva: problemas globales y futuro de la humanidad*, Granada, Editorial Universidad de Granada, pp. 149-172.
- PAIN, Edgard (2007) *Xenophobia and ethno-political extremism in post-soviet Russia: Dynamics and growth factors*, en *Nationalities Papers*, nº 5, Vol. 35, pp. 895-911.
- PAPADEMETRIU, Demetrios (1984) *Las migraciones internacionales en un mundo en evoluci n*, *Rev. Internacional de Andalucía* 24, pp. 83-91.
- PÉREZ, Manuel y DESRUES, Thierry (2006) *Opini n de los espa oles en materia de racismo y xenofobia*, Madrid, Observatorio Espa ol de Racismo y Xenofobia.
- RIESMAN, D. (1963) *The lonely crowd: a study of the changing american car cter*, Yale, Yale University Press.
- RINKEN, Sebasti n y PÉREZ, Manuel (2007) *Opiniones y actitudes de la poblaci n andaluza ante la inmigraci n*, Sevilla, Junta de Andalucía.
- RODRÍGUEZ, Vicente; FERNÁNDEZ-MAYORALAS, Gloria y ROJO, Fermina (1998) *European retirees on the Costa del Sol: a cross-national comparison*, *International Journal of Population Geography* 4(2), pp. 183-200.
- RODRÍGUEZ, Vicente; EGEA, Carmen y NIETO, Jos Antonio (2002) *Return Migration in Andalucía, Spain*, *International Journal of Population* 8(2), pp. 233-254.
- ROUX, Guillaume (2006) *Quelle evolution de la x nophobie en France ?*, en *Analyse Et Prospective*, nº 319, pp. 19-41.
- SAINZ DE LA PEÑA, Jos Antonio (1997) *La política de inmigraci n en Espa a*, en *Flujos migratorios norteafricanos hacia la Uni n Europea: asociaci n y diplomacia preventiva*, Madrid, A.E.C.I., pp. 123-188.
- SAMPEDRO, Jos Luís et alii (2003) *Un mundo para todos. Otra globalizaci n es posible*, Barcelona, Icaria.
- SASSEN, Saskia (1996) *¿Perdiendo el control? La soberanía en la era de la globalizaci n*, Barcelona, Ediciones Bellaterra.
- TAYLOR, Maurice (1998) *How white attitudes vary with the racial composition of local populations: Numbers count*, en *American Sociological Review*, nº 4, Vol. 63, pp. 512-535.
- TORTOSA, Jos María (2008) *La Inseguridad humana: Maldesarrollo y violencia en el sistema mundial*, Pamplona, Colombia, Universidad de Pamplona.
- THUROW, Laster. C. (1997) *El futuro del capitalismo*, Barcelona, Ariel.
- WIMMER, Andreas (1997) *Explaining xenophobia and racism: A critical review of current research approaches*, en *Ethnic and Racial Studies*, nº 1, Vol. 20, pp. 17-41.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ КӨШІ-ҚОН МӘСЕЛЕСІ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ ҚАҒИДАЛАРЫ

ЕЛМЫРЗАЕВА РАУШАН САПАРХАНҚЫЗЫ

тарих ғылымдарының кандидаты, халықаралық қатынастар кафедрасының меңгерушісі Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ (Астана, Қазақстан)

Халықаралық қатынастарда қазіргі таңдағы ең өзекті мәселелердің бірі - тұрғындардың бір мемлекеттен екінші мемлекетке көшіп-қонуы. Өйткені, бұл құбылысты бақылауда, болжау да қиын. Әр азаматтың жеке басының ісі бола тұрып, миграция әлемнің жалпы даму қарқынына ерекше ықпал етіп отыр. Баспасөз құралдары пайда болғанға дейін, саяси идеялар мен жаңа технологиялар осы халықтардың қоныс аударуы арқылы Жердің барлық түкпіріне тарап отырды. Ал, қазіргі халықаралық қатынастардың жаһандану жағдайында миграциялық үрдістер одан әрі тереңдей түсіп, оны зерттеудің маңыздылығы арта түсті.

Демографиялық және көші-қон үрдістері саласындағы тұңғыш зерттеулер Батыс елдерінде жүргізілді. Әсіресе, АҚШ-тың ғылыми мектебі өз зерттеулерінің ауқымдылығымен және тереңдігімен ерекшеленеді. Бұл, әрине, АҚШ-тың тарихи ерекшеліктеріне сай болса керек.

Көші-қон мәселесін зерттеу XX ғасырдың басында басталды. Бұл кезде Америка құрлығына Еуропадан мигранттардың ағылып келуі байқалды. Осы уақытта жүргізілген зерттеулер адамдардың қоныс аударуына түрткі болған себептерін, алғышарттарын, сондай-ақ, оның салдарын анықтаумен айналысты.

XX ғасырдың орта тұсында миграциялық үрдістерде 40 жылдық үзіліс болып, зерттеушілер мигранттардың екінші және үшінші ұрпағының ассимиляциялану мәселесіне көбірек назар аударды. Ал, Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін басты мәселе этникалық және нәсілдік қарым-қатынастар болды^[1].

1970-жылдардың басында интеграция және жаһандану үрдістерінің одан әрі тереңдей дамуына байланысты жаппай көші-қон тарихында жаңа кезең басталды. 1990-шы жылдарда миграция тақырыбы зерттеулердің ерекше бір саласына айналып, әлеуметтік аспектіден саяси көзқарастарға ерекше ден қоя бастады^[2].

Еуропалық миграцияның даму эволюциясы бес кезеңге бөлінген^{[3], [4], [5]}. Неміс ғалымы К. Баденің айтуынша, XX ғасыр Еуропа үшін 1914 жылдан 1945 жылға дейін созылған отызжылдық соғыспен ерекшеленді. Бұл

[1] Immigration Research for a New Century: Multidisciplinary Perspectives / Ed. by Foner N., Rumbaut R., Gold S. - New York: Russell Sage Foundation Publications, 2000. - 512 p.

[2] Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans. - 1997. - Vol. 31, No. 4. - PP. 799-825.

[3] Arditis S., Van der Werf D. Migration in a European Perspective: Selected Issues and Prospects. - Maastricht: European Centre for Work and Society, 1988. - 50 p.

[4] Arditis S. Labour Migration and the Single European Market: a Synthetic and Prospective Note // International Sociology. - 1990. - Vol. 5, No. 4. - PP. 461-474

[5] The Politics of East-West Migration. Edited by Arditis S. - New York: St Martin's Press, 1994. - 280 p.

уақытты басқаша «Босқындар және дүниежүзілік соғыстар ғасыры» деп те атауға болады. Еуропалық зерттеулердің тақырыптарынан осы көзқарастың әсері көрінеді. XX ғасырда құрлықтағы көші-қон процестер миграциялық ағымдар мен мемлекеттердің этникалық құрамының қалыптасуына әсер етті. Еуропалық мемлекеттердің либералдық миграциялық саясатына Бірінші дүниежүзілік соғыстың ықпалы орасан зор болды. Өз еңбек нарығын көшіп келушілерден қорғап қалу үшін мемлекеттер нақты іс-шараларды қолға ала бастады. Бұл оқшауланушылық пен бөлектенуге алып келді. Осы кезеңде жүргізілген зерттеулердің саны көп емес, әрі олар тарихи-демографиялық сипатқа ие^{[6], [7], [8], [9], [10], [11], [12]}.

Екінші дүниежүзілік соғыс та ауқымды миграциялық ағымдардың пайда болуына әкелді. 1950 жылы Еуропада 531 млн. адам тұрды. Алайда, соғыстан кейін бала туу көрсеткіштерінің жоғары болғанына қарамастан, бұл 1940 жылмен салыстырғанда, 6 миллионға аз^[13]. Тарихи мазмұндағы ғылыми еңбектер, негізінен, белгілі бір оқиғалардан кейін біраз уақыт өткен соң жазылатын болғандықтан, бұл кезеңдегі жұмыстар да демографиялық, тарихи және географиялық сипатқа ие^{[14], [15]}.

1950 жылдан 1973 жылға дейінгі екінші кезең Еуропаның иммиграция аймағына айналуымен ерекшеленді. Бұған жұмыс күшін импорттау бағдарламалары мен колониалдық жүйенің құлдырауы әсер етті. Бұл кезеңде Еуропада құрлықаралық миграция белең алды. Орталық және Шығыс Еуропа елдері қырғи-қабақ соғысы кезінде жалпыеуропалық көші-қон процестерінен тысқары қалған еді. 1960-шы жылдарға дейін керісінше, Еуропадан көшіп кету көрсеткіштері жоғары болды^[16].

Үшінші кезең 1970 жылдардың басынан 1980 жылдарға дейінгі аралықты қамтиды. Бұл уақытта мұнай және экономикалық дағдарыстар болғаны белгілі. Осыған орай, Батыс Еуропаға жұмысшыларды шақыру бағдарламалары тоқтатылды. Бірақ, бұл шаралар да Солтүстік-Оңтүстік көшу ағымын айтарлықтай тоқтатқан жоқ. Миграция үрдісі отбасылардың бірігуі және әр түрлі елдерден босқындарды қабылдау арқылы жалғасып отырды. Осыған байланысты 1960-шы жылдардан бастап басты назар еуропалық елдердің еңбек нарығын зерттеуге аударылды^{[17], [18], [19]}.

Осы кезеңнің тағы бір зерттеулері репатриациялық процестердің бұрынғы метрополияларға тигізген ықпалы жайында болды^[20].

Тек 1970 жылдардан бастап қана миграция мәселесін ұлттық және аймақтық қауіпсіздік тұрғысынан қарастыру орын алды. Бұл Еуропа мемлекеттерінде экономикалық құлдырау мен еңбек нарығының күрт қысқаруына байланысты болды. Билік органдары мен ғалымдар Азия және Африка құрлықтарынан келетін иммигранттарға жаңаша көзқараспен қарауға мәжбүр болды. Осы кезге дейін жүргізілген «ашық есік» саясатының

[6] Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. I. – New York: Knopf, 1927. – xv, 1143 p.

[7] Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. II. – New York: Knopf, 1927. – vi, 1433 p.

[8] Mandelstam A. N. La protection des minorit. s. – Paris: Librairie Hachette, 1925. – 153 p.

[9] International Migrations. Ed. by Ferenczi I., Wilcox W. Vol. 1. Statistics.– New York: National Bureau of Economic Research, 1929. – 1112 p.

[10] International Migrations. Ed. by Wilcox W. Vol. 2. Interpretations by a Group of Scholars in Different Countries. – New York: National Bureau of Economic Research, 1931. – 715 p.

[11] Burgd rfer F. Eingemeindung und Landwirtschaft. Der Geburten- ckgang und die Bev lkerungspolitische Bedeutung des Landvolkes. – Berlin: Parey, 1929. – 53 S.

[12] Ladas S. The Exchange of Minorities: Bulgaria, Greece and Turkey. – MacMillan, 1932. – 849 p.

[13] Kulischer E. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. – New York: Columbia University Press, 1947. – 377 p.

[14] Seton-Watson H. Eastern Europe between the Wars 1918–1941. – Cambridge: Cambridge University Press, 1945. – 455 p.

[15] Smith A. Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labor in America, 1607–1776. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1947. – viii, 435 p.

[16] Marshall T. Citizenship and Social Class and Other Essays. – Cambridge: Cambridge University Press, 1950. – 154 p.

[17] Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition / Geographical Review, 1971. – PP. 219–249

[18] Salt J., Clout H. Migration in Post-War Europe: Geographical Essays. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 228 p.

[19] Tapinos G. L'immigration trangère en France: 1946-1973. – Paris: Presses Universitaires de France, 1975. – xvi, 451 p

[20] Tinker H. Race, Conflict, and the International Order: from Empire to United Nations. – London: Macmillan, 1977. – 457 p.

арқасында ағылып келген «үшінші әлем» елдерінің өкілдері біртіндеп дамыған мемлекеттердің қомақты бөлігін құрай бастады.

1980-ші жылдардың аяғынан 1990-шы жылдарға дейінгі төртінші кезеңде Шығыс Еуропа елдерінен босқындардың келуі мен этникалық миграция белең алды. Сондықтан, осы кезде көшуге мәжбүр болған мигранттардың проблемасы зерттеле бастады^{[21], [22], [23]}, ұлтшылдық, мемлекеттің қалыптасуы және азаматтық проблемаларының теориялық мәселелері қозғалды^[24]. Еуропалық саясат деңгейінде аз ұлттардың құқықтарын қорғау жөнінде жекелеген заңдар қабылдана бастады. Сондықтан, диаспора мәселесі тәжірибелік және теориялық деңгейде алға шықты.

1990-шы жылдарының орта тұсынан бесінші кезең басталады. Оған тән белгі – біртұтас азаматтығы бар мемлекеттердің еуропалық жүйесінің құрылуы. Теориялық зерттеулердің негізгі тақырыбы – ЕО шеңберінде миграция саясатын жүргізу, босқындарды қабылдау және заңсыз миграциямен күрес^[25].

Ресейде XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басында миграция жөніндегі зерттеулер географиялық және тарихи (антропологиялық) бағыттарда жүргізілді. Оларға негіз болған – 1898 жылғы халық санағы. Қоныс аударудың үкіметтік бағдарламаларына тарихшылар, этнографтар және экономистер қызығушылық танытты^[26]. Миграция тақырыбы дамуының бірінші кезеңі бірінші дүниежүзілік соғыстың басталуына дейін жалғасты.

Екінші кезең – бірінші дүниежүзілік соғыстан 1930-шы жылдарға дейін – экономикалық құлдыраумен, 1915-1922 жылдарғы Алғашқы демографиялық апатпен, дүниежүзілік соғыстармен және төңкерістермен ерекшеленді. Соғыстың әсерінен тұрғылықты жерінен қоныс аударған халықтың жалпы саны 5-6 млн. адамды құрады. Азаматтық соғыстан кейін КСРО-ның миграциялық саясаты қатаң сипатқа ие бола бастады. Әлі де ресейлік зерттеу мектебі сақталғанымен, 1926 жылы халық санағының жүргізілгеніне қарамастан, миграция мәселесіне қызығушылық артпады. Бұл сала саясаттандырылды. Көптеген ғалымдар көшіп кетті, қалғандары қоныс аударуды тарихи жағынан зерттей берді.

Үшінші кезең – 1930-шы жылдардың басынан 1950-ші жылдардың аяғына дейін қоныс аудару және миграция тақырыбын зерттеуге, ақпарат таратуға тыйым салынды. Ішкі көші-қон процесінің екі ағымы болды:

- Екінші демографиялық апат (1930-1936) – байларды мал-мүлкінен айыра отырып, жер аудару, арнайы қоныстар, аштықтың салдарынан болған миграция;
- Үшінші демографиялық апат (1941-1948) – 15 млн. адамның КСРО-ның шығысына қоныс аударылуы, 8,7 млн. адам КСРО-ның батыс шекарасын асып өтуге мәжбүр болды.
- Аз ұлттардың арасынан 2,3 млн. адамды депортациялау;
- Индустрияландыру, жаңа қалалардың салынуы.

Бұл ауқымды қоныс аударулардың ешқайсысы ғылыми басылым беттерінде зерттелген жоқ. Ғылыми ортада миграция туралы еңбектер, негізінен, төңкеріске дейінгі қоныс аударуларды сараптама ретінде жазылды.

[21] Goodwin–Gill G. The Refugee in International Law. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – xxvi, 318 p.

[22] Doreen M. Engendering Forced Migration: Theory and Practice. – New York: Berghahn Books, 1999. – xx, 390 p.

[23] Naimark N. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. – Harvard University Press, 2002. – 256 p.

[24] Gellner E. Nations and nationalism. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – viii, 150 p.; Gellner E. Relativism and the Social Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – viii, 200 p.; Smith A. The origins of nations // Ethnic and Racial Studies. – 1989. – Vol. 12, No. 3. – PP. 340–367

[25] Anderson B. Imagined Communities. – London: Verso, Revised edition, 2006. – 256 p.; Van Hear N. New Diasporas the Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities. – London: UCL Press, 1998. – xv, 298 p.

[26] Семенов Тян Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. – СПб: Типография Киршбаума, 1910. – 212 с.

1950-ші жылдардың аяғынан 1980-жылдардың аяғына дейін қалауы бойынша таңдаған тақырыптарда зерттеулер жүргізуге рұқсат берілді. Хрущевтің «жылымық» кезеңі мен 1958 ж., 1970 ж. санақтар миграциялық зерттеулердің пайда болуына түрткі болды. Миграция мәселесіне деген қызығушылық алдымен Сібір ғылыми мектебінде байқалды, кейін елдің орталығында дами бастады^[27].

Урбандану үрдісінің дамуы мен ауылшаруашылықпен айналысатын халықтың отырықшылығын жою елдің ішіндегі миграциялық ағымдардың пайда болуына және қала халқы санының артуына алып келді. Бұл процесті зерттеу үшін үкімет 1970 жылғы санақтың сұрақтарына қоныс аудару туралы сауалдарды да енгізді. Осыдан бастап, қала-ауыл және басқа да миграция мәселелерімен Мәскеу, Ленинград, КСРО ҒА Сібір бөлімшесі айналыса бастады. Алайда, өткен онжылдықтарда орын алған күштеп қоныс аударулар әлі де тыйым салынған жабық тақырыптар күйінде қалды. 1980-ші жылдары зерттеудің жалпытеориялық әдістерін пайдалана отырып миграцияны кешенді зерттеу қайта жанданды.

1990-шы жылдардың басынан бастап миграция саласында теориялық зерттеулер жүргізуге шектеулер алып тасталды. Социалистік жүйенің құлауымен миграция тақырыбындағы еңбектер көбейе берді. XX ғасырдың аяғында негізінен, этникалық факторға баса назар аударылды^[28].

Көші-қон мәселесін зерттеумен айналысып жүрген ресейлік ғалымдар мәселені саяси миграциология деңгейіне көтере отырып, келесі бағыттарды ұсынды:

- ТМД және Балтық елдерінде және мемлекеттің ішінде босқындар мен жағдайы соларға ұқсас тұрғындардың қоныс аударуы;
- Эмиграция мен иммиграция;
- Отанына қайта оралу;
- Еңбек миграциясы;
- Миграциялық құқық, заңнама, миграциялық ахуал;
- Бұрын депортацияға ұшыраған халықтардың қозғалысы^[29].

Ал, ТМД елдерінің саясаттанушылары келесі тақырыптарда зерттеу жүргізуде:

- Бірігуге және сіңісіп кетуге қабілеттілік мигранттың әлеуметтік тәжірибесіне байланысты;
- Белгілі бір аумақта бір ұлттың өкілдері ғана шоғырланса, соғұрлым жергілікті халық пен мигранттар арасында дау-дамайдың тууы мүмкін.

Заңнамадағы кез келген өзгерістер мен олардың салдары да зерттеу тақырыбына айналды. ТМД және алыс шет мемлекеттері ғалымдарының аз ұлттар мен диаспораларды басқару саласындағы салыстырмалы сараптама жасауға да үлкен мән беріліп отыр^[30].

Көптеген елдерде миграция, негізінен, экономика, демография, саясаттану, әлеуметтану, тарих, әлеуметтік география, құқықтану, антропология сияқты пәндерді зерттеудің құралы болып отыр. Басқаша айтқанда, осынау құбылысты зерттеуге деген ғылыми көзқарастар алуан түрлі. Оның үстіне, ғалымдар жалпы ғылыми әдістерді ғана емес, жеке салалық тәсілдерді де пайдаланады. Мәселен, саясаттану, құқықтану және гендерлік зерттеулер интервьюлер жүргізеді.

[27] Социологические исследования сибирской деревни: Сборник научных трудов / АН СССР, Сибирское отделение, Институт экономики и организации промышленного производства / Под ред. Заславской Т. И., Калмыка В. А. – Новосибирск: ИЭ и ОПИ, 1976. – 129 с.

[28] Дробижина Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. – 2001. – Т. 10, № 2. – С. 167–180; Дробижина Л. М. Трансформационные процессы и решение этнонациональных проблем в российском обществе // Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: ИС РАН, 2003. – С. 7–22

[29] Миграции в трансформирующемся обществе. Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ, 1992–1999 / Отв. ред., составитель, автор обзора по России Зайончковская Я. А. – М.: Центр изучения проблем вынужд. миграции в СНГ, 2000. – 520 с.

[30] Басин В. П. Зарубежный опыт защиты прав соотечественников: политико-правовой анализ. – М.: Русский мир, 2000. – 200 с.; Полоскова Т. В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 1999. – 252 с.

Сонымен қатар, миграцияны зерттеуде әр түрлі академиялық пәндер алуан түрлі, тіпті, бір-біріне қайшы келетін әдістерді қолданады. 1990-шы жылдарға дейін миграцияның саяси жағынан зерттелмеуі көп нәрсені меңзейді. Ол кезде саясаттанушы ғалымдар көші-қон мәселесін назардан тыс қалдырды, тіпті, халықтың қоныс аударуын мемлекет тарапынан бақылау мәселесіне де немқұрайлы қарады. Миграция мәселесін бұрыннан зерттеп келген ғалымдар әлеуметтанушылар, антропологтар, тарихшылар арасында өздеріне қолдаушылар тауып, негізінен, ғылымның аралас салаларында жұмыс істеді^[31].

Халықаралық қатынастардың қазіргі заманғы теорияларында неореалистер, либералдар және конструктивистер миграция мәселелерін жеткілікті дәрежеде қарастырмайды деп айтуға болады. Неомарксистер және әлемдік жүйелер теориясының өкілдері миграция мәселелерін талқылаған кезде, негізінен, басты назарды осы құбылыстың капитализм жағдайында қалай дамидынығына аударды. Алайда, олар миграцияның ерекшеліктері, деңгейлері мен әлемдік саясатқа деген ықпалына көп тоқтала қойған жоқ. Қырғи-қабақ соғыс аяқталып, неомарксизм әлсіреген соң, реализм, либерализм және конструктивизм халықаралық қатынастардың үш негізгі парадигмасына айналды. Осы уақыттан бастап халықаралық миграция саясаткерлердің назарына ілігіп, дегенмен, пәннің дамуына аса көп үлесін қоса қойған жоқ.

Копенгаген мектебінің кейбір өкілдері қырғи-қабақ соғыс аяқталғаннан кейін «әлеуметтік қауіпсіздік» мәселесінің маңызы артқанын айтып, миграцияны қауіпсіздіктің жаңа мәселесі ретінде қарастырды (О. Вэвер). Ал, неореалистер мәселені былай қоюға қарсы болды (С. Уолт). Неолибералдар болса, еңбек миграциясының әлемдік саясатқа тигізетін ықпалын азайтты (Р. Кеохейн). Конструктивизмнің кейбір өкілдері миграцияның саяси сипат ала бастағанын айтып, қауіпсіздік саласының бір аспектісі деп қарастыруға болады деді^[32].

1960-шы жылдардың аяғында ауқымды миграцияның индустриалды қоғамдарға ықпалы артып, бұл жағдай зерттеушілер мен саясаткерлердің назарын миграция феноменіне аударды. Миграцияны саяси көзқарас тұрғысынан зерттеу жалпы көші-қон мәселелерін жаңаша қабылдап түсінуге көмектеседі. Саясаттану тұрғысынан алғанда екі басты бағыт бар:

- Саясиэкономия, оның қарастыратын мәселелері: миграция нәтижесінде кім ұтты, кім ұтылды; мемлекеттің тұрғылықты халқы мигранттарға және миграциялық саясатқа қалай қарайтыны;
- Институционализм, бұл бағыт либералды демократиялардың құрылымдық, процедуралық және нормативті ерекшеліктерінен туындайды. Олардың негізінде адам құқықтарын қорғау қағидасы жатыр.

Саясиэкономия көзқарасы тұрғысынан алғанда, мемлекеттердің иммиграциялық саясатты жүзеге асыруда бірнеше мақсаттары болуы мүмкін. Табысы мен шығыны қалай есептеледі, қандай саясат ұстанады деген мәселелер саяси процестің ерекшеліктеріне байланысты болады. Саясиэкономияны қолдаушылардың пайымдауынша, иммиграциялық саясатты ұстануда басты нәрсе - тек мүдделердің алға қойылуы.

Институционалды әдістеме саясиэкономияға қарағанда, құқықтар мен құндылықтар жүйесіне көп мән береді. Бұл әдістеме либералды демократияның ұлттық-мемлекеттік пішінде эволюциясы мен халықаралық ұйымдар негізінде жүзеге асуын бақылау қорытындыларына негізделеді.

[31] Freeman G. Political Science and Comparative Immigration Politics. – University of Texas at Austin, 2000. – 26 p.

[32] Koslowski R. International Migration and Human Mobility as Security Issues / Paper for presentation at the International Studies Association Meeting New York City, February 15–18, 2009. – Transatlantic Academy, 2009. – 37 p.

Екі әдістеменің екеуі де дұрыс, әрі бірін-бірі теріске шығармайды. Алайда, негізгі проблемалардың бірі - классикалық либерализм идеясын демократиялық емес саяси жүйелерге қолдануға болмайтындығында^[33].

Саясаттанушылар миграцияны зерттеуде келесі мәселелерге баса назар аударады:

- миграция мен сыртқы саясаттың және ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саясатының өзара байланысы;
- миграция ағымын басқарып, шекарада бақылауды жүзеге асыруда ұлттық мемлекеттің рөлін анықтау;
- мемлекеттің миграцияны макродеңгейде (халықаралық жүйелер мысалында) реттеуіне байланысты туындайтын қиындықтарының себебін анықтау;
- миграцияның егемендік және азаматтық институттарына ықпалын зерттеу;
- инкорпорация мәселесін зерттеу, қабылдаушы және жіберуші мемлекеттердің саяси өмірінде диаспораның алатын орнын анықтау, сондай-ақ, миграцияның дау-дамай туғызатын әлеуетін анықтау;
- жаһанданудың миграциялық процестерге әсерін қарастыру, жаһанданудың салдары ретінде трансұлттық қауымдастықтардың пайда болуына тоқталу;
- саяси миграция теориясын және саяси миграциятанудың ғылыми негіздерін қалыптастыру.

Миграцияның саяси параметрлері саясаттанушылардың назарын ұлттық қауіпсіздік мәселелеріне, сонымен қатар, бақыланбайтын және заңсыз миграция тудыратын қауіп-қатердің алдын алу және азайту мәселелеріне аударады. Бұл мәселенің өзектілігі, әсіресе, 2001 жылғы 11 қыркүйек оқиғаларынан кейін, Лондон, Мадридтегі жарылыстардан кейін артты. Бұл кездері дамыған елдердің көпшілігі үш негізгі мақсат-міндетті алдына қойды: «алдын алу, жазаалау, қорғау» (ағылшын тілінде 3P - preventing, prosecuting, protecting).

Бүкіл дүниежүзінде кең тараған ұлттық қауіпсіздік тұжырымдамасы тұрғысынан алғанда, қауіпсіздіктің мақсаты – жер бүтіндігі сақталып, саяси жүйесінің күшпен құлауына жол берілмейтіндей етіп, ішкі және сыртқы жағдайларға мемлекеттің қол жеткізуі. Ұлттық қауіпсіздік тұжырымдамасының маңызды ерекшелігі – оның қатаң иерархиялығы. Ондағы субъектілер, объектілер, қауіпсіздіктің аспектілері мен мақсаттары қатаң анықталып, бекітілген. Тек өзге субъектілер тудыратын қауіптер ғана оның үнемі жаңарып отыруына септігін тигізеді. Мемлекет пен оның ішкі заңды субъектілері көздейтін мақсаттар бір-біріне қайшы келіп, қақтығысқа ұрынса, тұжырымдамаға сәйкес, соңғы таңдау мемлекеттің құзырында^[34].

Сонымен, мемлекет өз аумағында және шекарасынан тыс жерде орын алып жатқан адамдардың кез келген қоныс аударуына секемдікпен қарауы тиіс. Бұл қоныс аударулардың қауіпсіздікке қатер төндіретінін тек мемлекет қана анықтап, оларды арнайы заңнамаға сәйкес, шекаралық бақылау арқылы реттей алады. Мигранттарға тікелей қатысы бар құқық пен құқыққолдану саласындағы мемлекеттің егемендігі талассыз.

Алайда, ұлттық қауіпсіздік тұжырымдамасының біржақтылығы мигранттардың қауіпсіздігіне кері әсерін тигізеді. Бұл тұжырымдаманы ұстану қоғамның тиімді қорғалуын қамтамасыз ете алмайды. Мемлекетаралық миграция қауіптің бірден-бір көзі ретінде қарастырылады. Осылайша бұл тұжырымдама заңсыз миграцияның қалыптасуына әкеп соғады. Сонымен қатар, бірнеше елдің азаматтарының шекарааралық көшіп

[33] Freeman G. Political Science and Comparative Immigration Politics. – University of Texas at Austin, 2000. – 26 p.

[34] Кузьмин А.И. Курс лекций «Основы демографии». – М., 2003. – 440 с. <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/47069>

қонуы мәселелерін реттейтін пәрменді халықаралық ынтымақтастықтың болуы да бұл көзқарас бойынша мүмкін емес.

Қырғи-қабақ соғыс аяқталғаннан кейінгі жылдары пайда болған жалпы қауіпсіздік тұжырымдамасы миграцияны қауіп-қатерлердің көзі ретінде қарастырмайды. Оның үстіне, мигранттардың арасында ең қорғансыз жандар - босқындардың проблемасы қауіпсіздіктің кеңейтілген тұжырымдамасына енгізілуі тиіс мәселе болып табылады.

Миграцияны заңдастыру арқылы оны «жеңіл» түрде бақылау алға тартылады. Дегенмен, қорғаныс шаралары мүлдем жоққа шығарылмайды. Сонымен қатар, миграцияны мемлекеттік қауіпсіздік проблемасы ретінде жалпылама қарастыруға да қол жеткізіледі. Көші-қон мәселелерін шешуге сол мигранттардың өз ұйымдары қатыстырылып, миграциялық бағдарғылардың бастапқы және соңғы тораптарында аймақтар мен мемлекеттің өзара байланысын реттеу мен жақсарту ынталандырылады.

Көші-қон процестерінің мемлекеттің дамуына ықпалының геосаяси өлшемі жайында айта кетейік. Бұл мемлекеттің миграциялық процестерді реттеуде қандай іс-шаралар қабылдап жатқанына байланысты. Іс-шаралар, сайып келгенде, мемлекеттің өз қауіпсіздігіне де әсер етеді. Ғылыми пікірталастарда айтылып жүргендей, эмигранттардан түсетін қомақты қаржыны және өмір сүрудің қажетті стандарттарын сақтап қалу үшін жіберуші мемлекеттер үнемі мигранттарды табыс табуға жіберуге мәжбүр болып отыр.

Миграция тақырыбындағы зерттеулердің арасында бірқатар жетіспеушіліктер бар. Олар мигранттардың инкорпорация процесіне байланысты және одан әрі зерттеуді қажет етеді:

1. эмиграция және иммиграция процестерінде мигранттардың таңдалып алынуы мәселесінің жүйелілігі;
2. әр түрлі ұрпақтың өмір сүруі кезінде мигранттардың бейімделу қабілетінің алуан түрлілігі (әсіресе, бірінші, жартылай бірінші және екінші ұрпақтар);
3. бейімделудің бірқатар модельдеріне макроэкономикалық, саяси және әлеуметтік факторлардың тигізетін әсері^[35].

Қазіргі таңда әлемде, әсіресе, АҚШ-та тұрғылықты халықтың қозғалыстары сайлаушылардың іс-әрекетіне ықпал етуі өзекті мәселелердің қатарына жатады^[36]. Дауыс беруде диаспораның жағымды әсері баспасөз беттерінде айтылып келеді.

Әдетте мигранттардың саяси таңдауының қабылдаушы мемлекеттің байырғы тұрғындарының қалауынан айтарлықтай айырмашылығы бар. Сонымен қатар, әр түрле елдерде тұратын мигранттардың дауыс беру стилінде де белгілі бір айырмашылықтар бар. Мигранттардың сайлауға қатысу әрекеті көбінесе қабылдаушы мемлекеттің құрылымдық ортасына сай қалыптасады, әсіресе, оған демократиялық дәстүрлер мен экономикалық еркіндік әсер етеді. Ал, мигранттардың саяси қалауы олардың бейімделуіне қарай өзгереді.

Саяси миграциятану ғылымының арнайы категориялары «миграциялық процестің саяси құрамы», «миграциялық процестің саясиландырылуы» болып табылады. Бұл жерде миграция феномені қабылдаушы және жіберуші қоғамның саяси жағдайын ретке келтіруде үстемдік етуі тиіс. Бұл процес негізінен объективті болып табылады. Миграциялық процестің саяси құрамы дегеніміз билік етушілердің қарым-қатынастары жағдайында өз саяси мүдделерін жүзеге асыруға байланысты әлеуметтік топтар мен тұлғалар жүргізетін субъективті іс-әрекетінің жемесі. Бұл жерде әлеуметтік

[35] Immigration Research for a New Century: Multidisciplinary Perspectives / Ed. by Foner N., Rumbaut R., Gold S. – New York: Russell Sage Foundation Publications, 2000. – 512 p.

[36] Brown T. Migration and Politics: The Impact of Population Mobility on American Voting Behavior. – Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1988. – XXI, 198 p.

қайшылықтар мен дау-дамайлар, саяси белсенділік пен тұрақтылық және әлеуметтік ретсіздік туралы айтылып отыр.

Саясаттану пәндерінің бірі ретінде саяси миграциятану саяси шынайылықтың заңдары мен бағыттарын, миграциялық процестердің саяси сипат ала бастағанын еске ала отырып кез келген саяси жағдайды зерттеуде жаңа әдістер қолданады^[37].

Миграцияны зерттеумен әлемнің түкпір-түкпірінде көптеген мекемелер айналысады. Олардың назарында тек миграциялық процестер емес, олардың басқа құбылыстармен өзара байланысы да бар.

ТМД елдері территориясында 2004 жылдың қаңтарында аймақтық қоғамдық ұйым ретінде тіркелген Миграциялық зерттеулер орталығы жұмыс істейді. Бұдан бұрын оның атауы ТМД-да мәжбүр мигранттардың проблемаларын зерттеу орталығы болатын. Ол 1997 жылы құрылған. Бұл орталық үнемі зерттеулер жүргізіп, конференциялар мен семинарлар өткізеді, посткеңестік елдерде миграция мәселелері бойынша басылым беттерінде мақалалар жариялап тұрады. Орталықтың бастамасымен, ТМД және Балтық теңізі елдеріндегі миграция бойынша Тәуелсіз зерттеу кеңесі құрылып, ол көптеген жылдар бойы қызмет атқарды.

Американың зерттеу мектебі белгілі бір этникалық топтарды мысалға алып, нәсілдік сипаттардың қандай орын алатынына басты назар аударады. Зерттеліп жатқан мәселелер мигранттардың жаңа ортаға сіңісуі қалай жүзеге асып жатқандығы турасында.

Еуропалық мемлекеттер миграция мәселелері бойынша статистика базасын бірыңғайлау саясатын жүзеге асырып, оны халықаралық ұйымдар мен арнайы комиссиялардың сараптама есептерімен толықтырды.

ТМД елдерінде миграция мәселелерін зерттеу өз дамуында еуропалық еңбектерге еліктейді. КСРО ыдырағаннан кейінгі алғашқы жылдары посткеңестік кеңістікте жалпы миграциялық проблемалар басым болды. XX ғасырдың басында Америкада да осындай құбылыс байқалғанын білеміз. Алайда, белгілі бір этникалық топтардың ерекшеліктері мен мигранттардың қабылдаушы мемлекеттің әлеуметтік-саяси ортасына сіңісу проблемасы назардан тыс қалды десе де болады. Идеологиялық таңдаулар мен өткен соғыстардың әсерінен КСРО-да Еуропадағыдай миграциялық процестерді зерттеу тежелі берді. Нәтижесінде бұл елдер тақырыптардың алуан түрлілігінен емес, мәселенің зерттелу тереңдігінен айтарлықтай артта қалды. Бір ұтатын жері – барлық посткеңестік мемлекеттердің ғылыми әлеуетіне сүйену мүмкіндігі. Алайда, аймақтағы елдердің статистикалық мәліметтерін бір ортақ базаға біріктіру түпкілікті жүзеге аспай отыр.

ТМД елдерінде мамандану екі басты бағыт бойынша жүзеге асып келеді: экономикалық және этникалық. Бұл екі бағыт миграциялық қауымдастықтарды зерттеуде кешенді қарастырылады. Дегенмен, посткеңестік кеңістіктегі ұлтүсті байланыстарды зерттеудің теориялық мектебі әлі Батыс елдерінің деңгейіне жеткен жоқ.

Көшіп келушілер мен олардың қоғамдық ұйымдары саяси акторлар ретінде қарастырылады. Олар мемлекеттің саяси өміріне белсенді қатысады немесе қабылдаушы әрі жіберуші елдерде әр түрлі саяси күштердің ықпал ету объектілеріне айналады. Сондықтан, қабылдаушы тараптың мемлекеттік саясатында басым бағыт мигранттардың ұлттық мемлекеттің әлеуметтік-саяси жүйесіне сіңісіп, бейімделу мәселесі болып табылады. Бұл орайда зерттеушілердің көпшілігі миграциялық процестердің азаматтық институтына, сайлаушылардың іс-әрекетіне және ішкі саясаттың түрлі векторла-

[37] Ефимов Ю. Г. Миграция в современном политическом процессе. 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – Ставрополь, 2007. – 36 с.

рын қалыптастыруға тигізетін әсерін қарастырады. Бұл ретте субъективті факторлардың маңызы аз емес.

Диаспоралардың саяси іс-қимылының негізгі түрлері сайлау акциялары, қабылдаушы мемлекетте жіберуші елдің мүдделерін алға тарту ретінде жүзеге асады. Соңғысы жіберуші мемлекеттегі үкімет немесе оппозицияны, қаржы және тағы да басқа саяси партиялар, қозғалыстар мен үкіметтік емес ұйымдарды қолдау ретінде көрінеді.

Соңғы кездері миграцияны қауіпсіздікке төнген жаңа қауіп-қатер ретінде бағалау жиі кездесетін болған. Бұл қоғамның әлеуметтік құрылымында диспропорция туғызып отыр. Яғни мұндай ұстаным немесе көзқарас белгілі бір мемлекетте әлде аймақта анклавтық, яғни бөлектенген топтардың пайда болуына әкеп соғады.

Миграцияның қауіпсіздікпен өзара байланысы қос тараптың екеуінің де жеткілікті деңгейде қорғалуын қажет етеді. Яғни миграциялық ағымдарға тап болған мемлекет пен қоғам да, сол ағымдарды құрайтын адамдардың да құқықтары сақталуы тиіс. Шындығында, миграциялық процестің үш факторы немесе қатысушысы – қабылдаушы мемлекет, жіберуші мемлекет және мигранттар үшін миграцияның құрылымдық ерекшеліктерінің маңызы аса үлкен. Мұндай ерекшеліктерге миграциялық ағымдардың көлемі мен ұзақтығы жатады. Өйткені, ауқымды миграциялық шығындар қабылдаушы мемлекеттің де, жіберуші мемлекеттің де қауіпсіздік жүйесін бұзуы мүмкін.

Миграцияны зерттеудегі саяси бағыттың әлі дамудың бастауында тұрғанына қарамастан, қазіргі таңда белгілі бір теориялық негіз қалыптасты. Бұл мемлекеттің миграциялық ағымдарды басқарудағы ролін және халықаралық процестердегі миграцияның маңызын ашып беруге мүмкіндік береді. Өткен ғасырдың басында болған зерттеудің алғашқы кезеңдеріне қарағанда, қазіргі миграциятану саласы әлемге танымал ғалымдарға толы. Бұл ғалымдардың көпшілігі мигранттар болып келеді.

Миграцияны зерттеуде демографиялық, экономикалық немесе әлеуметтік бағыттардың басым болуын жоққа шығармай отырып, саясаттанушылар, негізінен, саяси шешімін күтіп жатқан мәселелерді зерттеуге тырысады. Саяси бағытқа бет бұру миграцияның өзгеруін көптеген факторлардың және халықаралық тәртіптердің тұрғысынан қарастыруға мүмкіндік береді. Бұл факторлар миграциялық процестерде басты рөл атқарады (мәселен, иммигранттар, қоғам, саясаткерлер). Ал, халықаралық тәртіптер иммиграцияның үлтүсті ағымдарына ықпалын тигізеді. (мәселен, Бреттон-Вуд тәртібі).

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАН: ВООБРАЖАЕМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

СЫРОЕЖКИН КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ

Доктор политических наук, профессор
Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Проблемы китайского присутствия в Казахстане и трудовой китайской миграции относятся к одним из наиболее неопределенных. И причины этого банальны. Во-первых, как правило, отсутствуют сколь-нибудь заслуживающие доверия данные не только о расселении, занятости и влиянии мигрантов на те или иные сферы общественной жизни, но и точные данные о миграционных потоках. Логичное объяснение этому найти трудно, поскольку, по логике, если проблема имеет место, ее необходимо изучать и искать пути ее решения, и пресловутая «секретность» в этом деле только вредит. А проблема есть, в чем убеждает не только периодическое ее обсуждение на заседаниях Совбеза, но и вынесение на обсуждение на межгосударственном уровне. Единственное объяснение — вокруг зарубежных мигрантов вообще и китайской трудовой миграции в частности сложился огромный бизнес, и этот бизнес сильно озабочен тем, чтобы информация о миграционных потоках и о деятельности мигрантов в Республике Казахстан подавалась так, как выгодно ему. С точки зрения национальной безопасности это, конечно, nonsense, но там, где доминирует частный интерес, государственные интересы отодвигаются на второй план.

Вторая проблема связана с тем, что вокруг темы «китайской миграции» сложилось огромное количество мифов и воображаемых угроз. И явление это отнюдь не случайное. С одной стороны, это следствие закрытости информации о миграционных потоках, о чем говорилось выше. С другой — применительно к Казахстану, имеющему с КНР довольно протяженную общую границу, феномен китайской миграции описывается не только цифровыми данными миграционных потоков. Помимо чисто демографического, здесь можно выделить экономическое, этнопсихологическое и геополитическое измерения. Соседство с Китаем, помноженное на непростую историю отношений между народами, проживающими по разные стороны границы, порождает у значительной части граждан особую чувствительность, а порой даже подозрительность по отношению к динамично развивающемуся соседу, порождая различные синдромы и фобии.

Поскольку фобии эти сильны не только в приграничных с Китаем регионах или регионах, где граждане КНР активно ведут свой бизнес, но и там, где о китайской трудовой миграции можно говорить с большой долей условности, в их основе, по-видимому, лежат факторы, напрямую не связанные с миграционными потоками из Китая. Но поскольку такого рода фобии в общественном мнении существует, имеет смысл обратить внимание на эту проблему и попытаться ответить на вопрос, насколько обоснован этот вывод и есть ли основания говорить о «желтой опасности».

Оценка влияния китайских миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в Республике Казахстан

Чтобы оценить уровень влияния китайских миграционных процессов на Республику Казахстан, во-первых, необходимо попытаться понять причины появления феномена китайской трудовой миграции в Республике Казахстан, оценить характер сопутствующих им угроз и возможности Казахстана по их локализации.

Во-вторых, необходимо дать содержательную оценку миграционного потока из Китая (численность, поло-возрастные и профессиональные характеристики мигрантов, особенности расселения и оседания на территории республики, сферы занятости и специфика доминирования, влияние на уровень криминогенной обстановки).

В-третьих, чрезвычайно важен вопрос об особенностях функционирования китайских землячеств в Республике Казахстан и в целом проблема интеграции китайских мигрантов в казахстанский социум.

Наконец, необходимо ответить на вопрос, как проблема китайской миграции воспринимается на уровне общества, меняется ли отношение к Китаю вообще и к данной проблеме в частности.

Причины возникновения феномена «китайской трудовой миграции» в Казахстане немногим отличаются от его специфики в других странах мира. Во многом они связаны со спецификой социально-демографической ситуации в Казахстане и КНР, а также с особенностями политического режима и социально-экономическими процессами.

Первая и главная причина связана с необходимостью для КНР трудоустройства «избыточной рабочей силы» и наличием незанятых в Казахстане ниш в сферах возможного приложения труда китайских мигрантов. Отсюда – появление феномена китайской трудовой миграции вообще и преобладание китайских трудовых мигрантов в сфере услуг (в том числе посреднических услуг по оформлению въездных документов в КНР и сделок с китайскими фирмами), оптовой торговле, закупочной деятельности, а в последнее время – в строительном бизнесе.

Во-вторых, по сравнению с КНР, в Казахстане имеются более комфортные условия и большие возможности по приобретению «стартового капитала». Относительно либеральный (особенно в середине 1990-х – начале 2000-х годов) режим регистрации и контроля над деятельностью предприятий, созданных с участием иностранного капитала, даже с учетом коррупционной составляющей, дает возможность китайским трудовым мигрантам получать дивиденды, которые с лихвой окупают все затраты.

В-третьих, по-видимому, часть китайских трудовых мигрантов не исключают для себя перспективу выезда через территорию Казахстана в третьи страны^[1].

Наконец, нельзя исключить и такой версии (в большей степени гипотетической), что китайская трудовая миграция в Казахстан призвана создать условия для реализации доктрины «транснационального хозяйствования», когда китайская диаспора (хуацяо) в виде китайских землячеств и мелкого китайского бизнеса формируется в целях экономической и геополитической экспансии.

В состоянии ли Республика Казахстан предпринять какие-то меры, способствующие изменению этих причин китайской трудовой миграции? В своем большинстве, по-видимому, нет.

[1] Например, в китайских изданиях, выходящих в Москве, открыто рекламируются фирмы, распространяющие свою деятельность на организацию легального и нелегального переезда китайцев в страны Шенгенской зоны, Канаду, Австралию, страны Африки и Латинской Америки. – См. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М.: «Муравей», 2004. – С.59.

Вряд ли что-то зависит от Казахстана в плане изменения социально-демографической ситуации в КНР. По официальным данным, численность безработных в городах уже в начале 2000-х годов составляла порядка 9 млн. человек. К ним нужно добавить так называемых сяган (потерявших работу в результате реорганизации государственных предприятий) – 9,8 млн. человек, а также мигрирующих из деревни в города в поисках работы «крестьян-рабочих» (нунгун), численность которых неуклонно растет, и по самым осторожным оценкам уже перевалила за 200 млн. человек^[2]. Другими словами, в пределах собственно Китая проблема их трудоустройства не имеет решения.

Один из возможных выходов из ситуации – трудоустройство «излишней рабочей силы» за пределами Китая в рамках легальной и незаконной трудовой миграции^[3]. Безусловно, не вся эта масса будет вовлечена во внешнюю трудовую миграцию (как в силу личностного фактора, так и по причинам, связанным с нежеланием Китая обострять отношения с соседями). Но то, что этот процесс будет иметь место и станет вполне легитимным после вступления государств Центрально-Азиатского региона в ВТО, сомнений не вызывает.

Не в состоянии Казахстан изменить и мотивацию деятельности китайских мигрантов, у части из которых она запрограммирована на переселение в Россию, Европу или США. Единственное, что в наших силах – организовать строгий учет китайских мигрантов, находящихся на территории Казахстана и проезжающих через него транзитом. Правда, здесь имеется одна проблема, связанная с корыстными интересами чиновников. По некоторым расчетам, ежегодный доход транснациональных преступных структур, специализирующихся на переправке незаконных мигрантов, составляет только в Европе более 1 млрд. долларов, а мировой трафик оценивается в сумму 7 млрд. долларов. Так что игра стоит свеч.

Не можем мы оказать влияния и на политику КНР в отношении внешней миграции. В целом Китай заинтересован в расширении экспорта трудовых услуг, который не только способен смягчить безработицу в стране, но выступает важной составной частью стратегии выхода национального китайского бизнеса вовне^[4]. КНР активно ратует за создание зон свободной торговли различной конфигурации с ее участием, которые, среди прочего, предусматривали бы и принцип более свободного перемещения рабочей силы. В Китае исходят из того, что нынешняя доля страны в мировом рынке трудовых услуг (порядка 1%) не соответствует потенциальным возможностям и демографическому весу Китая, и потому китайское руководство намерено предпринимать последовательные усилия по укреплению своей конкурентоспособности в данном сегменте мирового рынка.

По-видимому, на сегодняшний день в Китае пришли к убеждению, что момент для активизации китайских ТНК наступил. Не случайно именно на этот аспект деятельности хуацяо было обращено внимание в докладе премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2006 г.). Ставя в качестве одной из приоритетных задач «поддержку выхода за рубеж предприятий, у которых есть на то условия, для вложения капитала и осуществления транснациональной хозяйственной деятельности по об-

[2] По прогнозам, численность безработных только в городах Китая к 2020 году может достичь 90-130 млн. человек, а численность рабочей силы, не требуемой для сельского хозяйства, – 250 млн. человек. См.: Гельбрас В. Миграция, преобразующая Китай. //Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 9. – С.48; Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М. ИДВ РАН, 2003. С.365.

[3] Кстати говоря, в отношении Центральной Азии в китайской прессе уже в первой половине 1990-х годов ставилась задача «замещения выбывающих из региона русскоязычных трудовых ресурсов трудовыми ресурсами из Синьцзяна». См.: Чжун'Яньцзяо. – 1994. №3-4. С.22.

[4] Стратегия «идти во вне» (идзу чужой) была выдвинута Цзян Цзэминем на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 2000 года). В появившихся позднее публикациях эта стратегия трактовалась следующим образом. «Во-первых, только так можно восполнить недостаток национальных природных ресурсов и рынка. Во-вторых, только так можно вывозить технику, оборудование, продукцию, только так можно еще более эффективно ввозить более новую технику, развивать новые отрасли. В-третьих, только так можно постепенно формировать наши собственные транснациональные корпорации, чтобы еще лучше участвовать в глобальной конкуренции. В-четвертых, только так можно еще лучше способствовать экономическому развитию третьего мира, повышать мощь борьбы с гегемонизмом, защищать международные силы мира во всем мире». – Цит. по: Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – С.12.

щепринятым международным правилам, для создания там перерабатывающих баз, сетей маркетинга и сервиса, а также научно-исследовательских учреждений по проблемам развития», он специально сделал акцент на необходимости «значительно улучшать работу по делам хуацяо в условиях новой обстановки»^[5]. Аналогичные идеи содержатся и в более поздних решениях ЦК КПК и Госсовета КНР.

На решение этой же задачи нацеливает и принятый 30 августа 2007 года и вступающий в силу с 1 января 2008 года «Закон КНР о стимулировании трудоустройства», ст.13 которого подчеркивает, что «государство, развивая внутреннюю и внешнюю торговлю и международное экономическое сотрудничество, расширяет каналы для трудоустройства»^[6]. Об этом же свидетельствуют и ряд заявлений китайского руководства. Например, в пекинском журнале «VIP-персоны» констатируется, что в то время член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ло Гань неоднократно выступал на заседаниях Политбюро и Госсовета с предложением поощрять обустройство граждан КНР за рубежом, предоставляя без проволочек паспорта всем желающим выехать за границу и упростив режим выезда из страны. По словам Ло Ганя, «следует мерами практической политики поощрять и поддерживать выезд и обустройство граждан за рубежом, разумеется, избегая открытой пропаганды политики стимулирования эмиграции». Именно при поддержке Ло Ганя Министерство общественной безопасности в экспериментальном порядке разрешило с 1 сентября 2002 года выдачу загранпаспортов жителям Шанхая по их запросу^[7].

Не менее существенна и еще одна деталь. Речь идет о том, что Китай обладает практически неограниченными ресурсами трудовой миграции, и ожидать, что ее поток иссякнет или сократиться, наивно. Следовательно, рано или поздно, но перед Республикой Казахстан будет поставлен вопрос о легализации китайских трудовых мигрантов. Во всяком случае, в отношении России уже звучало требование о том, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало у общественности доброжелательное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке^[8].

Более того, в мае 2002 года Китай, едва став членом ВТО, предъявил своему доверительному стратегическому партнеру в качестве одного из условий приема последнего в эту организацию требование «полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить неограниченный допуск в Россию китайской рабочей силы»^[9]. Хотя несколько месяцев спустя, во время визита В. Путина в КНР Китай смягчил свои условия, однако в 2005 году он счел возможным вернуться к этой теме. Ху Цзиньтао во время визита в Россию в июне-июле 2005 года подчеркнул, что китайское правительство «поощряет активизацию обмена людскими ресурсами», и призвал «культивировать новые источники роста китайско-российского экономического сотрудничества путем создания благоприятных условий в области инвестиций, ресурсов, кадров и транспорта на основании выявления преимуществ каждой стороны»^[10].

[5] См. Чжунгувжуняня гуаньюй ди «шину» гуйхуа ды цзяни (Предложения ЦК КПК по 11-му пятилетнему плану) // Синьхуа Ван. – Пекин. – 19 октября 2005 г.; Доклад о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (5 марта 2006 г.). – <http://russian.people.com.cn/>

[6] См. Чжунхуа жэньминь гуанхэо цзюе пунцзи фа (Закон КНР о стимулировании трудоустройства) http://www.gov.cn/ziliao/fllg/2007-08/31/content_732597.htm

[7] Фэньюнь жэньху. – Пекин. – 2003. – №318. – С.82; С 2005 года упрощенный порядок выдачи заграничных паспортов введен для жителей всех крупных и средних городов Китая.

[8] См. Выступление президента Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэя на конференции, организованной Институтом Дальнего Востока РАН. – См.: Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке // Экспресс-информация №6. Российская Академия Наук. Институт Дальнего Востока. – М., 2001. – С.15.

[9] См. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. – М., 2003. – С.180

[10] См. Жэньминь жибао, 02.07.2005. <http://www.russia.people.com.cn/31519/3512812.html>; Весьма показателен в этом контексте скандал, связанный с закрытием Черкизовского рынка в Москве. Защищать китайских граждан, торгующих на рынке, из Пекина прибыла довольно внушительная по своему составу делегация во главе с заместителем министра коммерции КНР Гао Хуэчэном.

Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что, согласно независимым зарубежным прогнозам, к 2050 году население Казахстана сохранится примерно в размере 15 млн. человек, около 7,5 млн. из которого (при благоприятном раскладе) будет составлять трудоспособное население. По ряду же оценок, планы экономического развития потребуют уже к 2009 году людские ресурсы на уровне до 9,5 млн. человек^[11]. Поэтому вопрос, где взять недостающие трудовые ресурсы, уже в ближайшей перспективе для Казахстана будет звучать весьма актуально.

На второй вопрос, сколько действительно китайских мигрантов в Казахстане, ответить довольно сложно. Мифов и фобий по этой проблеме у нас, пожалуй, столько же, если не больше, чем в России, а вот серьезные исследования единичны. Порядок «угрожающих» цифр для Казахстана, конечно, не сравним с российским, но и они «впечатляют». Так, в довольно серьезном исследовании, посвященном рассматриваемому вопросу, со ссылкой на статистику пограничных служб отмечается, что за период 1993-1995 годов в Казахстане осели не менее 130-150 тыс. китайских граждан^[12]. В некоторых исследованиях российских авторов называется цифра 300 тысяч^[13].

Не отрицая факта возможного оседания на территории Казахстана граждан КНР, особенно в указанные выше годы, необходимо подчеркнуть, что приведенные цифры чрезмерно завышены. Если бы это было так, то ханьцы в Казахстане встречались бы на улицах столь же часто, как, например, корейцы, численность которых, по официальной статистике, немногим более 100 тыс. Однако подобного не наблюдается, и ханьцев можно встретить лишь в местах организации ими своего бизнеса или китайских ресторанах, но отнюдь не повсеместно. Определенные сомнения вызывает и указанный период. С начала 1994 года безвизовый обмен с Китаем был прекращен, что само по себе серьезно осложнило процесс проникновения граждан КНР на территорию Казахстана.

Если же брать за точку отсчета 1988 год, когда был введен безвизовый режим пересечения еще советско-китайской границы, и мелкие торговцы и предприниматели из КНР не поддающимся управлению потоком устремились в СССР, то по отношению к Казахстану они были представлены в основ-

Год	Заре-гистри-ровано	По служеб. делам	На работу	По частным делам	Ту-ризм	Привлекались к администр. ответственности	Выдво-рено
2000	13328	11233	131	1305	659	5221	430
2001	13415	9064	1224	2476	651	1198	203
2002	20243	13945	984	4344	970	661	159
2003	16974	9772	916	6016	270	363	151
2004	28558	16179	890	10860	629	1429	191
2005	34108	12755	2604	17108	1641	3881	531
2005	34108	12755	2604	17108	1641	3881	531
2006	29183	7056	2513	19168	446	3587	866
2007	45570	11249	4720	29246	355	4715	553
2008	46370	14005	5593	26235	474	5998	666
2009*	23725	6442	3357	13673	253	3286	151

Примечание: * январь-июнь

Источник: данные МВД РК

Таблица 1
Численность граждан КНР, временно находящихся на территории Казахстана

[11] См. Боришполец К., Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии. Аналитические записки выпуск 2(22) (февраль 2007). – Москва: МГИМО Университет 2007. – С.9, 18-19.

[12] См. Саловская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. – Алматы, 2001. – С. 175–176.

[13] См. Грозин А.В., Хлюпин В.Н. Республика Казахстан. Геополитические очерки. – М., 1997; Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. – М., 2002. – С. 50.

Таблица 2
Количество граждан КНР, получивших вид на жительство или принявших гражданство Республики Казахстан (2005-2009 года)

Годы	Оставлены на ПМЖ		Получили гражданство Республики Казахстан						
	всего	в том числе оралманы	всего	оралманы	другие национальности				
					всего	ханьцы	уйгуры	русские	монголы
2001	227	216	1189	1182	7	1	6	1	
2002	174	171	1353	1348	5		4		
2003	272	267	1328	1323	5	4	5		
2004	597	579	4178	4169	9	1	4		1
2005	1116	1109	3916	3907	9		5	3	3
2006	7707	7130	7177	7166	11		10	1	
2007	11533	10952	3228	3226	2		2		
2008	13325	12745	15116	15112	4	1**	3		1
2009*	13305	12475	3040	3040					

Примечание: * январь-июнь; ** китаянка из РФ.

Источник: данные МВД РК

ном проживающими на территории КНР уйгурами и казахами. Именно они прокладывали путь в Казахстан для последующей китайской трудовой миграции. И именно они главным образом осели на территории Казахстана. Кстати говоря, если ориентироваться на данные МВД РК, аналогичная тенденция наблюдается и в настоящее время (см. Таблицы 1-2).

Феномен же собственно китайской миграции – гораздо более позднее явление. Хотя нельзя исключать и того, что уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов в порядке эксперимента пространство Казахстана начало осваиваться и ханьцами. Во всяком случае, у меня нет объяснения сообщению Агентства «Синьхуа» о том, что «в настоящее время в Казахстане насчитываются примерно 300 тыс. этнических китайцев, китайских эмигрантов и бизнесменов»^[14]. При этом особо настораживает молчание Посольства КНР в РК, которое как не подтвердило, так и не опровергло данную информацию. А это говорит уже о многом, если учесть, что данная тема довольно болезненна в двусторонних отношениях, и любая информация по данному вопросу должна быть достоверна.

Вопрос об особенностях функционирования китайских землячеств в Республике Казахстан и интеграции китайских мигрантов в казахстанский социум еще менее определен. Единственное серьезное исследование, в котором предпринята попытка ответить на данные вопросы на основе данных социологического опроса – докторская диссертация С.Б. Кожировой^[15]. Приводимые в работе данные опроса работающих в Казахстане китайцев показывают, что их социальные, поло-возрастные и иные характеристики свидетельствуют о том, что приезжают к нам работать именно те, кто готов конкурировать на рынке рабочей силы.

Второй вывод, к которому приводят данные опроса – куда бы ни забрасывала китайцев судьба, они непременно стремятся к компактному расселению и сохранению основ национальной идентичности. Увеличение их численности на новом месте приводит к становлению китайских землячеств, в которых складывается замкнутая система самообслуживания.

Третий вывод – китайские мигранты чрезвычайно медленно ассимилируются местным населением. Смешанные браки для них практически исключены. Они в основном ориентированы не на оседание в Казахстане, а на предпринимательскую деятельность, форсированное накопление капитала, захват и удержание рынка.

[14] См. В Казахстане прошла госрегистрация газета «Хасакэсытан хуацяо бао», ориентированная на проживающих в стране китайцев. – Агентство «Казахстан сегодня». 22 апреля 2009 г. – <http://www/kt/kz/>.

[15] См. Кожирова С.Б. Китайская миграция как элемент региональной безопасности. Дисс. ... доктора политических наук. – Астана, 2009.

Четвертый вывод – увеличение китайского миграционного потока идет вслед за ростом товарооборота между Китаем и Казахстаном. Опросы среди трудовых мигрантов из Китая показывают, что практически все они многократно посещали Казахстан и прожили на его территории не один год. Это говорит, во-первых, о том, что среда китайской трудовой миграции относительно устойчива и с учетом ограниченности сфер приложения усилий и свободных ниш практически уже сформировалась в виде торгового меньшинства. А во-вторых, подтверждает вывод В.Г. Гельбраса о том, что «абсолютное большинство китайских мигрантов являются частью организованной структуры, функциональным элементом товарного потока из Китая»^[16].

В-пятых, несмотря на высокую оценку (второе место после России) экспертным сообществом значимости Китая для Казахстана^[17], по мнению эксперта по вопросам миграции Елены Садовской, 20% опрошенных относятся к китайским мигрантам плохо или очень плохо, а «в некоторых регионах формируется не просто негативное отношение к ним, а даже предубеждение»^[18]. Безусловно, негативное отношение к китайской миграции – результат деятельности китайских фирм на территории Казахстана, но нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что во многом оно обусловлено отсутствием знаний о Китае, особенно – об его культуре, истории, обычаях и традициях китайского народа^[19]. Отсюда – доминирование прежних мифов и формирование на этой основе различного рода фобий. Но главное – надо иметь в виду, что думает Китай о нас. Такого рода материалы, к сожалению, практически отсутствуют, а те немногочисленные публикации, в которых эта тема, так или иначе, поднимается, не доступны широкому читателю.

Возможные риски и угрозы китайской миграции в Казахстан

Связь миграции с безопасностью двусторонняя. С одной стороны, речь идет о безопасности общностей, обществ и государств, затрагиваемых миграционными потоками, а с другой – о безопасности людей, образующих эти потоки. Обе проблемы, хотя и относительно самостоятельны, тем не менее, взаимосвязаны, поскольку и в том и в другом случае участие государства в их регулировании обязательно. Однако во втором случае проблема в большей степени соотносится с правами личности, и заниматься ею – дело правозащитников. Нас же будет интересовать первая сторона проблемы, то есть влияние миграции на безопасность общества и государства.

В этом смысле достаточно показателен европейский опыт. Уже в 1960-е годы в Европе образовалась «демографическая воронка». Она втянула в себя группу стран, в которых нетто-коэффициент воспроизводства населения опустился ниже единицы. Постепенно зона суженного воспроизводства захватывала новые территории, и в 1990-е годы в Европе не осталось ни одной страны с расширенным воспроизводством населения. К этому же времени стало давать о себе знать и исчерпание потенциала роста населения. Это потребовало от правительств европейских государств принятия срочных мер, поощряющих трудовую миграцию. И в Европу хлынул поток иммигрантов из Азии и Африки.

[16] Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – С.42.

[17] См. Абдрахманов А., Каукунов А. Отношения Китая и стран Центральной Азии глазами казахстанских экспертов. // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. №3. С.119-128.

[18] См. Садовская Е. Китайская миграция в Казахстан – мифы, объективизм и субъективность. – //Газета.kz. – 11 октября 2007 г. – <http://www.gazeta.kz/>

[19] См. Садовская Е. Китайские мигранты в Казахстане: отношение казахстанских граждан (по результатам социологического исследования). – //Analytic. – 2007. №5. – С.23-24.

Однако вскоре за это «удовольствие» пришлось дорого заплатить. С начала 1970-х годов экономический спад и резкое сужение рынков труда в европейских странах заставили по-иному взглянуть на пришельцев из Азии и Африки.

Во-первых, европейцы с большим удивлением для себя обнаружили, что иммигранты из стран Азии и Африки, и даже выходцы из бывшего СССР предпочитают жить этническими анклавами и с большим трудом поддаются аккультурации.

Во-вторых, возникла конкуренция на местных рынках труда и жилья; иммигранты, в силу своей большей активности, а где-то и повышенной пассионарности, просто монополизировали некоторые сферы экономической деятельности.

В-третьих, наметилась некоторая тенденция к социальной и культурной маргинализации части мигрантов и росту криминальных группировок в их среде.

Наконец, в местах повышенной концентрации иммигрантов начали появляться очаги социальной напряженности, локальные вспышки этнических конфликтов, имел место рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма.

С другой стороны, пример большинства государств показывает: стоит доле иноэтничных мигрантов вырасти до 10%, как всплеск фобий начинается чуть ли не автоматически. Причина этого явления банальна. Концентрация иммигрантов в инородной среде постепенно достигает критической отметки, после которой масса иностранных рабочих приобретает новую сущность. Теперь эти рабочие стремятся не столько вписаться в культуру принимающего их общества, сколько, наоборот, сегрегироваться от него, чтобы сохранить этнокультурную самобытность.

С большой степенью вероятности можно допустить, что со всеми вышеперечисленными вызовами в ближайшей перспективе столкнутся и принимающие мигрантов государства Центральной Азии и прежде всего Казахстан. И хотя, как мы видели выше, пока говорить о масштабной китайской трудовой миграции в Казахстан, по-видимому, преждевременно (во всяком случае, официальная статистика не дает на то достаточных оснований), тем не менее, нельзя не учитывать ее негативных последствий для стабильности в стране и Центрально-Азиатском регионе в целом. Как представляется, значимых аспектов здесь несколько.

Во-первых, угроза проистекает из социально-демографической ситуации в самом Китае. У меня нет никаких оснований утверждать, что в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе в ней наметятся позитивные тенденции. Скорее всего, она будет только ухудшаться, что лишь стимулирует трудовую миграцию за пределы Китая. Центральная Азия и в особенности Казахстан в этом смысле идеальный регион. И в случае, если в Китае придут к убеждению, что китайская миграция в Центральную Азию перспективна (а такое убеждение постепенно формируется), численно нарастить поток трудовых мигрантов труда не составит.

Во-вторых, китайская трудовая миграция, являясь частью организованной структуры, функциональным элементом товарного потока из Китая, снижает уровень конкурентоспособности любого государства. Стоимость рабочей силы в Китае ничтожна. Сейчас она на порядок дешевле, чем в Казахстане, что в свою очередь приводит к тому, что конкурировать с китайскими товарами кому бы то ни было довольно проблематично. Отсюда вполне объяснимый «китайский бум» на потребительском рынке Казахстана. Сегодня мы везем из Китая практически все, что нужно для жизни и даже сверх того. Любой, кто задумал построить, открыть свой бизнес или просто обставить квартиру, в первую очередь обращает внимание на соседний реги-

он Китая. Даже с учетом официальных таможенных пошлин и неофициальных «платежей» получается на несколько порядков дешевле. И тут уже ничего не поделаешь, рынок диктует свои условия.

Плохо это или хорошо, вопрос спорный. Что касается минусов, то их достаточно много: (1) вывоз сырьевых ресурсов; (2) вывоз иностранной валюты; (3) коррупционная составляющая внешнеторговых операций; (4) «вымывание» из производственной сферы специалистов, занятых шоп-туризмом; (5) в перспективе возможное формирование «пятой колонии» и чайна-таунов; но главное – заполнение рынка Центральной Азии товарами китайского производства и сопутствующая этому деградация отечественной легкой, пищевой, а в последнее время – машиностроительной промышленности и индустрии стройматериалов.

Особенно настораживает последнее. Проблема в том, что вне сырьевых отраслей государства Центральной Азии, да и Казахстан с Россией абсолютно неконкурентоспособны в сравнении с КНР из-за более высокой цены рабочей силы. Следовательно – на ближайшую перспективу мы обречены на китайский товарный бум.

Что касается экономического влияния китайской миграции, вне всякого сомнения, оно будет усиливаться. Задел в виде почти 4 тыс. китайских предприятий, зарегистрированных Минюстом Республики Казахстан, уже сделан. Главная задача Китая на сегодняшний день, с одной стороны, экономически укрепиться в регионе настолько, чтобы выступать против его экономического присутствия было себе дороже, а с другой – сформировать в общественном мнении имидж Китая как добросовестного и готового идти на всяческие уступки торгово-экономического партнера.

В-третьих, китайские трудовые мигранты, в отличие от казахстанцев, менее привередливы к условиям труда и готовы работать за существенно более низкую оплату. В перспективе это может привести к «вымыванию» казахстанцев из многих сфер экономической деятельности и их замещению мигрантами, в том числе и китайским элементом. С учетом того обстоятельства, что китайские землячества ориентированы на захват и удержание все новых сфер экономической деятельности, а также склонны к четкому обособлению от принимающего общества, это может привести к «китаизации» большинства сфер хозяйственной деятельности Казахстана.

В-четвертых, на современном этапе китайская трудовая миграция представляет собой торговое меньшинство. Однако ряд тенденций, выявленных в среде китайских мигрантов, работающих в Казахстане (относительное постоянство контингента, захват и удержание рынков, создание своеобразных «опорных баз» и компактное расселение в городах Казахстана), свидетельствуют о том, что в последние годы наметилась тенденция перехода китайской миграции во вторую стадию – формирование «чайна-таунов». Тенденция довольно опасная, поскольку, как показывает мировой опыт, китайские мигранты чрезвычайно медленно интегрируются в общества принимающих стран, и даже тогда, когда они воспринимают язык и культуру местного населения, об ассимиляции вряд ли возможно говорить. «Чайна-тауны» существуют веками, сохраняя национальную самобытность.

В-пятых, с увеличением китайского этнического компонента на территории Казахстана с неизбежностью будет поднят вопрос о так называемых «спорных территориях». Несмотря на то, что вопрос о границе вроде бы закрыт, эта тема с завидным постоянством присутствует не только в исследованиях китайских ученых, но, по-видимому, негласно поощряется и на государственном уровне. Молодому поколению китайцев, воспитываемому в патриотическом ключе, в голову сознательно вдалбливается мысль «об утра-

ченных северных территориях», и с учетом растущей мощи Китая (в том числе и военной) от этого становится как-то неудобно.

В-шестых, напрямую с проблемой китайской миграции связана и проблема возможной масштабной миграции в государства Центральной Азии казахов и уйгуров Синьцзяна. Хотя эта проблема выглядит несколько гипотетически^[20], не учитывать ее негативного влияния на систему безопасности Центральной Азии представляется неоправданным. Тем более, что речь фактически идет о титульном этносе и одной из крупнейших этнических групп, проживающих на территории Республики Казахстан.

Здесь два тревожащих момента. Первый – мигранты из Синьцзяна несут с собой накопленный в нем конфликтный потенциал. Проблема в том, что в результате экономических реформ в автономном районе значительно возросла численность маргинальных и люмпенизированных слоев населения. При этом, учитывая характер его прироста и усиление значимости экономических критериев оценки трудовых ресурсов, есть основания предполагать, что это увеличение происходит преимущественно за счет представителей неханьских этнических групп. Пополняя ряды «избыточных трудовых ресурсов», они служат социальной основой возникновения различного рода конфликтов в регионе. Поскольку трудоустроить всех на промышленных предприятиях городов не представляется возможным, руководством СУАР КНР, по-видимому, рассматривается вариант включения их в категорию рабочей силы, которая может быть устроена на предприятиях за пределами региона по программе «обмена трудовыми ресурсами».

Второй аспект – миграция в Казахстан казахов и уйгуров Синьцзяна. Если подойти к этой проблеме непредвзято и с позиций национальной безопасности, то здесь просматривается несколько потенциально опасных тенденций: (1) перспектива усиления конфликта между казахами и уйгурами; (2) конфликт между казахстанскими властями и прибывшими из Китая оралманами; (3) возможное возникновение «пятой колонны»; (4) вполне объективная, доказанная европейской практикой тенденция – с увеличением численности мигрантов из Синьцзяна неизбежно встанет вопрос не только об их трудоустройстве и обустройстве их быта, но и в не столь отдаленной перспективе – об их участии во власти.

Наконец, нельзя не сказать и о коррупционной составляющей китайской трудовой миграции. Причем, речь не столько о коррупции в системе оформления виз, вида на жительство, гражданства, выдаче лицензий и т.д. Главная проблема заключается в том, что вокруг товарного потока из Китая уже образовались устойчивые организованные преступные группировки, в которые включены не только китайские граждане, но и представители властных структур Республики Казахстан. Овчинка, по-видимому, стоит выделки. Начиная с 2002 года, разница в данных казахстанских и китайских таможенных органов постоянно растет и по итогам 2008 года достигла 5 млрд. долларов.

По-видимому, имеет смысл согласиться и с выводом российских китайедов, что главную угрозу государственной безопасности России на данный момент представляет не китайская миграция как таковая, а механизм хозяйственных и иных внеправовых отношений, в который она вписалась и который вольно или невольно закрепляет^[21]. И в этом, по-видимому, виновны не столько китайские мигранты, сколько казахстанские и российские чиновники, при чем прямом участии происходят все те безобразия, ответственность за которые впоследствии списывается на китайских мигрантов.

[20] В контексте планов последних двух этапов (2011-2050 годы) реализации концепции «большого освоения запада», предусматривающих масштабное переселение в Синьцзян специалистов из числа проживающих во внутренних районах Китая ханьцев, эта угроза уже не выглядит гипотетической. – См. Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – С.99-152.

[21] Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. – С.124.

И последнее. Каковы бы ни были ответы на все вышеперечисленные вызовы и угрозы, нельзя сбрасывать со счетов то печальное обстоятельство, что в Казахстане не установлены выверенные ориентиры миграционной политики на перспективу. Да и сама эта политика фактически отсутствует. Поэтому и деятельность служб, призванных отслеживать и регулировать миграционные потоки, не может быть эффективной. Ведь они даже не располагают более или менее точной информацией о численности и составе мигрантов, не говоря уже об отслеживании тех тенденций, которые формируются в миграционной среде.

Тем не менее, китайская трудовая миграция – объективная реальность, являющаяся закономерным следствием, с одной стороны, процесса экономической глобализации, а с другой – модернизации Казахстана. И с этой реальностью необходимо считаться. Привлечение китайской рабочей силы – вполне естественный процесс. Но хотелось бы подчеркнуть, что здесь речь должна идти о приезде китайских рабочих на ограниченный, четко определенный в контракте срок и о возвращении их на родину после выполнения соответствующих работ. Нельзя ни в коем случае допускать возникновения ситуаций, когда, как во Владивостоке, инфраструктура приема туристов из КНР оказывается полностью в руках китайских граждан.

Одновременно необходимо создавать возможность получения легального статуса теми китайскими гражданами, которые инвестируют в экономику страны, являются высококлассными профессионалами в различных областях, реально содействуют развитию не только экономических, но и культурных, образовательных связей между нашими странами.

Наконец, нам необходимо научиться при осуществлении любых форм сотрудничества последовательно отстаивать интересы собственных граждан. Китайцы очень жестко и умело делают это в собственной стране.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

ДАЦЫШЕН ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского Федерального Университета (Красноярск, Россия)

Китайская миграция в Сибири, как и в России в целом, имеет длительную и богатую событиями историю. Подписанный в мае 1858 г. в Айгуне «Договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле» приоткрыл русско-китайскую границу. Сразу же после принятия «Правил русско-китайской торговли» в 1862 г., составленных на основе Пекинского договора 1860 г., большая часть торговавших на границе с Забайкалем китайцев, перенесли свою деятельность на территорию России. С 1870-х гг. начался организованный ввоз китайских рабочих в Приамурье, а строительство Транссибирской железнодорожной магистрали «приоткрыло двери» для китайских рабочих на остальную территорию России. В начале XX в. началось массовое распространение китайского труда в Забайкалье, а в годы Первой мировой войны сотни тысяч китайских рабочих трудились по всей территории Российской империи. В разные периоды истории Советского Союза так же также имели место значительные китайские миграции, окончательно остановленные лишь с закрытием советско-китайской границы в конце 1960-х гг.^[1]

Начало современной китайской миграции в России и странах СНГ относится к завершающему этапу истории СССР. В марте 1982 г. во время своего визита в Ташкент глава Коммунистической партии и Советского государства Л.И. Брежнев выразил надежду на нормализацию советско-китайских отношений. На XII съезде Коммунистической партии Китая было принято решение о расширении китайско-советского сотрудничества, и с 1983 г. возобновились приграничные торгово-экономические отношения и обмен студентами и преподавателями. В 1987 г. несколько советских вузов договорились о прямых контактах с китайскими университетами, затем были подписаны соглашения о совместных предприятиях и межрегиональном сотрудничестве. В следующем году было подписано соглашение о безвизовом пересечении границы. На майской 1989 г. встрече лидеров двух стран, М.С. Горбачева и Дэн Сяопина, было объявлено о полной нормализации советско-китайских отношений.

Следствием нормализации советско-китайских отношений явилась новая волна китайской миграции в Россию. Во многом она была обеспечена прямыми соглашениями между регионами двух стран. Например, в «Протоколе переговоров между делегациями исполнительного комитета Совета народных депутатов Забайкальского района Читинской области СССР

[1] Об истории китайской миграции в России подробнее: Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. - М., 1989; Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток. - Владивосток, 1998; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). - Омск, 1999; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. - М., 2003; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) - Благовещенск, 2003; Петров А.И. История китайцев в России. 1856-1917 годы. - СПб, 2003; Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. - Красноярск, 2008; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938). - Владивосток, 2009 и др.

и города Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия КНР от 15 апреля 1988 года» говорилось: «По вопросам экономического и технического сотрудничества, представляющим взаимный интерес, стороны широко обсудили: в сфере предоставления трудовых ресурсов поставку городом Маньчжурия строительных материалов и рабочей силы для строительства в Забайкальском районе школы, детского сада, дворца культуры, маслозавода, кожевенной фабрики и др.»^[2]. И с 1989 г. началось массовое привлечение китайских рабочих рук в приграничные регионы России. В 1990 г. в СССР работало уже около 15 тыс. китайцев^[3]. Процесс развития китайской миграции не был прерван после распада СССР. Уже в кризисный 1993 г. был зафиксирован пик китайских миграций, Россию посетило 751 тыс. граждан КНР.

Новая волна китайской миграции отчасти явилась продолжением исторически сложившейся миграции, достаточно сказать, что подавляющее большинство китайских мигрантов, приехавших в это время в Россию и получивших вид на жительство, были потомками вернувшихся на родину мигрантов. Дети бывших китайских мигрантов от китайской жены находили в России своих сводных братьев и сестер, детей отца от русской жены. Известный специалист по китайской миграции В.Г. Гельбрас пишет: «С началом китайской миграции на территорию России немало «русских» китайцев стало играть заметную роль в ее увеличении и образовании землячеств. Например, в китайском землячестве Иркутска существуют две созданные «русскими» китайцами организации – «Китайское общество» и «Ассоциация защиты прав китайцев»^[4]. Следует так же отметить, что значительная часть миграции из КНР состояла из этнических корейцев, быстро наладивших связи с советскими корейцами.

Именно в кризисные годы распада СССР полностью оформилась «проблема китайской экспансии», ставшая важным фактором общественно-политической жизни России на протяжении последних двух десятилетий. К тем временам восходят и цифры, которыми пугают обывателей недобросовестные политики и представители СМИ: «по официальным оценкам для освоения Сибири потребуется привлечение 80 млн. человек»^[5]; «По утверждению наблюдателей, в течение следующих нескольких лет СССР потребуются 5 млн. иностранных рабочих, и 50 млн. – в долгосрочном плане»^[6]. С тех пор в отечественной публицистике, как правила со ссылками на анонимных экспертов, китайских мигрантов в России исчисляют миллионами. Обычным явлением в России в 1990-х гг. были публикации в местных изданиях такого рода: «Со всех сторон ехали, шли, плыли, законно и незаконно пересекая прозрачную границу, сами китайцы – тысячи, десятки, сотни тысяч человек... Специалисты полагают, что только в Сибири, на Дальнем Востоке, в государствах Средней Азии их сегодня не менее пяти миллионов»^[7]. Подобные вещи можно было прочитать и в известных и уважаемых центральных изданиях: «...сколько сегодня китайцев в России, фактически не знает никто. Оценки колеблются от нескольких сот тысяч до двух-трех миллионов»^[8]. Даже в случаях, когда корреспонденты владели информацией о реальном состоянии дел в свое регионе, они обязательно вставляли «сплетни» о соседях: «59 китайцев для такой махины, как Красноярский край, – капля в море. Казалось бы, нет проблемы... Китайская волна до Си-

[2] Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. – Чита, 2003. С.390-391.

[3] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. – М., 1991. №3. С.89.

[4] Гельбрас В. Мигранты из Китая и становление китайских землячеств в России // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. – М., 2004. С.299.

[5] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. – М., 1990, №11.

[6] Китай. Ежемесячный реферативный журнал. – М., 1991, №3.

[7] Матвеева Е. Желтая волна // Кузбасс. – 1995 – 6 июня.

[8] Известия. 2000. – 26 января.

бири просто не дошла. А Приморье уже «затоплено»; «явочным порядком», без всяких формальностей китайцы захватывают пустующие земли»^[9].

В качестве примера «китайской экспансии» российские СМИ указывали на массовость такого явления, как браки между гражданами РФ и КНР. Однако в каждом сибирском регионе на протяжении 1990-х гг. было заключено менее или около сотни совместных браков. Например, в Красноярском крае во второй половине 1990-х - начале 2000-х гг. было зарегистрировано 11 браков между гражданами РФ и КНР. В Иркутской области в 1993-1998 гг. было зарегистрировано 104 российско-китайских брака^[10]. В качестве одной из проблем, которую несла новая китайская миграция в России, часто называлась китайская преступность. Однако и здесь публицисты явно сгущали краски. Например, в 1996 г. на территории Читинской области, когда наблюдался «всплеск китайской преступности», к уголовной ответственности был привлечен 21 гражданин КНР^[11]. В 1996 г. в Красноярском крае гражданами КНР было совершено 5 преступлений, а на следующий год не было зафиксировано ни одного преступления. На территории Иркутской области в 1997 г. китайцы совершили 86 преступлений^[12]. Указывая данную статистику, необходимо учитывать латентную преступность, но ее уровень традиционно высок во всех национальных общинах. Что касается постоянно звучавших проблем «нелегальной китайской миграции», то крупнейший российский специалист по Китаю И.А. Рогачев по этому поводу писал: «В этом контексте хотелось бы отметить, что, к сожалению, в ряде российских СМИ время от времени появляются материалы на тему о существовании на Дальнем Востоке некой «китайской угрозы»... Проблема здесь в том, что многочисленные нарушения визового режима обычно возникают в тех случаях, когда китайцы хотят продлить свое пребывание в России, а это сделать зачастую гораздо сложнее, чем, к примеру, заплатить разовый штраф. Но въезжали-то они в Россию на законном основании»^[13].

Следует отметить, в начале 1990-х гг. практически во всех крупных городах Сибири появились китайские строители. Их силами были капитально отремонтированы железнодорожный вокзал в Новосибирске и театр музыкальной комедии в Красноярске. Китайские рабочие были задействованы даже в отдаленных районах, например, отремонтировали школу в Эвенкии. Практически все рабочие китайцы, особенно ханьцы, завозились организованно, контролировались и учитывались без больших проблем, в отличие, например, от «шабашников» из КНДР. По данным зарубежных исследователей в 1993 г. из 8,5 тыс. иностранных рабочих в Амурской области, 90% - это были представители Северной Кореи^[14].

Масштабы китайской миграции, а в 1993 г. действительно территорию России посетило более 750 тыс. граждан КНР, заставили местные и центральные власти РФ ввести ограничительные меры. В начале 1994 г. вступило в силу подписанное в Москве межправительственное соглашение «О визовых поездках граждан», хотя сохранившее силу соглашение «О безвизовых групповых туристических поездках» 1992 г. оставляло достаточные возможности для массового пересечения российско-китайской границы. Действительно в 1994 г. произошло резкое уменьшение масштабов китайской миграции, вызванное, правда, не столько ограничительными мерами, сколько экономическими причинами. Китайские рабочие руки стали постепенно уходить с сибирскихстроек. Например, после долгой «строитель-

[9] Бочарова Т. Чайна-таун начинался с десятка китайцев... // Красноярский комсомолец. - 1995. - 3 июня

[10] Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. - Владивосток, 2006. С.394.

[11] Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. - Чита, 2003. С.178.

[12] Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. - Владивосток, 2006. С.410.

[13] Рогачев И. Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года // Проблемы Дальнего Востока. - 2002. - №4. С.25-26.

[14] (Wou Bae Kim. Sino-Russian relation and Chinese workers in the Russian Far East: A Porous Border. // Asian Surver. Vol. XXXIV. - 1994. - №12. С.1067).

ной волокиты» они так и не закончили строительство крупной гостиницы в Красноярске. В 1990-х гг. численность китайских рабочих в Сибири была не велика, даже в экономике Читинской области доля китайской рабочей силы составляла 0,33%. По всей России, по данным заместителя министра иностранных дел Г.Б. Карасина, в первой половине 1996 г. по контрактам работали всего 18,5 тыс. китайских рабочих^[15]. По данным известного исследователя В.Я. Портякова в России в 1994 г. трудовых мигрантов из КНР насчитывалось около 20 тыс. человек^[16]. Уменьшилось в эти годы и число китайских студентов в России. Если в 1993 г. в стране обучалось 12 тыс. китайцев^[17], то в 2001 г., по оценке посла КНР, в России обучались около 9 тыс. китайских студентов^[18].

Таким образом, нормализация советско-китайских отношений во второй половине 1980-х и интенсивное развитие российско-китайского сотрудничества 1990-х гг. привели не только к возрождению китайской миграции в нашей стране, но резкой актуализации проблемы китайского присутствия на Востоке России. При этом экономическая и политическая нестабильность, отчасти способствовавшими появлению новой волны китайской миграции, стали серьезным сдерживающим фактором для ее развития в 1990-х гг.

Стабилизация экономической и политической ситуации в России на фоне укрепившихся стабильности и партнерства в русско-китайских отношениях создали благоприятные условия для развития китайской миграции по всей стране. Важной составляющей двухсторонних отношений является развитие правовой базы для этого. В феврале 2000 г. было подписано соглашение между правительствами двух стран о безвизовых групповых туристических поездках. В декабре 2000 г. была создана Российско-китайская Комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. В 2001 г. вступило в силу межправительственное соглашение о временной трудовой деятельности российских граждан в КНР и китайских граждан в РФ. В совместной декларации РФ и КНР от 27 мая 2003 г. говорилось: «Стороны придают большое значение совместной борьбе России и Китая с нелегальной миграцией и другими видами трансграничной преступности, содействию сотрудничеству в правоохранительной сфере. В развитие уже имеющихся договоренностей Стороны создадут совместную российско-китайскую рабочую группу по проблемам миграции, которая в ближайшее время приступит к работе»^[19]. В Совместной декларации РФ и КНР, подписанной во время визита президента В.В. Путина в Китай 14 октября 2004 г. был определен «План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005-2008 годы)». В одном из пунктов этого документа закреплялось: «Ускорить подписание межправительственного соглашения по миграционным вопросам, в 2005 г. обеспечить начало деятельности российско-китайской Совместной рабочей группы по вопросам миграции».

В начале XXI в. наметился рост числа китайцев, посещающих Россию с разными целями. Например, через пункты пропуска, расположенные на территории Читинской области в 2000 г. проследовало в Россию 166069, в 2001 г. – 188830, в 2002 г. - 217807 граждан КНР^[20]. Из них более половины приехали в Россию по «служебным целям». При этом следует иметь в виду, что китайская миграция в подавляющем большинстве носит маятниковый характер, каждый китайский гражданин, следующий до поселка За-

[15] Проблемы Дальнего Востока. – 1997. - №2. С.30.

[16] Портяков В. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги. // ПДВ. 2004. №3. С.41.

[17] Дудченко Г.Б. Китайская миграция в Россию в 90-е гг. - Четвертая научная конференция преподавателей и студентов Восточного института. Тезисы докладов. Владивосток, 1999. С.46

[18] Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. – Владивосток, 2006. С.185.

[19] Проблемы Дальнего Востока. – 2003. - №4. С.9.

[20] Следует отметить, что граждане РФ гораздо чаще пересекают границу, например, русских, выезжавших в КНР через Забайкалье в 2002 г. было 432445 человек.

байкальск, пересекает границу в среднем по 15 раз в год. Около 60% въехавших в Россию китайцев не выезжают дальше города Забайкальск. В 2003 г. через пункты попуска Читинской области, где осуществляется иммиграционный контроль, в Россию въехало 230495 иностранных граждан^[21]. В пунктах миграционного контроля Читинской области в течение 2003 г. прошли миграционный контроль 72811 граждан КНР. В органах внутренних дел в этот период прошли регистрацию 16472 граждан КНР из общего числа 25499 зарегистрированных иностранцев. На сегодняшний день трудно говорить о численности китайцев, пребывающих на территории России, так как более-менее объективными являются данные о числе пересечения гражданами КНР российской границы. Но из-за того, что значительную долю их составляет маятниковая миграция, говорить о численности китайцев, посещавших Россию или живущих в нашей стране, можно лишь с большой долей вероятности^[22].

Один из наиболее авторитетных специалистов в этой области В.Л. Ларин полагает, что численность китайцев, временно или постоянно находящихся на территории России в первые годы XXI в. достигает 300-400 тыс. человек. В том числе 50-70 тыс. китайцев находится в Москве. В регионах Дальнего Востока находится 25-30 тыс. китайцев, в т.ч. 10-12 тыс. контрактных рабочих и 10-15 тыс. торговцев^[23]. По данным известного дипломата и ученого С.Н. Гончарова, в Москве в 2002 г. находилось 60-70 тыс. мигрантов из КНР, в том числе 30-40 тыс. торговцев, 10 тыс. студентов, 5 тыс. сотрудники представительств^[24]. Полпред президента РФ Л. Драчевский в конце 2001 г. озвучил следующую цифру - 75 тыс. китайских мигрантов в Сибирском федеральном округе^[25]. Очевидно, к середине 2000-х гг. численность китайцев, постоянно или временно проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, достигла отметки в 100 тыс. человек. Но собственно на территории Сибири китайское присутствие, за исключением Иркутска и Забайкалья, остается одним из самых незначительных. Это подтверждается и тем фактом, что в Сибири до сих пор нет ни одного консульства КНР, в отличие от Дальнего Востока, Урала, Европейской России.

По-прежнему на постоянное место жительства в Россию переезжает незначительное число китайских граждан. Перепись 2002 г. официально зафиксировала в России только 34,6 тыс. китайцев. Численность китайцев, получивших российское гражданство или вид на жительство, относительно невелика, от нескольких десятков, до нескольких сотен человек по регионам Сибири и Дальнего Востока. Известный исследователь К.Б.-М. Митупов отмечает: «по некоторым данным, в Бурятии в 2003 году проживало 336 граждан КНР, получивших вид на жительство, а получивших гражданство РФ 88 человек. Республика занимает первое место по этому показателю среди субъектов Федерации на востоке страны. Так, в Читинской области вид на жительство получили 69 китайских граждан, в Амурской области – 117. Приморье – 137, Хабаровском крае - 318»^[26].

В последние годы наблюдается изменение структуры китайской миграции, уменьшение в ней доли мелких торговцев и увеличение числа рабочих. Расхожие утверждения о том, что основным каналом и стимулом для незаконной китайской миграции был безвизовый туризм, опровергнуты современными данными.

[21] В 1999 г. – 107837 чел., 2000 г. – 166069 чел., 2001 г. – 188830 чел., 2002 г. – 217807 чел. Но около 50% пересечения границы носит характер маятниковой миграции.

[22] Со вступлением в июне 1999 г. «Соглашения об упрощенном пропуске российских и китайских граждан в торговые комплексы, действующие в районе российско-китайской государственной границы» китайцы получили право безвизового посещения торговых комплексов на российской стороне.

[23] Ларин В.Л. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // ПДВ. – 2004. - №4. С.75.

[24] Гончаров С. Китайцы в России – кто они? // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. - №4. С.18.

[25] Известия – 2001. – 26 декабря.

[26] Митупов К.Б.-М. Китайцы в Бурятии на рубеже XX – XXI веков // Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. – М., Иркутск: Нальс, 2004. С.125.

менной действительностью. Сейчас подавляющее большинство китайцев используют визовый порядок въезда в Россию, благодаря чему они пользуются гораздо большей свободой перемещения и занятия в нашей стране. Последним «серьезным потрясением» для китайской миграции стало значительное сокращение потока китайских граждан на работу в Россию, связанное с введением в действие с 1 января 2007 г. поправок в российское миграционное законодательство. С 1 января 2007 г. также были введены поправки в закон о розничных рынках, существенно ограничивающие возможности иностранным гражданам торговать. Однако китайские мигранты, а точнее связанные с ними российские бюрократическо-предпринимательские структуры быстро нейтрализовали ситуацию, объявив рынки торговыми центрами.

Российское общество слабо представляет себе масштабы китайской миграции и реальные проблемы, связанные с этим явлением. Можно согласиться с мнением В.Л. Ларина, что: «Массированная атака политологов, силовых структур, СМИ на сознание жителей дальнего Востока (и страны в целом) привела к формированию абсолютно искаженных представлений о масштабах китайского присутствия на восточных окраинах России... Эти фактически «с потолка» взятые цифры вплоть до сегодняшнего дня кочуют по всем изданиям...подпитывают фантазию российских «ястребов» и националистов...»^[27]. Зачастую представители высшего управленческого звена в сибирских регионах публично высказывают уверенность или предположение о полном заселении китайцами всей Азиатской России в течение ближайших десяти лет, или, по крайней мере, к середине XXI в. В качестве достаточного обоснования данной позиции они приводят экономические проблемы, депопуляцию местного населения (которая, по мнению чиновников, происходит из-за низкой рождаемости, а не из-за высокой смертности и отрицательного миграционного сальдо, вызываемых их же неудачной экономической политикой) и наличие «нелегальной» миграции.

Действительно, в России растет число административных правонарушений граждан КНР, связанных с несоблюдением правил пребывания в России. Например, в 2003 г. с территории Читинской области за систематические нарушения правил пребывания выдворено 388 граждан КНР^[28]. В течение года сотрудниками Управления по делам миграции УВД Читинской области было оформлено 652 протокола об административном правонарушении на граждан КНР. Около трети из выявленных правонарушений составили факты уклонения от выезда по истечении срока пребывания на территории России. Напрямую с ростом нарушений миграционного законодательства в обществе связываются проблемы и перспективы незаконного «оседания» китайских мигрантов в нашей стране. По данным правоохранительных органов в последние годы разница между числом въехавших и выехавших китайцев составляла 3-4 тыс. человек в год. Кроме того, по данным правоохранительных органов (данных пограничной и миграционной служб по этому поводу не выявлено) разница между въездными и выездными талонами, врученными гражданам КНР на посту «Забайкальск», составляет 4 тыс. ежемесячно. На данный момент российское общество не располагает объективными и официальными данными о численности китайцев, «оседающих» в России. Это объясняется «несовершенством» системы учета мигрантов. Но, очевидно, многие политические силы и властные структуры не заинтересованы в наличии и доступности для общества объективной информации по данному вопросу, что позволяет манипулировать общественным мнением в корыстных интересах.

[27] Ларин В.Л. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // ПДВ. – 2004. – №4. С.74-75.

[28] Не удалось выяснить, отражает ли эта цифра реальное число выдворенных лиц, или, как прежде, милиция апеллирует числом протоколов на выдворение, и в этом случае на одного китайца могло быть оформлено несколько протоколов, а нарушитель остался жить на территории России.

Китайские мигранты воспринимаются российским обществом как реальная угроза безопасности страны, однако, в силу ряда причин, трудовая миграция имеет широкие перспективы дальнейшего развития. Способствуют активизации миграционных процессов во всем мире и процессы глобализации. Государство пытается на это адекватно реагировать, в начале XXI в. в России обновилось миграционное законодательство. Например, только в 2002 г. были приняты Указ Президента «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики», Приказ МВД России «О полномочиях МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ в области миграции», Федеральный закон РФ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», Постановление Правительства РФ «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу». Последнее серьезное обновление миграционного законодательства произошло в 2006 г., когда были приняты закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»^[29] и изменения в закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

В ноябре 2003 г. распоряжением полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе была создана межведомственная рабочая группа по проблемам незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства. Большие надежды связываются с созданием новой системы учета и контроля иностранцев в России, посредством внедрения программно-технического комплекса учета въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. Проблема регулирования китайской миграции поднимается и решается на уровне российско-китайских отношений. В 2001 г. вступило в силу межправительственное соглашение о временной трудовой деятельности российских граждан в КНР и китайских граждан в РФ. В совместной декларации РФ и КНР от 27 мая 2003 г. говорится: «Стороны придают большое значение совместной борьбе России и Китая с нелегальной миграцией и другими видами трансграничной преступности, содействию сотрудничеству в правоохранительной сфере. В развитие уже имеющихся договоренностей Стороны создадут совместную российско-китайскую рабочую группу по проблемам миграции, которая в ближайшее время приступит к работе»^[30]. В июле 2005 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао встретился в Новосибирске с руководителями субъектов федерации Сибирского федерального округа. Итогом совещания стало подписание Меморандума об укреплении сотрудничества в области торговли и науки между Сибирским федеральным округом и провинцией Хэйлунцзян^[31]. Тем не менее, в силу противоречивости российского законодательства, неповоротливости и коррумпированности бюрократического аппарата, значительная часть мигрантов остаются нарушителями законов, без всякого на то умысла.

Основные проблемы правового регулирования труда мигрантов лежат в сфере несовершенства бюрократического аппарата и государственной практики. Даже богатейшие и политически влиятельные люди в России не в состоянии обеспечить для себя «законные документы», как это наглядно показал случай с признанием недействительным российского паспорта скандально известного красноярского предпринимателя А.П. Быкова. Очевидно, временно пребывающие на территории РФ граждане КНР могут гарантировать свои права и интересы, лишь имея влиятельных покровителей, что заставляет простых китайских торговцев и рабочих объединяться в различные неформальные корпорации.

Несмотря на то, что китайская миграция носит экономический характер, нельзя исключать перспектив политической эмиграции. К мигрантам

[29] В июле 2008 г. в этот закон были внесены изменения.

[30] Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №4. С.9.

[31]

по политическим причинам можно отнести не только тех, кто покинул КНР по причине преследований за политическую позицию или принадлежность к запрещенным религиозным организациям. Для значительной части китайской интеллигенции большую ценность представляют демократические ценности и свобода, официально декларируемая российским правительством, многих китайцев привлекает в нашу страну отсутствие ограничений на рождение детей. Как правило, для этой, возможно не очень большой части китайских мигрантов, политические мотивы сосуществуют с экономическими, но не доминируют. Для КНР, как страны многонациональной и многоконфессиональной, не исключаются перспективы политэмиграции по причине противоречий и конфликтов на национальной и религиозной почве. Но на данный момент эти перспективы не имеют зримых очертаний по причине нестабильности в КНР, открытости Китая для Запада, наличия независимых монгольского и тюрко-исламских государств между нашими странами и «китаефобских» настроений в России. На сегодняшний день реальные очертания конфликтности имеют проблемы связанные с тибетским сепаратизмом в силу культурно-религиозных связей тибетцев и народов, для которых тибетский буддизм является традиционной религией (монголоязычных народов, а также тувинцев). Наиболее же актуальной становится проблема, связанная с деятельностью в России сторонников запрещенной в КНР религиозной секты Фалунгун. Под эгидой этой организации объединяются потомки политэмигрантов из КНР прошлых эпох, китайские мигранты и русские сторонники данного учения. Члены данной структуры поднимают весь комплекс вопросов защиты прав человека КНР. Сторонники Фалунгун пытаются легализовать свой статус в качестве общественных организаций, но пока не находят поддержки со стороны российских властей. Например, в 2003 г. «Фалун Дафа» получил отказ в Главном управлении Минюста по Иркутской области в регистрации в качестве общественной организации, но филиал данной организации все же получил формальный статус.

На сегодняшний день Россия не представляется наиболее привлекательной территорией для китайского труда. По мнению исследователя из США Элизабет Вишник, озвученном на конференции «Этнические меньшинства и стратегия великих держав в Азии» в Гонолулу в октябре 2004 г., менее 3% вывоза китайской рабочей силы падает на Россию. До 65 % китайцев, выезжающих на работу в Россию, составляют выходцы из Хэйлунцзяна, 10-15 % - из Цзилиня, остальные из Ляонина, Шаньдуна и Цзянси^[32]. Из общего числа работающих за границей китайцев на Дунбэй приходится 17,6% мигрантов^[33]. Об относительной незначительности китайского труда на Востоке России пишут и японские исследователи^[34]. Значительные цифры китайской миграции через границу с Россией формируются за счет маятниковой миграции. Представляется достаточно убедительным мнение забайкальского китаиста А.П. Тарасова: «Пока нет оснований говорить, что армия маятниковых мигрантов прокладывает дорогу для формирования постоянной оседлой общности. Челноку нет смысла «оседать» в Забайкалье, поскольку он зарабатывает маятниковыми поездками, которые лишены хозяйственной альтернативы в кризисной экономике российского пограничья. Эффективной реализацией ввезенных таким образом товаров на рынках Читы и области может заниматься лишь небольшая часть граждан КНР, которые смогли наладить стабильные связи с работниками низового уровня таможенных, налоговых и других правоохранительных органов РФ»^[35].

[32] Подавляющее большинство китайской миграции за рубеж представлено выходцами из южных провинций Китая, в первую очередь провинции Фуцзянь.

[33] Портяков В. О международных конференциях по этническим проблемам Азии // ПДВ. – 2005. - №1. С.176.

[34] Оцу Садаеси. Представляет ли угрозу миграция китайской рабочей силы на Российский Дальний Восток? // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 2002. - №4. С.95.

[35] Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. – Чита, 2003. С.185.

Оценить масштабы китайского труда в различных отраслях народно-го хозяйства в России сложно. По данным, приведенным исследователем В.Я. Портыковым, в 2004 г. 94 тыс. граждан КНР имели разрешение на работу в России, в том числе примерно по 35 тыс. мигрантов в Москве и на Дальнем Востоке^[36]. Численность же всех занятых в российской экономике китайских мигрантов установить невозможно. Связано это как с отсутствием данных о количестве китайских мигрантов, находящихся на территории нашей страны длительное время, так и с отсутствием «критериев» учета китайцев, занятых в производительном труде или в сфере оборота. Кроме того, китайский труд в России отчасти носит сезонный характер, при этом имеет место перемещение рабочих рук в течение года из сферы торговли, из лесозаготовок в сельское хозяйство и обратно. В 2003 г. Управлением по делам миграции в Читинской области было выдано 4989 подтверждений на право трудовой деятельности, из которых 3654 пришлось на граждан КНР. За первые четыре месяца 2004 г. в Иркутской области гражданам КНР было выдано 120 индивидуальных разрешений на работу. Но эти цифры, очевидно, не говорят о реальном масштабе использования китайского труда в области.

В целом по России доля китайских среди трудовых мигрантов существенна, особенно в последние годы, например, в 2006 г. их стало больше, чем мигрантов из Украины. По данным Федеральной миграционной службы, на конец 2005 г. работающих китайцев было зарегистрировано 160 тыс., на конец 2006 г. - 210 тыс. человек. 40% китайских рабочих в России работали в Москве, 23% - на Дальнем Востоке, 19% - в Сибири. Реальная картина трудовой миграции сейчас искажена в связи с тем, что торговцы формально попали в категорию рабочих. И 62% китайцев в России работали на розничных рынках, занимаясь собственно торговлей. В последние годы наибольшую квоту на привлечение китайских рабочих в регионах России получала Читинская область. В 2007 г. квота на привлечение иностранных рабочих в этой области составила 21 530 человек. При этом высокопоставленные чиновники области говорят о нехватке гастарбайтеров из Китая и, в первую очередь, в сфере строительства. Например, мэр Читы в апреле 2006 г. заявлял, что для реализации планов застройки столицы региона необходимо привлечение 4-4,5 тыс. китайцев. Однако в регионах далеко не всегда выданные квоты полностью выбираются. Например, при выделенной на 2008 г. на Красноярский край квоте в 13357 рабочих мест для китайцев, разрешение на работу было выдано 9935.

Основным занятием китайских мигрантов в Сибири по-прежнему остается мелочная торговля, овощеводство, скупка древесины. По данным Управления по делам миграции ГУВД Красноярского края, за 9 месяцев 2005 года для работы на территории края юридическими и физическими лицами было привлечено 3299 гражданина КНР. В основном граждане Китая работали в сфере торговли и общественного питания. 1565 граждан КНР, имевших разрешение на работу на территории края, работали в качестве продавцов-экспедиторов. В 2005 г. на территории шести районов Красноярского края 10 юридических лиц и 2 физических лица привлекали граждан КНР для работы в качестве овощеводов. Чаще организаторами производства выступают сами китайцы, нанимающие на сезон соотечественников, российских граждан и трудовых мигрантов из Средней Азии. Всего Управлением по делам миграции в 2005 г. выдано 912 разрешений на работу в сельском хозяйстве. В последнее время китайские бизнесмены проявляют особый интерес к использованию лесных ресурсов. В Читинской области в середине 2000-х гг. 45% китайских рабочих было занято на заготовке древесины. В лесной отрасли Красноярского края в 2005 г. официально работало 325 гражданина

[36] Портыков В. Российский вектор в глобальной китайской миграции // ПДВ. - 2006. - №2.

КНР. Самым крупным предприятием в Красноярском крае по числу занятых китайцев-рабочих (около 20 человек) была пилорама в Сосновоборске. Несколько китайцев в Красноярске работало на предприятии по производству стекла. Всего в середине 2000-х гг. на территории Красноярского края гражданами КНР было открыто 36 фирм: 18 лесоперерабатывающих, 8 торговых, 5 сельскохозяйственных, 4 общественного питания, 1 торговая.

Больше всего китайские рабочие востребованы в приграничных регионах, в каждом из которых в настоящее время официально работает по несколько тысяч китайских рабочих, а по оценкам – более чем по 10 тыс. человек, выходящих из КНР. В Читинской области сейчас с использованием китайского труда возводится до 85% строящихся объектов^[37], а, например, в Красноярском крае китайский труд в строительстве представлен в незначительном масштабе. В Якутии, официально, китайских до сих пор рабочих нет^[38]. По большей части китайские рабочие в России обслуживают китайский торговый бизнес. Китайские рабочие строят торговые и развлекательные комплексы для китайцев, работают на китайских «сельхозпредприятиях», арендующих земли, обслуживают заготовку и транспортировку древесины в КНР. Таким образом, китайский труд, за редким исключением, не используется на русских предприятиях, а приходит вместе с китайским капиталом. Это в свою очередь, является препятствием для китайских инвестиций в Сибирь, так как планы строительства китайцами крупных объектов вызывают опасения и протесты общественности и политической оппозиции, поднимающими проблему опасности китайской миграции. Подобная ситуация сложилась в последние годы в Новосибирске, в связи с принятым на высоком уровне планом строительства там китайцами крупного торгово-развлекательного комплекса.

В этом качестве китайская миграция не имеет перспектив серьезного развития, не представляет серьезной угрозы интересам России. Однако сейчас формируются предпосылки для нового уровня китайского присутствия в нашей стране. Существуют реальные перспективы занятия китайскими мигрантами некоторых сфер народного хозяйства, замещение русского квалифицированного труда и неквалифицированного труда мигрантов из других стран китайским. Отчасти это происходит в ряде регионов в сфере строительства, в сфере пригородного хозяйства. Разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис, резко снизивший масштабы использования китайского труда в России, тем не менее, способствовал освоению китайцами новых хозяйственных сфер.

Большинство предыдущих проектов российско-китайского сотрудничества на уровне регионов не были реализованы из-за низкого уровня культуры и образования в части знания восточных соседей представителей сибирской управленческой элиты. Чего стоит побратимство одного из крупнейших российских городов – Красноярска с городком Хэйхэ, что явно не соответствует не только потенциалу, но и статусу города в системе международных отношений. Параллельно с шумно разрекламированными, но нерезультативными проектами постепенно идет развитие китайского «реального сектора экономики», даже в той же сфере переработки древесины. Например, в 2007 г. ранее закупавший для отправки в Китай лес предприниматель Ван Липэн открыл лесоперерабатывающий заводик в Канске, закупив оборудование в КНР^[39].

В настоящее время кадровый потенциал выпускников восточных отделений сибирских и дальневосточных вузов начинает оказывать влияние на

[37] В Читинской области китайцы работают в таких фирмах, как «Стройконтракт», «Жилстрой», «Энергостройинвест», «РЭС».

[38] Традиционно, из стран дальнего зарубежья там присутствуют рабочие из КНДР и Сербии.

[39] В чем правда? // KRASCHINA.RU // Рекламно-информационный журнал. – 2009. - №3. С.9.

российское общество, следовательно, и на управленческую элиту. Но здесь формируется важная особенность, вызывающая тревогу у китайского общества. Успехи российско-китайского сотрудничества в 1990-х гг. были во многом обеспечены кадровым потенциалом китайцев, живших и учившихся в СССР в 50-е гг. XX в., сохранившие самые теплые чувства и уважение к нашей стране. В последние же годы в России было «воспитано» новое поколение китайцев, выучившее язык, научившееся работать в наших условиях, но не проникшееся уважением к России, не наладившее дружественные связи со своими сверстниками и коллегами в нашей стране.

В настоящее время в российском обществе преобладает негативное отношение к китайской миграции. Согласно одному из социологических опросов, проведенному в сельской местности Алтайского края, китайцы симпатичны 5% ответивших на вопросы (в целом по России – 34,3% населения). Несимпатичны китайцы оказались для 15,8% опрошенных местных жителей^[40]. Необходимо иметь в виду, что в быту большая часть местного населения Сибири не отличает китайских мигрантов, от мигрантов из других азиатских стран. При этом китайцы хорошо заметны, они сильно отличаются от местного населения большинства регионов востока России. Но следует отметить и ряд исключений из правил, известный бурятский историк К.Б.-М. Митупов пишет: «Китайские мигранты после нескольких лет жизни в Бурятии становятся неотличимы по внешнему виду от горожан»^[41]. Своеобразная ситуация с адаптацией китайских мигрантов сложилась в Туве. Традиционно значительное присутствие китайцев в Иркутске, заметно отличающемся от других сибирских городов высоким процентом населения, представляющим монголоидную расу. Даже в Хакасии китайское присутствие гораздо заметнее, чем в соседних районах Красноярского края.

Непривлекательность Сибири для китайских рабочих обуславливалась в первую очередь, избытком рабочих рук, следствием чего является их дешевизна при высокой стоимости жизни на данных территориях. Проблема же избытка рабочих рук в приграничных с Россией районах КНР решается в основном за счет внутренних китайских миграций. Да и в целом жизнь в России для подавляющей массы китайцев, в силу целого комплекса причин и факторов, остается не очень привлекательной. По данным американской исследовательницы Элизабет Вишник, из 250 опрошенных рабочих в Хэйлунцзяне только 4 хотели бы стать гражданами России, а еще 7 – жениться на россиянках. Подобную же картину чаще всего дают опросы китайцев, на территории России. Правда, известный российский исследователь В.Г. Гельбрас отмечает: «новое явление – нежелание части мигрантов возвращаться в Китай... Теперь около половины едут с твердым намерением не возвращаться в Китай»^[42]. Далее он пишет: «Пожив в России, мигрант понимает прозрачность надежд остаться здесь, но желание остаться не пропадает. Не исчезает и стремление отъезда в любую другую страну. До минимума сокращаются размышления о возвращении в Китай. Значит, люди будут искать и использовать любую возможность закрепится в России...»^[43].

В настоящее время в регионах действуют китайские общественные организации, выполняющие посреднические функции в отношениях между китайскими мигрантами и российскими властями. Индивидуальные пред-

[40] Боронин О.В., Быков А.Ю. «Рейтинг» народов Центральной Азии глазами сельского населения Алтайского края // Четвертые востоковедные чтения памяти С.Г. Лившица / Материалы IV региональной конференции. – Барнаул, 2002. С.197.

[41] Митупов К.Б.-М. Китайцы в Бурятии на рубеже XX – XXI веков // Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. – М., Иркутск, 2004. С.125.

[42] Гельбрас В.Г. Китайская миграция: мифы и действительность // Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. – М., Иркутск, 2004. С.30.

[43] Гельбрас В.Г. Китайская миграция: мифы и действительность // Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара. – М., Иркутск, 2004. С.31.

приниматели неохотно сотрудничают с этими организациями, но их к этому вынуждает «бюрократическая» действительность. В сибирских регионах, очевидно, нет китайских общественных организаций – монополистов. В Иркутске функционируют «Иркутская ассоциация защиты китайских граждан» и «Китайское общество по расширению международных связей», в Красноярске конкурируют общество «Туанцзе» и «Китайский торговый город», а давно работающие предприниматели предпочитают не прибегать к их посредничеству. Показательно, российским властям выгоднее иметь дело с внутренне организованной китайской диаспорой, чем с многочисленными мигрантами, однако, вряд ли это соответствует как российским интересам, так и курсу на создание гражданского общества. Возможно, подобная политика может быть оправдана выбором, иметь дело с легальными китайскими структурами или столкнуться с нелегальными организациями. Однако данная проблема нуждается в исследовании, а данных, говорящих о развитии китайских нелегальных сообществ в российских регионах, пока нет.

В настоящее время на Востоке России появились новые перспективы расширения китайского труда. Обуславливается это постепенным сокращением числа квалифицированных рабочих, инженеров и организаторов производства. Распространение китайского труда имеет перспективы в части замены им труда выходцев из Кореи, Средней Азии и Кавказа. Обусловлено это рядом факторов – «отдалением» стран СНГ от России в культурном и политическом отношении, расширением ввоза наркотиков из пограничных с Афганистаном регионов, более высоким уровнем преступности в их среде. Свою роль должен сыграть факторы большей политической стабильности в Китае, чем на Корейском полуострове и в Центральной Азии и проч. Все это создает перспективу расширения китайской миграции в Сибири, но при этом миграции предсказуемой и управляемой.

Таким образом, на современном этапе создаются предпосылки для формирования нового уровня китайской миграции в России, в том числе и собственно в Сибири. При этом ситуация выглядит довольно противоречивой. Стабильное и успешное развитие Китая при относительно благоприятной экономической ситуации в России, как и общая ситуация в международных отношениях создали определенные перспективы взаимовыгодного и стабильного сотрудничества между двумя странами. Мировой экономической кризис оказал крайне противоречивое влияние на китайскую миграцию. Но кризис, даже уменьшив общее число трудовых мигрантов, не остановит развитие миграции, а сделает ее более сложной, а значит, и устойчивой.

Развитие китайской миграции в Сибири последние два десятилетия походит на аналогичные процессы в предыдущие периоды истории. Таким образом, неизбежное развитие двухсторонних проблем и противоречий в этой сфере вполне прогнозируемо и может опираться на исторический опыт. Но с проблемами и «угрозами» китайской миграции российское общество сталкивалось в других исторических условиях, когда Китай был более слабым, при принципиально ином балансе сил в регионе. В заключение хотелось бы привести высказывание известного российского китаевода и дипломата С.Н. Гончарова: «Главный вывод заключается в следующем: появление китайской общины в России – свершившийся факт, реальность нашей жизни. Мы сможем сделать подобное сожителство интересным и полезным для себя, и для китайцев только в случае, если будем вести себя реалистично...»^[44].

[44] Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. – Новосибирск, 2006. С.356.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ

ДЯТЛОВ ВИКТОР ИННОКЕНТЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия» (Иркутск, Россия)

Беспрецедентные для России потоки трансграничных миграций ставят перед ее государством и обществом принципиально новые и чрезвычайно сложные проблемы. Россия становится обществом мигрантов, приобретает новое качество. Но этот процесс является не просто неизбежным и жизненно необходимым, но и болезненным и конфликтным.

И российское общество, и мигранты в процессе взаимной адаптации сталкиваются и будут постоянно сталкиваться с невероятно сложными социокультурными задачами. Это, во-первых, задача взаимного уважения тех «предельных» культурных ценностей, отказ от которых будет восприниматься каждой из сторон как угроза ее идентичности. Во-вторых, задача выработки толерантных форм взаимодействия, что предполагает устранение из практики общения взаимоисключающих норм поведения. В-третьих, перед принимающим обществом остро стоит задача признания используемых мигрантами и диаспорами в процессе экономической активности социальных практик, не противоречащих нормам закона, а перед мигрантами и диаспорами – задача усвоения и соблюдения этих норм.

Потоки внешней миграции в потенции могут заметно, а то и радикально изменить этносоциальную структуру многих регионов с трудно предсказываемыми последствиями. Стремительное появление нового элемента в культурной, этнической, социальной картине мира неизбежно нарушает прежние равновесия, формирует почву для появления новых проблем и новых конфликтов.

За два прошедших десятилетия не просто миллионы людей пришли в движение – сам факт такого движения тоже вошел в сознание людей. Идет интенсивный процесс осмысления и оценки феномена в общественном сознании с тем, чтобы заполнить это «белое пятно» в радикально трансформирующейся «картине мира». Это необходимо, чтобы выработать отношение, стратегии и модели поведения.

Процесс осмысления и выработки отношения происходит на разных уровнях: в обыденном сознании, в идеологической и политической сферах, в научных исследованиях. Принципиально важно то, что между этими уровнями нет непреодолимой границы, что идет активный процесс взаимодействия, взаимовлияния. Действует эффект сообщающихся сосудов. Самый яркий пример – гигантское количество геополитических «иссле-

дований», где задачи чисто научные, эвристические оттесняются на второй план идеологической оценочностью и целеполаганием.

Эти процессы чрезвычайно важны – ибо от того, как будет осмысливаться роль и место мигрантов в обществе, во многом зависит траектория развития России: характер и темпы ее экономического развития, уровень конфликтности, социальной и политической стабильности, характер политического режима. Одной из стратегий осмысления проблемы и выработки отношения к ней становится мигрантофобия.

Мигрантофобия – неизбежная составная часть адаптационной реакции принимающего общества. Она стремительно и мощно вошла в уже существовавший ксенофобский комплекс, придала ему новое качество и размах. Иногда она принимает форму прежде существовавших этнических, расовых или культурных фобий, часто и рассматривается в таком качестве. Однако в качестве «чужих», «чужаков» могут восприниматься не только представители этнически или культурно иных, чем принимающее общество, групп. Галина Витковская убедительно показала существование мигрантофобии в ее «чистом виде» – как реакцию отторжения, оценки в качестве «чужаков» русских вынужденных переселенцев и беженцев русским же принимающим обществом^[1].

Следствием и, одновременно, механизмом адаптации принимающего общества стало формирование стереотипов. Отражая преобладающее отношение, стереотипы структурируются по преимуществу вокруг ксенофобских комплексов. Стереотип – это, прежде всего, выработка отношения. Не столько эвристический, сколько оценивающий взгляд и способ упорядочения социальной информации. Это сфера априорного до/внеаучного знания. Поэтому по условию, стереотипы не нуждаются в критике источников, в верификации, во внутренней логике и непротиворечивости отдельных постулатов. Но именно они, а не позитивное научное знание формируют отношение общества и властей к процессу миграции и к мигрантам.

Стереотипы – сложная система, развивающаяся во времени и пространстве. Поэтому так важно посмотреть их изнутри, постараться увидеть, как они меняются, каковы их региональные варианты, как воспринимаются и оцениваются мигранты из разных стран. Правомерна гипотеза о том, что и стереотипы на их счет могут в чем-то совпадать, а в чем-то и отличаться.

Принципиально важно посмотреть, какую роль в их структуре играют категории, относящиеся к этнической сфере («китаец», «таджик», «киргиз», «узбек», «казах»), какую – к политико-правовой («гражданин КНР», «гражданин Таджикистана» и т.д.). Как это соотносится с категориями миграционной ситуации («мигрант», «трудовой мигрант», «гастарбайтер»). Как часто и в каком контексте используется лексика, насыщенная оскорбительными, негативными или иронически-саркастическими коннотациями. Это поможет проследить генезис их формирования, использование как соответствующего наследия советской эпохи (узаконенного и привычного «национального» дискурса, комплекса «иностранца», образа «кавказского торговца»), так и освоение новых слов и новых смыслов («гастарбайтер», например).

1. Образ китайского мигранта и синдром «желтой опасности»

Внезапное появление массы мигрантов из Китая в начале 1990-х годов стало для подавляющего большинства россиян абсолютной неожиданно-

[1] Витковская, Г. «Вынужденная миграция и мигрантофобия в России»// Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 151 – 191.

стью. Более того – огромным шоком. На протяжении полутора веков российское общество два раза сталкивалось с феноменом теснейшего контакта с Китаем и китайцами через миграции, мигрантов и диаспору. Один раз – в последней трети XIX – первой трети XX вв. и второй – в последние двадцать лет. Промежуток был достаточно велик и настолько насыщен событиями и катаклизмами, что китайцы как люди и как проблема были прочно забыты, ушли из общественного сознания. Послевоенные перепады взаимоотношений СССР – КНР (от политики «русский с китайцем братья навек» до вооруженных приграничных конфликтов и подготовки большой войны) остро переживались, особенно жителями Дальнего Востока и Сибири, но именно в контексте межгосударственных взаимоотношений.

Прерывалась интеллектуальная традиция изучения проблемы, масса дореволюционных текстов, оставаясь физически в библиотеках, фактически ушли в небытие. Радикально изменилась идеологическая атмосфера – в том числе и набор фобий. Ксенофобии, оставаясь жизненно важным элементом общественного сознания и мощнейшим инструментом для манипулирования им, отошли от этнического и, тем более, расового подхода при выборе врага.

Массовый приток граждан КНР в 1990-х годах стал событием не просто неожиданным, но абсолютно новым. Старая китайская диаспора, бывшая предметом пристального и, как правило, недоброжелательного интереса и глубокой озабоченности российского общества, при советской власти исчезла, была вытеснена или уничтожена. Этот сюжет ушел на далекую периферию исторической памяти и нынешним поколением воспринимается как совершенно новый.

В процессе двух контактов, каждый раз заново, формировался образ китайских мигрантов. Изначально, пристальный интерес к ним не был ни нейтральным, ни, тем более, позитивно окрашенным. На рубеже XIX-XX веков крайне немногочисленное, остро ощущающее свою оторванность, незащищенность, российское население Дальнего Востока опасалось китайцев, видя в них и конкурентов, и передовой отряд чужой цивилизации. Власти боялись «китаизации» региона с перспективой его потери для России. Понимание полной зависимости от труда мигрантов симпатий к ним не добавляло.

Это и выстроило структуру образа. Его основными чертами были неприхотливость, неприязнательность, минимальные требования к условиям жизни, нищета и антисанитария, заискивающее поведение. Высокая конкурентоспособность за счет сочетания работоспособности, трудовой дисциплины с минимальными требованиями к оплате труда. Культурная чужеродность и стремление ее сохранять, противостояние культурной интеграции в местное общество, сильная связь с родиной, массовидность, общинность, корпоративный дух и взаимопомощь, предприимчивость. Присутствие за спинами мигрантов пока «дремлющего», но обладающего огромной потенциальной мощью Китая, а главное – неисчислимых миллионов «соплеменников».

В современном образе воспроизводится набор традиционных компонентов – трудолюбие, неприхотливость, адаптивность, предприимчивость. Однако, эти, в принципе позитивные качества, зачастую окрашены негативно: трудолюбивы – но в ущерб нам, патриоты – значит, нелояльны России, помогают своим – значит, клановые и, опять же, в ущерб нам. Это не удивительно, т.к. оценочность – несущая конструкция образа, который необходим даже не столько как эвристический инструмент, сколько как опора в формировании отношения.

Массовое присутствие китайских мигрантов не сформировало пока обстановку повседневно привычного, рутинного человеческого контакта с ними. Контакт хотя бы относительно индивидуализированного – через слуг, постоянных и лично знакомых торговцев, через совместную трудовую деятельность. Постоянное общение происходит только через прилавок. А это весьма специфическая позиция, особенно в постсоциалистическом обществе, до сих пор отягченном мощными анти-рыночными предрассудками.

Поэтому, возможно, пока нет особого стимула к тому, чтобы формировался индивидуализированный образ китайца. Это кажется странным на фоне огромного количества журналистских публикаций, публицистики, заявлений политических деятелей и чиновников, увеличивающегося числа научных исследований. Китайские мигранты – регулярные герои телепередач, как хроники, так и специальных фильмов. Тем не менее, даже в телевизионных видеорядах практически нет лиц. Нет интереса к отдельному человеку, к его лицу, его жизни и судьбе. Есть интерес к функции, к массе.

Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что пока в России интересуются не китайцем, даже не китайским мигрантом, а воплощенной в них китайской проблемой. Жизнь пока не заставляет задумываться над тем, кто такой китайский мигрант, какой он. Преобладает другое – сколько их, что несут они нам, исходит ли от них угроза, а если да – то какая. И это относится не к отдельному человеку, а к массе, совокупности. Отсюда абстрактность образа, его схематичность и примитивность. До революции он был все-таки куда более богат, насыщен красками, деталями и подробностями. Тогда были клички «ходя», «китаеза», «купеца» - это обидно, унижительно, оскорбительно, но хоть немного индивидуализировано. Сейчас же – это китайский мигрант, функция, абстракция.

При этих отличиях, главное все-таки сохраняется – отношение к китайцам как к массе, массе нерасчлененной и не индивидуализированной. Именно массу опасаются, именно масса, количество лежит в основе построения различных построений о «демографической экспансии» и «желтой угрозе». Метафора «муравья», столь распространенная до революции, возникает и сейчас – правда используется реже.

Сместился, однако, акцент при оценке характера групповой лояльности. Во многом это связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX-XX вв. он рассматривался скорее как пространство, а не реальный носитель державной мощи, то сейчас такой взгляд невозможен в принципе. Теперь в построениях идеологов и в массовом сознании это сверхдержава, чья экономическая и военная мощь изначально направлена вовне – хотя бы под давлением гигантского и стремительно растущего населения и общей ограниченности собственных ресурсов. Мигранты расцениваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. В построениях рубежа XIX-XX вв. китаец выглядит куда менее этатизированным, растворенным не в государстве, а в группе, в «расе».

Почти вышел из употребления эпитет «желтый», господствовавший и принципиально важный для рубежа XIX-XX веков. Он сохранился в словосочетании «желтая опасность» - но скорее в качестве компонента устоявшегося термина. Вряд ли это следствие воздействия политкорректности. Скорее – результат ухода на периферию мощного, возможно, преобладавшего в конце XIX - начале XX века расового дискурса при анализе социальных отношений и проблем. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и реально отражаются на характере человеческих

связей и отношений, но массовые представления о непреодолимой пропасти между расами, взгляд на представителей иной расы как на инопланетян, в целом ушли в прошлое. Переход от «желтого» к «китайскому» кажется нам принципиальным отличием в самых фундаментальных характеристиках образа китаец двух рассматриваемых эпох.

Трансформация «желтой опасности» в «китайскую угрозу» не означает исчезновения или ухода на второй план фобии как таковой. Анализ большого количества самых разнообразных текстов дает основание выделить в качестве ее «краеугольных камней» концепты «экспансии», «эксплуатации» и «криминала».

Начнем с «экспансии».

Широко распространено представление о китайской миграции как составной части, важнейшем инструменте экспансии как целенаправленного, спланированного и организованного процесса, осуществляемого государством и тотально мобилизованным и организованным через государства населением. Сами мигранты в этой конструкции предстают не отдельными людьми, частными лицами со своими мотивациями и свободой воли и выбора, а неотъемлемой органической частью, «щупальцем» государства. По целям выделяются территориальная, демографическая и экономическая экспансия.

В этом контексте работает старая и широко распространенная метафора «муравьи»^[2], подразумевающая массовость, невычлененность, организованность и подчиненность общей воле китайцев. Эта метафора имеет и другое измерение: муравьи – возможно и разумные существа, но не люди. Они руководствуются не человеческой логикой и моралью, поэтому и отношение к ним может строиться вне этого контекста. Крайнее выражение такого подхода – рассуждения о проблеме китайских мигрантов и китайцев вообще в категориях «биомассы».

«У них есть план». Широко распространен тезис о том, что существует «план» китайских властей по миграционной экспансии в Россию. Он включает в себя систему властной организации, планирования и регулирования. Реализуется через принуждение и стимулы (вплоть до финансового вознаграждения осевшим на постоянное жительство в России мигрантам). Этот тезис широко представлен и в масс-медиа, и в заявлениях чиновников и политиков, и в работах ученых. Огромную роль в формировании этого взгляда сыграла первая, видимо, книга о китайской миграции в современную Россию, выпущенная в 1994 году такими авторитетными экспертами, как Л.Л.Рыбаковский, О.Д. Захарова, В.В.Миндогулов. «Китай, имеющий огромные территориальные претензии к России, всячески стимулирует проникновение своих граждан на ее территорию и создание базы для легального существования. Одновременно экономическая деятельность китайских граждан приносит и колоссальные доходы... Главной целью китайского проникновения в Россию вне зависимости от форм и каналов является интеграция в хозяйственную деятельность, приобретение недвижимости и земли, то есть создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... Несмотря на то, что иммиграция китайцев на Дальний Восток России в настоящее время носит преимущественно нелегальный характер, существующая система проникновения обеспечивает процесс оседания и легализации нелегальных мигрантов»^[3].

«Небольшими группами по сто тысяч человек в каждой». Эта фраза из старых советских анекдотов времен советско-китайского военного про-

[2] О «китайских муравейниках» писал, например А.И.Герцен. (Герцен А.И. «Былое и думы»// Герцен А.И. Сочинения, Том 6. Москва, ГИХЛ, 1967. С. 67 – 68.

[3] Рыбаковский, Л., Захарова, О., Миндогулов, В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия, Москва, 1994. С. 35 – 36.

тивостояния – одна из основ представлений о демографической экспансии. Китайских мигрантов не может быть мало по условию – ибо не может быть мало китайцев вообще. Поэтому при немногочисленности населения России вообще и востока страны в особенности, китайцы просто поглотят местное население и станут большинством. Собственно говоря, уже поглощают. И чем дальше живут носители таких представлений от китайской границы, тем плотнее заселены в их глазах китайцами сибирские и дальневосточные города. Все эти годы самый обсуждаемый миграционный вопрос: «А сколько же у нас в России китайцев?» Точной статистики здесь нет и пока не предвидится. Причины очевидны: нелегальная составляющая, неэффективность госструктур, призванных считать мигрантов, незаинтересованность многих в получении реальной информации. Разброс оценок: от 5 – 6 млн. человек до 300 тыс. в год. Причем максимальные оценки как появились в начале 1990-х гг., так и гуляют неизменно по страницам не только газет, выступлений официальных лиц, но и научных изданий до сих пор. Подсчеты серьезных ученых, утверждения пограничных властей о том, что цифры въезда-выезда расходятся всего на несколько процентов (а значит и нелегальная составляющая не так велика, как часто считается) просто игнорируются. Многомиллионные оценки численности мигрантов уже «схватились», застыли, легли в основу массы идеологических построений и властных решений. Они подтверждены авторитетом научных и властных экспертов. Они необходимы – поэтому неискоренимы, принципиально выводятся из сферы научного анализа, критики источников, научных процедур работы со статистикой.

«От китайца может родиться только китаец» (популярный писатель советской эпохи П.Проскурин). Частью смертельной угрозы предстают смешанные браки, «брачная экспансия китайцев» – как инструмент демографической экспансии. Особенно угрожающей выглядит стратегия «брачной натурализации», при которой многочисленные нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус через браки, в том числе и фиктивные. О последствиях этого Л.Л. Рыбаковский и соавторы пишут несколько косноязычно, но совершенно определено: «Исторический опыт свидетельствует, что специфика населения Дальнего Востока и не менее специфичная политика сопредельных государств, в том числе Японии, на различных этапах развития Дальнего Востока дают реальный шанс на положительный исход этих долгосрочных, хорошо просчитанных акций по естественной ассимиляции населения»^[4]. Имеющиеся подсчеты говорят о ничтожном количестве таких браков – но это не имеет никакого значения для авторов подобных конструкций. Главное же – никто не доказал, что «кровь» лежит в основе культуры, что китайцы не адаптируются и не ассимилируются и что те, в ком течет китайская кровь по условию «несут в себе мощный ген» «китайскости». Ссылки на дореволюционный опыт здесь не очень корректны, т.к. подавляющее большинство китайских мигрантов были тогда сезонниками и не обзаводились семьями, не оседали. Значит и слабо ассимилировались.

«Косовский вариант». Уже в начале 1990-х годов формируется устойчивый миф о компактных поселениях китайцев на Дальнем Востоке, о том, что там есть уже немало населенных мест с преобладающим китайским населением. Чем дальше от Дальнего Востока, тем устойчивее такие представления. Масса вполне серьезных людей пишет и говорит о таких поселениях как об очевидном и несомненном факте. Не приводя, правда, их названий. А далее выстраивается стройная и леденящая душу картинка того, как эти китайские анклав вначале потребуют себе автономии, а затем и

[4] Рыбаковский, Л., Захарова, О., Миндогулов, В. Указ. соч. С. 23.

«воссоединения» с Китаем. Две произвольно выбранных иллюстрации на этот счет. В 1996 году К.Э.Сорокин констатирует в качестве несомненного и очевидного факта «растущую неконтролируемую «ползучую» миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн. человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам «чайнатаунов», массовую незаконную скупку китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей»^[5]. В 2005 года А.Храмчихин не менее твердо уверен, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно – к востоку от Енисея, в худшем – к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское «Косово»... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем»^[6].

Эксплуатация.

Здесь китайская тема вливается в общий комплекс представлений о том, что мигранты неизбежно и автоматически претендуют на ресурсы принимающего общества. Подразумевается при этом, что объем ресурсов изначально неизменен, поэтому появление новых людей автоматически отбирает их у старожилов. В этих рамках стоит лишь перечислить несколько наиболее распространенных клише относительно именно китайских мигрантов:

- они отбирают рабочие места у россиян,
- они вывозят/воруют наш лес, металлы и другие природные ресурсы,
- они вывозят капиталы из России.

Криминал.

Не выбивается из общего комплекса миграционных мифов и представление об изначальной и тотальной криминальности китайских мигрантов, как и всех мигрантов вообще^[7]. Специфика здесь лишь в том, что персонафицируют ее зловещие «Триады».

2. «Таджики» - «гастарбайтеры» и «граждане ближнего зарубежья»

Задача оценки масштабов миграционных потоков и их структуры перед этой статьей не стоит. Здесь важно отметить только, что масштаб притока трудовых мигрантов из Китая и стран Центральной Азии количественно сопоставим. Конечно, при этом есть существенные различия в пропорциях между различными городами и регионами.

Первопроходцами, «пионерами» массовой трудовой миграции из Центральной Азии стали жители Таджикистана, таджики по своей этнической принадлежности. Их подтолкнула к этому краткая, но чрезвычайно кровопролитная гражданская война начала 1990-х гг. Массовый поток беженцев (около миллиона человек только для стран СНГ) проложил дорогу

[5] Сорокин, К. Геополитика современности и геостратегия России. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 107.

[6] Храмчихин А. Желтое господство. Захват Китаем Сибири – не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет// Политический журнал, 2005, № 27. С. 61 – 64.

[7] Миграция и безопасность в России/ Под ред. Г.Витковской, С.Панарина. Москва: Московский Центр Карнеги. 2000. С. 267 – 328.

для трудовых мигрантов^[8]. Послевоенная экономическая разруха и общая экономическая отсталость создали теперь уже долговременный и мощный выталкивающий фактор. Беженцы органично становились трудовыми мигрантами. Они довольно быстро сформировали миграционную инфраструктуру - от организации трафика до механизма оказания посреднических услуг в российских городах.

Они сформировали и свою «нишу» на рынке труда. В качестве новичков они не могли рассчитывать на стартовые возможности выходцев с Кавказа, которые массово осваивали Сибирь еще с советских времен и накопили значительные материальные возможности, опыт, деловые и социальные связи. Это дало им возможность с началом перестройки активно включиться в процесс формирования массового слоя мелкого и среднего предпринимательства. Что не менее важно – они стали готовой инфраструктурой для приема мощного миграционного потока земляков, выталкиваемых из родных мест общим экономическим и политическим кризисом 1990-х годов.

Первые же таджикские трудовые мигранты начинали все с нуля, практически на пустом месте. Поэтому они могли рассчитывать только на самые непривлекательные, грязные и низкооплачиваемые профессии и сферы занятости. Служащие, врачи, ученые, преподаватели, квалифицированные рабочие, люди со средним и высшим образованием становились чернорабочими. Таджикский грузчик на рынке, сезонный строительный рабочий-отходник становились типичными, даже знаковыми фигурами. Горожане, люди с образованием и профессией, опытом жизни и учебы за пределами родных мест первыми прокладывали пути, по которым затем двинулись их родственники и земляки.

Через несколько лет, отчасти опираясь на созданную ими миграционную инфраструктуру, пришли в движение жители соседнего Узбекистана, миграционный потенциал которого много выше, чем у Таджикистана. И сейчас во многих сибирских городах (например, Иркутске) они вышли на первое место по числу официально зарегистрированных трудовых мигрантов, опередив ранее преобладавших китайцев.

Первопроходческая роль таджиков, их массовое, повседневное и постоянное присутствие в жизни принимающего общества, сформировало «образ таджика». Само это слово наполнилось новыми смыслами. С одной стороны, оно осталось для жителей Сибири привычным этнонимом и обозначением жителя Таджикистана (то, что сформировалось еще в советские времена). С другой, однако, его распространяют теперь на всех выходцев из Центральной Азии, приезжающих в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Практически оно стало синонимом слова «гастарбайтер», которое стремительно ворвалось в массовую языковую практику и стало общепринятым. Появились устойчивые словосочетания «таджикский труд», «таджикская зарплата». «Работать как таджик». И даже – «работать таджиком».

И причина этого не только в том, что мало кто в принимающем обществе отличает, скажем, таджика от узбека. Теперь «таджик» стал массовой и привычной фигурой, частью обыденной жизни, повседневности. О нем вспоминают, когда необходимо нанять за небольшие деньги человека для временной работы (отремонтировать квартиру, например). Сведения о «надежных таджиках», то есть тех, кто может выполнить работу не просто дешево, но и квалифицированно, без брака, распространяются через неформальные каналы, через знакомых и родственников. Это предполагает личные контакты с мигрантами, а значит и формирование отношения.

[8] Дятлов, В. Таджики в современном Иркутске: Первопроходцы новой миграционной волны?// Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: Сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. 2003. С. 152.

Соответственно, формируется и образ, стереотип «таджика». Естественно, это выходец из Центральной Азии, совсем не обязательно собственно таджик. При численном преобладании узбеков, например, они в этом качестве в общественном мнении и сознании практически отсутствуют. Хотя о существовании Узбекистана и узбеков знают, конечно, все. Это не в коем случае не русский или, по распространенному определению, «русскоязычный». Подразумевается при этом – не европеец. Впрочем – и не кореец. Здесь явственно подразумеваются расовые характеристики, хотя это не вербализируется, а часто не осознается. Впрочем, в ксенофобских текстах слово «черные» употребляется повсеместно.

Иногда за рамки категории «таджик» выводятся этнические киргизы и казахи. Причины могут быть разными. Для формирования образа киргиза (а в России по некоторым оценкам находится около 700 тыс. трудовых мигрантов из этой республики) важно то, что многие из них активно и довольно успешно занимаются торговым бизнесом^[9]. В качестве рыночных торговцев киргизы стали в последние годы заметной частью городских сообществ. На розничных и мелкооптовых рынках многих сибирских городов появились специальные киргизские ряды. Это фиксируется местными жителями и создает стимул для отношения к ним именно как к киргизам. Но когда они занимаются неквалифицированным физическим трудом (особенно в сфере коммунального хозяйства) этого не происходит, здесь они – «таджики».

Отдельная проблема – казахи. Это сюжет важный, главным образом, для Западной Сибири. Там есть классические трудовые мигранты. Но много и коренных жителей (в Кулунде, Горном Алтае). В крупных сибирских городах (особенно Омске) много казахов, осевших там еще с советских времен. Это уже коренные горожане, люди, глубоко интегрированные в российскую культуру, российские граждане^[10]. Это мешает сформировать по отношению к ним единый стереотип и рассматривать их всех через модель «таджиков». В рамках формирующейся в Казахстане постколониальной и постимперской историографической традиции, неизбежно идеологизированной, эта ситуация выражена Г.Мендикуловой^[11] в том, что она жестко разводит казахов «диаспоры» (то есть мигрантов и их потомков) и казахов «ирриденцы» (казахов, живущих вне современного Казахстана благодаря движению границ). Создается классическая идеологема «разделенной нации», подчеркнутая и выбором (чрезвычайно спорным) терминов.

Таким образом, стереотип «таджика» формируется не только, возможно даже и столько этническими коннотациями. Принципиально важно, что это трудовой мигрант, «гастарбайтер». Человек не просто приезжий, но временный, «перелетная птица». Этому пониманию не мешает то, что многие мигранты приезжают в одно и то же место на протяжении многих лет, врастают в систему местных социальных связей и отношений. А иногда и остаются здесь жить постоянно, перевозят сюда семью или (чаще) обзаводятся ими на месте. Тем не менее, и они наделяются характеристикой временности. Подразумевается также сомнительный статус их пребывания и работы в России («нелегальные мигранты»). Для этого есть серьезное основание, т.к. до недавнего времени большинство сезонных мигран-

[9] Agadjanian, V., Nedolzhko, A., Kumskov, G., 2008, Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kirgizstan// International Migration Review, vol. 42, N 3. P. 620 – 651; Куртов, А. Геометрия политики// Независимая газета-Дискурс.р. 2003. 13 янв.; Петрова, В. Новый продовольственный рынок появится в Иркутске// Восточно-Сибирская правда, 2008. 9 окт.

[10] Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе/ Под ред. В.Дятлова, С.Рязанцева. Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005; Садовская, Е. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Алматы, 2001; Ларина, Е., Наумова, О. Кош-Агачские казахи-мигранты// Вестник Евразии, 2008. № 2. С. 44 – 65; Бондаренко А. Российские казахи объединились в Самаре// Независимая газета-Регионы, 2007, 25 июня.

[11] Мендикулова Г. Казахстанская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006.

тов из Центральной Азии не имело разрешения на занятие трудовой деятельностью. После либерализации этой процедуры в 2006 году их число сократилось, но остается значительным. Когда же степень их интеграции переходит некую грань, они перестают быть «таджиками», хотя их таджикское происхождение и культура вполне осознается.

В глазах окружающих «таджик» – это человек второго сорта, низкостатусный и бесправный, не претендующий на чье-то место в социальной иерархии, готовый на любой труд, вообще на все ради заработка. Он даже не внизу социальной лестницы – он вне ее. Еще в 1990-х годах я слышал от чиновников, занимающихся миграционными процессами, вполне обыденное операциональное употребление слова «раб» по отношению к ним. Так они для себя определяли их статус и место в обществе. Правда в последние годы слово это, кажется, исчезло из их лексикона.

В основе формирования стереотипа лежит отношение. По сравнению с китайцами, выходцами с Кавказа – в отношении к «таджику» больше отторжения, желания отстраниться, нежели страха. «Таджиков» опасаются только как трудовых мигрантов – конкурентов за рабочие места, другие ресурсы. Но конкурент этот видится слабым. Он не подкреплен мощью державы, энергией, трудолюбием и численностью, чего страшатся у китайцев. Нет у него и приписываемой «кавказцам» агрессивности, готовности и способности применить физическую силу и ресурсы подкупленного государственного аппарата.

Важнейшая компонента растущего мигрантофобского комплекса – обвинение мигрантов в поголовной криминализированности. Пресса всегда находит способ подчеркнуть случаи, когда преступление совершено именно мигрантом. Особенно когда это касается преступлений против личности – убийств, грабежей, изнасилований. Зачастую этим аргументируется тезис о миграционной угрозе. Крайне редки и проходят почти незаметно попытки сравнить уровни и структуру преступности среди мигрантов с соответствующими показателями населения принимающего общества. Как только начался экономический кризис, появилось много алармистских заявлений политиков, журналистов, чиновников о том, что оставшиеся без работы мигранты немедленно переключатся на криминальную деятельность и что Россию ожидает новое «холодное лето 1953 года». Одинокие голоса профессионалов, ставящие такую перспективу под сомнение, тонули в этом хоре. Когда всплеска преступности не произошло, эта истерическая пропагандистская кампания быстро закончилась.

В этом комплексе «криминального мигранта» у «таджиков» имеется особое место. Их обвиняют в обслуживании наркотрафика. В СМИ сложилась устойчивая и прочная смысловая связка: таджикские трудовые мигранты – наркотики^[12]. Нередки попытки увязать трудовую миграцию «таджиков» и угрозу «исламского экстремизма» и «исламского терроризма»^[13]. Пока, однако, это не встречает живого отклика у обывателя.

Страх перед отдельным мигрантом и перед «таджиками» в целом в обществе не сформировалось. Господствует снисходительная отчужденность. Взгляд на них как на представителей иного мира, «людей из-за стекла». Уже несколько лет мои студенты в рамках учебного курса берут интервью у мигрантов. Получается это у них очень по-разному, но очень многие после этого искренне удивляются: «оказывается они такие же люди, как и мы». Возможно, что принципиальное и подчеркнутое отчуждение, отторжение – это способ собственной психологической поддержки в ситуации

[12] Олимов М. Пути наркотрафика: криминальный компонент миграционных потоков из Таджикистана // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: Сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. 2003. С. 138 - 150.

[13] Липчинская, О. В Улан-Удэ за терроризм арестовали главу мусульман? // Комсомольская правда-Иркутск. 2008. 25 ноября.

явного и несправедливого неравенства. Способ примириться с существованием рядом «раба».

3. Динамика стереотипизации: от таджика к «таджику», от «этнофора» к «мигранту»

Новая миграционная ситуация в России, несмотря на свою краткосрочность, уже продемонстрировала поразительную динамику. Она проявляется и в развитии стереотипов. Массовый приход новых людей, формирование нового общественного феномена потребовали создания механизма адаптации к этому человека принимающего общества. А это невозможно было сделать без выработки отношения и формирования стереотипа. Мифы и стереотипы так быстро сформировались и так прочно укоренились в общественном сознании по простой и важной причине – они необходимы. Это незаменимый способ определения места новых людей и новых групп в иерархии отношений и статусов. Через них формируется и функционирует модель отношений. Это инструмент идеологической мобилизации и борьбы за власть. Инструмент решения ведомственных, региональных или корпоративных интересов. Но по мере изменения отношения принимающего общества к мигрантам будет меняться и структура стереотипов, интенсивность присутствия в них страхов и враждебности.

Как это обычно и бывает, они формировались первоначально из старых, привычных представлений. Из стереотипов прежних времен и прежних реалий. Важнейшей из них для советского общества и отдельного человека была конструкция «национальности» и «национальных отношений». Привыкнув рассматривать себя и окружающих в категориях, говоря современным языком, примордиальной этничности, этничности, определяемой государством фактически по признаку «крови», и простой человек, и властные структуры распространяли это видение и на формирующиеся потоки трансграничных мигрантов.

Принципиально важным был и сам фактор трансграничности, зарубежности мигранта, его вытекающего из этого особого юридического статуса, набора прав и обязанностей. Осмысление этого феномена началось через использование сложившегося в советские времена устойчивого и богатого смыслами стереотипа «иностранца», человека не просто из другой страны, но из другого мира, другой касты. Из другого измерения. Человека обладающего правами и возможностями, несопоставимо более высокими, чем у советского человека. И здесь нелишне вспомнить известные слова М.Е.Салтыкова-Щедрина о том, что «хорошо иностранцу, он и у себя дома иностранец».

Два этих стереотипа – «представителя национального меньшинства» и «иностранца» - стали первыми инструментами для понимания и выработки отношения к новому феномену и новой проблеме. Власти стали активно проводить «национальную политику», создавая для этого соответствующие институты и разрабатывая политические декларации и нормативные документы. С начала 1990-х годов по всей стране идет бурный процесс формирования национально-культурных обществ, затем – национально-культурных автономий. Через сотрудничество с ними власти пытались решать и миграционные проблемы. Однако опыт 1990-х годов показал им слабую инструментальную возможность подобного подхода.

Стереотип «иностранца» также быстро выявил слабую пригодность для понимания и регулирования миграционной ситуации. Никак не вписывались китайские «челноки», строительные и сельскохозяйственные рабочие в образ, сформировавшийся при взаимодействии с благополучными, за-

житочными и защищенными представителями Запада. Тем более – вчерашние сограждане, а ныне «граждане ближнего зарубежья». Сам это термин жестко вычленил их из категории «иностранцев» - как «бывших своих», хотя и отделенных теперь границами, но людей своего мира, своего измерения. К тому же, открытие границ, массовые, обыденные и повседневные контакты с ранее мифологизированной «заграницей» отодвинули в сторону и сам стереотип «иностранца».

Какое-то время довольно действенным был сложившийся на закате советской эпохи образ «кавказца» - временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) – вот основные, как видим негативные, составляющие этого стереотипа^[14]. По мнению многих представителей принимающего общества, похожие на них обликом, культурой и манерой поведения выходцы из Центральной Азии, на первых порах рассматривались и оценивались через призму этого стереотипа.

Распад СССР и неизбежные при этом потрясения и катаклизмы породили потоки беженцев и вынужденных переселенцев и соответствующий стереотип «беженца». Формирование образа «таджика» началось именно через это понимание и отношение.

К началу «нулевых годов» все эти стереотипы советской эпохи и переходного периода себя исчерпали. Они, конечно, не исчезли, но отошли на задний план. Мигранты заняли такое огромное место в жизни российского общества и оказались настолько уникальным феноменом, что это потребовало и собственного, отдельного отношения и стереотипа.

Отразилось это в том, что еще в 1990-е годы в русский язык и в массовое употребление вошло слово «гастарбайтер». До этого оно употреблялось крайне редко, в качестве термина в специальной литературе. Родившись в Германии, оно, видимо, наиболее полно и адекватно отразило понимание обществом проблемы и отношение к ней. Оно отразило, в частности, радикальный переход от этнического принципа стереотипизации к мигрантскому. Замечательно это сформулировано в заголовке статьи «Комсомольской правды» - самой многотиражной и читаемой газеты России. «Есть такая национальность - гастарбайтеры»^[15]. Шумный успех имела книга под названием «Гастарбайтер»^[16].

Из огромной массы самых разнообразных текстов последних вырисовываются основные черты нового стереотипа. Гастарбайтер – это пришлый, не местный человек, «мигрант», приехавший из-за границы, чтобы работать, заработать деньги и уехать. Его этничность, культура, страна происхождения, его личные качества никого не интересуют. Его присутствие не очень желательно, оно раздражает, но приходится с ним мириться, ибо надо кому то работать на грязных и низкооплачиваемых работах. Он должен «знать свое место» - и место это находится вне социальной иерархии принимающего общества. Чем меньше его видно – тем лучше. Имя Равшан, пришедшее вместе с таджиками, постепенно становится нарицательным и теряет свою этническую привязку. Теперь это имя мигранта, «гастарбайтера», «таджика». Как сказал корреспонденту «Известий» небольшой строительный начальник в Москве, «главное преимущество Равшанов перед Иванами – их можно легко «кинуть»^[17].

[14] Дятлов, В. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к чужакам в общественном мнении российской провинции 1990-х годов// Вестник Евразии, 2008, № 4. С. 142 – 176.

[15] Степин Д. Есть такая национальность – гастарбайтеры// Комсомольская правда, 2007. 17 июля.

[16] Багиров, Э. Гастарбайтер, Москва: Популярная литература, 2007

[17] Известия, 2008, 6 октября.

В популярной телепередаче «Наша Russia» два комических «гастарбайтера» «Джамшуд и Равшан» довольно зло и ядовито комментируют текущие реалии российской жизни. И это образы не таджиков (хотя телепередача вызывает большое недовольство в Таджикистане), а именно «гастарбайтеров», людей чужих, пришлых, отстраненных^[18]. Эта отстраненность и позволяет им особенно остро увидеть и прокомментировать абсурдность многих привычных «своему человеку» ситуаций. То, что «гастарбайтеры» стали телевизионными героями, тоже говорит о том, насколько их присутствие стало массовым, привычным, а образ – сформировавшимся и общепонятным.

С образом «мигранта», «гастарбайтера» неразрывно связана и мигрантофобия, которая постепенно замещает ранее господствовавшие этнофобии. Как и в странах Западной Европы и США в массовом и повсеместном присутствии мигрантов многие видят, прежде всего, угрозу размывания «цивилизационных устоев», базовых, основополагающих категорий культуры. Это страх перед тем, что неизбежные перемены, связанные с массовым присутствием культурно чужеродных мигрантов, могут так радикально изменить принимающее общество, что оно исчезнет в своем прежнем качестве. В России мигрантофобия смыкается со страхом перед соседством стремительно развивающегося Китая, который становится мировой сверхдержавой. Страхом перед тем, что китайские мигранты могут стать инструментом реализации геополитических интересов «матери-родины», которая уже в силу роли сверхдержавы подозревается в экспансионизме.

Несколько слов о механизмах и способах выстраивания стереотипов. Один из распространенных способов я назвал бы «пирамидой» - по аналогии с механизмами действия печально памятных финансовых афер. Он опирается на взаимные перекрестные «экспертные оценки» журналистов, чиновников и ученых. Появляется, например, некая информация в газете. Ее воспроизводит (с подтверждающей или даже сдержанно-скептической интонацией) представитель научного сообщества. Получивший «научную санкцию» («ученые пишут...») тезис входит в инструментальный оборот ведомственных аналитиков и чиновников. Авторизированный ими, он используется уже как солидный и надежный источник в научных исследованиях. СМИ тиражируют авторитетные мнения ученых и практиков. И так – по кругу. И каждый новый круг взаимных ссылок делает утверждение все более солидным, непререкаемым: «всем известно и наука подтверждает, что...». Именно так утвердилась в публицистическом, экспертном и даже научном обороте многомиллионная оценка численности китайских мигрантов в России, «сведения» о «китайских анклавах» на Дальнем Востоке или численности смешанных браков с участием китайцев. Широко распространена практика ссылок на анонимные авторитетные источники, введения в научный оборот оценок без описания методик их получения («по нашим подсчетам...», «существуют оценки...»). Для масс-медиа особенно характерно выстраивание вербального и интонационного контекста: кричащие и броские заголовки даже для абсолютно спокойных и нейтральных текстов, использование алармистской («экспансия», «вторжение», «оккупация», «посланцы Поднебесной») или ернически-издевательской лексики.

Широко распространенное явление – спокойное существование даже одного человека в двух абсолютно несовпадающих мирах представлений о проблеме. Типично, когда чиновник, отвечающий за ситуацию с мигрантами, оценивает ее как вполне нормальную в зоне своей ответственности («у нас все под контролем») – но общее положение в этой сфере в стране как

[18] Сапожникова, Г. Джамшуд, Равшан и таджикские обиды на Россию // Комсомольская правда, 2009. 26 мая.

катастрофическое. Существует две картинки – одна опирающаяся на собственные наблюдения и здравый смысл и вторая – сформированная масс-медиа, заявлениями политиков, чиновников, просто авторитетных людей по описанной уже схеме финансовой пирамиды. Второй доверяют больше.

* * *

Образ мигранта, структура мигрантофобии и ее роль в общественно-политической жизни страны – феномены динамично развивающиеся. И от того, в каком направлении они будут развиваться дальше во многом зависит общая миграционная ситуация в России, да и основные параметры ее экономического, политического и культурного развития. Это один из самых серьезных вызовов для российского общества и от характера ответов на эти вызовы будет зависеть его будущее.

ИСХОД НАРОДОВ РУССКОГО ТУРКЕСТАНА ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРОЦЕССЫ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XX ВЕКЕ

КАДЫРБАЕВ АЛЕКСАНДР ШАЙДАТОВИЧ

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдел истории Востока, Института Востоковедения РАН (Москва, Россия)

Восстание 1916 года в Русском Туркестане, как тогда назывались Казахстан и Средняя Азия, потрясшее основы государственных устоев Российской империи, к тому времени крайне ослабленных длившейся уже три года мировой войной, подрывной деятельностью радикальных партий социалистической направленности и их революционной пропагандой, тем не менее, было не только важным всероссийским внутривосточным фактором, но и внешнеполитическим, поскольку сотни тысяч казахов, кыргызов, туркмен, таджиков и сартов, ныне известных как узбеки, бежали после подавления восстания, спасаясь от репрессий российских имперских властей, в сопредельные страны – Китай, Афганистан, Персию, как тогда назывался Иран.

Особенно заметна была эмиграция казахов и кыргызов, превратившаяся в массовый исход коренного населения Русского Туркестана, до этого времени еще невиданный в их истории за всю эпоху пребывания под властью российской короны. Достаточно сказать, что после подавления восстания 1916 года из Русского Туркестана в подвластный Китаю Восточный Туркестан, где ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной республики, бежали под натиском российских частей регулярной армии и казачества, а также вооруженных имперскими властями русских и украинских переселенцев, более 300 тысяч казахов и кыргызов^[1]. Причиной ухода в Китай казахов и кыргызов был как географический фактор близости Восточного Туркестана, имевшего к тому же с Казахстаном и Кыргызстаном, входившими в Туркестанский и Степной края Российской империи, общую протяженную границу, так и то обстоятельство, что этот регион издревле был знаком казахам и кыргызам, где они еще в конце XV- начале XVI веков принимали участие в распрях тогда независимых от Китая мусульманских правителях Кашгара, Яркенда, Турфана – известных как султаны государства Моголов и имевших династические родственные отношения с казахскими Чингизидами – ханами и султанами Казахского ханства. Кыргызы оставались в Восточном Туркестане с тех времен, а казахи к середине XVI столетия удалились в родные степи, чтобы вернуться назад во второй половине XVIII века после разгрома здесь векового противника казахов Джунгарского ханства западных монголов – ойратов маньчжуро-китайскими войсками империи Цин, чему они также первоначально содействовали^[2]. По-

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960.

[2] Зотов О.В. Синьцзян (Восточный Туркестан) в системе геосторических координат. XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2006, с.139-146; Он же. Вопросы историографии Восточного Туркестана в эпоху трех мировых войн. XXXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2007, с.126-136; Он же. Проблемы

этому, после подавления восстания 1916 года в Русском Туркестане казахи и кыргызы бежали к своим соплеменникам в Восточный Туркестан, чьи кочевья существовали там с незапамятных времен. Кроме того, исходу казахов не препятствовала нейтральная позиция к событиям 1916 года в Русском Туркестане китайских властей, поскольку тогда Китай был политически раздроблен, власть китайского центрального правительства на окраинах была слаба, да и сам Китай, формально оставаясь независимым государством, де-факто превратился в полуколонию великих держав – Великобритании, Японии, США, Франции, России.

Почти столетие отделяет нас от событий 1916 года. О причинах и ходе восстания достаточно хорошо известно, нельзя сказать, что данная проблема была обделена вниманием в советской, российской и современной казахстанской историографии. Другое дело, что трактовка, оценка событий 1916 года не однозначна, что, впрочем, неудивительно, поскольку вопросы межнациональных отношений того времени имеют прямую проекцию на современную ситуацию во всех без исключения странах Центральной Азии, не исключая и Казахстан, в том числе на процессы миграции. Точка зрения советской марксистской историографии на восстание 1916 года в Туркестане, господствовавшая в отечественной исторической науке в советское время, основывалась на классовом подходе, где подчеркивался национально-освободительный и антиколониальный характер восстания народов Русского Туркестана, «сомкнувшегося в едином революционном движении с российским пролетариатом, под руководством которого совершилась Октябрьская революция 1917 года в России». И мы не становимся на позицию полного отрицания этой точки зрения, поскольку антиколониальный характер восстания очевиден. Но это лишь одна сторона медали. Не отрицая, что восстание 1916 года было апогеем национально-освободительной борьбы народов Туркестана, особенно ярко проявившимся в Казахских степях и в Прииссыккулье Кыргызстана, вызванное предшествующей политикой правящих кругов Российской империи, прежде всего переселенческой, и тяготами первой мировой войны, вместе с тем, представляется, что восстания, как и войны, хотя и могут трактоваться «справедливыми», это трагедия для всех народов, которых коснулись эти общественные катаклизмы. Нет необходимости убеждать, что восстаний без насилия, кровопролития, массовых невинных жертв не бывает и восстание 1916 года в этом смысле не является исключением. Вспомним, что восстание, а можно назвать его и бунтом, вспыхнуло стихийно и было направлено не только против властей, полиции и военных, но и против русского, украинского, белорусского и вообще «европейского» населения, невзирая на имущественное и сословное положение его представителей, зачастую пол и возраст, когда справедливым в своей основе недовольством коренных народов Туркестана колониальной политикой царизма воспользовались не столько политические экстремисты из числа этих народов, сколько уголовные элементы, как всегда бывает во всех странах и у всех народов, переживающих «смутное время». Перефразируя слова великого русского поэта А.С.Пушкина, это был «бунт, бессмысленный и беспощадный». Гибли в начале восстания мирные переселенцы, в том числе женщины и дети, громились русские и украинские села, казачьи станицы, тем более, что их потенциальные защитники были призваны в армию на фронты мировой войны, тогда как коренные народы Туркестана не несли воинскую повинность. Погибали кроме обывателей также представители властей – полицейские, чиновники, военные, в том числе из местного населения, служившие в колониальной администрации. При всей нелюбви к ним никто не может отрицать их право на жизнь. В советской историографии эти погро-

«судьбы Синьцзяна» в историографии и действительности. XXXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2008, с.98-107.

мы стыдливо назывались отдельными «эксцессами» в отдельных районах Туркестана, где во главе восстания стояли «реакционные элементы из числа националистически настроенных имущих классов коренного населения». А когда прибыли карательные отряды российских войск, то они при массовом участии переселенческого населения, вооруженного к тому времени властями огнестрельным оружием, чинили такие же зверства по отношению к мирным жителям аулов, айлов и кишлаков без всякого суда и следствия в условиях военного положения в Туркестане. В этой связи в советской историографии дается негативная оценка представителям казахской интеллигенции, лидерам движения «Алаш-Орда», называемых «предателями», «пособниками царизма», не участвовавшими в восстании 1916 года. Чем же вызвана такая немилость в отношении «Алаш-Орды»? Справедливости ради стоит сказать, что его лидеры, представлявшие наиболее образованную и сознательную часть казахского общества, хотя и очень немногочисленную, понимали, к какому кровопролитию приведет восстание и всеми силами пытались предотвратить насилие с обеих сторон. Однако их призывы к народам Туркестана воздержаться от бунта, а к российским властям – от кровавых репрессий, не были услышаны. Восстание охватило весь Туркестан и привело к многочисленным жертвам, к крайнему обострению межнациональных отношений и недоверию народов друг к другу, живших и живущих бок о бок, на многие десятилетия. В событиях 1916 года не было победителей, проиграли обе противоборствующие стороны, ибо насилие рождает только насилие, а дальнейшая история народов России и Туркестана – Октябрьская революция 1917 года, гражданская война и басмаческое движение, наконец, исход казахов в Китай после 1916 года и коллективизации конца 20-начала 30-х годов, наглядное тому подтверждение.

Исход казахов и кыргызов в 1916 году в Китай положил начало последовавшим за ним волнам эмиграции из Русского Туркестана в сопредельные страны в первой половине XX века. После Великой Октябрьской революции или Октябрьского переворота 1917 года на обширных пространствах бывшей Российской империи эмигрантами становятся и те, кто еще вчера способствовал изгнанию казахов и кыргызов, - казаки и другие русские переселенцы, сражавшиеся в гражданской войне на стороне белогвардейцев. Боевые действия в Казахстане и Средней Азии в целом имели второстепенное значение по сравнению с главными фронтами гражданской войны. Только в 1919 г., когда немногочисленная, не более 20 тысяч сабель и штыков, но мобильная армия уральских казаков сковывала значительные силы Восточного фронта Советской России, В.И. Ленин признал, что в данный конкретный момент судьба революции зависит от того, как скоро будет разгромлено уральское казачество. После победы над уральским казачеством, основные силы которого отступили на Мангышлак и ушли в Персию с архивом Уральского казачьего войска, «беспощадный массовый террор» против оставшихся казаков и членов их семей, согласно директиве от 24 января 1919 г. Оргбюро РКП (б) был проведен «поголовно», «когда ушли целые станицы». Фактически репрессии против остатков уральского казачества не прекращались до 30-х гг. Воистину пророческими оказались слова старинной казачьей легенды: «На крови Яик зачался, на крови и кончится». «Красный террор», согласно решениям ВЦИК от 2 сентября и Совнаркома - советского правительства от 5 сентября 1918 г. был возведен в ранг государственной политики и стал нормой советской политики на десятилетия. В полной мере его вкусили и жители Центральной Азии - здесь и «рассказывание», и создание института заложников, и массовые внесудебные расправы ЧК и Красной Армии по классовому и национальному признакам, например, когда нередки были случаи массовых расправ с жи-

телями аулов, станиц, кишлаков, заподозренными в связях с белогвардейцами и басмачами. В свою очередь, такую же репрессивную политику проводили и белогвардейцы в отношении местного населения. Судьбу уральских казаков разделили казаки других казачьих войск, дислоцированных в Казахстане и на сопредельных с ним территориях Средней Азии и России – Семиреченского, Оренбургского, Сибирского, которые после поражения в гражданской войне отступили в Восточный Туркестан. В 1921 г. после разгрома белого движения в ходе гражданской войны в России, до 50 тысяч белогвардейских войск под командованием генералов Бакича, Дутова – атамана Оренбургского казачьего войска, Анненкова, атамана Семиреченского казачьего войска Щербакова оказались в Восточном Туркестане, сохранив боеспособность. Эти отряды не подчинялись властям местного китайского губернатора Ян Цзэсиня, поднимали мятежи против его власти, совершали налеты на сопредельные советские территории Средней Азии и Казахстана, получая финансовую поддержку царских консульств, сохранявшихся тогда в Синьцзяне, поскольку те располагали средствами, которые им, а не Советской России, выплачивали китайские власти в виде репараций за убытки от «боксерского» восстания 1900 г., которые тогда понесла Россия. Ян Цзэсинь, не располагая военными силами, способными противостоять белогвардейцам, обратился к советским властям за военной помощью. В результате операций советских органов госбезопасности лидер российской контрреволюции Дутов был убит во время попытки его похищения в 1921 г., а Анненков, посаженный на три года в китайскую тюрьму, после выхода из нее в 1927 г. также был похищен и расстрелян после суда в СССР в г. Семипалатинске. В мае-июне и августе 1921 г. в ходе войсковых операций частей Красной Армии при поддержке властей Ян Цзэсиня, белогвардейцы под командованием генерала Бакича, ставшего открытым врагом Ян Цзэсиня и разжигавшего антикитайские настроения среди мусульман Восточного Туркестана, были разгромлены, а их лидер бежал в Монголию, где был арестован советскими властями и расстрелян по приговору военного трибунала. Итогом этих событий стало также упразднение на территории Синьцзяна царских консульств и передачи их полномочий представителям Советского государства. К октябрю 1924 г. были учреждены консульства СССР в Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае. Десятки тысяч русских эмигрантов оставались в Восточном Туркестане и в 1930-х годах во время восстания мусульманских народов против китайской власти, многие из них участвовали в подавлении этого восстания совместно с советскими войсками, так как СССР поддержал китайцев. За это бывшие белогвардейцы были амнистированы советской властью и получили советское гражданство^[3].

Наиболее трагичные события, связанные с последующими волнами эмиграции из Русского Туркестана, были вызваны политикой Советского государства, наследовавшими курс своего предшественника – «ак-падша» – «белого царя», что выразилось в гражданской войне, коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов XX в. в Казахстане и военном подавлении повстанческого движения мусульманских народов Средней Азии 1921-1933 гг. – басмачества, зародившегося во время восстания 1916 г. Тогда от 500 до 600 тысяч казахов бежали по проторенному еще в 1916 г. пути в Китай, откуда затем часть из них рассеялась по другим странам, а от 15% до 20% коренного населения Средней Азии нашли убежище от репрессий советских властей в Афганистане и Персии. И поныне 12% населения Афганистана составляют узбеки и туркмены, соответственно 3 млн. узбеков и 600-700 тысяч туркмен, многие из которых потомки эмигрантов из Средней Азии. То же мож-

[3] Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003.

но сказать о современном Иране, где туркмен от 3 до 4-х миллионов, казахов – до 10 тысяч.

От 16 до 20 лет басмачество препятствовало нормальной жизни Средней Азии и Казахстана, дестабилизируя политическую обстановку, проводя социальную напряженность, осложняя межэтнические и межконфессиональные отношения, нанося огромный ущерб экономике. Все это тормозило мирное строительство и выход из послереволюционной хозяйственной разрухи, препятствовало модернизации экономики. Самое трагическое последствие басмачества - это гибель с обеих противоборствующих сторон десятков, если не сотен тысяч людей. Конечно, басмаческое движение имело социальную базу среди местного населения, на первых порах оно жило традициями восстания 1916 г., имевшего заметный отклик в народных массах. Объективно росту влияния басмачей способствовало активное неприятие безбожия большевиков, а также наличие национальных предрассудков в отношении мусульманских народов со стороны русских коммунистов Туркестана. На басмаческое движение работали распространенность общинно-клановой психологии и высокий авторитет мусульманского духовенства, знати, глав родов и племен, чьи земли и имущество были в первую очередь конфискованы советской властью, зачастую возглавлявших басмачей, в среде мусульманских народов Туркестана. Толкала в ряды басмачей и политика советских властей, когда проводился курс на огосударствление экономики и ликвидацию частной собственности, что резко ухудшало и без того нелегкие материальные условия жизни, особенно в ходе насильственной коллективизации. Политический террор против инакомыслящих или подозреваемых в таковом на массовом уровне, проводимый советскими спецслужбами в первые десятилетия после 1917 г., насильственное вторжение в традиционный уклад жизни мусульманских народов, пренебрежение освященными исламом обычаями и нравами, пусть и кажущимися властям «отсталыми», все это способствовало басмачеству. Так в 1928 г. вновь были упразднены вакуфы, с конфискацией их имущества закрыты мечети и медресе, мусульманские шариатские суды, которые превращались в клубы, читальные залы и школы, последовали аресты мусульманского духовенства, запрещены местные обычаи - ритуальные молитвы, уплата калыма, многоженство, ношение женщинами паранджи, арабский алфавит заменялся на латинский, а затем на кириллицу. В 30-40-х гг. преследовались и выслались знатоки адата и шариата, а также бывшие басмачи, сложившие оружие и поверившие в амнистию советской власти участникам басмаческого движения^[4].

Эмиграция сотен тысяч казахов за пределы своей исторической родины была восполнена советскими властями за счет ссылки в Казахстан сотен тысяч, если не миллионов людей, репрессированных во время коллективизации в России и на Украине крестьян, во время политических кампаний – рабочих и интеллигенции из городов огромного СССР, а также депортированных народов, как до начала Великой Отечественной войны – десятков тысяч курдов, корейцев, поляков, так и во время войны – сотен тысяч немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, карачаевцев, десятков тысяч балкарцев, турок-месхетинцев, греков, болгар, западных украинцев, крымских татар.

В определенной степени, исход казахов во время коллективизации и последовавшего затем «голодомора», стоившего им сотен тысяч, если не миллиона жизней, туркмен, таджиков, узбеков, кыргызов при басмачестве, русских – жителей Средней Азии и Казахстана в годы гражданской войны, были звеньями в цепи упомянутых трагических событий первой половины XX в. в Русском Туркестане, начало которым было положено первым исходом коренного населения из этого региона после подавления здесь восста-

[4] Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. М., 1998.

ния 1916 г. В 30-е годы в Китай бежали несколько десятков тысяч кыргызов во главе со своим родовым вождем Рахманкулом, ранее участником восстания 1916 г. и басмаческого движения, амнистированного советской властью. Когда в 30-х годах начались репрессии против бывших басмачей, Рахманкул перебил советский актив в своем уезде и бежал со своими сородичами в Синьцзян.

Следует отметить, что эмигранты из Казахских степей внесли «бунтарские» настроения не только в казахскую общину Восточного Туркестана, насчитывавшую уже тогда сотни тысяч человек, но и вообще в настроения других тюркских и мусульманских народов Синьцзяна, прежде всего уйгуров и дунган, антикитайский накал настроений которых никогда не утихал, когда во всех массовых восстаниях мусульман этого региона против власти Китая активно участвовали казахи. Именно казахи были «застрельщиками» «революции трех округов» в 1944 году, которая едва не привела к образованию независимой Восточно-Туркестанской республики (ВТР) и отделению этого региона от Китая, что не удалось из-за противодействия СССР. Одним из лидеров, главой правительства ВТР был казах Далелхан Сунгирбаев. То же можно сказать и об эмигрантах кыргызах, один из предводителей которых Исхақбек Муминов стал военным министром в ВТР, хотя влияние кыргызских лидеров уступало казахам, вследствие немногочисленности кыргызской общины в Синьцзяне, где их тогда было несколько десятков тысяч человек.

Инерция «бунтарского» потенциала казахов и кыргызов Китая, уходящая во многом своими истоками в эмиграцию в Синьцзян участников восстания 1916 года была исчерпана в начале 50-х годов XX века, когда власти уже народного Китая – КНР подавили восстание казахов СУАР во главе с Оспан-батыром и казнили его предводителя^[5]. С тех пор и поныне казахи один из наиболее лояльных народов СУАР КНР по отношению к китайскому государству. Тем более, что после прихода к власти в Китае коммунистов, многие казахи, кыргызы, русские и представители других народов Средней Азии, олицетворявшие протестные настроения, продолжили свой скорбный путь изгнания. Заметная часть казахов ушла в Индию, преследуемые китайскими войсками, откуда после раздела бывшей британской колонии на Индию и Пакистан, эмигрировали в Турцию и дальше в Европу. Кыргызы во главе с Рахманкулом перешли в Афганистан и поступили на службу афганскому королю, на которой пребывали до захвата власти в стране НДПА и ввода советских войск. Затем Рахманкул и его люди также эмигрировали в Турцию. Подавляющее большинство русских, живших в Синьцзяне, как и в других регионах Китая, эмигрировали после 1949 года, когда к власти в Китае пришли коммунисты, в Австралию, Канаду, США.

В первой половине 60-х годов несколько десятков тысяч уйгуров и казахов с согласия Советского правительства эмигрировали из СУАР КНР в Казахстан. В середине 50-х годов в Казахстан для освоения целинных земель устремился мощный поток русского и украинского населения, стимулируемый руководством СССР, что резко изменило демографическую ситуацию в Казахстане, где казахи стали национальным меньшинством. Похожее произошло в Ташкенте после землетрясения, когда уже к концу 1960-х годов здесь стало преобладать русское население.

Новый толчок миграционным процессам в начале 90-х годов придал распад СССР, как внутри региона Центральной Азии, так и за ее пределы. Например, население Казахстана в течение этого времени уменьшилось с 17 млн. человек до 14 млн., поскольку его покинули сотни тысяч русских, украинцев, немцев, десятки тысяч белорусов, греков, татар, тысячи корейцев, ев-

[5] Гиленсен В.Л. Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов. Восток (Oriens). 2002, № 2.

реев. Наблюдался и обратный процесс возвращения десятков тысяч этнических казахов на свою историческую родину, так называемых «оралманов», из Монголии, Китая, Узбекистана, Таджикистана. Массовая эмиграция русского и вообще «европейского» населения наблюдалась и в других странах постсоветской Центральной Азии. Практически полным был исход русского населения из Таджикистана, резко сократилось его присутствие в Кыргызстане – от 40% до 20% от общей численности населения этой страны. То же можно сказать об Узбекистане, где русских 1,3 млн. из 27 миллионного населения. Вместе с тем, с 90-х годов и поныне не прекращается и идет по нарастающей трудовая эмиграция миллионов таджиков, узбеков, кыргызов, каракалпаков в Россию^[6]. При этом, десятки тысяч этих мигрантов каждый год принимают российское гражданство и вполне вероятно, что их временное пребывание в России станет постоянным. Так в течение XX столетия происходил исход народов Русского Туркестана со своих родных земель, начало которому было положено восстанием 1916 года, вызвавшего цепь миграций в регионе Центральной Азии, в конечном итоге вышедших за ее пределы.

[6] Русский мир в Центральной Азии. Выпуск 1. Сборник статей и материалов. Бишкек, 2007; Старченко Г.И. Трудовые миграции между Западом и Востоком. Вторая половина XX столетия. М., 1997; Годунов С.В. Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005; Ларина Е., Наумова О. Миграция казахов в западной части российско-казахстанского пограничья. – Вестник Евразии (Acta Eurasica), № 4(34), М., 2006. с.32-47.

УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ^[1]

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Кандидат экономических наук, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

В условиях старения населения России, система высшего образования РФ уже в 2009-2010 гг. начнет испытывать недостаток абитуриентов. В этой ситуации рациональнее не сокращать имеющиеся возможности научно-образовательного комплекса, который формировался на протяжении многих лет, а ориентироваться на привлечение абитуриентов, студентов, магистрантов и аспирантов из-за рубежа на платной (контрактной) основе. Одним из самых перспективных партнёров в области учебной миграции для России может считаться Казахстан.

Реализация потенциала учебной миграции, связана не только с наличием в России конкурентоспособного учебного комплекса, способного предоставлять образовательные услуги на качественном уровне, но и с планомерным, комплексным формированием учебных миграционных потоков, чему уделяется крайне мало внимания. Российская мигрантофобия, наряду с отсутствием механизмов, стимулирующих учебную миграцию в Россию, постепенно переориентируют казахстанских абитуриентов на обучение в странах Западной Европы, Азии и США. Это влечет за собой прямые потери для России.

В 2006/2007 академическом году общая численность иностранных граждан, обучавшихся по очной форме в России составила 90,5 тыс.чел^[2], а по очной и заочной форме – 120,5 тыс. чел., что составляет 4% от общей мировой численности иностранных студентов и 1,6% от общей численности всех студентов российских вузов. В то же время, в 1990/1991 академическом году общая численность иностранных граждан, обучавшихся в РСФСР по очной форме составила 89,3 тыс.чел^[3], а по очной и заочной форме – 89,6 тыс. чел., что составляло 10,8% от общей мировой численности иностранных студентов и 3,2% от общей численности всех студентов вузов РСФСР. В российских вузах в 2005-2006 г.г. академическом году обучалось 31673 чел из стран СНГ^[4], и наибольшее число студентов из СНГ было именно из Казахстана (12856 чел.), По численности, в целом среди прибывших в РФ из всех стран, Казахстан уступает только Китаю (13150 иностранных студентов).

[1] При написании статьи использованы данные исследования, выполненного в рамках сетевого проекта «Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации» осуществлённого АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.. Авторский коллектив: Д.В.Полетаев (руководитель), С.В. Дементьева (координатор в г. Томск), С.Г.Лебедева (координатор в г. Воронеж).

[2] Экспорт российских образовательных услуг. Статсборник. М.: ЦСП 2007. С. 31

[3] Там же

[4] Экспорт российских образовательных услуг. Статсборник. М.: ЦСП 2007. С. 32-39

Финансовые показатели мирового рынка образовательных услуг, включая курсы, среднее и высшее образование, дополнительное профессиональное образование и т. д., достигают 100 млрд долл. США. Общее число иностранных граждан – потребителей различных образовательных услуг ежегодно растет и в настоящее время достигает 5 млн человек, и обучение иностранных граждан возможно рассматривать как фактор, стимулирующий экономический рост^[5]. Инновационный потенциал образования, наряду с производительными факторами (рабочей силой и капиталом), превратился в основу для динамичного развития национальных экономик.

Учебная миграция как явление, получила своё отражение в нескольких официальных документах в РФ^[6], но активных действий со стороны государства предпринято не было и перелома существующих тенденций не наблюдается.

Сложность и многоаспектность проблемы, ее общественно-политическая важность, стремительная динамика миграционных процессов, диктуют необходимость новых исследований и новых подходов. Для этого было проведено социологическое исследование иностранных учащихся и экспертный опрос^[7].

Исследование ставило своей целью получить качественную и количественную оценку иностранными учащимися и экспертами в области учебной миграции условий для обучения казахстанцев в РФ и дать рекомендации по их улучшению, совершенствованию и развитию, оценив имеющиеся и необходимые условия для их адаптации в РФ.

Для достижения этой цели ставились следующие задачи:

- проанализировать миграционную политику РФ в области учебной миграции по отношению к казахстанцам и выстраиваемый в этой связи механизм адаптации для них
- оценить качество обучения и условий жизни учащихся в России казахстанцев;
- проанализировать миграционные настроения учебных мигрантов из Казахстана на ближайшее будущее (после окончания обучения в РФ).

В процессе предварительной работы были сформированы четыре рабочих гипотезы, которые необходимо было проверить в процессе исследования:

1. Россия реально не проводит стимулирующей миграционной политики по отношению к учебным мигрантам из Казахстана. Официальные документы и определяемые ими механизмы работы, касающиеся учащихся из Казахстана, не способствуют формированию условий для их быстрой и лёгкой адаптации.
2. Российские вузы, начавшие работу с казахстанскими абитуриентами, нуждаются в государственной поддержке не только для успешной работы по привлечению (рекрутированию) учебных мигрантов из Казахстана, но и в организации процесса их адаптации.
3. Из всех факторов, помогающих адаптации учебных мигрантов из Казахстана, русский язык является самым важным и определяющим.
4. Из вновь возникших факторов, мешающих адаптации учебных мигрантов из Казахстана, самыми главными являются факторы, связанные с прямым нарушением прав человека и угрозой личной безопасности.

[5] Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М.: Центр социального прогнозирования, 2007.

[6] Основные положения концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (одобрена Президентом РФ В.В.Путинным 18 октября 2002 г.), Приказ Федерального агентства по образованию от 29 июня 2007 г. N 1168 «О приеме на обучение иностранных граждан и соотечественников за рубежом в 2007 году», Распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2006 г. N 944-р, утвердившее план мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг на период до 2008 года

[7] Под экспертами понимаются ученые, работники вузов, работники администраций регионов и Минобразования. Под учащимися-иностранцами подразумеваются граждане из стран СНГ и дальнего зарубежья, не имеющие российского гражданства и проходящие обучение на территории России

АДАПТАЦИЯ И ЖИЗНЬ В РОССИИ ГЛАЗАМИ КАЗАХСТАНЦЕВ И ДРУГИХ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Описание выборки и методология опроса

Исследование проводилось в трёх городах России (Томск, Москва, Воронеж).

Москва попала в выборку как город, имеющий наиболее серьёзный опыт массового приёма и адаптации иностранных студентов. Томск – один из ведущих научных и учебных центров в Сибири, начавший принимать иностранных студентов из дальнего зарубежья после 1991 года, но уже хорошо зарекомендовавший себя на рынке международного образования и активно продвигающий свои образовательные услуги, известный и популярный теперь не только среди центральноазиатских стран СНГ. Воронеж был выбран, как один из крупных учебных центров Центральной России, находящийся в некотором удалении от Москвы, и не имеющий поэтому плюсов, привлекающих иностранных учащихся в столичный город с развитой инфраструктурой, но имеющий большой учебный комплекс. Все три города имеют разный набор привлекающих и отталкивающих факторов, поэтому сравнение результатов опросов в них поможет комплексно оценить ситуацию с учебной миграцией из Казахстана в России.

Анкетный опрос учащихся-иностранцев был проведён по стандартизированной анкете в мае-октябре 2008 г., охватил в общей сложности 776 человек: 464 - в Москве, 203 - в Томске, 109 - в Воронеже. Казахстанцев среди опрошенных – 144 человека^[8].

Критерием отбора респондентов было обучение в российском вузе и отсутствие российского гражданства. Выборка для анкетного опроса структурировалась по странам прибытия (дальнее и ближнее зарубежье – примерно по 50%), периода учёбы респондентов в РФ (не более трети - первый год обучения, не более трети - последний курс). Среди опрошенных примерно 2/3 юноши и 1/3 – девушки.

Анкета была разбита на несколько блоков: «Мотивы приезда на учёбу в РФ и источники информации о российских вузах», «Оценка качества обучения и условий жизни в России», «Источники финансирования обучения в вузах РФ», «Жизнь в России и перспективы». Отдельно был выделен небольшой раздел социально-демографических характеристик анкетированного. Анкеты заполнялись интервьюерами со слов иностранных учащихся или заполнялись самими учащимися с последующим контролем интервьюеров за полнотой ответов и, в случае необходимости, корректировкой со слов иностранных учащихся. Анкета была анонимной и личные данные респондентов не фиксировались.

Мотивы выбора страны, города, вуза и специальности

Выбор специальности, страны, города и вуза в котором иностранцы намереваются получить образование, как правило, результирующая нескольких факторов.

Опрос показал, что выделяются несколько групп во всём потоке учебных мигрантов из Казахстана в Россию.

Первая группа - казахстанцы, которые не собираются оставаться в РФ, но, тем не менее, хотят получить специальность именно в России, предпочитая её другим странам. Для этой группы учебных мигрантов самым важ-

[8] Часть учащихся казахстанцев в Москве была опрошена при деятельной поддержке сотрудников московского представительства АО «Центр международных программ» «Болашақ» и при личной поддержке директора представительства – Шайкеновой Лидии Алексеевны, за что автор выражает им всем личную признательность.

ным становится качество обучения и возможность применить полученные в РФ знания в Казахстане или в другой стране. Именно для этой группы адаптация, в силу их заинтересованности на покидание России после обучения, проходит, как правило, сложнее всего, так как эти учебные мигранты не имеют сильных стимулирующих факторов для глубокой интеграции в российскую среду, воспринимая своё пребывание как временное.

Вторая группа - группа этнически русских казахстанцев. Для них выбор РФ для обучения в основном связан со стремлением вернуться на историческую родину. И для этой группы учебных мигрантов российские вузы служат не только средством продвижения по карьерной лестнице и завязывания контактов, имеющих потенциал в будущем перерасти из дружеских в деловые, но, в силу их стремления осесть в России после обучения, помогают полностью интегрироваться в российскую среду, восполнив те пробелы в знании о российской действительности, которые образовались со времени выезда их семей в бывшие республики СССР.

Для третьей группы - казахстанцев, не воспринимающих Россию как историческую родину, но также стремящихся к оседанию в РФ, российские вузы служат механизмом нивелирования культурных различий и «мягкой» интеграции и адаптации для последующей жизни в России. Очевидно, что их выбор и мотивация отличаются от группы русских казахстанцев, как в силу отсутствия крепких связей с РФ, так и с немного более слабым знанием русской культуры. У них мотивация прибытия и оседания в России, выстраивается на личной, более высокой оценке преимуществ РФ по сравнению с другими странами, включая их родную страну.

Три эти группы в основном и формируют общий поток учебной миграции из Казахстана в Россию. Представляется важным понять их соотношение, чтобы, с одной стороны, выявить потенциал роста этих потоков, и, с другой стороны, дифференцировать политику адаптации и выстраивать работу специальных сервисов, составляющих саму среду для адаптации (курсы дополнительного изучения русского языка, система спецкурсов по применению полученных в России знаний в других странах, объёмы строительства общежитий и т.п.).

При выборе страны для обучения серьёзную роль сыграл фактор индивидуальной привлекательности России – это отмечают 42% казахстанцев (в целом по всей выборке иностранных студентов - 34%), и само желание получить (по разным причинам) образование вне своей страны отметили 14% (в целом по всей выборке иностранных студентов - 25%). Примерно четверть опрошенных казахстанцев выбирали учебу за границей из нескольких стран и выбрали Россию (в целом по выборке таких было 43%). Среди возможных альтернатив наиболее часто встречались США, Германия, Китай, Великобритания, Франция, Канада. Они не были выбраны из-за отдалённости или меньшей привлекательности в глазах казахстанцев, по сравнению с Россией.. Денежный вопрос стоял на одном из последних мест при выборе страны обучения.

На сегодняшний день мы наблюдаем тревожную тенденцию «охлаждения» интереса к России со стороны казахстанских абитуриентов. В частности, эксперты свидетельствуют, что из-за ксенофобии и безнаказанности скинхедов, которые каждый год в РФ убивают студентов-казахов, казахстанцы, в особенности этнические казахи, при наличии возможностей выбирают для обучения другие зарубежные страны. С другой стороны, более высокий в среднем, чем в целом по всей выборке иностранных студентов, процент казахстанцев, для которых главным было, что учёба будет именно в России, свидетельствует, что потенциал для развития учебной миграции всё же имеется, но на сегодняшний день безбоязненно вы-

езжают на учёбу в Россию, по-видимому, только этнически русские казахстанцы.

Кроме имиджа самого вуза, для абитуриента важен уровень комфорта и безопасности города. 36% казахстанцев (47% в целом по всей выборке иностранных студентов), заявляют о важности для них т.н. «культурного фактора» - возможности интересно проводить досуг, наличие развлечений, так как длительное пребывание в другой стране связывается не только с учёбой, но и обычной жизнью в течение 4-6 лет. Выбрать город помогают рекомендации друзей и знакомых – к ним прислушиваются 33% казахстанцев (25% среди всех иностранных студентов). Для значительной части казахстанцев важным является само наличие программы «Болашак», которая позволяет выезжать для учёбы за границу.

Имидж и престиж вуза. Это основной критерий при его выборе. Он складывается из представления о высоком качестве обучения (51% среди казахстанцев, 49% в целом по всей выборке иностранных студентов), престиже его диплома (42%, при 36% по общей выборке). В формировании имиджа огромную роль играют неформальные источники - мнения и оценки родственников и знакомых (важны для 17%, и 19%, соответственно по всей выборке). Поэтому изначальные преимущества имеют, с одной стороны, «элитные» вузы с давней положительной репутацией работы с иностранными студентами (типа МГУ, МВТУ им. Баумана и т.п.). С другой стороны, это вузы, которые интенсивно формируют свой позитивный имидж. Их иностранные отделы широко распространяют информацию, проводят рекламные кампании, постоянно работают с иностранными студентами, вовлекают их в общественную жизнь, проводят различные мероприятия, экскурсии и т.д.

Мотивы выбора специальности

Для принимающей российской стороны обычно остаются непрозрачными схемы и критерии отбора национальными министерствами студентов, выезжающих в Россию «по государственной линии». По сравнению с 1960-80 гг., когда такие решения принимали в основном компартии зарубежных стран, сейчас ситуация при наборе студентов изменилась и стала зависеть не столько от политических факторов, сколько от личных качеств абитуриентов. Так, схема отбора в программе «Болашак»^[9], помогающей казахстанцам получить образование в РФ, базируется на конкурсе документов об образовании, с учётом золотых медалей, побед в олимпиадах. Она отличается от старой системы закрытого распределения бесплатных мест, но пока не основывается на принципе анонимного отбора по итогам специальных письменных экзаменов. К сожалению, до сих пор отсутствуют серьёзные российские грантовые студенческие программы, для российских соотечественников в Казахстане. В то же время программы обмена студентами и аспирантами, даже в условиях разных типов образовательных систем, активно проводят с Россией Германия, США, Великобритания^[10].

Среди мотивов выбора специальности отчётливо выделяется желание получить престижную профессию (28% в целом по выборке и 29% у казахстанцев) и стремление получить образование в соответствии с личными интересами, устремлениями, качествами и способностями (27% и 29%). Важен и творческий характер выбранной профессии (по 15%). Меньше всего привлекает небольшой конкурс при поступлении, и то, что будущая профессия

[9] <http://www.bolashak.kz/> <http://www.edu-cip.kz/ru/index.php?Itemid=16>

[10] Германия развернула широкое сотрудничество с РФ в рамках DAAD (Deutscher Akademischer Austauschdienst - Немецкая Служба Академических Обменов), в США с 1973 года действует программа Фулбрайт - <http://www.fulbright.ru/> http://www.ng.ru/ideas/2003-10-22/9_fulbrayt.html, а Великобритания действует через Британский Совет (<http://www.britishcouncil.org/ru/russia.htm>). Также для студентов и выпускников российских Вузов (в основном языковых) существуют такие программы как Work & Travel USA, Career USA и Au-Pair, стимулирующие не только к знакомству с культурной средой, но и к возможному поступлению в Вузы США, Германии, Великобритании.

высоко оплачивается и пользуется спросом. Случайный выбор профессии отмечают только 6% и 8%, соответственно. Таким образом, при выборе образования в РФ огромную роль играет личный интерес студента и привлечь его в Россию можно только доказав, что в потенциальном вузе-избраннике он сможет в максимальной степени развить свои имеющиеся способности и устремления.

Важным представляется подробнее рассмотреть круг и формат источников информации о российских вузах, благодаря которым респонденты сделали свой выбор. Огромную роль играет Интернет (27% в целом, 30% у казахстанцев), поэтому крайне актуальной становится задача создания сайтов вузов, ориентированных на абитуриентов из Казахстана. Пока же, в лучшем случае, дополнительно к русской делается только английская версия. Важный источник информации - Министерство образования и науки Республики Казахстан. Повседневное деловое сотрудничество с ним – также важный залог успеха^[11]. Родственники, знакомые, выпускники российских вузов остаются основным источником не только информации, но и доверия. Это ярко отражает инерционность имиджа вуза и необходимость долговременной работы по его формированию и поддержанию. Тут есть хороший задел, созданный во времена СССР. Очень важны справочники и информационно-рекламные буклеты и сборники о вузах России для казахстанцев. Их качество и доступность в Казахстане крайне важны.

Оценка респондентами полноты информации, полученной при поступлении.

Примерно 70% казахстанцев считают ее достаточной, 21% - неполной, а 8% - полностью неудовлетворительной. Если рассматривать ситуацию с конкретным вузом, в который поступил абитуриент из Казахстана, то здесь ситуация немного лучше. Возрастает число удовлетворённых найденной в итоге информацией (73%) и снижается число считающих, что информации в целом было недостаточно (6%).

Оценка качества обучения и условий жизни в России

Ключевым, как в оценке успешности работы российской вузовской системы, так и адаптации казахстанских учащихся, служит их собственная оценка качества обучения. Успешное обучение и высокое качество процесса передачи знаний не могут быть достигнуты при неуспешной адаптации, поэтому мнение о качестве получаемого обучения самих казахстанцев выступает в том числе в роли своеобразной «лакмусовой бумажки» адаптации. Безусловно, недовольство качеством получаемой подготовки может быть вызвано не только плохой адаптацией, но и низкой квалификацией российских преподавателей, но соответствие качества обучения ожиданиям казахстанцев, говорит о позитивном процессе адаптации. Можно также предположить, что казахстанцы ожидали получить невысокое качество обучения и получили его, но в опросник были на этот случай введены дополнительные и перекрёстные вопросы об адаптации, ответы на которые опровергают такое предположение.

По мнению большинства казахстанских студентов (65%) качество получаемой профессиональной подготовки полностью соответствует их ожиданиям, а у 29% оно соответствует частично, не соответствует ожиданиям оно у 5%. Подавляющее число (95%) намерено завершить своё обучение, а ещё не решило – 5%. Тех кто не намерен завершить обучение опрос не зафиксировал.

Отвечая на прямой вопрос о проблемах и сложностях жизни, затрудняющих адаптацию, казахстанцы резко выделяются из всех групп учащихся хо-

[11] Ряд мероприятий, связанных с пропагандой русского языка за рубежом и образования в РФ можно посмотреть на сайте журнала «Русский язык за рубежом» - <http://www.russianedu.ru/gallery/view/129.html>

рошим знанием русского языка^[12]. 92% казахстанских студентов знают его достаточно для того, чтобы не иметь проблем в учебном процессе, 8% отчасти испытывают проблемы из-за не очень хорошего его знания. Проблема овладения русским языком решается в основном самостоятельно и ещё до прибытия в РФ. Так, половина (49%) учили язык в своей семье, 42% - в русскоязычной среде родного города, и только 4% - на специальных курсах в родной стране. На подготовительном факультете в РФ учились 1,4% опрошенных казахстанцев. Такое хорошее знание русского языка сильно помогает учебному процессу.

Из проблем и сложностей наиболее значимыми для казахстанцев являются бытовые проблемы, бюрократия при регистрации и климат (22, 17 и 15% соответственно).

Одной из самых сложных для решения проблем, безусловно, является жилищный вопрос. Большая часть опрошенных живёт в общежитии (88%), 10% снимают квартиру, 2% - живут у родных или родственников или снимают комнату. Условиями общежитий недовольно небольшое количество казахстанцев – около 60% заявили, что их всё устраивает, 32% - что устраивает частично, 8% - совершенно не удовлетворены условиями в общежитии. О том, что условия проживания в общежитии не соответствуют их представлениям о гигиене и комфорте заявили 79% снимающих квартиры. Нежелание совместно проживать с российскими студентами ни для кого не стало причиной съёма жилья.

В среднем съём жилья обходится казахстанцу в 468 долл. США в месяц (483 долл. по всей выборке). Зачастую квартиры снимаются «у своих» - ищутся через родственников, знакомых. Очевидно, что недостаточно развитый рынок аренды жилья, в условиях нехватки благоустроенных общежитий, тормозит развитие учебной миграции. Упорядочивание и развитие российского рынка жилья, обеспечение государством всех возможных мер защиты от работы мошенников на нём, могло бы снять напряженность этой проблемы и позволить привлечь большее количество учебных мигрантов даже в условиях нехватки благоустроенных общежитий.

Ещё одним внешним по отношению к самим учебным мигрантам фактором адаптации, не зависящем от них самих, является толерантность российской среды, отношение к ним со стороны принимающего российского социума. Хотя 80% студентов-казахстанцев не сталкивались с проявлениями недружественных чувств, плохим отношением к себе, в целом можно говорить о невысоком уровне толерантности в России к учебным мигрантам (в целом по выборке не было проблем у 58%). О недружелюбном отношении к себе со стороны населения заявили 15% казахстанцев. Нельзя назвать абсолютно здоровой и ситуацию в самих вузах: о сложных отношениях с российскими студентами заявили 3,5% казахстанцев (10% по общей выборке для всех студентов-иностранцев), 4,2% заявили о недружественном к ним отношении со стороны администрации (3% по всей выборке), 1,4% - со стороны преподавателей (соответственно около 6%). Это повод задуматься как о новом государственном подходе к политике формирования толерантности по отношению к мигрантам в целом и учебным мигрантам в частности, так и о кадровой политике российских вузов и профнепригодности части преподавательского состава.

Формы проявления недружественных отношений к иностранцам ограничиваются в основном словесными оскорблениями 15% (32% по всем иностранным учащимся). На физическое насилие пожаловались 2% опрошенных казахстанцев (9% по всей выборке). Скинхедов в качестве угрозы лич-

[12] Этой проблеме посвящена книга «Русский язык в новых независимых государствах». М. Наследие Евразии, 2008. Эта книга - итог большого проекта, посвящённого изучению роли и статуса русского языка в странах СНГ, его бытованию, изучению и использованию в образовательных учреждениях.

ной безопасности^[13] видят для себя 11% казахстанцев (17% по общей выборке трёх городов обеспокоены ими - в Воронеже 29%, Москве - 21%, тогда как в Томске это не является значимой проблемой - 0,5%).

Одним из самых интересных вопросов для российской экономики при обучении иностранцев, является соотношение различных источников финансирования обучения иностранцев. С точки зрения улучшения условий адаптации для учебных мигрантов из Казахстана, это тоже немаловажный показатель, так как соотношение доли студентов, обучающихся «по гослинии» и тратящих собственные деньги (или деньги своих родителей) самым непосредственным образом показывает каким именно направлениям при развитии специальных сервисов, помогающих успешной адаптации казахстанских учащихся, необходимо отдавать приоритет в краткосрочном планировании обеспечения необходимой инфраструктуры (чтобы сделать максимально удобным для самих учащихся казахстанцев и максимально эффективным для вуза, региона и России в целом пребывание уже находящихся в России учебных мигрантов), что планировать на среднесрочную перспективу (для ближайших приёмов абитуриентов-казахстанцев) и каковы должны быть стратегические перспективы (для полного использования всех возможностей от учебной миграции из Казахстана в будущем, исправления сложившихся перекосов и недоработок).

Значительная часть опрошенных казахстанцев обучается «за казенный счет» - на средства, предоставленные Министерством образования и науки РК (19%) или по приглашению Министерства образования РФ по межвузовскому соглашению (21%). За 35% платят родители и родственники и только 3% сами платят за своё обучение. Тех, у кого несколько источников оплаты - около 3% и это в основном комбинация самооплаты и финансовой помощи родителей и родственников. Сумма оплаты сильно зависит от специальности и варьируется от 500 до 8500 долл., но в среднем она составляет 3110 долл. США (3800 долл. США по всей выборке), и кажется большей части казахстанцев (57%) справедливой. Завышенной её считают 37%, а невысокой свою плату за обучение видят только около 3%. Вполне понятно, что размер оптимальной годовой стоимости обучения опрошенные хотят видеть более низкой, чем существующая - она составляет около 2329 долл. США (2450 долл. по всей выборке), т.е. примерно на треть ниже реальной.

Таким образом, можно констатировать, что казахстанцев, обучающихся в РФ, в целом устраивает уровень предоставляемых им образовательных услуг в соотношении цена/качество, и с учётом того, что большая часть из обучающихся на частные средства обучается с помощью финансовой поддержки родных, существуют хорошие перспективы для развития рынка жилья для студентов-казахстанцев в городах, где расположены вузы, их обучающие. Стимулирование развития рынка жилья в городах, принимающих учебных мигрантов в ближайшем будущем, при безопасной и хорошо регламентированной работе, может отчасти снять напряжённость и неудобства, создаваемые отсутствием нормальных условий в большинстве вузовских общежитий и постоянной нехваткой мест в них, зачастую делающих невозможным дополнительный набор иностранных учащихся в целом и казахстанцев в частности. Но развитие рынка жилья не может и не должно отменить мер по коренному изменению ситуации с проживанием иностранных студентов в неблагоустроенных общежитиях. Позитивные изменения уже наблюдаются в тех вузах, которые привлекают много иностранцев не по «гослинии». Они строят новые общежития и по ценам значительно ниже ры-

[13] В п. 31 «Плана мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг на период до 2008 года», утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2006 г. N 944-р, была предусмотрена «Разработка мер противодействия противоправной деятельности экстремистских молодежных группировок в отношении иностранных граждан, обучающихся в российских образовательных учреждениях» в 2006-2008 и эта подготовка была возложена на МВД России, ФСБ России, Минобрнауки России.

ночных сдают благоустроенные комнаты иностранным студентам. Такое начинание, вполне соответствующее зарубежной практике, может стать реальным выходом из положения для всех российских образовательных учреждений, принимающих учебных мигрантов.

Жизнь в России и перспективы

Получение высшего образования, обретение нового жизненного статуса, для учащихся казахстанцев неразрывно связано с возможностью применить полученные знания в ходе будущей работы. Перспективы трудоустройства с российским дипломом для большинства из них видятся весьма позитивными. Диплом российского вуза, по мнению 73% студентов, поможет им легко устроиться на работу в Казахстане. Некоторые сложности с устройством на работу прогнозируют примерно 9% и только 3% уверены в том, что на работу им будет очень тяжело устроиться. Причины сложностей трудоустройства: для 33% ответивших это то, что в Казахстане не признают российский диплом о высшем образовании, 28% говорят, что там нет работы по профессии. Среди других причин – коррумпированность, высокая конкуренция за рабочие места, предпочтительность казахстанского диплома, национализм в Казахстане.

Важным свидетельством удачной адаптации выступает беспроблемное общение казахстанцев с местным населением и российскими студентами, чему в немалой степени способствует хорошее знание русского языка. Говоря о преимущественных сферах общения можно отметить, что большинство не замыкаются в своём кругу – среди казахстанских земляков, других иностранных студентов. Одинаково интенсивно общаются с иностранными и русскими студентами, местным населением и иностранцами 63% опрошенных казахстанцев (в целом по выборке – 57%). 8% опрошенных общаются в основном с иностранными студентами и иностранцами, а 29% предпочитают общение с русскими студентами и местным населением.

При массовой учебной миграции неизбежным становится решение проблемы занятости, так как на учёбу приезжают и те казахстанцы, которым необходим дополнительный заработок для обеспечения комфортного проживания и учёбы. Такое положение дел тоже говорит об удачной адаптации, связанной в немалой степени с хорошим знанием русского языка, так как учебному мигранту, для того чтобы найти работу, необходимо интенсивнее взаимодействовать с принимающим социумом, даже если речь идёт о найме в стране обучения на работу к соотечественникам.

Говоря о работе и уровне доходов учащихся в России казахстанцев, можно отметить, что уже сегодня 15% одновременно работают и учатся, причем из-за формального запрета на работу для лиц с учебными визами, они делают это нелегально. Среди причин, по которым они не работают, казахстанцы называют не отсутствие права на работу из-за особых условий учебной российской визы (таких 4%, по сравнению с 20% в целом по всей выборке иностранных студентов), а то, что учёба занимает всё время (52%, и 43%, соответственно) или отсутствие потребности работать (35% и 26%). О больших сложностях с поиском вакансий говорят только 8% (10% по всей выборке студентов).

Учащихся казахстанцев, даже с учётом того что часть из них подрабатывает, нельзя назвать очень обеспеченными. Доходов у 60% из них хватает на питание и одежду, но покупка дорогих предметов длительного пользования, таких как компьютер, холодильник вызывает сложности. 2% заявили, что могут позволить купить себе всё, что захотят, включая машину, квартиру (и они в основном живут на съёмных квартирах), а 14% без труда могут приобрести любую видеотехнику, бытовую технику (холодильник, стиральная

машина), компьютер, но покупка машины, квартиры и прочих дорогих вещей им не по карману. У 21% хватает денег на питание, но покупка одежды вызывает материальные затруднения, а 3% экономят на всём, в том числе и на питании.

При анализе миграционные намерений учащихся из Казахстана, видно, что оседание в России в качестве своей жизненной стратегии выбрали 44% (по всей выборке иностранных студентов - более половины опрошенных), 13% думают о том, чтобы на некоторое время остаться в России (соответственно, 27%), 29% казахстанцев оставаться в России не собирается (32%), не определились 14% (17%). Стремление остаться мотивируется перспективами трудоустройства (30%), хорошими условиями жизни (14%), наличием родных и близких (11%). Ориентация на возвращение обусловлена отсутствием родных и близких (17%), плохими условиями жизни (5%), семейными причинами (5%), отсутствием перспектив трудоустройства (4%). Среди других причин назывались внутренние моральные обязательства перед родиной и условия контракта, по которому обучается в России казахстанский студент, обязывающие его вернуться в Казахстан и отработать там несколько лет (17%). Плохие межличностные отношения и дискриминацию нельзя назвать значимыми причинами отъезда отучившихся казахстанцев из России (соответственно, 2,1% и 1,4 %).

Если смотреть глубже, и оценивать не только удовлетворённость самой страной и условия адаптации в ней, предопределяющие миграционные намерения, но и степень удовлетворённости выбранным вузом, то последняя в среднем совпадает с оценкой качества российского диплома и соответствием качества профессиональной подготовки личным ожиданиям. Будут советовать учиться в российском вузе. Где они проходили обучение 85% казахстанцев, в этом же российском городе, но в другом вузе – 6% и в другом вузе России – 4%. Не будут советовать учиться в своем вузе 4% и вообще в России – 1%. Так что, несмотря на все сложности, позитивный имидж образовательной системы России у казахстанцев формируется достаточно успешно, а процесс их адаптации, можно назвать достаточно успешным, если учитывать действие всех негативных факторов, связанных с невысоким уровнем толерантности российского социума, бюрократией, слабой институциональной защитой личностной безопасности и неразвитой инфраструктурой всех видов (транспортной, коммуникационной, жилищной).

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ О РОЛИ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ИЗ КАЗАХСТАНА

Описание выборки и методология опроса

Всего было опрошено 25 экспертов: 10 - в Москве, 10 - в Томске и 5 - в Воронеже.

Среди экспертов были ученые, работники вузов (в основном специалисты международных отделов), чиновники, непосредственно связанные с учебной миграцией, руководители ассоциаций иностранных студентов.

Опрос представлял собой глубинные интервью по «мягкому» гайду, с блоками вопросов, касающихся различных аспектов адаптации казахстанских студентов в российских вузах, в том числе во времена СССР.

Интервью проходили с записью на диктофон с последующей расшифровкой в виде текста. При отказе со стороны респондента в записи беседы, интервьюер записывал по ходу интервью основные положения беседы, а сразу после неё дополнял записанный текст деталями, которые не успел зафиксировать в процессе разговора.

По мнению экспертов, идеология «дружбы народов и интернационализма», помимо своей прямой политической функции, формировало позитивное общественное восприятие учащихся из Казахстана, что способствовало созданию благоприятной среды для их адаптации. Сейчас эта идеология ушла, но не сменилась чем то иным – например прагматически-позитивным восприятием казахстанских учащихся как экономического ресурса для РФ. По мнению экспертов, казахстанские учащиеся ни правоохранительными органами, ни общественным мнением не выделяются в отдельную подгруппу и, как сказал один эксперт из Томска, «учебных мигрантов не отличают от гастарбайтеров». Это, безусловно, снижает толерантность среды по отношению к учебным мигрантам из Казахстана, в условиях достаточно высокого уровня мигрантофобии и увеличивает сложность их адаптации. Причиной тому во многом служит российское законодательство, не выделяющее иностранных учащихся в отдельную категорию: они получают визы на общих основаниях, не имеют права на частичную занятость и прочих специальных прав, которые широко практикуются в странах массового приёма учебных мигрантов.

Анализ интервью воронежских, московских и томских экспертов, приводящих различные примеры локальных решений системной проблемы обобщения учебных мигрантов законодательством РФ, отчётливо показывает, что эту проблему необходимо решать на законодательном уровне. Локальные договорённости вузов с местными отделениями милиции о «более внимательном, специальном отношении» к учебным мигрантам, ярко свидетельствуют о необходимости выделить эту категорию законодательно. Кроме того, нужно закрепить в общественном сознании понимание того, что интеллигентный и образованный иностранец, приносящий России серьёзный материальный доход, помогает ей выстраивать своё будущее, укрепляет её экономическую стабильность. Через СМИ можно выстраивать позитивную позицию подачи информации об иностранных студентах, рассказывать о них и их жизни в РФ.

Сложности адаптации казахстанских учащихся в РФ

По мнению экспертов всех трёх городов, не существует эффективного государственного управления процессом учебной миграции. Есть серьёзные недоработки в самом механизме приёма.

Так называемая «гослиния», международный обмен на государственном уровне между Россией и Казахстаном, организована не в формате предоставления грантов, которые казахстанские учащиеся могут потратить в России по своему выбору и усмотрению. Это создавало бы конкуренцию между университетами. Сейчас же это - рудимент старой советской системы, но при отсутствии идеологической задачи, которую когда-то исполняло в плановой экономике распределение иностранных студентов между советскими вузами. Предоставление места за партой и «койкоместа» в общежитии на основе централизованного распределения - устаревшая схема. В ситуации личного выбора, когда стипендиат сам может оплачивать учебу, проживание, покупать книги, путешествовать по стране, предоставляемые в виде грантов российские стипендии могли бы быть израсходованы с большей степенью эффективности. Погружение в российскую среду, в российскую культуру, при таком формате, широко и давно практикующемся в США и странах Западной Европы, будет глубже. То, что казахстанские учащиеся при «распределении по гослинии» не могут сами выбирать город и условия для учебы, ухудшает возможности их адаптации. На основании свидетельств экспертов можно сделать вывод, что свободный выбор на конкурентной основе места учёбы самими учебными мигрантами из Казахстана, помог бы увели-

чить поток учебной миграции в провинциальные университеты, привлекая тех казахстанцев, которые справедливо опасаются скинхедов и мигрантофобии в столице и Санкт-Петербурге. Переориентация потоков учебной миграции в более толерантные города могла бы существенно улучшить положение с интеграцией учащихся из Казахстана.

По свидетельству экспертов из всех трёх городов, государственные стипендии у казахстанцев небольшие. Из-за этого теряется возможность отбора лучших, но небогатых абитуриентов, способных быстрее других адаптироваться и лучше учиться. Это создаёт предпосылки для отбора по «гослинии» казахстанских абитуриентов с более низким общим уровнем подготовки, чем это могло бы быть. Низкий размер стипендий, не включающий транспортные расходы, медицинские услуги, питание, страховку, по мнению экспертов, даёт все основания считать, что по сравнению с советскими временами ситуация в сфере учебной миграции даже ухудшилась.

Серьёзным препятствием для адаптации эксперты из Воронежа, Томска и Москвы, считают и запрет на работу для казахстанских студентов. По их мнению, существующее в зарубежных странах законодательство, по которому иностранным студентам можно подрабатывать, стимулирует приток небогатой, но талантливой иностранной молодёжи. Такие учебные мигранты нанимаются на работу и сами оплачивают своё образование. Чтобы достигнуть своей цели - получить образование, они сильнее интегрируются в социум принимающей страны. Отсутствие официальной возможности работать в России с одной стороны, снижает её конкурентоспособность на международном рынке образования и уводит работу казахстанских студентов «в тень», снабжая рабочей силой теневою экономику. С другой стороны, это лишает РФ части потока целеустремлённых учебных мигрантов, которые активно интегрируются в российскую жизнь в процессе и работы, и учёбы. На учёбу, по мнению экспертов, возможность работать почти не повлияет, т.к. самая большая сложность для иностранных учащихся — это русский язык, а он лучше усваивается и развивается при интенсивном общении. Работа казахстанцев в русскоязычной среде помогает преодолеть психологические барьеры, позволяет глубже погрузиться в русскоязычную среду и, в итоге, повышает качество обучения и быстроту адаптации.

По мнению и столичных, и региональных экспертов, учебным мигрантам из Казахстана не нужно избыточное опекуновство, т.к. из-за него не развивается чувство ответственности за собственный успех. Кураторство должно заключаться в советах опытного педагога и развитии навыков интеграции в российскую среду. По мнению воронежских экспертов, совпадающих с точкой зрения томских и московских специалистов, учебной миграцией занимаются пока отдельные вузы, а не государство, у которого нет системы регулирования и общей политики в этом вопросе. Сами вузы решают все проблемы с адаптацией. В этих условиях возникло межвузовское сотрудничество, когда специалисты вузов по собственной инициативе собираются и обмениваются опытом работы. Они проводят конференции, делятся между собой информацией о схемах решения различных проблем в адаптации иностранных учащихся и при этом самостоятельно работают на международных образовательных рынках. Но это сильно отличается, например, от немецкой госполитики по управлению учебной миграцией, не просто эпизодически помогающей высшей школе, а создавшей мощные стипендиальные программы DAAD, с отлаженными механизмами повседневной и последовательной адаптации и интеграции иностранных студентов, или от аналогичной французской, австралийской, американской политики, проводимой через специальные образовательные программы для иностранцев.

По свидетельству экспертов, есть много проблем усложняющих быструю адаптацию, связанных и с самим образовательным процессом. Действующая традиционная система не дает возможности студенту из Казахстана свободно выбирать учебные курсы, преподавателей, формировать приоритеты в обучении в соответствии со своими интересами. Это делает российские вузы менее конкурентоспособными на международном рынке образования. При более массовом обучении иностранных студентов рано или поздно придётся решать проблему соответствия установившимся стандартам в массовых масштабах - заимствовать более демократичную организацию учебного процесса у иностранцев, предлагать современные учебные программы, готовить к ним преподавателей.

Безусловно выгодно, чтобы в отдельных сферах – таких, например, как медицина (это особенно подчёркивали эксперты из Воронежа), морское дело - российские вузы могли сохранять свою специфику и традиционность подходов. Хорошо зарекомендовавшие себя при обучении по отдельным специальностям вузы нельзя приводить к единому знаменателю с вузами, которые могут участвовать в смене образовательных стандартов и программ без потери качества обучения.

Эксперты отмечают, что болонский процесс, к которому присоединилась Россия, накладывает серьезные обязательства на выстраивание механизмов организации российского образования, и их реализация пока приносит больше проблем, чем позитивных результатов, но вхождение в него позволит привлечь российским вузам больше иностранных студентов.

Необходимо учитывать, что адаптация казахстанских студентов и психологический климат, в котором она проходит, напрямую зависят от внутренних общероссийских факторов – социальной нестабильности, усилившейся в условиях начавшегося в 2008 году кризиса и проблем безопасности, связанных не только с нетолерантной средой или скинхедами, но и с военными конфликтами на территории РФ, увеличивающими, например, опасность террористических актов.

В этих условиях вузы стараются сами обеспечить безопасность иностранных студентов в целом и казахстанских студентов в частности. Так, Российский университет дружбы народов в Москве, предприняв серьёзные меры по охране общежитий и прилегающих к ним территорий, в значительной мере оградил студентов-иностранцев от нападений скинхедов. Томский политехнический университет напрямую достиг специальных договорённостей с милицией, обеспечивающей максимально возможный уровень безопасности для студентов, создал специальную систему охраны общежитий и пропускной режим. При этом разъяснительная и консультационная работа по безопасности проводится со студентами через специальный институт кураторства. Но, безусловно, это борьба не с причинами, а последствиями высокого уровня ксенофобии и мигратофобии российского социума.

Сложности выстраивания новой культуры учебного процесса для учебных мигрантов из Казахстана

По мнению экспертов из всех трёх городов, российские образовательные программы необходимо переориентировать на потребителя – иностранного студента. Их принципом должно стать предоставление университетом широкого спектра возможностей для обучения и быстрой адаптации учебных мигрантов.

Необходимость ориентироваться на потребности казахстанских студентов, безусловно, требует изменения подходов в подготовке профессиональных преподавателей и совершенствования используемой при обучении литературы. Здесь, по мнению томских экспертов, наработавших уже опре-

делённый опыт в разработке адаптированных для иностранцев программ, на первый план выходит проблема «дружественности», доступности изложения учебного материала в книгах, учебных пособиях. Сейчас пока еще мало образовательных программ, адаптированных для использования иностранцами. Необходимо учитывать то, что русский язык для них – иностранный. Тяжеловесный слог, которым написано большинство текстов, сложно поддаётся усвоению. Очевидно, что ситуацию необходимо исправлять, но при этом нужно избегать спешки. Завышенные планы по подготовке новых учебных пособий могут привести к падению качества и уровня написания таких пособий и, как следствие, к усложнению процесса обучения, дискомфорту и «недружелюбности» учебных материалов для казахстанцев. Ситуация осложняется, если в подразделении, работающем с иностранцами, много молодых специалистов (что обычно бывает при организации работы «с нуля»). В этой ситуации играет свою роль и разобщённость вузовских коллективов, отсутствие по-настоящему рабочей атмосферы, в которой руководство своим открытым стилем управления даёт пример по конструированию дружественной среды обучения, улучшающей адаптацию иностранных студентов из Казахстана.

Обобщая мнения экспертов, можно сделать вывод, что выстраивание стратегических перспектив развития учебной миграции необходимо связывать уже с предотъездным этапом, когда казахстанский абитуриент должен иметь возможность изучать русский язык в Казахстане. Именно такой путь выбран странами ЕС, где иностранный студент, как правило, уже владеет иностранным языком для обучения за границей. Образовательная система там выстроена с ориентацией на дополнительное изучение английского, немецкого, французского или испанского языков. Полуразрушенная сейчас система обучения русскому языку и распространения российской культуры в Казахстане, может и должна обрести «второе дыхание».

По мнению экспертов, работающих с казахстанскими учащимися, в психологическом плане у них в России существует очень большая проблема – они если и не ощущают себя бесправными, то, во всяком случае, понимают, что они не равны в правах с российскими учащимися. Они не могут свободно работать – права на официальный труд у них нет^[14]. Они обязательно должны регистрировать свои перемещения, и это им фактически сделать тяжелее чем россиянам, потому что они не интегрированы в российский социум. Нет процедуры, которая регулирует процесс восстановления утраченных документов казахстанского студента. Всё это создаёт дискриминационную по отношению к учащимся из Казахстана среду. К тому же они, как правило, не знают специфических российских условий, иногда просто опасных для не осведомлённых.

Как показала практика, проведение любых массовых мероприятий с участием казахстанских учащихся очень позитивно сказывается на их интеграции и адаптации. И свидетельства экспертов и исторический опыт, имеющийся в России со времён первых фестивалей молодёжи и студентов, ясно показывают нам, что приобщение к российской культуре через групповые поездки, празднование традиционных народных праздников, и т.п. также является очень действенным рычагом для адаптации, интеграции, преодоления барьеров отчуждённости.

По мнению московских экспертов, мировой опыт показывает, что для более глубокой и быстрой адаптации казахстанцев, необходимо как можно

[14] В п. 9 «Плана мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг на период до 2008 года», утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р, была предусмотрена «Подготовка предложений по обеспечению благоприятных условий нахождения иностранных граждан, обучающихся в российских образовательных учреждениях, на территории Российской Федерации, в том числе безопасного проживания, возможности временного трудоустройства, медицинского обслуживания, расширения условий межкультурной коммуникации» в 2006-2008 и эта подготовка была возложена на Минобрнауки России, МВД России, Минздравсоцразвития. К сожалению, реальных шагов до сих пор не предпринято.

больше использовать Интернет, постоянно работать над интеграцией электронных, в том числе библиотечных ресурсов и электронных сервисов в образовательный процесс. Сайт любого российского университета должен развивать дружелюбный интерфейс, с которым просто и комфортно работать на нескольких языках. Он должен содержать не только внутреннюю информацию университета, но и информацию по транспортной инфраструктуре и любую другую полезную для казахстанских студентов информацию (местоположение театров, музеев, культурных центров, магазинов, клубов, сервисных центров различного рода и т.п., с примерными расценками на услуги).

Кроме выделения государством полноценных стипендий и грантов, финансовую поддержку талантливых казахстанских студентов можно организовывать и на уровне региональных властей и в виде специальной поддержки от благотворительных фондов, работающих в рамках укрепления международных отношений России и Казахстана.

Опрос экспертов, анализ международного опыта ясно показывают, что развитие системы стипендий должно идти по линии развития специальных фондов, пользующихся поддержкой государства. Размер стипендий должен быть достаточен для проживания, питания и учебы. Эти меры – необходимые и актуальные шаги в уже сложившейся с учебной миграцией из Казахстана ситуацией. Предпринимать их, равно как и выстраивать комплексную систему адаптации для казахстанских учащихся важно прежде всего потому, что поток учебной миграции имеет явный потенциал к росту, а при принятии стратегического решения о его поддержке государством^[15] может в короткие сроки увеличиться значительно. Поэтому те проблемы, которые представляли значительную сложность для адаптации при относительно небольших масштабах учебной миграции из Казахстана, при её массовом увеличении могут стать для неё настоящим барьером.

* * *

Проведённое исследование позволяет говорить о том, что для привлечения казахстанских студентов, стажеров и аспирантов необходимо и актуально не просто высокое качество получаемых знаний, престиж выдаваемого диплома, но и обеспечение высоких жизненных стандартов, способствующих успешному обучению и комфортному самоощущению, быстрой адаптации казахстанских учебных мигрантов. Обеспечить всё это нельзя без отлаженного и гибкого, способного быстро перестраиваться сообразно постоянно меняющимся условиям механизма по работе с казахстанцами внутри самой вузовской системы. В условиях высокой конкурентности международного рынка образования, Россия может на нем успешно работать и привлекать к себе больше казахстанских абитуриентов, только в случае создания специальных институциональных условий и механизмов для быстрого преодоления всех барьеров и проблем казахстанских учащихся в российском социуме.

В ходе исследования все выдвинутые гипотезы получили своё подтверждение:

1. Россия фактически не проводит стимулирующей миграционной политики по отношению к учебным мигрантам из Казахстана, не выделяет их из общего миграционного потока и не способствует формированию механизма их быстрой и лёгкой адаптации в РФ.
2. Российские вузы, работающие с казахстанскими студентами, нуждаются в государственной поддержке для организации процесса адаптации учебных мигрантов из Казахстана. Это включает: восстановление систе-

[15] В плане работы научного совета ФМС России на 2009 год уже стоит вопрос об учебной миграции - http://www.fms.gov.ru/about/science/science_plan/index.php?ID=84

мы организации обучения русскому языку, в том числе в самом Казахстане, изменение механизмов взаимодействия государства и вузов, обучающих казахстанцев «по государственному набору», упрощение процесса оформления документов, решение вопросов, связанных с нострификацией, организацию культурной жизни и ознакомительных поездок казахстанских учащихся по РФ, разрешение на трудовую деятельность для казахстанских учащихся в ограниченных масштабах, позитивное освещение учебной миграции из Казахстана в СМИ и снижение уровня ксенофобии в РФ.

3. Русский язык является важным фактором, влияющим на адаптацию учебных мигрантов из Казахстана, поэтому адаптация казахстанских студентов в целом проходит легче, чем у студентов из дальнего зарубежья. Это не отменяет необходимости совершенствовать методики преподавания русского языка для граждан Казахстана, адаптировать учебные пособия и развивать систему дополнительных курсов по обучению русскому языку для казахстанцев, в том числе в самом Казахстане.
4. Опрос иностранных учащихся и экспертов ясно показал, что прямые нарушения прав человека в отношении учебных мигрантов из Казахстана и угрозы их личной безопасности среди всех имеющихся негативных факторов, относятся к самым важным.

Поступательное развитие учебной миграции в Россию из Казахстана может быть стимулировано:

- инвестициями в научно-техническую инфраструктуру российской образовательной системы;
- упрощением российских регистрационных процедур, уменьшением излишней бюрократизации;
- легализацией частичной трудовой занятости для казахстанских студентов, особенно в период каникул;
- развитием системы международных соглашений с Казахстаном, способствующих более простой процедуре нострификации, признания дипломов российских вузов в Казахстане и взаимного признания дипломов вузов РФ и Казахстана. Это упростит обучение казахстанцев в российских аспирантурах;
- государственными мерами по созданию и поддержанию толерантной жизненной среды для казахстанских студентов в РФ, в том числе через государственное противодействие мигрантофобской информационной кампании в российских СМИ;
- кадровой «очисткой» российской правоохранительной системы от нечистоплотных и коррумпированных милиционеров, вымогающих с казахстанских студентов взятки при проверке документов;
- пресечением преступной деятельности скинхедов (национал-социалистской их ветви^[16]) и подобных им мигрантофобских неформальных групп;
- усилением контроля за кадровой политикой в российских учебных заведениях, что исключит проявление нетолерантного отношения со стороны администрации и преподавателей к казахстанским учащимся, создаст толерантную среду обучения, исключая проявление любых форм расизма со стороны российских студентов;
- развитием общественной и культурной жизни в вузах, активным вовлечением в неё казахстанских учащихся, поощрением развития в россий-

[16] НС-скинхеды (англ. Nazi skinheads или National Socialist skinheads) — радикальные националисты и расисты, которые придерживаются национал-социалистической идеологии, выступают за идею расового сепаратизма и превосходства белой расы (White Power), культивируют насилие, идеализируют Третий рейх и коллаборационистов. Деятельность НС-скинхедов часто носит экстремистский, нередко террористический характер.

- ских городах системы хостелов, позволяющих казахстанским студентам активно путешествовать по РФ (как это происходит за рубежом);
- строительством комфортабельных новых и реконструкцией старых общежитий, с оборудованием автомобильных парковок, организацией бесплатного доступа всех студентов к сети Интернет. Для небольших специализированных вузов должна быть обеспечена возможность аренды небольшого числа мест в кампусах больших университетов;
 - созданием современной информационной системы в сети Интернет, под эгидой Министерства образования и науки, в которую могут быть интегрированы как государственные, так и негосударственные высшие учебные заведения. Информация в такой системе должна быть подробной, ясной, бесплатной и мультиязычной;
 - внедрением системы грантовой поддержки талантливых казахстанских абитуриентов, в том числе с полным возмещением всех издержек;
 - созданием особой программы поддержки казахстанских абитуриентов – российских соотечественников за рубежом, в том числе с привлечением средств частных благотворительных российских фондов, в целях использования системы высшего образования как механизма укрепления межгосударственных отношений и поддержки российских соотечественников за рубежом;
 - налаживанием контактов с выпускниками вузов СССР и РФ в Казахстане^[17] в рамках развития сети деятельности российских вузов в Казахстане, укрепления культурных и научных связей;
 - созданием государственных культурных, образовательных и трудовых программ обмена, подобных уже существующим немецким, британским, австралийским, американским программам, направленным на пропаганду российского образования и российской культуры в Казахстане, привлечение частных лиц и организаций к деятельности в рамках таких программ;
 - развитием мероприятий рекламного характера в Казахстане (участие и самостоятельное проведение выставок образования, создание и развитие сети координаторов, занимающихся вопросами образования и информирования о российских образовательных возможностях казахстанских абитуриентов при российском посольстве и разного рода культурных учреждениях), налаживание контактов с существующими объединениями соотечественников за рубежом^[18];
 - развитием и восстановлением системы преподавания русского языка в Казахстане и развитием новостного вещания на казахском языке национальных российских радиостанций и телевизионных каналов, при особом внимании к молодежным культурным и музыкальным программам.

[17] К этому же призвали в своём «Обращении» и участники второго Всемирного форума иностранных выпускников российских (советских) высших учебных заведений в Москве, 3 октября 2007 г. <http://www.embrus.org.ua/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=695&mode=thread&order=0&thold=0&POSTNUKESID=171beb42d497a8a0>

[18] Мероприятия такого рода регулярно проводят за рубежом под эгидой Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества), но масштаб их проведения явно не соответствует необходимому <http://www.rusintercenter.ru/?lang=ru&menu=115>

КИТАЙСКИЙ ТРУД В ЗАБАЙКАЛЬЕ

ТАРАСОВ АЛЕКСАНДР

международный обозреватель информационного агентства «Забинфо»
(Забайкальский край, Россия)

Демографические факторы всегда будут влиять на процессы в приграничных регионах. В этой связи китайское трудовое присутствие в Забайкальском крае России представляет некоторый научный интерес. Мы попытаемся выявить основные характеристики потока китайских трудовых мигрантов, его роль в жизни Забайкальского края, который имеет с Китаем около 1000 км границы, и некоторые связанные с ним проблемы.

Приграничное положение края, наличие построенной еще царем железной дороги в Китай, которая остается главным транспортным коридором российско-китайской торговли, сооружение во второй половине 1990-х годов международного автомобильного пункта пропуска (МАПП) Забайкальск – крупнейшего на азиатских границах России, а также вполне добрососедские отношения с сопредельными районами КНР, серьезно ничем не омрачавшиеся вот уже более 20 лет, в совокупности превратили Забайкалье в мощный канал миграции китайцев в Россию.

Таблица 1.

**Въезд иностранцев
через пункты
пропуска
Забайкальского
края
в 2004-2008 гг.***

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Иностранцев всего	250129 (+12,9%)	275904 (+10,3%)	207804 (-24,7%)	238565 (+14,8%)	251915 (+5,6%)
Доля граждан КНР	96,9%	96,9%	Нет данных	98,0%	97,0%

Источник: Сборник Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края, 2008 г.

* Здесь и далее: Сборник Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края, 2008 г.

Принимая во внимание данные по постановке и снятию с миграционного учета иностранных граждан в крае, следует отметить, что большая часть китайского миграционного потока через Забайкалье носит либо характер транзита в другие регионы страны, либо маятниковый характер, когда китайцы возвращаются на родину в срок, не требующий обязательной постановки на миграционный учет. При этом число китайских граждан, поставленных в крае на миграционный учет в период с 2003 по 2008 год, выросло в 3,3 раза, в то время как аналогичный показатель для граждан СНГ увеличился в 2,3 раза – число учтенных китайских граждан росло в 1,4 раза быстрее, нежели число граждан других государств.

Таблица 2.

**Иностранные
граждане,
поставленные на
миграционный учет
по месту пребывания
в Забайкальском
крае и снятые с
миграционного
учета в связи
с выездом из РФ**

	Поставлено на миграционный учет				Снято с учета
	КНР	СНГ	Другие	Всего	
2008 г.	54976	18265	2398	75639	53676
2007 г.	40782	17896	2255	60933	33147
2005 г.	29645	9090	1324	40059	
2003 г.	16472	7977	1050	25499	

Источник: Сборник Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края, 2008 г.

1. Антистольпинская политика

Таблица 3.
Некоторые данные
о демографической
ситуации и
рынке труда в
Забайкальском
крае**

Данные миграционные процессы развиваются на фоне чрезвычайно неблагоприятной демографической ситуации в крае:

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Все население, тыс. человек	1265,9	1178,8	1165,4	1152,6	1143,9	1135,7	1128,2	1122,1	1118,9	1117,0
Естественный прирост, убыль (–) населения, человек	– 3372	– 3201	– 3367	– 3653	– 3826	– 3740	– 4194	– 1820	466	1720
Миграционный прирост, убыль (–) населения, человек	– 6148	– 6305	– 6121	– 6533	– 4998	– 4474	– 3289	– 4314	– 3639	– 3621
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	439,2	449,7	459,8	469,4	470,4	471,4	481,8	483,3	490,1	493,5
Численность безработных по методике МОТ, тыс. чел.	114,7	76,7	81,9	62,7	78,9	64,2	60,4	46,2	54,3	82,1
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, тыс. чел.	12,7	10,2	30,8	24,6	19,2	14,9	12,8	16,2	15,1	18,2

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009. Забайкалкрайстат, Чита, 2009

В период с 2000-го по 2008 год население Забайкальского края сократилось на 61,8 тыс. человек в среднем на 18,8 человека в день по причине крайне высокой смертности и непрекращающегося оттока местного населения в старообжитые районы страны с более благоприятной социально-экономической ситуацией. Несомненно, что миграционный процесс был бы иным, если бы регион переживал хозяйственный подъем. Наметившийся в последние пару лет естественный прирост в связи со вступлением в репродуктивный возраст поколений 1980-х годов, не превысивший миграционную убыль, в ближайшие годы прекратится, и темпы депопуляции возрастут.

Забайкалье уступает большинству областей страны по параметрам качества и уровня жизни и не располагает перспективами расширенного воспроизводства своего демографического потенциала. Общероссийская кризисная ситуация здесь обострена до предела, особенно в показателях, касающихся генетического фонда, и наиболее вероятно депопуляция населения^[1].

Роль забайкальцев в хозяйственной жизни страны постоянно снижается. При рассмотрении объема динамики валового внутреннего продукта на душу населения выясняется, что, если в 2000 году средний забайкалец производил 64% от объема производства среднего россиянина, то в 2007 году это соотношение упало уже до 50,8%.

** Здесь и далее: Статистический сборник Забайкальского края, 2009. Забайкалкрайстат, Чита, 2009.

[1] Булаев В.М., Новиков А.Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2002. С.65.

Таблица 4.
**Объем ВВП
на душу
населения,
рубли**

	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
РФ	49835	91607	118537	151106	188813	232990
Забайкальский край	25320	46286	53748	61527	80639	101052
% краевого показателя от среднероссийского значения	64,0	61,8	54,9	48,8	51,1	50,8

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Немудрено, что в прошлом относительно благополучном 2008 году 223,1 тыс. жителей Забайкалья имело доход ниже прожиточного минимума.

Таблица 5.
**Численность
населения в
Забайкальском
крае с денежными
доходами ниже
величины
прожиточного
минимума**

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Тыс. человек	799,2	651,9	519,8	372,6	328,9	297,5	268,6	268,8	223,1
В % от общей численности населения	67,0	55,3	44,6	32,3	28,8	26,2	23,8	23,9	19,9
То же в среднем по России	29,0	-	-	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,5

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

(Правда, доля нищих падает, а отставание по производству ВВП при этом растет. Оттого возникают сомнения в корректности соответствующих расчетов местного ведомства по труду и социальным вопросам.)

При такой жизни средний мужчина в Забайкалье с большой вероятностью уйдет в лучший мир еще до выхода на заслуженный отдых. Разница в продолжительности жизни в среднем по России и Забайкальскому краю – около пяти лет:

Таблица 6.
**Ожидаемая про-
должительность
жизни мужчин
при рождении
(лет)**

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Забайкальский край	56,7	53,9	54,9	54,0	53,2	52,9	55,3	56,7
В среднем по России	59,0	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4
Разница	2,3	5,0	3,8	4,6	5,7	6,0	5,1	4,7

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Есть и другие нюансы. Например, забайкальцы накладывают на себя руки в 2,6 раза чаще, чем в среднем по России. Для тех, кто не может решиться на этот шаг, тоже не все потеряно. Смертность от убийств в Забайкалье в 3 раза выше, чем в среднем по стране (Таблица 7).

Вот откуда и берется миграционная убыль по несколько тысяч человек в год: Восточная Сибирь в настоящее время не является привлекательной не только для китайской миграции, поскольку не дает переселенцам из Поднебесной шансов на радикальное улучшение жизни, но и выталкивает русских по той же самой причине. Все кто могут себе позволить перебраться в «теплые» края, образованные, квалифицированные, молодые и успешные уезжают. А кто остается, можно предположить, представляет результат многолетнего отрицательного отбора. А в смысле безнадежного отставания от среднероссийского уровня социально-экономического развития и жизни, доступа к престижному образованию, современному здравоохранению

Таблица 7.
**Смертность
на 100000
человек
населения**

		2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
От убийств	Забайкальский край	53,1	74,5	64,1	63,8	64,5	54,0	49,1	52,8
	В среднем по России	28	31	29	27	25	20	18	17
	Соотношение	1,9 р.	2,4 р.	2,2 р.	2,4 р.	2,6 р.	2,7 р.	2,7 р.	3,1 р.
От самоубийств	Забайкальский край	81,7	92,8	77,3	77,0	72,2	70,6	80,0	70,0
	В среднем по России	39	38	36	34	32	30	29	27
	Соотношение	2,1 р.	2,4 р.	2,1 р.	2,3 р.	2,3 р.	2,4 р.	2,8 р.	2,6 р.

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

и прочим благам цивилизации местное население Забайкалья по существу является гражданами второго сорта в собственном государстве, и недвусмысленно «голосует ногами».

Вместе с тем, огромное число коренных жителей Забайкалья давно отдыхают, развлекаются, лечатся и учатся в соседнем Китае, не имея средств приобрести услуги аналогичного качества у себя на родине. В 2008 году, например, число выездов российских граждан в КНР через пункты пропуска в Забайкальском крае составило больше миллиона человек/раз, многократно превысив аналогичный показатель для китайских граждан, въехавших в Россию. Довольно часто бывая в соседней Маньчжурии, жители Забайкалья своими глазами могут наблюдать результаты политики КНР по возрождению и развитию старых промышленных баз Северо-востока и западных районов Китая, и по неволе, а иногда уже и по воле сравнивая хозяйственную эффективность китайских властей и федерального центра.

2. Особенности местного рынка труда (Забайкальский край)

Вместе с тем официальная статистика демонстрирует стабильный рост занятых в экономике – за последнюю декаду этот показатель вырос с 439,2 до 493,5 тыс. человек, на 54,3 тыс. человек или на 12,4%. При этом официальная безработица снижалась в 2001-2005 гг. с 30,8 до 12,8 тыс. человек, обнаружив в последние 2006-2008 гг. нестабильную повышательную тенденцию до 18,2 тыс. человек.

Сохранение определенного уровня безработицы среди местного населения указывает не столько на трудоизбыточность территории, сколько на проблему мобильности местной рабочей силы. Не имея возможности переехать из сельских районов с деградирующим хозяйством, например, в относительно благополучную Читу из-за того, что весь читинский заработок будет уходить на найм читинского жилья, человек вынужден оставаться на месте и жить нехитрым домашним хозяйством, перебиваясь случайными получками. Наличие или отсутствие иностранных батраков на этот процесс, в общем-то, никак не влияет. Именно низкая мобильность – производная бедности – делает местный рынок труда неэффективным. В то же время в Забайкалье в отдельных отраслях таких как, например, строительство, дефицит рабочей силы стал превращаться в важный фактор, сдерживающий развитие. Он начинает превращаться в характерную черту российского Забайкалья, и экономические причины заставляют привлекать рабочую силу из Китая (Таблица 8).

По данным ФМС России именно работа является преобладающей целью временного пребывания мигрантов на территории Забайкальского края. В предшествующий период доля прибывших потрудиться постоянно росла, а в прошлом 2008 году составила 61,8% временных мигрантов – максималь-

ное значение. В период 2005-2008 доля официально прибывших на работу выросла в 2,4 раза с 25,7 до 61,8%.

Таблица 8.
Число трудовых мигрантов, легально осуществлявших трудовую деятельность на территории края (области)

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Всего, в том числе	1444	2124	3381	4783	7233	9821	14463	19830	31323	33681
СНГ	266	1823	854	1291	1634	2128	2705	3618	8340	6065
Дальнее зарубежье (КНР)	1178	301	2527	3492	5599	7693	11758	16216	22983	27616
Доля китайцев в экономически активном населении, %	0,27	0,00	0,55	0,74	1,19	1,63	2,44	3,36	4,69	5,60

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Таблица 9.
Распределение временных мигрантов по целям пребывания (%)

	Работа	Деловая и гуманитарная	Частная	Туризм	Учеба
2008 г.	61,8	14,5	18,4	3,8	1,2
2007 г.	54,0	17,3	20,5	7,2	0,1
2005 г.	25,7	24,1	26,3	23,5	0,4

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Как видно из приведенной выше таблицы, число китайских трудовых мигрантов в Забайкалье постоянно росло в течение 10-летнего периода с 1999 по 2008 год. В прошлом 2008 году этот показатель также принял максимальное значение – 27616 человек, увеличившись по сравнению с 1999 годом в 23 с лишним раза.

Несмотря на впечатляющие темпы роста, если учесть общую численность экономически активного населения в крае, то ясно, что в настоящее время доля иностранной рабочей силы является мизерной. Если отвлекаться от значения отдельных объектов и отраслей – строительной и лесной, – ее вклад в экономику края был и остается несущественным.

Соотнося динамику привлечения китайской рабочей силы в хозяйство края со статистикой безработицы, нельзя однозначно подтвердить тезис профессора В.Г.Гельбраса, что применение китайского труда приводит к увеличению числа рабочих мест для местного населения. В то же время следует отметить, что использование китайской рабочей силы определенно не вызывает роста безработицы.

Вместе с тем именно привлечение иностранной рабочей силы служит важной предпосылкой и показателем начавшегося было экономического оживления. За десять лет с 1999 по 2008 год ввод в действие жилья вырос в 3,6 раза, а вывозка древесины в 2007 году (максимальное значение до введения запретительных пошлин на круглый лес) по сравнению с 1999 годом выросла в 2,7 раза.

Таблица 10.
Данные о вводе в действие жилья и производстве древесины

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. кв. м	72,7	74,8	92,6	81,4	101,8	147,1	131,1	179,0	232,7	258,6
Вывозка древесины, тыс. пл. куб. м	522,0	532,7	489,2	535,6	621,7	789,2	863,8	948,3	1181,9	735,3

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Направления преимущественного использования китайского труда – отрасли, где основные производственные операции не поддаются механизации – лесоповал, кирпичная кладка и отделочные работы в строительстве – определяются текущей экономической конъюнктурой. В докризисный период строительные подрядчики спешили освоить «горячие» инвестиции. Вместе с тем, китайский спрос на древесину несколько оживил и лесную промышленность.

	2001 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Строительство	41,4	45,8	51,6	46,0	57,7	68,7
Лесное хозяйство	24,9	31,7	23,8	21,6	17,1	10,8
Оптовая и розничная торговля	4,6	10,7	8,2	20,0	18,4	7,2
Добыча полезных ископаемых	17,9	5,9	6,6	нет данных	1,8	2,1
Сельское хозяйство	2,9	2,9	3,4	2,4	1,1	2,1

Таблица 11.
Распределение иностранных работников по отраслям хозяйственной деятельности (%)

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009. Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Как видно, доля иностранных работников, занятых в строительстве, довольно стабильно росла с 2001 по 2008 год с 41,4 до 68,7% - в 1,7 раза. В то же время доля иностранцев, занятых в лесной отрасли постоянно сокращается с 2004 года, а в последние три года – с 2006-го по 2008-й падает в 2 раза с 21,6 до 10,8%. Это связано с политикой федерального центра по сокращению экспорта круглого леса и введением высоких вывозных пошлин на эту товарную позицию.

Доля иностранцев, занятых в торговле, росла до 2006 года, когда она приняла свое максимальное значение 20,0%, превысив даже долю занятых в лесном хозяйстве. В последующие годы в связи с известными ограничениями участия иностранцев в торговле, введенными федеральным правительством, этот показатель сокращается, хотя на 2008 год она более чем в три раза превышала пропорцию занятых в добыче полезных ископаемых и сельском хозяйстве.

Очевидно, в 2009 году в связи с наступлением финансово-экономического кризиса мы увидим резкое сокращение объемов и строительства, и экспорта древесины, а также, соответственно масштабов привлечения в эти отрасли китайского труда.

3. Китайские трудовые мигранты в Забайкалье

На стойках и лесосеках китайцы трудятся сравнительно большими коллективами, которые остаются изолированными этническими анклавами. Все проблемы с работодателем решают, естественно, не сами работники, а немногочисленный инженерно-технический менеджмент китайской компании-подрядчика. Общение низового персонала с местным населением практически ограничено покупкой сигарет и продовольственной мелочи в ларьках.

Никакой социализации за полной ее ненадобностью, поскольку при выходе в город поодиночке или мелкими группами китайский рабочий люд становится легкой милицейской «добычей». О каких-либо серьезных конфликтах, выходящих за рамки бытовых между местным населением и китайскими трудовыми мигрантами на всем протяжении двух последних десятилетий, говорить не приходится.

Участники наиболее многочисленных коллективов китайских строителей – профессиональные отходники, которые проводят непродолжительный отпуск с семьей на родине, и на большую часть года подряжаются на выездные работы. Куда им ехать определяет реально нанявший их китайский подрядчик. А он на следующий год может направить их, например, в Монголию, а еще через год в какую-нибудь китайскую провинцию на восточном побережье: по данным ФМС России 80% из 53676 иностранцев, снятых в прошлом 2008 году с миграционного учета в Забайкальском крае, убыли по причине прекращения срока действия разрешения на работу, либо окончания строительного сезона (рост на 61% по сравнению с АППГ).

Поэтому у китайского мигранта нет мотивов искать возможность остаться на проживание в России. Соответственно, им не нужно знать язык, культуру, историю страны пребывания, хватит и самых простых правил общественного поведения, которые не слишком отличаются в РФ и КНР.

Китайцы, таким образом, не демонстрируют никакого стремления к официальному закреплению на российской территории, где они ощущают себя чужаками, и не предполагают какого-либо пребывания по окончании трудового контракта. (Вообще сибирякам, по привычке продолжающим считать, что их суровым краем и будет прирастать богатство России, трудно принять простую мысль, что китайцы традиционно проживают в теплых и плодородных районах Азии и отнюдь не стремятся переселяться на холодные северные земли).

Если визовый/безвизовый характер въезда трудовых мигрантов в Россию понимать как официальный критерий желательности/нежелательности, то добропорядочному квалифицированному китайскому рабочему приходится проходить гораздо более сложные формальности, чем судимому неквалифицированному гражданину СНГ. Весьма примечательно, что, хотя китайские трудовые ресурсы находятся под наиболее строгим контролем местных властей и миграционных служб, в расчете «на душу населения» они доставляют им хлопот гораздо меньше, нежели коллеги из стран СНГ.

Таблица 12.
**Число
иностранцев
граждан,
привлеченных к
административной
ответственности**

	2003 г.		2006 г.	2007 г.		2008 г.	
	Всего	На 1-го мигранта	Всего	Всего	На 1-го мигранта	Всего	На 1-го мигранта
Всего, в том числе:	977	0,038	5828	4839	0,079	5869	0,078
КНР	632	0,038	2705	2695	0,066	3165	0,058
СНГ	165	0,021	2978	1855	0,104	1838	0,101
Другие	88	0,084	145	288	0,128	866	0,361

Источник: Статистический сборник Забайкальского края, 2009.
Забайкалкрайстат, Чита, 2009

Учитывая вышеприведенные данные, нельзя не признать, что при быстром росте иностранных мигрантов, количество правонарушений остается стабильным, то есть органы правопорядка уверенно контролируют ситуацию. (Несомненно, определенные криминальные взаимоотношения и в среде китайских трудовых мигрантов имеют место. Однако они крайне редко выходят за пределы замкнутой этнической общности и еще реже фиксируются российскими органами правопорядка.)

Нельзя при этом не сказать, что крайняя забюрократизированность и многоступенчатый характер оформления трудовых мигрантов из КНР (квота/лицензия на привлечение ИПС/приглашение/оформление визы/разрешение на работу) делает миграционный процесс крайне негибким. Это не

дает забайкальским предпринимателям, особенно из малого бизнеса, возможности без проблем уволить нерадивого или просто заболевшего китайца, в отношении которого уже проведена длительная, хлопотная и дорогостоящая процедура, поскольку такую же процедуру придется проводить и в отношении замены.

И просто уже не смешно, что привлечение работодателем и малого числа китайских рабочих – 10-15 человек – в какой-нибудь столярных цех или просто одного повара в ресторанчик также требует оформления лицензии именно на московском конце властной вертикали, как будто те же самые федеральные органы на местах не могут справиться с этой ерундой.

На рубеже XX-XXI веков не только нет оснований говорить ни о китайской демографической экспансии, ни о массивном притоке китайцев в Забайкалье. Китайские мигранты вносят свой вклад в подъем экономики края и тем самым укрепляют его безопасность. В связи с последующим неизбежным падением рождаемости, трудоспособное население будет сокращаться. Чтобы обеспечить экономический рост краю будут необходимы новые рабочие руки. Получить их можно только извне и только из Китая. (Если только краевое хозяйство начнет расти не за счет трудовых ресурсов КНР, а за счет технического прогресса и собственной инновационной активности, но это потребует слишком много времени, а в краткосрочном периоде малореально, при сложившейся экономической ситуации).

Хотя нынешнее состояние экономики Забайкалья не позволяет генерировать сколько-нибудь значительный спрос на рабочую силу из КНР. Как бы парадоксально ни звучало, но социально-экономический кризис, стагнация и растущая бедность в Забайкалье на фоне хозяйственных успехов соседних районов КНР стали естественным предохранителем от нежелательно широкого китайского присутствия в этой части страны.

Но китайская миграция может быть благом для Забайкалья. Трудно не согласиться с профессором В.Г.Гельбрасом, который полагает, что «вопреки широко распространенному представлению о том, что России для развития необходимы, в первую очередь и главным образом, капиталы, предстоит усвоить неприятное, но реальное представление о ситуации - главным тормозом подъема экономики страны в ближайшие годы будет недостаток трудовых ресурсов, а совсем не капиталов»^[2].

Спрашивается только, что надо сделать, чтобы китайский труд в максимально возможной степени служил подъему Забайкалья, создавая одновременно прочную основу для сотрудничества двух народов.

[2] В.Гельбрас. Китайский фактор во внутренней и внешней политике России, 1996.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ ДЛЯ СТРАНЫ

АБАЗБЕК УУЛУ РАСУЛ

Ошский Государственный Университет, Факультет международных отношений и государственной службы, преподаватель кафедры «Международных отношений»

ЗАИРБЕК ЭРГЕШОВ

старший преподаватель Ошского Государственного Университета (Ош, Кыргызстан)

Проблемы внутренней и внешней миграции актуальны и для современного Кыргызстана. Миграционные волны формируют новые вызовы, в том числе в области национальной и региональной безопасности, достижение которой возможно только при условии формулирования адекватной миграционной политики по адаптации мигрантов и принимающего сообщества к новой социально-политической реальности. Миграция затрагивает политический процесс не только странового, но и регионального уровня. Миграционные процессы в данном регионе накладываются на уже существующий местный конфликтотенный потенциал, и понимание этого обстоятельства позволяет оптимизировать систему региональной безопасности.

Выявление роли и места миграции в современном политическом процессе невозможно в рамках традиционных подходов к изучению этого феномена. Изучение миграции в демографическом, социально-экономическом контекстах, в отрыве от политических процессов не позволяет достигнуть понимания миграционной ситуации. Исходя из этого, исследование феномена миграции в контексте безопасности в последнее время становится особенно актуальным. На Западе работы такого рода появились достаточно давно, и наряду с этим появились и специальный термин - securitization of migration.

В Кыргызстане также за последнее время был опубликован ряд работ, посвященных данной проблеме^[1], но, по мнению автора, с интенсификацией миграционных процессов требуются дополнительные исследования.

Миграция представляет собой реальный или потенциальный вызов безопасности, в том числе и национальной. Как известно, национальная безопасность означает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, способность государства сохранять свой суверенитет и территориальную целостность, выступать субъектом международного права, которая предполагает внутреннюю стабильность, надежную обороноспособность, суверенитет, независимость, территориальную целостность^[2].

Разные миграционные потоки достаточно специфичны и как таковые не могут не влиять на ситуацию как в отдающих, так и в принимающих обществах^[3].

Оценка их основных типологических характеристик в сочетании анализом развития каждого из-них позволяет выявить определяющие их закономерности, и влияние этих потоков на систему национальной безопасности Кыргызской Республики.

[1] Омаров Н.М. Миграционные процессы В Кыргызской Республике в годы независимости: итоги десятилетия. - Б.: 2001. - 192с.

[2] Миграция и безопасность России. Под ред. Г. Витковской и С. Панарина; М., Центр Карнеги. - М.: Интердиалект+, 2000. - 341 с.

[3] Абазбек уулу Р. Методологические основы изучения миграционных процессов в Ферганской долине и их влияния на национальную безопасность Кыргызстана// Вестник ОшГУ-2008 № 5

Внешняя миграция (эмиграция и иммиграция)

За период с 1991 года население Кыргызстана увеличилось на 653,5 тыс. человек, или на 14,6% и на начало 2006г. составило 5 млн. 138 тыс. человек. В среднем прирост населения страны на начало 2006г. составил 14,6%. Однако, несмотря на то, что в целом обеспечивается количественный рост населения страны, особую тревогу вызывает массовый отток, основной причиной которого стало резкое падение уровня жизни. В Кыргызстане миграционные оттоки можно разделить на три волны. Первая волна, как известно, началась после распада СССР. Основными причинами первой волны миграции в КР были:

- распад Советского Союза;
- желание вернуться на свою историческую Родину;
- социально - политическая и экономическая нестабильность в государстве.

В результате чего, за период с 1989 по 1991 годы Кыргызстан покинуло 214, 9 тысяч представителей русского и русскоязычного населения. В 1992 году за пределы Кыргызстана выехало 103 тыс. человек, пик миграции пришелся на 1993 год, когда из страны выехало 143,6 тыс. человек.

Вторая волна миграции была связана с баткенскими событиями (1999 год) – когда на приграничной территории Кыргызстана велись военные действия, спровоцированные вторжением боевиков с территории Таджикистана. Военный конфликт привел к увеличению миграционного оттока, в основном, в Россию - 10,1 тыс. человек и страны СНГ - 14,5 тыс. Положительное saldo миграции сохранялось только с Таджикистаном, откуда прибывали беженцы. По этническому признаку распределение эмигрантов сложилось следующим образом: русских – 52%, немцев -10%, узбеков – 9%, кыргызов -7%, украинцев - 6%, татар - 5%.

Дополнительным толчком к усилению миграционных настроений стали события 24 марта 2005 года. По данным местного представительства ФМС РФ, уехало почти 9,5 тыс. русских, а рост эмиграции составил около 50 процентов.

В общей сложности за годы независимости (1990 – 2005гг.) миграционный отток из республики составил 490,6 тыс. человек. Миграционная убыль имела этнические различия. Если в оттоке населения в течение 90-х годов абсолютно преобладали русские - 293 тыс. человек (60%)^[4], то в последние несколько лет из южных областей Республики отмечен отток представителей титульной нации. Так, по официальным данным за рубежом находятся около 600 тыс. граждан Кыргызстана, из которых согласно итогам единовременного обследования занятости населения 83% — этнические кыргызы в возрасте от 18 до 35 лет. По неофициальным данным, количество мигрантов составляет до 1 млн. человек^[5].

По данным Госкомитета по миграции и занятости, в 2007 году за пределы страны выехали около 54 тысячи кыргызстанцев, из них, обратно вернулись только 4 тысячи^[6]. Наблюдаются изменения в возрастном составе мигрантов. С начала нового тысячелетия миграция значительно помолодела и основной возраст мигрантов составляет 30-45 лет.

Таким образом, внешняя миграция, порождает ряд проблем для страны и общества, такие как:

- отток рабочей силы из регионов, в том числе квалифицированной рабочей силы, утечка «мозгов»;
- рост дисбаланса на рынке труда между спросом и предложением по наиболее востребованным профессиям;

[4] Н. Омаров, В. Махновский. Миграционные процессы в Кыргызстане: современные тенденции и перспективы. Журнал Центральная Азия и Кавказ

[5] <http://kg.akipress.org/cat:5 11.08.09>

[6] Абазбек уулу Расул, Миграционные процессы на юге КР: тенденции и последствия // Вестник ОГЮИО Ош, 2008

• ухудшение демографических процессов; снижение рождаемости, роста населения и т. д.

Еще одна, требующая особого фокуса внимания проблема касается приграничных территорий. Так, в приграничных районах из-за оттока коренного населения, земли незаконно осваиваются гражданами сопредельных стран путем «ползучей миграции» (или ползучей этнической «экспансии»)^[7], что может по оценкам экспертов привести в ближайшем будущем к этнической напряженности и быть может к проигрышной ситуации в определении границ.

Благодаря тому, что в соседних странах, в частности, в Узбекистане и Таджикистане, налицо серьезный демографический дисбаланс, и их население все активнее перемещается на территорию Кыргызстана, каждый год теряется десятки квадратных километров нашей страны^[8]. Таким образом, происходит изменение этнического состава населения.

Как считает эксперт Марс Сариев, чтобы остановить «ползучую миграцию» на юге, а также для защиты приграничных территорий Кыргызстана нужно создавать благоприятные условия для жителей приграничных районов^[9]. Эту же точку зрения подтверждает и Н.М. Омаров, по его мнению, через 10-15 лет в Кыргызстане будет серьезный кризис трудовых ресурсов. Отток трудоспособных граждан за рубеж - это прямая угроза нашей национальной безопасности и, вообще, будущему развитию республики.

В полосу прибытия миграция также может обернуться угрозами для индивидуальной и групповой безопасности принимающего населения - из-за обострения конкуренции на местных рынках труда и жилья, монополизации мигрантами некоторых секторов экономической активности, столкновения этнических и субэтнических стереотипов и норм поведения, социальной и культурной маргинализации части мигрантов, их криминализации. В целом миграция может республике подарить очаги социальной напряженности в местах повышенной концентрации мигрантов, локальные вспышки этнических конфликтов, рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма, провоцируемый напряженностью и конфликтами. Примером может служить иммиграция, в том числе и незаконная из соседнего Китая.

По данным Госкомитета по миграции и занятости Кыргызстана, за последние два года количество предпринимателей из КНР в республике увеличилось в несколько раз. Большая их часть оседает в городах Карасуу и Бишкек, они живут в съемных квартирах по пять-шесть человек, образуя общины эмигрантов – хуацяо^[10].

По информации начальника отдела миграции Карасуйского района, определены квоты, и количество граждан Китая отныне по Ошской области не должно превышать 1500 человек. Но, по словам местных жителей, участвовавших в опросе, количество граждан Китая, проживающих в городах Ош и Карасу уже достигает от трех до восьми тысяч человек. Торговцы из Китая привозят даже своих поваров и грузчиков. По свидетельству местных торговцев китайских предпринимателей «крышуют» люди из правоохранительных органов, поэтому их количество в несколько раз превышает допустимую норму. Это создает предпосылку для противоречий между местными и приезжими предпринимателями^[11].

[7] См. также Н.М.Омаров Миграционные процессы в Кыргызской Республике в годы независимости: итоги десятилетия. – Б.: 2001.- стр.136.

[8] Нур Омаров и Досмир Узбеков: Отток трудоспособных граждан из Кыргызстана - прямая угроза национальной безопасности страны 31.10.2006 13:24 msk Фергана.Ру

[9] Интервью ИА АКИpress 27 марта 2008 года.

[10] Улугбек Бабакулов. Своими глазами. Великий Шелковый путь сегодня. Часть III. «Китаизация» 30.11.2007 Fergana.ru

[11] Абазбек уулу Расул, Миграционные процессы на юге КР: тенденции и последствия // Вестник КГЮИ Ош, 2008

В целом усиленный приток незаконных мигрантов в республику в состоянии дополнительно осложнить социально-экономическое положение местного населения и спровоцировать рост социальной напряженности.

Внутренняя миграция

Угрозу национальной безопасности может принести не только международная миграция, но и миграция, разворачивающаяся внутри одной страны, будь то страна с полиэтническим населением или с моноэтническим, но в действительности сохраняющим сильные различия между субэтническими подразделениями одного народа. Как говорит Панарин, если в течение долгого времени миграционные потоки будут расти, а государство не будет заниматься данной проблемой и не займется регулированием процесса, то миграция приобретет характер цепной реакции, локальная система безопасности жизни будет терять аспект за аспектом и, в конце концов, просто разваливается^[12].

Усиление процесса нерегулируемой миграции населения, в частности высокий уровень нерегулируемой внутренней миграции, привел к возникновению устойчивых маргинализирующихся групп населения в республике, сосредотачивающихся в центральных областях страны. Прямым следствием этому, является возникновение дополнительной нагрузки на социальную и экономическую инфраструктуру этих регионов. Косвенные негативные последствия выражаются в усилении процесса реурбанизации, как говорил Каплан «превращение городов в большие деревни», криминализации, неравномерном экономическом развитии регионов, потенциальном возникновении противоречий между различными социальными и этническими группами^[13]. Как правило, маргинальная часть населения, может пользоваться различными силами для организации массовых беспорядков с оплатой за участие в них. События ночи 24 марта, 2005 года служат доказательством этому^[14].

Р.Рахимов, выделяет три направления внутриреспубликанской миграции:

- из южных регионов в Чуйскую и Иссыккульскую области,
- из сельской местности северных регионов в г.Бишкек,
- с окраин сельской местности южных областей в г.Ош и г.Жалалабад.

По его мнению, сложившаяся тенденция может привести к значительной депопуляции различных регионов Кыргызстана, что создаст «благоприятные» условия для неравномерного развития, провала экономической политики и реформ по децентрализации власти^[15].

Кроме того, чрезмерная концентрация мигрантов в пределах конкретной территории может сузить доступ к жилью и социальным услугам, а это означает, что появятся дополнительные факторы социальной дифференциации населения; как следствие еще большее ухудшение положения групп, уже отесненных на "обочину" социальной жизни; формирование точек потенциальных конфликтов.

В заключение, исходя из исследования, можно говорить о том, что управляемый миграционный процесс никак не отвечает интересам национальной безопасности страны и несет в себе потенциальные угрозы. Ситуация требует повышенного внимания государственных органов, отвечающих за проведение политики государства в данном направлении. Таким обра-

[12] Абазбек уулу Расул, Миграционные процессы на юге КР: тенденции и последствия // Вестник КГЮИ Ош, 2008

[13] Н.М.Омаров Миграционные процессы в Кыргызской Республике в годы независимости: итоги десятилетия. – Б.: 2001.- 192с.

[14] Погромы устроенные после смены власти в республике 2005г. 24 марта

[15] Руслан Рахимов, Центр социальных исследований АУЦА «Внутренняя миграция в контексте земельных отношений». 28/11/2007, ИА АКIPress

зом, для регулирования данных процессов нужны конкретные меры со стороны государства, такие как, создание системы регионального сотрудничества, усиление системы иммиграционного контроля и контроля за пребыванием иностранных граждан на территории Республики, совершенствование системы деятельности правоохранительных органов республики в борьбе с преступностью среди мигрантов.

Для остановки оттока населения из удаленных от центра районов нужно проведение целого комплекса мер:

- проведение более активной политики на рынке труда, направленной на создание достаточного количества рабочих мест;

- поддержка уровня жизни населения, целенаправленное распределение миграционных потоков, нацеленных на закрепление населения в репрессивных районах;

- ускорение вопроса о придании особого статуса приграничным районам, предусматривающим льготы по обеспечению кредитами для развития сельского хозяйства, снижению налогов жителям данных районов;

- Ускорение делимитации и демаркации границ с соседними странами, для снятия вопросов о спорных территориях, для остановки освоения приграничных земель гражданами сопредельных республик;

- Ужесточение контроля за соблюдением соответствующими органами распределения квот по отношению к иностранным гражданам и контроль над ними.

Таким образом, основными целями государства, и его органов, отвечающих за безопасность страны должны являться: преодоление негативных последствий миграционных процессов, регулирование миграционных потоков, обеспечение баланса прав и законных интересов коренного населения и мигрантов. И только тогда можно говорить о том, что принятие комплекса отмеченных мер будет способствовать стабилизации ситуации в миграционных процессах.

Список использованной литературы

1. Я. Бутаков *Иммиграция из Средней Азии: общие вопросы и решения для России и Казахстана* <http://www.apn.kz/>, 02 июня 2006 г.
2. Л. Кузнецова *Проект «Трудовая миграция в центральной Азии: проблемы и перспективы регионального сотрудничества» Кыргызстан: проблемы в сфере трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. Бишкек, 2004.*
3. Руслан Рахимов, *Центр социальных исследований АУЦА «Внутренняя миграция в контексте земельных отношений».* 28/11/2007, ИА АКИпресс
4. Уметов Т.Э., Уметова А.Э., *«Миграционная ситуация в Кыргызской Республике: реалии и перспективы»* 07.09. 2006 tazar.kg

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УЛЬМАСОВ РАХМОН

Кандидат философских наук, проректор по международным связям,
Российско-таджикский (славянский) университет

ХАСАНОВ МУНИМ МАДЖИДОВИЧ

Кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой
Управления экономикой и финансами, Институт повышения квалификации
государственных служащих (ИПК ГС) РТ (Душанбе, Таджикистан)

В последние годы Внешняя трудовая миграция (ВТМ) затрагивает важные сферы жизнедеятельности Республики Таджикистан (РТ) и оказывает значительное влияние на социально-экономическое и политическое развитие страны. Миграционные процессы — это реальность, которую надо направить в позитивное русло. Актуальность миграционных проблем, с которыми сталкивается современный Таджикистан, и ненадлежащее осуществление государственной миграционной политики волнуют сегодня всех: от Президента страны до простого обывателя.

В теме ВТМ сегодня не засветился разве что только ленивый: СМИ, политики, ответственные и не очень, ученые с широкими взглядами и узкими матримониальными интересами, лидеры фашиствующих организаций и даже обыватели. Правда взгляды на проблему у разных социальных и поразному ориентированных групп, естественно, различные. Однако в одном вопросе наблюдается-таки редкостное единодушие: представители различных групп в унисон ругают власть как у нас в стране, так и у принимающих стран.

Миграционную политику сегодня определяет тот факт, что в четырех странах -участницах СНГ: Кыргызстане, Молдове, Таджикистане и Украине не только в настоящее время, но и в перспективе до десяти млн. чел. трудоспособного возраста не могут найти применения своим силам в своих государствах. Там просто нет рабочих мест. Как правило, эти люди не могут попасть на работу в европейские государства, ибо шенгенская зона для них практически закрыта. Поэтому весь этот поток направляется в Российскую Федерацию (РФ). Не будем забывать, что это, с одной стороны, создает огромные проблемы, но с другой - это важнейший фактор роста российской экономики, которая, даже несмотря на продолжающийся мировой финансово-экономический кризис, развивается.

Изменились не только интенсивность и направленность потоков мигрантов, но и сама их жизнь. Если несколько лет тому назад наши сограждане выезжали только в Россию, сейчас география расширяется. Всего четверть столетия назад выезд за границу в поисках новых возможностей или в стремлении укрыться от конфликта означал болезненную и длительную разлуку. В лучшем случае способом связи с домом был ежемесячный пятиминутный разговор с близкими по телефону, возможность поездки на Родину раз в несколько лет и чтение издаваемой на Родине газеты, приходившей с недельными опозданиями. А сейчас каждый мигрант имеет мобильный телефон,

иногда даже не один. Благодаря революции в области связи сегодня трудовые мигранты являются как никогда динамичной живой нитью, связывающей культуру, экономики и общества, с помощью телефонной карточки, разговор по которой стоит несколько центов за минуту, мигранты поддерживают тесные контакты с семьей и друзьями на Родине. За несколько секунд через глобальную финансовую систему заработанные тяжким трудом деньги мигрантов поступают их родственникам, чтобы те могли купить продукты питания и одежду, заплатить за жилье, образование или медицинскую помощь и погасить накопившиеся долги. Только за последние годы таджикистанские и зарубежные авиокомпании открыли десятки новых линий по всем крупным городам РФ и других стран.

Сейчас важно понять процессы ВТМ внутри СНГ, увидеть, как проходят миграционные потоки и посмотреть, что надо сделать по среднесрочным программам. Поэтому нам необходимо ответить на вопрос: в каком количестве рабочих рук нуждается Россия в ближайшие годы? Исходя из этих данных можно: координировать деятельность трудовых мигрантов и совершенствовать ее правовое регулирование; подготовить предложений по приоритетным вопросам внешней и внутренней миграции с учетом развития этих процессов в иностранных государствах. Сегодняшняя динамика развития миграционной политики требует ее коренной корректировки. И прежде всего — с учетом существующих и потенциальных угроз для национальной безопасности страны. В этих условиях необходимо разработать меры по защите стратегических интересов Таджикистана на основе комплексного формирования и реализации миграционной политики. Кроме того, обеспечение страны трудовыми ресурсами извне должно проводиться с учетом реальной демографической ситуации и условий, сложившихся на внутреннем рынке труда. Надо определить компетенцию каждого министерств и ведомств и выработать понимание, что за все миграционные процессы, происходящие на территориях, местные органы государственной власти должны отвечать наравне с Миграционной службой (МС) МВД РТ.

Миграционная сфера очень хаотична и прогнозировать, к примеру, как будут развиваться миграционные потоки завтра, очень сложно. Тем не менее на миграционный вызов государство обязано реагировать с надлежащей степенью оперативности. Чтобы это происходило, необходима единая координирующая и направляющая сила, которая бы смогла качественно и в нужные сроки подготовить и принять качественные решения. Необходимо разработать Миграционный кодекс РТ.

В отличие от миграции из других государств – участников СНГ, ВТМ из Таджикистана имеет свою историю. По мнению таджикского ученого Бобохонова М. «Заселение таджиков в Западной Сибири, будущей территории России, относится к середине 16 в. и продолжается поныне». В конце 17 века «бухарские» купцы были освобождены от уплаты пошлины. При Петре Великом «бухарцам», проживающим в г. Таре, была оказана материальная помощь: каждому было выделено по 20 рублей и продукты питания. Петром I они были освобождены от рекрутской службы. Екатерина II своими указами от 1787 г. предоставила дополнительные привилегии – они имели теперь право создавать свои судебные – административные органы на своем родном языке – в большинстве на таджикском. Эти льготы, предоставленные российским Правительством для «бухарцев» и других, имели большое значение для привлечения в сибирские города новых людей из Средней Азии, в том числе таджиков. В социальном плане таджикская диаспора была неоднородна. На современном этапе, по мнению Бобохонова М. «В дальнем зарубежье – Западной Европе, Америке, арабских странах – среди соотечественников преобладают люди умственного труда, бизнесмены. В странах СНГ, в том числе России, основной контингент, соответственно, составляют люди физического труда, торговцы разных категорий и др.» Какое бы социальное положение ни занимали таджики в России, Казахстане, Европе, Кана-

де, арабских странах, они неизменно играют положительную роль для страны их пребывания.

Одна из главных задач - настраивать миграционную политику на «волну» конструктивного прагматизма. Мы видим, что во многих странах на ближайшие десятилетия есть спрос на внешнюю рабочую силу. Исходя из этого, целесообразно переформулировать в реалистическом ключе философию понимания миграции и начинать осмысливать происходящее в мире миграции в универсальных категориях – таких, как справедливость, толерантность, уважение к суверенитету государств и поддержание международного правопорядка.

Общий знаменатель в нашем взаимодействии в миграционных делах подкрепляется пониманием того, что ни одно государство не может в одиночку противостоять вызовам XXI века.

Актуальными вопросами в области ВТМ из РТ на сегодня являются:

- организация работы и координация действий между Федеральной миграционной службой (ФМС) РФ - как страны, куда в основном выезжают ВТМ из Таджикистана, - и МС МВД РТ по приему и трудоустройству трудовых мигрантов из РТ через соответствующих центров;
- проблемы прохождения медицинского освидетельствования ВТМ в странах их выезда и пребывания;
- о совместных мерах по организованному привлечению и отправке трудовых мигрантов, заинтересованных в осуществлении трудовой деятельности в РФ.

Решение вышеперечисленных задач позволяет Таджикистану сообщать задавать позитивный тон в миграционной политике, как минимум разворачивать ее в сторону конструктивного диалога и сотрудничества, которое осуществлялось бы по каждому конкретному вопросу с начала до конца, включая совместную оценку и совместное принятие решений.

Обзор и анализ статистических данных в странах-участницах СНГ и ЕврАзЭС, Великобритании, Голландии и Франции, а также результатов работы отдельных исследовательских центров и независимых экспертов показали, что при существующей структуре безработицы (по навыкам и квалификации) в тех отраслях, которые испытывали наибольший дефицит рабочей силы, бывшие безработные заполняли очень незначительную долю вакансий. Причем эта доля практически не увеличивалась даже в периоды бурного экономического развития.

До сегодняшнего дня единая и достоверная информация о численности ВТМ из РТ отсутствует. Последние занимают, в основном, вакантные места на нижней ступени (по привлекательности) лестницы, которых местное население занимать может, но не хочет, тогда как для наших сограждан самая низкая, к примеру, российская зарплата кажется неслыханной роскошью. Мало найдется молодых коренных россиян, готовых выбрать в качестве своей будущей профессии низкооплачиваемый и изматывающий труд. А вот вакантные места на противоположном полюсе рынка труда остаются не занятыми уже по другой причине: местное население эти вакансии получить хочет, но не может. Уже эти места занимают зарубежные «цивильные мигранты».

Иными словами, конкуренции между иммигрантами и коренным населением как таковой нет поскольку первые занимают в основном маргинальные сегменты рынка труда.

Главной составляющей конечного эффекта от ВТМ является снижение уровня безработицы и уменьшение дефицита платежного баланса за счет поступления денежных переводов. Выступая в качестве источника иностранной валюты, часть поступающих денежных переводов инвестируется в производство и социальное развитие в самом Таджикистане. Подтверждением этому служит, в том числе, и статистика денежных переводов. Количество и объем транзакций год от года увеличиваются. Значит, люди едут, зная, что они здесь зарабатывают, а следовательно, они нужны.

Главная проблема ВТМ из РТ заключается в том, что уже в течение почти 20 лет данный процесс имеет стихийную природу. Мировой финансово-экономический кризис показал: ВТМ из Таджикистана организована далеко не самым лучшим образом. Двадцать лет преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной миграционной лихорадки.

Надо осознать простейший факт, что управляемая ВТМ — это благо, плодами которого могут воспользоваться как страны-поставщики, так и страны - принимающие мигрантов. Однако, мы не имеем моральное право забывать и о бедах, связанных с ВТМ. Гибель нелегальных мигрантов, трудовая и сексуальная эксплуатация, ксенофобия, расизм, дискриминация и т.д., с которыми следует нести превентивную борьбу отныне всем структурам, а не с самой миграцией, в т.ч. и принятием специальных мер по защите особо уязвимых групп мигрантов (женщин, престарелых) и членов их семей. Следует отметить, что в общей численности легальных ВТМ из Таджикистана уже сейчас женщины составляют в среднем 17%, хотя большинство существующих программ рассчитаны в основном на мужскую миграцию. Тем не менее, совершенно четко и недвусмысленно мы должны осознавать, что «...при должным образом управляемой миграции мигранты и люди из их ближайшего окружения могут вносить существенный вклад в экономический прогресс, повышение благосостояния и развитие принимающей страны и страны происхождения». И стратегическая задача Правительства РТ заключается в выработке согласованного, целостного, всеобъемлющего и скоординированного подхода к решению проблем миграции посредством двухстороннего соглашения между Россией и Таджикистаном, основанного на уважении прав человека, достижении большей интеграции и реинтеграции мигрантов в обществе, укреплении их социальной сплоченности.

Главная беда ВТМ из РТ- это отсутствие надлежащего уровня профессионализма. Основными причинами этого являются слабая материально-техническая и технологическая база основной кузницы кадров - общих профессиональных образовательных учреждений (профессионально-технических училищ) и низкий уровень подготовки преподавателей: учебные программы не соответствуют потребностям работодателей и отстают от современных стандартов. С учетом этого необходимо использовать инновационные методы обучения, улучшить подготовку преподавателей и разработать учебные планы и программы совместно с работодателями России, Казахстана и других стран, заинтересованных в трудовых мигрантах из Таджикистана. Это должно быть доступно, конкурентно-способно и качественно.

Представляется, что трёхгодичное обучение в профессиональных училищах – продолжительность слишком большая, так как за это время учебные программы и планы устаревают и нуждаются в непрерывном обновлении. Поэтому в решении этих вопросов важно сотрудничать с работодателями. Необходимо заключить трёхстороннее соглашение по вопросам профессионального образования и занятости, подписанное работодателем, профсоюзом и образовательным учреждением.

В настоящий момент Правительству РТ необходимо разработать механизмы поощрения и осуществлять структурное урегулирование в свете пяти направлений государственной политики в области миграции.

Во-первых, в свете политики оказания поддержки. Государство обязано поддерживать трудовых мигрантов в организации производства в Таджикистане посредством инъекции уставного капитала, бюджетного погашения процентов по кредитам, выпуска облигации займов и переводов долгов в акции.

Во-вторых, в свете политики поощрения. Посредством частичного либо полного освобождения от налогов на определенный срок государство должно поощрять развитие традиционных, а также стратегических отраслей.

В-третьих, в свете политики конкуренции. Государство должно создать беспристрастную, справедливую и прозрачную среду в политике инвестиро-

вания и налогообложения, строгой стандартизации качества, упорядочению антимонопольных нормативных актов и оперативному предоставлению рыночной информации для вновь созданных предприятий.

В-четвертых, в свете политики ограничения. Это политика должна быть применена к тем производствам, которые в значительной степени загрязняют окружающую среду.

В-пятых, в свете охранительной политики. Это политика должна применяться к сельскому хозяйству и сервису. Надо всеми средствами поддерживать село, где мигранты будут использовать свои сбережения как источник инвестиций.

ВТМ является неотъемлемой частью современных процессов глобализации, в то же время ее негативные последствия требуют необходимость действий государства по их смягчению, в частности:

социальные:

- уменьшение доли трудоспособного населения и снижение демографического потенциала Таджикистана;
- ослабление института семьи и семейных отношений;
- возникновение проблемы национальной самоидентификации и сохранения духовных и культурных ценностей для последующих поколений таджиков за рубежом;

экономические:

- нехватка трудовых ресурсов в перспективе для сельскохозяйственного, строительного и промышленного производства;
- эмиграция населения отрицательно сказывается на экономическом развитии РТ из-за массового выезда квалифицированных специалистов, что, в конечном итоге, приводит к истощению трудовых ресурсов на национальном рынке труда;
- ослабление экономического потенциала сельских районов Таджикистана;

политические:

- негативное отношение к мигрантам в странах прибытия может привести к обострению отношений между этими странами и РТ;
- возникновение межнациональных конфликтов;
- обострение социальной напряженности в обществе ввиду отсутствия надлежащих механизмов адаптации и реинтеграции возвращающихся мигрантов. Несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, имеющиеся потребности в рабочей силе рынки труда России, Казахстана и ряда стран дальнего зарубежья сохраняют высокую миграционную привлекательность. При этом в условиях депопуляции населения основных стран назначения трудовые мигранты и в период кризиса будут сохранять свою значимость как важного стратегического трудового ресурса.

На фоне кризиса повышается актуальность современных вызовов в сфере миграции, таких, как:

- снижение рисков трудовой миграции и обеспечение ее цивилизованного характера;
- легализация рынка «трудовых мигрантов»;
- повышение уровня конкурентоспособности трудовых мигрантов из Центральной Азии на рынке труда России и Казахстана;
- решение вопросов реинтеграции мигрантов по возвращении на Родину.

Современные информационные технологии дают беспрецедентные возможности для решения многих проблем, начиная от регистрации до постоянного места жительства наших граждан за рубежом. Поэтому следует заниматься организацией освоения высоких технологий, интенсивно развивать третью индустрию - сервис, а также финансовую, бухгалтерскую, консалтинговую, юридическую и других сфер обслуживания.

Настало время понимание и наличие общих направлений взаимодействия министерств, ведомств, СМИ и НПО, связанных с улучшением поло-

жения и повышением возможностей таджикстанцев за рубежом, в первую очередь, трудовых мигрантов.

В РТ принята надлежащая нормативно-правовая база, в которой учтены международные обязательства страны по вопросам трудовой миграции, успешно действует упрощенная система переводов денежных средств трудовых мигрантов, действует филиалы представительства МС МВД РТ в восьми регионах РФ, предпринимаются конкретные шаги по заключению межправительственных соглашений и договоров. Однако требуются ревизия ранее принятых законодательных актов в соответствии с современной миграционной ситуацией, внедрение мер по информационному обеспечению этого процесса и доступности информации для трудовых мигрантов, разработка доктрины по миграционной политике и кодекса трудового мигранта и открытие представительства МС МВД Таджикистана в крупных областях Казахстана.

Необходимо усилить прогнозируемость процессов, комплексность и профилактическую направленность принимаемых государством мер по смягчению социально-экономических и политических последствий ВТМ. Всеми силами и возможностями следует поставить заслон наивным представлениям о Таджикистане, насмешки и злой юмор, что неприемлемо, оскорбительно и опасно. Но не менее опасен и путь конфронтации, самоизоляции, взаимных придиорок и претензий.

Практика убедительно показывает, что административные подходы к регулированию ВТМ не являются эффективными. Приоритетными в этом процессе должны стать социально-экономические методы, которые, в свою очередь, требуют совершенствования правовой базы как в форме принятия новых законодательных актов, так и заключения межправительственных соглашений.

Задачи совершенствования миграционной политики в сфере ВТМ из Таджикистана настоятельно требуют объединения усилий и четких скоординированных действий всех соответствующих государственных, неправительственных, научных, общественных и коммерческих структур, а также СМИ, работающих в миграционном направлении. В этих целях основную координирующую роль на уровне исполнительной власти должно играть основное профильное ведомство - МС МВД РТ, которая должна быть наделена для этого всеми необходимыми полномочиями и иметь необходимые представительства за рубежом.

Предлагаем ряд предложений и рекомендаций.

Парламенту страны:

- необходимо, по опыту ряда стран, принять закон о таджикских диаспорах за рубежом;
- включить в республиканский бюджет специальную статью для поддержки наших соотечественников за рубежом, особенно в поддержке и распространении таджикского языка для детей трудовых мигрантов.

Государственным структурам РТ:

- принятие Стратегии ВТМ, которая позволила бы комплексно прогнозировать и регулировать миграционные процессы в долгосрочной перспективе;
- усиление государственных мер, направленных на сохранение человеческих ресурсов страны посредством специальных программ занятости населения в сельской местности, поддержки и развития предпринимательства, диверсификации экономики и осуществления альтернативных проектов занятости в селах и малых городах страны;
- совершенствование механизмов правоприменительной практики и межведомственного взаимодействия правительств стран-участниц СНГ и ЕврАзЭС в области социальной защиты и социального обеспечения трудовых мигрантов в странах назначения; гармонизация законодательств в соответствии с международными нормами прав человека; обеспечение координации деятельности органов социального, пенсионного и меди-

цинского обеспечения для выработки механизмов обеспечения равных гарантий в социально-трудовой сфере, включая гарантии в области занятости, условий охраны и оплаты труда, социального обеспечения и социальной защиты трудовых мигрантов;

- усиление информационно-профилактической работы с мигрантами до их выезда в странах назначения;
- создание единого информационного пространства между странами приема и выезда с целью предоставления мигранту доступной, полной и объективной информации;
- более активное вовлечение в процесс трудоустройства служб занятости и взаимодействие между службами занятости стран выезда и назначения по получению и обмену информации о вакансиях;
- создание реабилитационных центров для возвращающихся мигрантов с активным участием общественных, международных организаций и бизнес - структур;
- реализация целевых государственных программ, направленных как на занятость молодежи на национальном рынке труда, так и на повышение конкурентоспособности трудовых мигрантов на зарубежных рынках через обучение и повышение квалификации по востребованным специальностям с привлечением работодателей;
- государственная поддержка осуществлению инвестиционных проектов с участием капитала мигрантов в виде налоговых преференций;
- создание благоприятных условий для привлечения капитала мигрантов и всех зарубежных соотечественников в национальную экономику Таджикистана;
- поддержка таджикских культурных диаспор, организаций и объединений за рубежом через поддержку их инициатив и деятельности по правовой и информационной поддержке трудовых мигрантов, сохранению духовной, культурной самобытности и содействия интеграции мигрантов;
- оказание содействия в создании и развитии информационно-правовых центров при таджикских диаспорах за рубежом;
- выделение ежегодно из государственного бюджета средств для распространения в местах компактного проживания таджикских мигрантов буклетов, книг, газет, журналов, видеоматериалов, кинофильмов и т.д.;
- организация гастролей таджикских театров и концертных групп в местах проживания наших граждан;
- издание учебников по изучению таджикского языка и иллюстрированных книг для детей трудовых мигрантов;
- создание фильмов о традициях, обычаях и культуры таджиков для ВТМ и членов их семей;
- широкое использование возможности Интернета для работы с зарубежными соотечественниками посредством создания сайтов, блогов и рекламных роликов;
- вовлечение таджикских сообществ за рубежом и общественные организации в мониторинг правоприменительной практики и внесение предложений по его совершенствованию в Парламент страны;
- учреждение Консультативного совета по ВТМ при Президенте РТ из числа представителей Омбудсмана, МС МВД, министерств труда и социальной защиты, иностранных дел и других ключевых министерств и ведомств, международных и общественных организаций, экспертов в области миграции.

CROSS STUDY: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ СТАМБУЛА И ТУРЕЦКОЙ ОБЩИНЫ АСТАНЫ

РАКИШЕВА БОТАГОЗ ИСЛЯМОВНА

Кандидат социологических наук, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Астана, Казахстан)

ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛЫ

Доктор социологических наук, профессор, директор Института Евразии Стамбульского университета (Стамбул, Турция)

СЕДА БИЛАН

Кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Гуманитарного факультета Стамбульского университета (Стамбул, Турция)

КОЖИРОВА СВЕТЛАНА БАСЕЙОВНА

Доктор политических наук, научный консультант Института социально-политических исследований (Астана, Казахстан)

МАЖИТОВА АЙНУР БОРАНБАЕВНА

Бакалавр социологии, эксперт Института социально-политических исследований (Астана, Казахстан)

В структурах современных обществ присутствуют различные этнические группы, исторически не являющихся титульными этносами, оказавших в данной стране в силу различных экономических, политических, социальных причин. Эта ситуация типична для Казахстана и Турции, палитра этнических структур которых разнообразна.

В силу различных причин сегодня в Турции проживает большая казахская диаспора, в Казахстане этнические турки представлены двумя группами: турками-месхетинцами и трудовыми мигрантами, работающими на различных предприятиях.

Впервые социологическое исследование в среде казахской диаспоры Стамбула и в среде турецких трудовых мигрантов было проведено в рамках совместного международного социологического перекрестного исследования (Cross Study)^[1] «Турки в Казахстане, казахи в Турции», инициированного Институтом социально-политических исследований (Казахстан, Астана) и Институтом Евразии Стамбульского университета (Турция, Стамбул) в мае-июле 2009 года. Результаты исследования были презентованы в Астане на международной конференции «Ассамблея народа Казахстана как институт консолидации гражданского общества» (май 2009 г.) и в Стамбуле на экспертной встрече в Институте Евразии Стамбульского университета (июль 2009 г.)^[2].

Описание выборки: 116 респондентов – казахов в г. Стамбуле (мужчины – 53,4%, женщины – 46,6%, возраст: от 16 до 29 лет – 32,7%, от 30 до 45 лет – 16,6%, от 46 до 60 лет – 9,7%, от 61 и старше – 32,7%, отказ от ответа – 8,6%) и 181 респондентов – турков в г. Астана (мужчины – 95,5%, жен-

[1] Институт социально-политических исследований разработал методику проведения Cross Study (перекрестное исследование) - социологическое исследование, объектом которого являются однозначные или равновесные группы населения, целевых аудиторий, экспертных сообществ различных стран. При этом эти группы могут быть сравнимы и не сравнимы, как в данном исследовании. Объекты данного исследования не являются идентичными и поэтому сопоставлению не подвергаются.

[2] «Казахи в Турции, турки в Казахстане» // Институт социально-политических исследований. Отчет по результатам международного социологического исследования, Астана, 2009 г.

щины – 4,5%, возраст от 19 до 29 лет – 35,6%, от 30 до 39 лет – 39,3%, от 40 до 49 лет – 18,9%, отказ от ответа – 6,6%)

Отбор респондентов методом «снежного кома» – этнические казахи (турки), имеющие гражданство Турции (Казахстана), соответственно.

В данной статье мы затрагиваем только один из аспектов исследования, а именно социально-экономическое положение этнических казахов, проживающих в Стамбуле и этнических турков-трудоустроенных мигрантов, живущих в настоящее время в Астане.

Данные опроса этнических казахов Турции

Миграционный путь

Сегодня в Турецкой Республике проживают более 20 000 этнических казахов. Пионеры данной группы мигрировала из Пакистана в 1951 году в Турцию по приглашению Турецкого правительства. Турция привлекла мигрантов благодаря единству исторических и культурных корней, тюркской основы языка и мусульманской религии. В настоящий момент казахи проживают в Стамбуле, Анкаре, Измире и в других регионах Турции. Сегодня в Стамбуле в районе Зейтинбурну, Казахкент компактно проживают семьи этнических казахов.

История миграции казахов начинался с территории Восточно-Казахстанской области, где традиционно живут представители среднего жуза (найманы и керей). 88% опрошенных отметили, что относятся именно к среднему жузу. Нужно отметить, что именно формирование основного костяка турецкой и далее европейской диаспоры состоит именно из этих жузов, что предопределило в свою очередь ряд стратегий выживания. Это связано с процессом поиска будущих супругов для детей, где четкое понимание своих родов (ру) оберегало от кровосмешения. В меньшей степени представлена диаспора представителями младшего жуза. В основном представители данного жуза мигрировали на ближневосточный регион.

В ходе исследования, респондентами были названы следующие рода (ру), к которым они принадлежат: Найман, Базаркул, Жадик, Молкы, Каракаш, Шагабай, Казыбек, Уак, Есдаулет, Меркит, Адай.

64,7% опрошенных турецких казахов отметили, что они родились на территории Турции, 25,9% родились на территории Алтая, небольшая часть в Китае. Также были названы Афганистан, США, Пакистан. Из тех, кто родился вне Турции, большая часть родилась на территории Китая.

Социально-экономическое положение казахской диаспоры

Основная проблема для казахов Стамбула – образование детей. Половина опрошенных отметило, что для них является проблематичным дать образование детям, особенно высшее. Как известно, для турецкого общества этот вопрос является весьма актуальным (таблица 1).

ВАРИАНТ ОТВЕТА	Проценты
Проблема с образованием детей	50,9
Проблемы со здоровьем. Ухудшение здоровья	43,1
Проблема с занятостью, нет работы	33,6
Проблемы с жильем	3,4
Проблемы с незнанием казахского языка	0,9
Нет ответа	7,8

Таблица 1.
КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВАС БЕСПОКОЯТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО?

Социальное самочувствие складывается из различных аспектов: питание, одежда, доход, жилищные условия, отдых, работа, оценка сегодняшнего состояния и перспектив. В целом, степень удовлетворенности различными сторонами жизни складывается следующим образом:

- Тем, как одеваетесь (97,4%);
- Тем, как питаетесь (97,4%);
- Жизненными перспективами (91,4%).
- Доходом (93,1%);
- Жильем (91,4%);
- Работой (85,4%);
- Отдыхом (85,3%) (таблица 2).

92,2% - удовлетворены своей жизнью.

Таблица 2.
Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены разными сторонами жизни в Турции:

	Совсем не удовлетворяет	В основном не удовлетворен	В основном удовлетворен	Вполне удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Тем, как питаетесь	0,0	0,9	29,3	68,1	1,7
Тем, как одеваетесь	0,0	0,9	51,7	45,7	1,7
Вашим доходом	0,9	4,3	67,2	25,9	1,7
Вашим жилищем	0,0	6,0	44,8	46,6	2,6
Вашим отдыхом	3,4	6,9	49,1	36,2	4,3
Вашей работой	4,3	8,6	63,8	21,6	1,7
Вашиими жизненными перспективами	0,9	3,4	57,8	33,6	4,3
Тем, как складывается ваша жизнь в целом	0,0	4,3	63,8	28,4	3,4

Материальное положение за последний год (2009 г) не изменилось, это отметило чуть более половины опрошенных – 53,4%, 22,4% ответили, что улучшилось, 17,2% – ухудшилось.

Оптимистические настроения респондентов выражены в улучшении материального положения в наступающем 2010 году (таблица 3).

Таблица 3
Оценка материального положения в 2009 г. и ожидания в 2010 г.

ВАРИАНТ ОТВЕТА	Оценка 2009 года	Ожидания в 2010 году
Намного лучше	1,7	2,6
Немного лучше	20,7	28,4
Осталось таким же	53,4	58,6
Немного хуже	15,5	1,7
Намного хуже	1,7	0,9
Затрудняюсь ответить	6,9	7,8

Для каждого человека в жизни есть ценности и важные приоритеты которые они ставят на самую высшую ступень. На вопрос, «Что же является из ниже перечисленных наиболее важным для вашей жизни» получили следующие ответы:

- дружба – 81,0%,
- работа – 79,4%,
- свобода – 71,6%,
- семья – 71,5%,

- *религия – 69,8%,*
- *политика – 59,6% (таблица 4).*

Вариант ответа	Работа	Семья	Друзья и знакомые	Свобода	Политика	Религия
Очень важно	46,6	60,3	27,6	50,0	16,4	50,0
Довольно важно	32,8	11,2	53,4	21,6	40,5	19,8
Не очень важно	6,9	0,9	9,5	3,4	18,1	4,3
Совсем не важно	8,6	24,1	4,3	19,0	19,0	22,4
Затрудняюсь ответить	5,2	3,4	5,2	6,0	6,0	3,4

Таблица 4
Теперь хотелось бы спросить о том, насколько важной является для вас та или иная сторона жизни

Результаты социологического опроса казахской диаспоры, компактно проживающих в Стамбуле в районе Зейтунбурну, показывают высокую степень интеграции и адаптивности к местным условиям проживания. 92,2% опрошенных оценивают свою жизнь как удовлетворительную. Данный показатель основывается прежде всего на адаптивности к культурной, языковой, религиозной среде. При высокой степени интеграции в турецкое общество этнические казахи сохранили собственную культуру, язык, обычаи и традиции. 96,6% опрошенных знают о традициях и обычаях казахского народа и почти столько же соблюдают их. Больше половины опрошенных отметили, что родным языком для них является казахский язык. Учитывая то, что большая часть опрошенных родилась в Турции, данный показатель выражает устойчивую языковую идентичность^[3].

Данные опроса этнических турков в Казахстане

Миграционный путь

В Казахстане проживают две группы этнических турков. Казахстанские турки представляют собой тюркоязычную этническую группу, оставшуюся в Грузии после распада Османской Империи и переселенную из грузинской Месхетии в 1944 году в Казахстан. Это группа состоит из 84035 человек и компактно проживает в южном регионе Казахстана (Алматинская, Жамбылская и Южно-Казахстанские области).

Вторая группа, это граждане Турции, которые живут и работают в Казахстане в рамках трудовой миграции, бизнеса и туризма. По некоторым данным их около 50 000 человек по всей республике. Сейчас по Астане зарегистрировано 9819 граждан Турецкой Республики. Из них 3203 человека приехали по служебным делам, 5270 человек на работу, 402 человека по частным делам, 944 человека по туризму. В данном исследовании объектом явились трудовые мигранты, работающие на различных предприятиях Астаны.

Социально-экономическое положение турецкой общины Астаны

Многие мигранты проживают в Астане около 5 лет (39,0%), за это время ими налажены деловые контакты, связи; определена сфера деятельности и, конечно, им было бы выгоднее в интересах бизнеса – иметь постоянный вид на жительство в Казахстане (39,2%)^[4].

Что касается материального положения трудовых мигрантов до приезда в Казахстан, то, как хорошее и очень хорошее его оценили 58% и 10,6%

[3] Ракишева Б.И., Хаяти Тюфекчиоглы. Cross study: особенности языковой адаптации в иноэтничной среде на примере казахской диаспоры Стамбула и турецкой общины Астаны // ж. Әлеуметтану- Sociology. №1, 2009 г.

[4] Кожирова С.Б., Мажитова А.Б. «Турецкая миграция в Астане: стратегия диаспорализации» // Материалы международной научно-практической конференции «Ассамблея Народа Казахстана как институт консолидации гражданского общества», Астана, 2009 г.

респондентов соответственно, 23,3% ответили – обычное, и как плохое или очень плохое – 5,3% (таблица 5).

Таблица 5
Скажите, пожалуйста, каково было материальное положение вашей семьи до приезда в Казахстан?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	Проценты
Очень хорошее	10,6
Хорошее	58,0
Обычное	23,3
Плохое	4,9
Очень плохое	0,4
Нет ответа	2,8

Относительно изменения материального положения за последний год, 66,1% респондентов отметили его улучшение. Также отмечена некоторая стабильность в данном показателе – почти четверть (23,3%) ответивших сказали о том, что материальное положение осталось таким же за последний год, и лишь 4,2% отметили некоторое ухудшение (Таблица 6).

Таблица 6
Скажите, пожалуйста, материальное положение у вас и вашей семьи за последний год стало лучше, стало хуже или осталось таким же, как год назад?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	Проценты
Намного лучше	9,9
Немного лучше	56,2
Осталось таким же	23,3
Немного хуже	4,2
Намного хуже	-
Затрудняюсь ответить	6,4

Как видно из предыдущего вопроса большинством респондентов отмечается улучшение их материального положения. Но в отношении оказания материальной помощи своим семьям 42,4% респондентов заявили, что не помогают, ни семье, ни родственникам, проживающим в Турции, объясняя это тем, что они не нуждаются в материальной помощи. 34,3% участников опроса обеспечивают меньшую часть семейных расходов. Обеспечивают свои семьи примерно на половину 10,6%, 8,5% обеспечивают свои семьи полностью. Лишь 3,9% респондентов, сказали, что не имеют средств для оказания материальной помощи своим семьям (Таблица 7).

Таблица 7
Помогаете ли вы своим родным, друзьям в Турции?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	Проценты
Обеспечиваю их полностью	8,5
Обеспечиваю их примерно наполовину	10,6
Обеспечиваю меньшую часть семейных расходов	34,3
Не помогаю ни семье, ни родственникам (они не нуждаются в моей материальной помощи)	42,4
У меня нет средств	3,9
Нет ответа	0,4

Относительно жилья, больше половины респондентов (57,2%) сказали, что снимают жилье у граждан Казахстана, 29,3% – живут в общежитие (представительстве) турецкой фирмы, а 7,4% – имеют собственные квартиры или дома (таблица 8).

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	Проценты
В общежитии (представительстве) турецкой фирмы	29,3
В общежитии (представительстве) казахстанской фирмы	0,4
В турецкой гостинице (общежитии)	0,4
В гостинице (общежитии) казахстанской организации	-
Арендую жилье у казахстанских граждан	57,2
В собственной квартире (доме)	7,4
В общежитии университета (института)	2,1
Турецкий рабочий лагерь	1,8
У родственников	0,7
У друзей	0,4
В отеле	0,4

Таблица 8
Где вы живете?

В целом если оценивать удовлетворенность теми или иными сторонами жизни, то данные опроса показывают следующие показатели, удовлетворенность:

- Жильем (81,3%);
- Работой (77,1%);
- Доходом (76%);
- Тем, как одеваетесь (74,2%);
- Тем, как питаетесь (74,8%);
- Отдыхом (72,4%);
- Жизненными перспективами (69,6%).

Все эти стороны жизни показывают высокие показатели удовлетворенности ими, что и объясняет высокий показатель удовлетворенности тем, как складывается жизнь в целом (82%) (таблица 9).

	Совсем не удовлетворяет	В основном не удовлетворен	В основном удовлетворен	Вполне удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Тем, как питаетесь	3,5	15,2	54,4	18,4	8,5
Тем, как одеваетесь	3,5	13,4	53,0	21,9	8,1
Вашим доходом	0,7	4,6	59,0	17,0	18,7
Вашим жилищем	0,4	6,4	53,0	28,3	12,0
Вашим отдыхом	4,6	14,1	46,6	25,8	8,8
Вашей работой	-	3,9	50,2	26,9	19,1
Вашими жизненными перспективами	7,4	12,4	45,2	24,4	10,6
Тем, как складывается ваша жизнь в целом	1,4	7,4	56,9	25,1	9,2

Таблица 9
Насколько вы удовлетворены разными сторонами жизни в Казахстане

60,8% опрошенных считают, что их планы в Казахстане частично оправдались, этот высокий показатель свидетельствует о том, что будет происходить расширение миграционного сообщества и складывание сетевых организаций мигрантов (Таблица 10).

Трудовые мигранты стремятся к сохранению в иноэтническом окружении приобретенной на родине профессиональной подготовки. Они достаточно быстро адаптируются в сходных экономических условиях и оседают для длительного проживания. Компактность проживания обеспечивает сохранение и воспроизводство национальной культуры и самобытности.

Таблица 10
**Насколько
 оправдались
 ваши планы
 после приезда
 в Казахстан**

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	Проценты
Полностью оправдались	9,9
Частично оправдались	60,8
Совсем не оправдались	8,1
Нет надежд на реализацию планов	1,1
Не задумывался над этим	20,1

В Казахстане турки не теряют связей друг с другом. Они сохраняют идентичность, благодаря тому, что говорят на родном языке, остаются приверженцами исламской религии, организуют общие праздники, поддерживают постоянную связь с родиной, интересуются тем, что там происходит. И поэтому целесообразней говорить не о турецких мигрантах, а об этнической общине турков в Казахстане.

Основательность, широта и массовость включения мигрантов в данные виды отношений определяют степень их адаптации, и возможности воспроизводства и совершенствования своей жизни. У турецкой миграции сформировались своеобразные варианты адаптации. Наличие у турецкой общины своего общекультурного, правового, социально-экономического, бытового и политического пространства жизни, а также системы исторически сложившегося взаимодействия, основанного на определенных традициях, с другими национально-этническими общностями, государственными, общественными и деловыми кругами способствуют максимальной адаптированности мигрантов.

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

ОЛИВЬЕ ФЕРРАНДО

«Sciences Po» Париж Институтының саяси ғылымдарының ғылыми қызметкері, Париж, Франция

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ШЕТЕЛДЕГІ ЭТНИКАЛЫҚ АЗШЫЛДЫҒЫ: ДИАСПОРАЛЫҚ САЯСАТТАН БАСТАП РЕПАТРИАНТТАРҒА АРНАЛҒАН БАҒДАРЛАМАЛАРҒА ДЕЙІН

Осы мақалада Орталық Азия аймағында тарихи отан, диаспоралар және КСРО құлағаннан кейін қабылданған мемлекеттер арасында үш бірлескен байланысты қалпына келтіру сияқты құбылыс қарастырылған.

Автор Орталық Азия елдерінің Ресей империясы құрамына кіруінің, олардың КСРО құрамында болуының салдарына, сонымен қатар тәуелсіз мемлекеттерді құруына тоқталып отыр. Қазіргі кезде, аймақ елдері өздерінің ұлттық саясатын жүргізе отыра «диаспоралдық дискурсты» риторикалық тәзімділік пен мәдени алуан түрлілікті үйлестіріп отыр. Орталық Азиядағы диаспоралық саясаттың: этникалық қауымдастық съездері («пан-этникалық конгресстер»); ана тіліндегі білімнен қайтамасыз етуге, қозғалыс еркіндігіне, қос азаматтыққа бағытталған екі жақтық келісім жасау; репатриациялық саясаттың институционалдық дәрежелері табылады және сипатталады.

Қос азаматтық идеясына тоқталатын болсақ, аймақ елдерінің үкіметтері алғашында оған қарсы болды. Қазіргі кезде қос азаматтық тек Қырғызстанмен құпталып отыр. Орталық Азияның барлық мемлекеттері ұлттық азаматтық тұжырымдамасын ұстануда. Қазақстан мен Қырғызстан репатриацияның белсенді саясатын титулды тұрғындар үлесін көбейту мақсатында жүргізуде.

ОЛИВЬЕ ФЕРРАНДО

Научный сотрудник Парижского института политических наук «Sciences Po», Париж, Франция

ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИХ ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА ЗА РУБЕЖОМ: ОТ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ДО ПРОГРАММ ДЛЯ РЕПАТРИАНТОВ

В данной статье рассматривается такое явление, как восстановление триединых связей в регионе Центральной Азии между историческими родинами, диаспорами и принимающими государствами после распада СССР.

Автор останавливается на последствиях вхождения стран Центральной Азии в состав Российской империи, их пребывания в составе СССР, а также образования независимых государств. В настоящее время, проводя собственную национальную политику, страны региона сочетают «диаспоральный дискурс» с риторикой толерантности и культурного многообразия.

Выявляются и характеризуются степени институционализации диаспоральной политики в Центральной Азии: съезды этнических сообществ («пан-этнические конгрессы»); заключение двусторонних соглашений, направленных на обеспечение образования на родном языке, свободы передвижения, двойного гражданства; политика репатриации.

Что касается идеи двойного гражданства, правительства стран региона изначально ее отрицали. В настоящее время двойное гражданство признается лишь Кыргызстаном. Все государства Центральной Азии придерживаются гражданской концепции нации. Казахстан и Кыргызстан проводят активную политику репатриации с целью увеличения доли титульного населения.

ПОТЕМКИНА О.У.

Тарих ғылымдары кандидаты, Ресей Ғылым Академиясының Еуропа Институтының европалық интеграция зерттеу бөлімінің меңгерушісі, Мәскеу мемлекеттік халықаралық қатнастар институтының доценті, Мәскеу, Ресей

ЕВРОПА ОДАҒЫНЫҢ ЗАҢСЫЗ ИММИГРАЦИЯ ЖӘНЕ АДАМДАРДЫ САТУҒА ҚАРСЫ КҮРЕСІ ЖӨНІНДЕГІ САЯСАТЫ

Мақалада көші-қонның жаһандастырудың ажырамас сызығы және объективті процесі бола тұра жер шарының кейбір аймақтарының бірқалыпты емес дамуына септігін тигізгендігі айтылған.

Европалық комиссияның ақпаратына сәйкес, 2008ж. ЕО аумағында 4,5-нан 8 млн. дейін заңсыз иммигранттар саналған. Бұл есеп жыл сайын 350-500 мың адамға дейін көбейіп отырады (салыстырма үшін: ЕО әр жыл сайын заңды түрде 600 мың шамасында иммигранттар келеді).

Жалпы европалық иммиграциялық саясатты әзірлеу европалық бірлесудің саяси мақсаты мәнмәтінде, әсіресе, ЕО «Еркіндік, қауіпсіздік және құқықтық тәртіп кеңістігі» аясындағы Еуропа Комиссиясының ұсынысы болды. ЕО иммиграциялық саясаты ЕО француздық төрағалық етуінің 2008ж. екінші жартысындағы бірден-бір басымдылық болды. Президент Н. Саркози қызметі нәтижесінің негізгісі болып иммиграция туралы Пакт табылады.

Мақалада ЕО жалпы көші-қондық саясаттың бастапқы бес бағыты, FRONTEX қызметі (ЕО мүшелері-мемлекеттерінің сыртқы шекарасындағы жедел ынтымақтастықты басқару жөніндегі агенттік) заңсыз миграциямен күрес құралы ретінде қарастырылған. 2007 ж. FRONTEX 22 операция жүргізді, олардың барысында 19 225 заңсыз мигранттар ұсталды.

Еврокомиссияның ұсыныстар жиынтығы шекаралық бақылаудың жалпы жүйесін құруды көрсетеді. ЕО иммиграциялық саясаттың жалпы тәсілін қалыптастыру саласындағы белгілі жетістіктері анықталады, соның ішінде заңсыз миграциямен күрес.

ПОТЕМКИНА О.У.

Candidate of Science (History)

Head of the Department of the European Integration Studies Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences Associate Professor, Moscow State University of Foreign Affairs Moscow, Russia

THE EUROPEAN UNION POLICY TOWARDS COMBATING ILLEGAL MIGRATION AND HUMAN TRAFFICKING

The article emphasizes that being an objective process and an essential feature of globalization migration is caused by lop-sided development of certain regions on the earth.

According to the information of the European Commission, in 2008 from 4,5 to 8 million illegal immigrants were amounted. This number annually increases by 350-500 thousand people (for comparison: about 600 thousand immigrants annually arrive legally in EU).

The European Commission proposed to design common European immigration policy in the context of political goals of the European integration, especially within the framework of creation of "Area of Freedom, Security and Justice" in the European Union. The EU immigration policy became one of the priorities of the French EU Presidency in the second half of 2008. The key result of President N.Sarkozy's work was Pact on Immigration.

The article examines five main directions of the EU common migration policy, FRONTEX (European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union) activities as a tool to combat illegal migration. In 2007 FRONTEX held 22 operations resulted in detention of 19 225 illegal immigrants.

The European Commission's proposal package stipulates creation of the common border observation system. It is noted that the European Commission has attained certain achievements in the field of creating common approach to the immigration policy, including the combat against illegal migration.

ЧЕСНОКОВ А.С.

Саяси ғылымдар кандидаты, Орал мемлекеттік Университетінің саяси ғылымдар тарихи және теория кафедрасының доценті, Екатеринбург, Ресей

ЭМИГРАЦИЯДАН ОРАЛУ, РЕПАТРИАЦИЯЛАҢУ ЖӘНЕ ЭКСПАТРИАНТТАРМЕН БАЙЛАНЫСТЫ ҰСТАНУ ПРОЦЕССТЕРІН РЕТТЕУ САЛАСЫНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ САЯСАТ: МӘДЕНИ ФАКТОР РӨЛІ

Мақала, халықаралық деңгейдегі және ғаламдық, аймақтық және ұлттық ауқымдағы көші-қон трендтерін реттеуге бағытталған, әлемдік саясат авторларымен жүзеге асырылатын, саясаттағы мәдени фактордың маңыздылығы туралы мәселені қарастыруға арналған. Әрекет назарында - отандастықтарының эмиграциядан оралуы (экспатрианттар) барысын және диаспораға қатысты саясатты мемлекеттік басқару механизмінен жүзеге асырудың ерекшеліктерін талқылау.

Мәдени (соның ішінде в том числе этникалық және лингвистикалық) факторлар ұлттық және көші-қон саясаты және оны әрі қарай жүзеге асыру басымдылығын әзірлеу барысында маңызды мағынаға ие болып отыр. Бұл иммигранттар адмисиясы ережелеріне, сонымен қатар олардың қабылданатын мемлекеттеріндегі алатын мәртебесіне қатысты. Мәдени императивтер, көптеген мемлекеттердің иммиграциялық саясатын анықтайтын «ұлттық мәдени бүтінділігі» туралы тұрақты ұғымды ұстанатын тиісті елдің халқы көпшілігімен, елдің зиялы қауымын басқаруға ортақ болуы. Мақалада ұлттық заңнамадағы, эмиграциядан оралу стратегиясының негізгі төрт имплементациялық стратегиясы, түрлі елдердегі сыртқы және ішкі саясатының курсы белгіленген.

Мақала авторы репатриациялануды және эмиграциядан оралуды көтермелеу, отандастықтармен байланысты кеңейту саясаты әлемнің көптеген елдерінің сыртқы және ішкі саясатының маңызды құрамы болып табылады, ал оны жүзеге асыру ғаламдық көші-қон трендтері мен әлемнің түрлі аймақтарындағы саясаттық және әлеуметтік-экономикалық дамуының болашағы мен заманауи жағдайларымен тікелей байланысты деген қорытындыға келеді.

CHESNOKOV A. S.

Candidate of Science (Political Science),
Associate Professor,
Department of Theory and History of Political Science
Uralsk State University
Yekaterinburg, Russia

NATIONAL AND INTERNATIONAL POLITICS OF RE-EMIGRATION, REPATRIATION AND RELATIONS WITH EXPATRIATES: THE ROLE OF CULTURAL FACTOR

The article examines the significance of the cultural factor in politics which the world politics actors perform on the global arena and which is directed at regulating migration trends at the global, regional and national scale. The main focus is the analysis of the governmental policies towards expatriates' re-emigration and diasporas.

Cultural factors, including ethnic and linguistic ones, have a very important meaning in the design process of the priorities for national immigration policy and its following implementation. This relates to the admission rules for immigrants as well as to their status in a receiving state. The immigration policy of the most of the states is determined by the cultural imperatives that represent stable views of "cultural wholeness of a nation" which are shared by leading country elite as well as by the majority of population of relevant country. The article considers the four key implementation strategies for re-emigration policy in national legislation.

The author concludes that the encouragement policy of re-emigration and repatriation and extension of ties with compatriots is a very important constituent part of home and foreign policy of the most states of the world. The policy implementation is directly connected with the global migration trends and modern situation and perspectives of the political and socio-economic development of different regions in the world.

ПАВЕЛ ХАТ

Варшава Университетінің әлеуметтік саясат институты
Варшава, Польша

1990 ЖЫЛДАРДАН KEЙІНГІ ПОЛЬШАҒА ҚОНЫС АУДАРУ

Мақала 1990 жылдардан кейінгі бұрынғы КСРО елдерінен, әсіресе Қазақстаннан, поляктардың Отанына қайтуына арналған. Автор бұл процестің заңды, саяси, экономикалық және әлеуметтік проблемаларына ерекше көңіл бөледі. Тарихи отанындағы бейімделу барысында поляктардың психологиялық қиындықтарын баса айтады. Орталық Азия поляктарының Польшаға қоныс аударуға қызығушылығының мұрагерлік екендігіне көңіл аударады. Отандарына қайтудың қазіргі процестерін бағалай отыра, автор кейінгі үкіметтің, экономикалық қиын жағдайдан туып отырған саяси еркінші жақтығынан, осы проблеманы шешуді кейінге қалдыруға ұмтылып отырғандарын көрсетеді. Осының нәтижесінде поляктардың он есе артығы Ресей Федерациясына көшуге шешім қабылдады.

PAVEL KHAT

Institute of Social Policy, Warsaw University
Warsaw, Poland

RESETTLEMENT TO POLAND AFTER 1990

Article concerns repatriation of Poles from the countries former USSR after 1990, especially from Kazakhstan. The author concentrates on legal, political, economic, and also social problems this process. Underlines psychological difficulties of Poles in adaptation on the historical native land. Pays attention to rather small interest of Poles from the Central Asia resettlement to Poland. Estimating modern repatriation the author specifies that because of lack of the political will caused difficult economical situation, the next governments aspired to postpone the decision of this problem for the future. As a result there are more than tenfold Poles from Kazakhstan have decided to move to the Russian Federation.

ПАВЕЛ ХАТ

Институт социальной политики Варшавского Университета
Варшава, Польша

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ПОЛЬШУ ПОСЛЕ 1990 ГОДА

Статья посвящена возвращению на Родину поляков из стран бывшего СССР после 1990 года, в особенности из Казахстана. Автор заостряет внимание на юридических, политических,

экономических и также социальных проблемах этого процесса. Подчеркивает психологические трудности поляков в ходе их адаптации на исторической Родине. Обращает внимание на достаточно незначительный интерес поляков из Центральной Азии к переселению в Польшу. Давая оценку современному процессу возвращения на Родину, автор указывает, что последующие правительства стремятся отложить решение данной проблемы на будущее из-за отсутствия политической воли, вызванной трудной экономической ситуацией. В результате этого в десять раз больше поляков решили переехать в Российскую Федерацию.

ЙОРДАН К. КОЛЕВ

Шет елдерде тұрып жатқан болгарлардың мемлекеттік агенттік қызметкері, София, Болгария

БОЛГАРЛАР БОЛГАРИЯДАН ТЫСҚАРЫ ЖЕРДЕ (1878-1945)

Тарихи отан шегінен тыс жерлерде болгарлықтар екі үлкен топтан құрылған. Бірінші топ XVIII-XIX ғғ. Балқанда құрылып, жиһангездер мен зерттеушілер суреттеген және халықаралық келісімдермен танылған болгар ұлтының этнолингвистикалық шекарасы шегінде тұрып жатыр. Қазіргі уақытта осы топ өкілдері Румыния, Сербия және Хорватияның ұлттық азшылығы ретінде ресми танылды.

Екінші санат – диаспора деп аталатыны – барлық әлемге шашылған. Болгарлар шетелдерде демалуды және жұмыс істеуді жақсы көрсе де, өз елдерінде әлеуметтік қорғалуы мен жағдайдың болмауы себебінен ғана эмигрант болды. Тек сондықтан да эмиграция толқыны шетел билігінде қалған жерлерге тән болды, содан кейін ғана, дағдарыстың басынан кешірген Болгарияның өзін жайлады.

Болгар эмигранттары қиындықтарды бастарынан кешірсе де, Европада Солтүстік және Оңтүстік Америкада болған кездерінде, өздерінің еңбексүйгіштігі мен іскерлігін көрсете білді. Әлемнің қай бұрышында болмасын болгарлықтардан байқалған тәзімділік этникалық және діни негіздегі қақтығыс әлеуетінің жинақталуын болдырмайды.

JORDAN K. KOLEV

Fellow, State Agency of the Bulgarians Living Abroad
Sofia, Bulgaria

BULGARIANS OUTSIDE BULGARIA (1878-1945)

Bulgarians outside Bulgaria are two large groups. The first group living in ethnolinguistic borders of Bulgarian nation delineated upon the Balkans during the XVIII-XIX century and recognized by travelers and researchers as well as in pacts and international agreements. These Bulgarians in nowadays are officially recognized as minorities in Romania, Serbia and Croatia and unrecognized in the rest Balkan countries.

The other group is the so-called Diaspora scattered all over the world. Bulgarians loved travelling and working abroad, but they became emigrants only when they had no social security and conditions for a peaceful productive labour in their native country. For that reason the immigration waves are mainly from the lands which left over under foreign authority and then from the free part of the Fatherland which got into crisis.

In Europe, North and South America Bulgarian emigrants experienced difficulties and deprivation but showed themselves as laborious, studios and entrepreneurial people. In the Balkans, as well as throughout the world, Bulgarians are tolerant people who do not generate conflicts on ethnic or religious ground.

ЙОРДАН К. КОЛЕВ

сотрудник Государственного агентства болгар, проживающих за границей, София, Болгария

БОЛГАРЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БОЛГАРИИ (1878-1945)

За пределами исторической родины болгары представлены двумя большими группами. Первая группа проживает в пределах сложившихся на Балканах в XVIII-XIX вв. этнолингвистических границ болгарской нации, описанных путешественниками и исследователями и признанных международными соглашениями. В настоящее время представители данной группы официально признаны в качестве национальных меньшинств в Румынии, Сербии и Хорватии.

Вторая категория – так называемая диаспора – разбросана по всему миру. Болгары, которые хотят и любят путешествовать и работать за рубежом, стали эмигрантами лишь по причине отсутствия социальной защиты и условий для самореализации в их родной стране. Именно поэтому волны эмиграции были характерны сначала для тех земель, которые остались под иностранной властью, затем охватили и саму Болгарию, переживавшую кризис.

Хотя болгарские эмигранты и сталкивались с затруднениями, находясь в Европе, Северной и Южной Америке, они показав

свое трудолюбие и предприимчивость. В каком бы уголке мира ни находились болгары, проявляемая ими толерантность позволяет избежать накопления конфликтного потенциала на этнической или религиозной почве.

ӘСЕЛ ДУЛОТКЕЛЬДИЕВА

«Sciences Po» Париж Институтының саяси ғылымдарының ғылыми қызметкері
Париж, Франция

МӘСКЕУДЕГІ ҚЫРҒЫЗ МИГРАНТТАРЫ

Бұл мақалада Қырғызстаннан Ресейге, экономикалық себептер мен мекен-жайын ауыстыру қалауынан туындаған, тұрғындардың көші-қоны қарастырылған. Қырғызстан үшін Ресейдегі қырғыз мигранттары санының нақты есебінің және тегіс қамти алатын көші-қондық саясаттың жоқтығы сияқты проблемалар тән.

Эмиграцияның келеңсіз және оң жағы көрініп отыр. Біріншінің есебіне шекаралас облыстардағы тұрғындардың жаппай ағылуын жатқызуға болады, бұл мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігіне қатер туғызуға. Ал басқа жағынан мигранттардың ресми ақша аударымдары 2008ж. Қырғызстан ІЖВ (Ішкі Жалпы Өнім) 43% құрайды.

Автордың зерттеуіне сәйкес, жұмылдырудың көбірек жоғарлауы жастардың, егде ерлер, ал соңғы кезде әйелдер арасына да тән.

Сонымен қатар автор іріктемелі тәсіл әлі де қалыптаспаған, ал квота жүйесі өзінің тиімсіздігін көрсеткен, Ресейдің көші-қон саясаты аясына да тоқталып өтті. Ресей үкіметінің дағдарыс жағдайында қабылдаған квота бөлуді қысқару бойынша шаралары автор тұрғысынан демократияға қарсы және мақсатқа сәйкес емес деп бағаланады, өйткені көші-қон осы жағдайда демографиялық қатшылықтың өтемақысы ретінде жүреді. Сонымен қатар Ресей тап болып отырған заманауи проблемалар қатарына ксенофобия, заңсыз көші-қон және оған байланысты жалған құжат дайындау, құқық қорғау органдарының озбырлығы сияқты құқыққа қайшы әрекеттер жатады.

АСЕЛЬ ДУЛОТКЕЛЬДИЕВА

Научный сотрудник Парижского Университета политических наук «Sciences Po»
Париж, Франция

КИРГИЗСКИЕ МИГРАНТЫ В МОСКВЕ

В данной статье рассматривается миграция населения из Кыргызстана в Россию, вызванная экономическими причинами и желанием переменить местожительство. Для Кыргызстана характерны такие проблемы как отсутствие точного учета количества кыргызских мигрантов в России и всеобъемлющей миграционной политики.

Выявляются негативные и позитивные стороны эмиграции. К числу первых можно отнести отток населения из приграничных областей, что представляет угрозу национальной безопасности государства. С другой стороны официальные денежные переводы мигрантов в 2008 г. составили 43% ВВП Кыргызстана.

Согласно исследованиям автора, наиболее повышенная мобильность характерна для молодых людей, пожилых мужчин, а также в последнее время для женщин.

Также автор останавливается на миграционной политике России, в рамках которой до сих пор не выработан селективный подход, а система квот показала свою неэффективность. Мера по сокращению выделения квот, предпринятая российским правительством в условиях кризиса, оценивается автором как антидемократичная и нецелесообразная, тем более, что в данном случае миграция выступает еще и в качестве компенсации демографического дефицита. Также к числу современных проблем, с которыми столкнулась Россия, относятся ксенофобия, нелегальная миграция и связанные с ней противоправные действия, такие как изготовление фальшивых документов, произвол правоохранительных органов.

ФРАНСИКО ХИМЕНЕС БАУТИСТО

Гранада Университетінің бейбітшілік және қақтығысты реттеу институтының әлеуметтік антропология кафедрасының зерттеушісі, профессор, Гранада, Испания

ИСПАНИЯДАҒЫ КӨШІ-ҚОН: АНДАЛУЗИЯ МЕН ГРАНАДА

Ұсынылған мақалада, XXI ғасырдың басында жаппай үлкен мәнділікке ие болған, Испаниядағы демографиялық иммиграция салдары талқыланды. Бүгінгі күні Испания, ең алдымен, бірқатар қақтығыстардың себебіне, соның ішінде нәсілшілдік пен ксенофобияға әкеліп отырған иммиграциемн жолығып отыр.

Автор, әлеуметтік қарбаластықты тудыру үшін, Испаниядағы иммигранттар санының қаншалықты маңызды екендігін зерттейді. Испания иммигранттарының негізгі легі келесі топтармен ұсынылған:

– Румыния, Марокко және де Эквадор, Боливия, Колумбия мен Аргентина сияқты латын америкасы елдеріндегі шетелдіктер;
– испан эмиграциясының дәстүрлі орталықтары – Аргентина мен Венесуэладан шыққандар;
– Франция, Германия және Швейцариядан «қайтып келушілер», ол жерлерде испан тілін білу қоныстану үшін 1960–1970-шы жж. өте қажет болды.

Әлемдік дағдарыстың салдары иммигранттар санының соңғы отыз жылда алғашқы төмендеуіне әкеп соқтырғанын айтып өту қажет. Статистикалық ұлттық институттың деректері бойынша 1996 ж. Испанияның шетелдік тұрғындары 389 700, 2000 ж. – 919 500 теңелді, сапалық секіріс 2004 ж.- 2 860 100, 2008 ж. – 5 229 200 шамасындағы адамды құрап, пайда болды. 2009 ж. қыркүйегіне шетелдіктер саны 5 342 800 жетті, яғни ағымдағы жылдың шілдесіне қарағанда 17 100-ге аз. Бұл төмендеуге Латын Америкасы иммигранттары санының қысқаруы есебінен қол жеткізілді.

FRANCISCO JIMÉNEZ BAUTISTA

Professor, Researcher, Department of Social Anthropology, Institute of Peace and Conflict Management, University of Granada, Granada, Spain

MIGRATION IN SPAIN: ANDALUSIA AND GRANADA

In this article we will study, analyze and diagnose the demographic phenomenon of immigration in Spain, which has great importance since the beginning of XXI century. Today we face a major movement of immigrants, that is causing a whole range of conflicts within the Spanish society, where the phenomenon of racism and xenophobia begin to increase. But how many immigrants are in Spain to create some social alarm? In this article we will answer this question.

To start, the 'foreigners' come from developing countries such as Morocco and the Latin American countries like Ecuador, Bolivia, Colombia and Argentina and Eastern Europe (Romanian). There is a very different setting with the "naturalized" which derives from the ancient centers of Spanish emigration, that live or have recently lived episodes of crisis such as Argentina and Venezuela. The third group corresponds to the "returnees" from, mostly, countries such as France, Germany or Switzerland, where Spanish settlement was very important in the sixties and seventies of last century.

It is important to mention that the world crisis is causing the first drop in immigrant population in the last thirteen years. Since 1996, when the foreign population was 389,700 turned in the year 2000 to 919,500, giving a quantum leap in 2004 with 2,860,100 and in 2008 with about 5,229,200 according to the National Institute of Statistics. By September 2009, the number of foreigners in Spain were 5,342,800, in other words 17,100 less than in June of that year. Immigrants who have produced this reduction are Latin Americans, with a decline of about 30,000 people. Finally, it is worthy to highlight the return of Romanian, and how it has frozen the American entry into Spain, hampering their entry into the European Union.

Keywords: Immigration, Xenophobia, Racism, Return, Spain and Granada.

ФРАНСИКО ХИМЕНЕС БАУТИСТО

Профессор, исследователь кафедры социальной антропологии Института мира и урегулирования конфликтов Университета Гранады, Гранада, Испания

МИГРАЦИЯ В ИСПАНИИ: АНДАЛУЗИЯ И ГРАНАДА

В представленной статье анализируются демографические последствия иммиграции в Испанию, которая в начале XXI века повсеместно приобрела большое значение. На сегодняшний день Испания сталкивается, главным образом, с иммиграцией, которая служит причиной целого ряда конфликтов, в том числе роста расизма и ксенофобии.

Автор исследует, действительно в Испании настолько значительно количество иммигрантов, чтобы вызвать социальную напряженность. Основные потоки иммигрантов Испании представлены следующими группами:

– иностранцы из Румынии, Марокко и таких латиноамериканских стран, как Эквадор, Боливия, Колумбия и Аргентина;

– выходцы из традиционных центров испанской эмиграции – Аргентина и Венесуэла;

– «возвращенцы» из Франции, Германии и Швейцарии, где знание испанского языка было очень важно для поселения в 1960–1970-е гг.

Важно отметить, что мировой кризис привел к первому снижению числа иммигрантов за последние тринадцать лет. По данным Национального института статистики, в 1996 г. иностранное население в Испании равнялось 389 700, в 2000 г. – 919 500, качественный скачок произошел в 2004 г., составив 2 860 100, в 2008 г. – около 5 229 200 человек. К сентябрю 2009 г. число иностранцев достигло 5 342 800, т.е. на 17 100 меньше, чем в июне текущего года. Это снижение достигнуто за счет сокращения числа иммигрантов из Латинской Америки.

YELMYRZAYEVA R. S.

Candidate of Science (History)
Head of the Department of International Relations
Eurasian National University after L.N. Gumilyev
Astana, Kazakhstan

THE ISSUE OF INTERNATIONAL MIGRATION AND REALIZATION OF THE PRINCIPLES OF STATE MIGRATION POLICY

The presented article is dedicated to consideration of migration processes through the prism of political science. Recently it was developed perception of migration as a realistic threat or potential challenge to security. It leads to disproportion in social structure of society becoming apparent in formation of enclave or marginal groups which can result in destabilization of situation within the state. The study of denoted problems must contribute to revelation of patterns of population migratory mobility neutralization of threats to the society and state.

ЕЛМЫРЗАЕВА Р. С.

Кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой международных отношений
Евразийского Национального Университета им. Л.Н.Гумилева
Астана, Казахстан

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Представленная статья посвящена рассмотрению миграционных процессов сквозь призму политологического анализа. В последнее время закрепились восприятие миграции как реальной угрозы или потенциальной угрозы вызова безопасности. Она приводит к возникновению диспропорции в социальной структуре общества, выражаясь в образовании анклавных либо маргинальных групп, которые могут способствовать дестабилизации ситуации в стране. Изучение обозначенных проблем призвано способствовать выявлению закономерностей миграционной мобильности населения и снятию реальных и потенциальных угроз обществу и государству.

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Профессор, саясаттану ғылымдарының докторы
Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы
стратегиялық зерттеулер Қазақстан институтының
аға ғылыми қызметкері, Алматы, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚЫТАЙ КӨШІ-ҚОНЫ: ЖОРАМАЛДЫ ЖӘНЕ ШЫНАЙЫ ҚАТЕРЛЕР МЕН ҚАРСЫ ШЫҒУЛАР

Мақала қытай еңбек мигранттары проблемасын талқылауға арналған. Автор осы мәселені зерттеулегі қиындық, қытай мигранттарының саны туралы ақпаратты ұсынатын, анық деректердің жоқтығынан деп біледі.

Мақалада ҚХР сыртқы көші-қонға қатысты саясаты қарастырылған, ҚХР «Жұмысқа орналастыруды ынталандыру туралы» 2009ж. Қаңтардың 1-де қабылданған Заңы ұсынылған. қытай еңбек көші-қонының келенсіз салдарының қатары көрсетілген: баскелестікке қабілеттілігі деңгейінің төмендеуі, қазақстандықтарды экономикалық іс-әрекет саласы қатарынан «арырту», қытайлардың қоғамда бауы ықпалдасуы, Синьцзяндағы көші-қонның дау-дамайлы шамасының мүмкіндігі.

Автор қытай еңбек көші-қонының бір жағынан экономикалық жаһандастыру процесінің заңнамалық салдарының, екіншіден – Қазақстанның жетілуінің объективті шынайлығын ұсынады, осыдан қытай жұмыс күшін жұмылдыру – толығымен қарапайым процесс деп санайды.

SYROYEZHKIN K.L.

Ph.D., Professor
Senior Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies
under the President of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

CHINESE MIGRATION TO KAZAKHSTAN: IMAGINARY AND REAL THREATS AND CHALLENGES

The article is devoted to the analysis of the issues of the Chinese labor migration. The author emphasizes that the complexity of the research on this issue is lack of reliable data presenting the information about the number of the Chinese migrants.

The article examines the PRC policy regarding external migration. The article also presents "PRC Law on Stimulation of Employment" adopted January 1, 2008. A set of negative consequences of the Chinese labor migration is distinguished: decrease of the competitiveness level, displacement of the Kazakhstani people from certain fields of economic activity, slow

Chinese integration into society, Syn'tsyan migration's possible conflict potential, etc.

The author thinks that the Chinese labor migration represents objective reality, which is a natural consequence of on the one hand, economic globalization process, and on the other hand, Kazakhstan's modernization. Thus, attraction of the Chinese labor force is quite a natural process.

ДАЦЫШЕН В.Г.

Тарих ғылымдарының докторы, Сібір Федералдық
Университетінің жалпы тарих кафедрасының меңгерушісі
Красноярск, Ресей

ҚАЗІРГІ РЕСЕЙДІҢ ДАМУ КЕЗЕҢІНДЕ СІБІРДЕГІ ҚЫТАЙ КӨШІ-ҚОН МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада қытай көші-қонының Сібірдегі кезеңі қарастырылған. Қытай көші-қонының жаңа легі 1990-шы ж. басталғаны және құрылысшылармен көрсетілгені белгіленеді. ХХІ ғасырдың басында қытай көші-қонының өсуі көрсетілген: 2002 ж. 217 807 мигранттардың – ҚХР азаматтары болғаны айтылады. Автор қытай көші-қонының маятник сипатын ұстануы туралы қорытындыға келіп отыр.

Мақалада қытай көші-қонын ресейлік қоғамның ел қауіпсіздігіне тиетін шынайы қатер ретінде қабылдауы көрсетілген, алайда кейбір жағдайларға байланысты еңбек көші-қоны әрі қарай дамудың үлкен болашағына ие болып отыр.

Бүгінгі күні Ресей қытай еңбегі үшін қызықтырушы аумақ болмай отыр. Ресейге жұмысқа келетін қытайлықтардың 65% Хэйлуңцзяннан, 15% – Цзилінядан, қалғандары Шаньдун және Цзянсидан шығушыларды құрайды.

Автор көші-қон саласындағы екі жақтық проблеманың дамуы болжалды және тарихи тәжірибеге сүйенеді деген қорытындыға келді.

DATSYSHEN V.G.

Ph.D
Head of the Department of the World History,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE ISSUES OF CHINESE MIGRATION TO SIBERIA AT THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIA

The article examines the stages of Chinese migration to Siberia. It is noted that a new wave of Chinese migration began in 1990s and was represented by constructors. In the beginning of the XXI century the growth of Chinese migration started taking its shapes: in 2002 there were 217 807 migrants, citizens from China. The author comes to the conclusion that the Chinese migration has a pendular character.

The article emphasizes that the Russia society perceives the Chinese migration as a real threat to the country security; however, due to a variety of circumstances labor migration has great perspectives for further development.

Currently Russia is not the most attractive area for the Chinese labor. About 65% Chinese coming to Russia for work are the natives of Kheiluntszyana, 15% are from Tsziliny; the rest of the Chinese migrant workers come to Russia from Shanduna and Tszyansi.

The author concludes that the development of the bilateral issues in the field of migration can be projected and be rested on historical experience.

ДЯТЛОВ В.И.

Тарих ғылымдарының докторы, Иркутск мемлекеттік университетінің әлемдік тарих және халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры,
«Диаспоры» журналы бас редакторының орынбасары,
«Внутренняя Азия» зерттеу орталығының директоры
Иркутск, Ресей

ҚАЗІРГІ РЕСЕЙДЕГІ ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ МИГРАНТТАРЫ: ТАПТАУЫНДАРДЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ ДИНАМИКАСЫ

Ресейдегі жаңа көші-қон жағдайы керемет динамиканы көрсетуде, соның ішінде трансшекаралық еңбек мигранттарының үнемі көбейіп отырған легін қабылдаушы қоғамның бейімделу механизмі таптауырын дамыту. Таптауыры – бұл бәрінен бұрын, қарым-қатынасты шынықтыру. Әлеуметтік ақпараттың эвристикалық емес, ретке келтіруді бағалайтын әдісі. Бұл априорлық ғылым ішіндегі/дейінгі білім саласы. Сондықтан да таптауындар анықтауды, ішкі қисынды және кейбір постулаттар қайшылығы көздерінің сынын қажет етпейді. Алайда дәл осылар, позитивті ғылыми білім емес, көші-қон барысы мен мигранттарға қоғам мен үкіметтің басымды ықпалын тигізуде.

Бұл уақыт пен кеңістікте дамитын күрделі жүйе. Сондықтан да мақалада Орталық Азия және Қытай мигранттарының қазіргі Ресейдегі динамикасының ұқсастығы мен таптауыры айырмашылығын қарастыру талабы қойылған.

Таптауындар алғашқысында ескі, үйреншікті құрылымдар «ұлттық азшылық өкілдері» және «шетелдіктер» негізінде

қалыптасты. «Кавказдық» - кеңестіктен, бірақ мәдени шет аймақтан келіп, жартылай заңсыз және моральдық тұрғыдан құпталмайтын кәсіпкерлік қызмет атқаратын, уақытша мигрант бейнесі белсенді қолданылды. «Нәлдік жылдар» басында бұл кеңес дәуірінің мұрасы «еңбек мигранты» және «гастарбайтер» құрылымдарымен ығыстырылып шығарылды. Таптауының этникалық ұстанымынан мигранттыққа түбегейлі ауысу жүргізілді. Орталық Азия мигранттары үшін, көптігінде этникалық коннотациядан айырылған, «тәжік» таптауының негізгі болып табылады. Бұл төмен мәртебелі және аз төленуші, ауыр және лас жұмыстарға қатыстырылған уақытша еңбек мигранты. «Жақын шет елден шығушы» ретінде - бұл «бұрынғы өзіміздікі», «шетелдік» емес. «Қытай мигранты» таптауының «гастарбайтерлер кешенін» құрайды, бірақ ол органикалық бөлшек кешенімен және де миллиардты халық пен ұлы держава қаруымен толықтырылады. Осыдан «бұқара», «экспансия», «пайдалану» және «қылмыс» түзілімі шығады.

DYATLOV V.I.

Ph.D., Professor, Department of the World History and International Relations Irkutsk State University
Deputy Editor-in-Chief, Magazine "Diasporas"
Director, Research Center "Internal Asia"
Irkutsk, Russia

FRONTIER MIGRANTS IN MODERN RUSSIA: DYNAMICS OF STEREOTYPES DEVELOPMENT

The new migration situation in Russia demonstrates striking dynamics, including stereotype development as a mechanism to adapt a receiving society to a constantly growing flow of frontier labor migrants. Stereotype is, primarily, attitude making. This is a heuristic means rather than an evaluating one to sort social information. This is the field of a priori, prior/prescientific, knowledge. Thus, the stereotypes do not need to be criticized by their sources, to be verified, to be internally logical and to be consistent with their postulates. However, the stereotypes rather than positive scientific knowledge have a dominating impact on the attitude of the society and authority to the migration process and migrants

This is a complex system developing in time and space. Thus, the article's objective is to examine in dynamics similarities and differences of the migrants' stereotypes from Central Asia and China in modern Russia.

The stereotypes were primarily created on the basis of old, familiar constructions of a "national minority representative" and a "foreigner". The image of a "Caucasian" was actively used – a temporary migrant from the Soviet but culturally different province who was involved in the quasi-legal and morally disapproving entrepreneurship. By the beginning of "zero years" that heritage of the Soviet epoch was replaced by the constructions of a "labor migrant" and a "gastarbeiter". The radical transition from the ethnic principal of stereotyping to the migrant one took place. The stereotype "Tajik" became the key one for the migrants from Central Asia; this stereotype mostly did not have an ethnic connotation. This is a temporary labor migrant, of low status and poorly paid, who is engaged in hard and dirty work. As an "immigrant from the "near abroad", it is a "former ours", not a "foreigner". The stereotype of a "Chinese migrant" includes "gastarbeiter's complex" which is also added by the complex of an organic part and even of a tool of the billion people and superpower. Hence, the constructions "mass", "expansion", "exploitation" and "criminal" were used in the society.

ҚАДЫРБАЕВ А.Ш.

Тарих ғылымдарының докторы,
Ресей Ғылым Академиясының Шығыстану Институтының
Шығыс тарих бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері,
Мәскеу, Ресей

1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСТІҢ БАСЫЛУЫНАН КЕЙІН ОРЫС ТҮРКІСТАНЫ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕСІ ЖӘНЕ XX ҒАСЫРДАҒЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ КӨШІ-ҚОН БАРЫСЫНЫҢ САЛДАРЫ

Мақала қазақтар, қырғыздар, түркімендер, тәжіктер мен өзбектерді іргелес – Қытай, Ауғанстан, Парсы елдеріне қоныс аударуға байланысты туған 1916 ж. Орыс Түркістанындағы (Қазақстан, Орталық Азия) көтерілістің ішкі саяси аспектісін қарастыруға арналған.

Қытайға кетудің Шығыс Түркістанмен жақындығының географиялық факторы да, сонымен бірге бұл аймақтың қазақтар мен қырғыздарға ежелден таныс болу жағдайы себеп болды. Бұл нәтиже XX ғ. бірінші жартысында Орыс Түркістанынан іргелес елдерге қоныс аудару легінің бастауы болды.

Орыс Түркістанынан қоныс аудару легінің ақырына байланысты қайғылы оқиғалар Кеңес мемлекетінің саясатымен болып, азаматтық соғыста, XX ғ. 20-шы жылдардың аяғында 30-шы жылдардың басындағы Қазақстандағы ұжымдастыру және 1921-1933 жж. Орта Азия мұсылман халықтарының көтерілістік қозғалыстарын әскери басу, 1916 ж. көтеріліс кезінде пайда болған басмашылдық арқылы көрінді.

Қытай билігіне коммунистер келгеннен кейін көптеген қазақтар, қырғыздар, орыстар және Орта Азия халықтарының басқа да өкілдері Үндістанға, одан Түркияға, кейін Европаға кетті.

1960-шы жж. бірінші жартысында ондаған мың ұйғырлар мен қазақтар Кеңес үкіметінің келісімімен ҚХР СУАР Қазақстанға қоныс аударды. 90-шы жылдардың басындағы көші-қон барысының жаңа дүмпуіне КСРО құлауы әсерін тигізді.

Осының негізінде, XX ғ. ішінде 1916 ж. көтерілістен бастау алып, аймақта және оның шегінде көші-қон тізбегін туғызған Орыс Түркістаны халықтарының нәтижесі өтті.

KADYRBAYEV A.S.H.

Department of the History of the East,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
PhD, Leading Research Fellow,
Moscow, Russia

MOVE OF THE PEOPLES OF RUSSIAN TURKESTAN AFTER THE SUPPRESSION OF 1916 REBELLION AND ITS CONSEQUENCES ON THE MIGRATION PROCESSES IN CENTRAL ASIA IN THE XX CENTURY

The article is devoted to examining the foreign policy aspects of 1916 rebellion in Russian Turkestan (Kazakhstan, Central Asia) that caused the migration of the Kazakhs, Kirghiz, Turkmen, Tajik and Uzbeks to the neighboring countries – China, Afghanistan, Persia.

The migration to China was caused by the geographical factor, closeness of East Turkestan, as well as the fact that this region was familiar to the Kazakhs and Kirghiz. Consequently upon this move, the migration waves from Russian Turkestan to neighboring countries began in the first half of the XX century.

The Soviet policy led to the most tragic events related to the following emigration waves from Russian Turkestan and was expressed in the civil war, collectivization in the end of the 20th – beginning of the 30th years of the XX century in Kazakhstan and military suppression of the insurrectional movement of the Muslim peoples of Central Asia in 1921-1933 – basmachestvo, which had its springs during the 1916 rebellion.

After the Communists had come to the power in China, the most Kazakhs, Kirghiz, Russians and representatives of the other Central Asian peoples migrated to India, from there they moved to Turkey and further to Europe.

ПОЛЕТАЕВ Д.В.

Миграциялық зерттеулер Орталығының
(Ж.А. Зайончковская Орталығы) сарапшысы,
Ресей Ғылым Академиясының Халықшаруашылық болжау институтының миграцияны сараптау мен болжау зертханасының бас ғылыми маманы,
экономика ғылымдарының кандидаты
Мәскеу, Ресей

ҚАЗАҚСТАННАН РЕСЕЙГЕ БІЛІМ АЛУ КӨШІ-ҚОНЫ. ЗЕРТТЕУ ТӘЖІРИБЕСІ

Мақала 2008 ж. Ресейдің үш қаласында [Томск, Мәскеу, Воронеж] жүргізілген, РФ шетелдіктердің білім алу көші-қоны жөніндегі, зерттеулер нәтижесі бойынша жазылған. Оқушы-шетелдіктердің сауалнамалық сұрақ-жауапты жалпы көлемде 776 адамды қамтыды: [қазақстандықтар арасынан сұрақ-жауап алынғаны – 144 адам], ал «жұмсақ» гайд бойынша терең сұхбат 25 сарапшыдан алынды. Зерттеулер қазақстандықтардың РФ білім алу жағдайының сапалы және сандық жағын бағалауға көмектесті және де олардың РФ бейімделуіне қажетті жағдайларды бағалай отыра, олардың қасаруына, жетілуіне және дамуына кеңес беруге мүмкіндік берді.

POLETAEV D.V.

Expert, Center of Migration Studies (J.A. Zaionchkovskaja's Center);
Leading Researcher, Laboratory of Migration, Institute of
Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science [Economics]
Moscow, Russia

EDUCATIONAL MIGRATION FROM KAZAKHSTAN TO RUSSIA. RESEARCH EXPERIENCE

The article was written on the basis of the research results on the foreign educational migration to the Russian Federation. The research was conducted in three Russia cities [Tomsk, Moscow, Voronezh] in 2008. The questionnaire survey of foreign students covered 776 people in total: there were 144 Kazakhstani people among the respondents and 25 experts were in-depth interviewed with the "soft" guide. The research helped to evaluate the conditions to study for the Kazakhstani students in RF in the qualitative and quantitative way. The survey results benefited to shaping recommendations to improve, better and develop studying conditions on the basis of existing and necessary conditions for the foreign students to help them to adapt in the Russian Federation.

ТАРАСОВ А.

«Забинфо» Агенттігінің халықаралық шолушысы
Забайкальский өлкесі, Ресей

БАЙКАЛДЫҢ АРҒЫ ЖАҒЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ ЕҢБЕГІ

Мақала шекаралас аймақтардағы процесстерге тоқтаусыз ықпалын тигізген демографиялық факторларды қарастыруға арналған. Автор қытай еңбек мигранттары легінің негізгі мазмұнын, оның Байкалдың арғы жағындағы, Қытаймен жалпы шекарасының ұзақтығы 1 000 км ие өңіріндегі, тіршіліктегі рөлі ұсынады. Қытай еңбегін ағаш құлату, құрылыс (кірпіш қалау, әрлеу жұмыстары) сияқты салаларға жұмылдырылған.

Автор XX-XXI ғасыр аралығында қытай демографиялық экспансиясы, Байкалдың арғы жағына қытайлардың жаппай ағылуы туралы айтуға негіздеме жоқтығын, әрі бұдан басқа мигранттардың өңірді көтерудегі қосқан үлесі туралы белгілеп өткен.

Мақалада қытай көші-қоны Байкалдың арғы жағы үшін игілік іс, еңбек ресурстарының тапшылығының орнын толтырушы көздер болып табылатыны туралы қорытынды жасалған.

TARASSOV A.

International Analyst, "Zabinfo" Agency
Transbaikalia, Russia

CHINESE LABOR IN TRANS-BAIKAL

The article examines demographic factors that have a permanent impact on the processes in the border regions. The author presents the key characteristics of the Chinese labor migrants' flow, its role in the life of the Trans-Baikal region, which has 1000 kilometers common border with China. The Chinese labor is attracted to such spheres as timber harvesting, construction (brickwork, finishing work).

The author stresses that at the turn of the XX-XXI centuries there are grounds to state about neither Chinese demographic expansion nor massive flow of the Chinese to the Trans-Baikal region. Moreover, it is necessary to emphasize the migrants' contribution to the regional economic growth.

The article concludes that Trans-Baikal would benefit from the Chinese migration and it would compensate the lack of labor force in the region.

АБАЗБЕК УУЛУ РАСУЛ,

Ош Мемлекеттік Университет, «Халықаралық қатынастар»
кафедрасының оқытушысы

ЭРГЕШОВ З.

Ош Мемлекеттік Университетінің аға оқытушысы
Ош, Қырғызстан

ҚЫРҒЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ КӨШІ-ҚОН ҮДЕРІСТЕРІ: ЕЛГЕ ҚАУІП-ҚАТЕРЛЕРІ

Осы мақала соңғы кезде ерекше өзекті болып отырған қауіпсіздік мәніндегі көші-қон құбылысын зерттеуге арналған. Көші-қон ұлттық және аймақтық қауіпсіздікке шынайы немесе әлеуетті қарсы келу болып отыр.

Көші-қон легінің негізгі типологиялық сипаттамасының бағасы әрқайсысының дамуын талдау тіркесінде авторға олардың заңдылықтарын айқындауға және олардың Қырғыз Республикасының ұлттық қауіпсіздігі жүйесіне ықпал етуін анықтауға мүмкіндік береді.

Мақалада сыртқы (эмиграция және иммиграция) және ішкі көші-қон, сонымен қатар ретке келтірудің жоқтығынан туатын келеңсіз салдарлар (еңбекке жарамды тұрғындардың кетуі, әлеуметтік кернеуліктің өсуі, қалалардың кірмеленуі және өлкелердің қауымдалассыздығы және т.б.) көрсетілген.

Автор басқарылмайтын көші-қон барысы елдің ұлттық қауіпсіздігі мүдделеріне жауап бермейтінін және өзімен әлеуетті қауіп әкелетінін айтады. Осы процесстерді реттеу үшін мемлекет тарапынан аймақтық ынтымақтастық жүйесін құру, иммиграциялық бақылау жүйесін күшейту және республика аумағында шетелдік азаматтардың болуын бақылау, республиканың құқық қорғау органдары қызметі жүйесін жетілдіру және т.б. сияқты нақты шаралар қажет.

АБАЗБЕК УУЛУ РАСУЛ

Osh State University,
School of International Relations and Public Service
Lecturer, Department of International Relations
ZAIRBEK ERGESHOV
Assistant Professor, Osh State University
Osh, Kyrgyzstan

MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF KYRGYZSTAN: CHALLENGES AND RISKS FOR THE COUNTRY

This article examines the migration phenomenon in the security context that lately has become especially important. Migration represents real or potential challenge to national and regional security.

The assessment of the basic typological characteristics of the migration flows in combination with the analysis of their individual development allows the authors to reveal their defining consistent patterns and their impact on the national security system of the Kyrgyz Republic.

The article studies external (emigration and immigration) and internal migration. It also examines negative consequences caused by absence of regulations (outflow of the employable population, rise of social tension, marginalization of cities, depopulation of regions, etc.).

The author states that the managed migration process does not meet the interests of the country national security; it also has potential threats. On the government part specific measures to regulate these processes are needed, such as creating the system of regional collaboration, strengthening the system of the immigration control and the control of foreign citizens' stay in the Republic, bettering the work of the law enforcement authorities in the country, etc.

УЛЬМАСОВ Р.

философия ғылымдарының кандидаты,
Ресей-тәжік (славян) университетінің халықаралық
қатынастар жөніндегі проректоры,
ХАСАНОВ М. М.

экономика ғылымдарының кандидаты, доцент
Тәжікстан Республикасының мемлекеттік қызметшілердің
біліктілігін арттыру институтының (МҚ БАИ),
экономика және қаржы басқармасы кафедрасының
меңгерушісі, Душанбе, Тәжікстан

ТӘЖІКСТАННАН ЕҢБЕК КӨШІ-ҚОНЫ: ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ САЛДАРДАРЫ, БОЛАШАҒЫ

2000-шы жылдардың екінші жартысынан бастап Тәжікстан Республикасындағы (ТР) сыртқы еңбек көші-қоны (СЕКК) өзекті проблеманың бірі болды, өйткені өз елінде (басқа да елдер - ТМД қатысушылары қатарында: Әзірбайжан, Қырғызстан, Молдова, Өзбекстан және Украина) жақын болашақта еңбекке жарамды тұрғындардың жартысына жуығы өз шамаларын тиімді қолдана алмайды. Шындығында, бұл адамдар алыс шетелдерде жұмысқа бара алмағандықтан, көбінесе (90% астамы) Ресей Федерациясына (РФ) жол тартады.

Басқарылатын СЕКК - бұл игілік, оның жемісін жабдықтаушы елдер сияқты, мигранттарды қабылдаушы елдер де пайдалана алатыны туралы қарапайым фактіні түсінуіміз қажет.

Тәжірибе СЕКК реттеуге әкімшілік түрде шығудың тиімсіздігін нақты көрсетіп тұр. Бұл процестің басымдылығы болып әлеуметтік-экономикалық тәсілдердің болуы қажет, өйткені олар өз кезегінде жаңа заңнамалық актілерді қабылдау нысанында, сонымен қатар үкіметаралық келісімдер жасасуда құқықтық базаның толық жетілуін талап етеді.

ULMASSOV RAKHMON

Tajik-Russian Slavic University
Pro-Rector for International Relations
Candidate of Science (Philosophy)
KHASSANOV MUNIM MADZHIDOVICH
Institute of Advanced Training of Public Officers (IAT PO),
Republic of Tajikistan
Head of the Department of Economy
and Finance Management
Candidate of Science (Economy), Associate Professor
Dushanbe, Tajikistan

EXTERNAL LABOR MIGRATION FROM TAJIKISTAN: SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL CONSEQUENCES, PERSPECTIVES

Since the beginning of the second half of the 2000s external labor migration (ELM) in the Republic of Tajikistan (RT) has become one of the vital issues because in the nearest perspective about half of the employable population cannot effectively apply its potential in the country itself as well as in certain other CIS country-members (Azerbaijan, Kyrgyzstan, Moldova, Uzbekistan and Ukraine). These people normally cannot apply for a job in the far-abroad countries. So, the majority of them (more than 90%) head to the Russian Federation (RF).

It is necessary to be aware of a very simple fact that the managed external labor migration – is the benefit which can be used by both sides: the countries that send migrants and the states that receive them.

The practice convincingly shows that the administrative approach to the ELM management is not effective. The priorities in this process should become socio-economic methods which require legal base improvement in the form of adoption of new laws as well as conclusion of intergovernmental agreements.

РАКИШЕВА Б. И.

әлеуметтану ғылымдарының кандидаты,
ЦЕССИ-Қазақстан әлеуметтік салыстырмалы зерттеу
институтының директоры, Астана, Қазақстан

ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛУ

профессор, әлеуметтік ғылымдар докторы,
Стамбул университеті Еуразия Институтының директоры,
Стамбул, Түркия

СЕДА БИЛАН

әлеуметтік ғылымдар кандидаты, Стамбул Университеті
Гуманитарлық факультетінің әлеуметтану кафедрасы
доктаранты, Стамбул, Түркия

КОЖИРОВА С. Б.

Саяси ғылымдар докторы, Әлеуметтік-саяси зерттеу
нститутының ғылыми консультанты, Астана, Қазақстан

МАЖИТОВА А. Б.

әлеуметтану бакалавры, Әлеуметтік-саяси зерттеу
институтының сарапшысы, Астана, Қазақстан

RAKISHEVA B. I.

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan Candidate of Science (Sociology),
Astana, Kazakhstan

HAYATI TUFEKCIOGLU

Director, Eurasian Institute, Istanbul University
Ph.D, Professor, Istanbul, Turkey

SEDA BILAN

Ph.D Candidate, Department of Sociology, Arts School,
Istanbul University
Candidate of Science, Istanbul, Turkey

KOZHIROVA S. B.

Scientific Consultant,
Institute for Socio-Political Research
Ph.D, Astana, Kazakhstan

MAZHITOVA A. B.

Expert, Institute for Socio-Political Research
Bachelor of Sociology, Astana, Kazakhstan

CROSS STUDY: СТАМБУЛДАҒЫ ҚАЗАҚ ДИАСПОРАСЫ МЕН АСТАНАДАҒЫ ТҮРІК ҚАУЫМДАСТЫҒЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫНЫҢ КЕЙБІР КӨРІНІСТЕРІ

Қазіргі қоғам құрылымында тарихи бетке ұстар ұлт болып есептелмейтін әртүрлі этникалық топтар бар. Бүгінде Түркияда әртүрлі себептермен қазақ диаспорасының басымы тұрып жатса, Қазақстанда этникалық түріктердің екі тобы тұрып жатыр: месхетин- түріктер және әртүрлі мекемелерде жұмыс істеп жатқан еңбек мигранттары.

Стамбулдағы қазақ диаспорасы орналасқан орта мен түрік еңбек мигранттары орналасқан ортада әлеуметтік зерттеу алғашқы рет 2009 жылдың мамыр-шілде айларында «Түріктер Қазақстанда, қазақтар Түркияда» атты Әлеуметтік саяси зерттеу Институты (Қазақстан, Астана) және Стамбул Университетінің Евразия институты (Түркия, Стамбул) ұйымдастырған біріккен халықаралық әлеуметтік зерттеу (Cross study) шеңберінде өткізілді. Зерттеу нәтижелері Астанада өткен «Қазақстан халықтары Ассамблеясы – азаматтық қоғам ынтымақтастығының институты» [2009, мамыр] халықаралық конференциясында және Стамбул Университетінің Евразия институтында (2009, шілде) өткен сараптамалық кездесуде жарияланды.

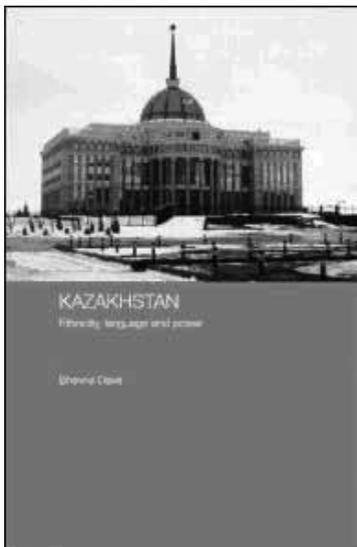
Аталмыш мақалада, зерттеудің тек бір ғана саласын, оның ішінде Стамбулдағы этникалық қазақтар мен бүгін де Астанада тұрып жатқан этникалық түріктердің – еңбек мигранттарының әлеуметтік-экономикалық жағдайын қарастырып отырымыз.

CROSS STUDY: SOME ASPECTS OF THE SOCIO- ECONOMIC SITUATION WITH THE KAZAKH DIASPORA IN ISTANBUL AND THE TURKS' COMMUNITY IN ASTANA

In modern communities of different countries there are some ethnic groups which historically are not the titled nations. Today great Kazakh diaspora live in Turkey by virtue of different reasons. The Turks are presented in Kazakhstan in two groups: the Meskhetian Turks and guest workers in divers enterprises.

For the first time the sociological research in Kazakh diaspora in Istanbul and Turkish guest workers in Kazakhstan was made in May-June 2009 by Institute for Socio-political Researches (Kazakhstan, Astana) and Eurasian Institute, Istanbul University (Turkey, Istanbul) in the frames of joint international cross study "the Turks in Kazakhstan, the Kazakhs in Turkey". The results of researches were presented in Astana at International conference "The Assembly of Kazakhstan people as an institute of consolidation of civil society" (May 2009) and in Istanbul during the meeting of experts in Institute of Eurasia of Istanbul (July 2009).

In this article we examine only one of the aspects of the research – socio-economic situation with the ethnic Kazakhs living in Istanbul and the ethnic Turks, labor migrants, living currently in Astana.

Бхавна Дэйв (Девн)

Лондон университеті шығыс және африканық зерттеулер Мектебі жанындағы заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Қазақстан: Этникалық, тіл және билік

Қазақстан Орталық Азияда едәуір экономикалық және саяси динамикалық ел ретінде көптеп көрініп келеді. Бұл аса бай табиғи ресурстарға ие бұрынғы Кеңес Одағы республикаларының ішіндегі Ресей Федерациясынан кейінгі ең ірі елі. Бүгінгі күнде аса ірі америкалық корпорациялар әзірлеп жатқан, Қазақстанның мұнай қорлары ерекше маңызды. Нұрсұлтан Назарбаев басқаратын Қазақстан экономикалық даму саласында керемет табыстарға жетті, бұл басшылыққа Қазақстанда нарықтық экономикаға негізделген қазіргі заманға сай дамыған азаматтық қоғамды құру туралы мәлімдеуге мүмкіндік береді. Сонымен бірге Қазақстан Қазақ емес және мұсылман емес халықтың көбірек пайызымен аймақтағы едәуір көп этникалық елдердің бірі болып келеді. Елдің саяси режимі көп жағынан клиентализм мен нео-традиционалистік өзара қарым – қатынастар элементтеріне сүйенеді. Кең этнографиялық зерттеудің, көптеген сұхбат пен мұрағат материалды зерттеудің негізінде, осы кітап Қазақстанда, әсіресе, ұлттық мемлекетті құру әрекеттерімен ұлттық бірегейлік пен мемлекеттіліктің дамуын бақылап отырады. Кітаптың негізгі дәлелі орыстандыру мен кеңестендіру жоғарыдан орнатылған процесс қана болмай, қоғамның едәуір қатысуымен жүргендігінен тұрады және сондықтан Кеңес ұлттық саясаты этникалық элитаның құрылуы мен ұлттық сана- сезімнің ерекше нысанының құрылуына ұзақ уақыт әсер етті.

Bhavna Dave

Chair, Center of Contemporary Central Asia and the Caucasus under the School of Oriental and African Studies, University of London; Ph.D (Political Science), Professor (London, Great Britain)

Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power

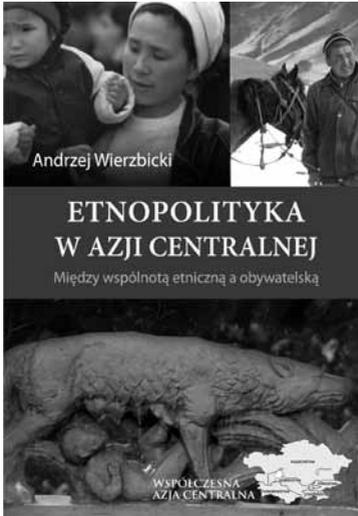
Kazakhstan is emerging as the most dynamic economic and political actor in Central Asia. It is the second largest country of the former Soviet Union, after the Russian Federation, and has rich natural resources, particularly oil, which is being exploited through massive US investment. Kazakhstan has an impressive record of economic growth under the leadership of President Nursultan Nazarbaev, and has ambitions to project itself as a modern, wealthy civic state, with a developed market economy. At the same time, Kazakhstan is one of the most ethnically diverse countries in the region, with very substantial non-Kazakh and non-Muslim minorities. Its political regime has used elements of political clientelism and neo-traditional practices to bolster its rule. Drawing from extensive ethnographic research, interviews, and archival materials this book traces the development of national identity and statehood in Kazakhstan, focusing in particular on the attempts to build a national state. It argues that Russification and Sovietization were not simply 'top-down' processes, that they provide considerable scope for local initiatives, and that Soviet ethnically-based affirmative action policies have had a lasting impact on ethnic elite formation and the rise of a distinct brand of national consciousness.

Бхавна Дэйв (Девн)

председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Казахстан: Этничность, язык и власть

Казахстан все больше утверждается как наиболее экономически и политически динамичная страна в Средней Азии. После Российской Федерации, это самая крупная страна из республик бывшего Советского Союза, обладающая богатыми природными ресурсами. Особенно значительны нефтяные запасы Казахстана, которые в настоящее время разрабатываются крупнейшими американскими корпорациями. Возглавляемый Нурсултаном Назарбаевым Казахстан достиг впечатляющих успехов в области экономического развития, что дает возможность руководству заявлять о создании в Казахстане современного развитого гражданского общества основанного на рыночной экономике. В тоже время Казахстан это одна из наиболее многоэтничных стран в регионе со значительным процентом не-Казахского и не мусульманского населения. Политический режим страны во многом основывается на элементах клиентелизма и нео-традиционалистских взаимоотношений. На основе обширного этнографического исследования, многочисленных интервью и изучения архивного материала, настоящая книга прослеживает развитие национальной идентичности и государственности в Казахстане и, в особенности, на попытках создания национального государства. Основной аргумент книги состоит в том что русификация и советизация были не просто процессом насаждаемом свыше, но происходили при значительном участии общества и именно поэтому Советская национальная политика оказала долговременное влияние на формирование этнической элиты и создание особой формы национального самосознания.

Анджей Вержбицкий

Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, гуманитарлық ғылымдар кандидаты (Варшава, Польша)

Орталық Азиядағы этносаясат

Ұсынылып отырған жұмыс Варшава Университеті Саяси ғылымдар институтының Шығыс зерттеулер кафедрасының «Бүгінгі Орталық Азия» халықаралық бағдарламасының шеңберінде зерттеулер сатысының бірін ұсынады. Зерттеудің негізгі алғышарты Орталық Азияның түрік тілді мемлекеттерінің этносаясатында ұлттық мемлекеттіліктің құрылысы динамика беретін ұлтқұраушы процесс басым екендігі туралы гипотезаны верификация болып табылады. Мемлекет құраушы процестің бастапқы сатысында ерекше жақын көрінген этноцентрлік тенденциялар этнократия орнату, билік органдарында ру тайпалық құрылымдар мен тіл саясатын консервациялау арқылы мемлекеттік этникаландыруға әкелді.

Зерттеу міндеті Орталық Азияның түрік тілді мемлекеттерінде этносаясаттың тарихи және жүйелік- саяси шарттарын түсіндіру болып табылды. Бұл жұмыста «этносаясат» түсінігі өзара байланысты үш компоненттен тұратын тәжірибелік қызмет ретінде түсіндіріледі: саясат пен қоғамдық өмірде этникалық қоғамдар жүзеге асыратын этникалық;

қоғамдық өмірді ұйымдастыру нысандарының жиынтығы мен олардың саяси институционализациясын қамтитын этносаяси ағзалар; билік органдарында этникалық қоғамдағы саяси репрезентациясын қамтитын этносаяси процестер.

Andrei Verjbieckii

Fellow, Institute of Political Science, Warsaw University, Department of the Eastern (Post-Soviet) Studies; Candidate of Science (Humanitarian Science) (Warsaw, Poland)

Ethno politics in Central Asia

This work presents one of the stages of the research within the framework of the international program «Modern Central Asia» of the Department of the Eastern (Post-Soviet) Studies, Institute of the Political Science of the Warsaw University. The primary prerequisite for the study is to verify the research hypothesis that in the ethno politics of the Turkic countries of the Central Asia dominates nation making process, the dynamics to this is building national identity. Ethno centric tendencies that had been remarkably revealed at the first stage of the national development led to ethnicity making of the government through establishing ethnocracy, temporary shutdown of the tribe structures in the authorities and language politics.

The research objective was to explain historical and system-defined political stipulation of the ethno politics in Turkic countries of Central Asia. In this particular work the term “ethno politics” is interpreted as a practical activity consisting of the three interdependent components: ethnicity that is expressed by ethnical commonalities in politics and social life, ethno political entities that cover the combination of all the forms of the social life organization and their political institutionalization; ethno political processes that cover political representation of the ethnical commonalities in the authorities.

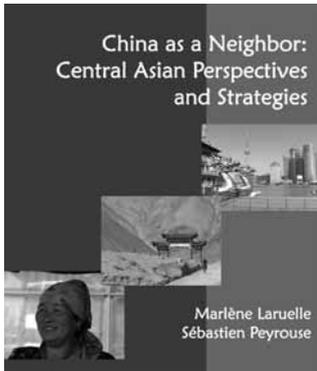
Анджей Вержбицкий

сотрудник Института Политических наук Варшавского Университета, кафедра Восточных (Постсоветских) исследований, кандидат гуманитарных наук (Варшава, Польша)

Этнополитика в Центральной Азии

Представленная работа представляет собой один из этапов исследований в рамках международной программы «Современная Центральная Азия» Кафедры Восточных Исследований Института Политических Наук Варшавского Университета. Главной предпосылкой изыскания является верификация исследовательской гипотезы о том, что в этнополитике тюркоязычных государств Центральной Азии доминирует нациообразующий процесс, динамику которому придает строительство национальной государственности. Этноцентрические тенденции, особенно ярко проявившиеся на начальном этапе государствообразующего процесса, вели к этнизации государства через установление этнократии, консервацию родоплеменных структур в органах власти и языковую политику.

Исследовательской задачей явилось объяснение исторических и системно-политических обусловленностей этнополитики в тюркоязычных государствах Центральной Азии. В данной работе понятие «этнополитика» трактуется как практическая деятельность, состоящая из трех взаимозависимых компонентов: этничность, осуществляемая этническими общностями в политике и общественной жизни; этнополитические организмы, охватывающие совокупность форм организации общественной жизни и их политическую институционализацию; этнополитические процессы, охватывающие политическую репрезентацию этнических общностей в органах власти.

China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies

Marlène Laruelle
Sébastien Peyrouse

Central Asia- Caucasus Institute
Silk Road Studies Program

Марлен Ларюэль

ғылым докторы, Орталық Азия және Кавказ Институтының және Жібек жолы елдері зерттеу бағдарламасының Біріккен Орталығының аға ғылыми қызметкері (SAIS, Джон Хопкинс Университеті, Вашингтон, Колумбия округы-Қауіпсіздік және саяси даму Институты, Стокгольм), Париж университетінің саяси зерттеу және Француз Орталығының ресей, кавказ, шығыс-европалық Ұлы мектеп зерттеуінің әлеуметтік ғылыми қызметкері

Себастьян Пейруз

ғылым докторы, Орталық Азия және Кавказ Институтының және Жібек жолы елдері зерттеу бағдарламасының Біріккен Орталығының аға ғылыми қызметкері (SAIS, Джон Хопкинс Университеті, Вашингтон, Колумбия округы-Қауіпсіздік және саяси даму Институты, Стокгольм)

Қытай көрші ретінде: Орталық Азияның болашағы мен стратегиялары

«Қытай көрші ретінде: Орталық Азияның болашағы мен стратегиялары» - бұл Орталық Азия мен Кавказдың Институты және Жібек Жолын зерттеу бағдарламасымен жарияланған монография. 2002 жылдан бастап Қытай Орталық Азияда зор маңызға ие болды және қазір аймақта дәстүрлі орыстық басым болуына қауіп төндірді. Орталық Азия елдерінің ішкіна тәсілдері мен қарым-қатынастарына Қытайдың Орталық Азиядағы орнын қалай күшейтетіндігі, Ресеймен альянс - бәсекенің қалай құрылатындығы байланысты болады. Осы себептен аймақта Қытай мен Ресейдің қатар жергілікті орталық азиаттық үкіметтердің пікірін, олардың өлемге көзқарасы мен саяси және геосаяси мәселелерді шешу бойынша олардың мүмкін бастамаларын назарға алу қажет. Бұл монографияның мақсаты «қытайлық сұрақ» бойынша пікіріне көңіл бөліп, бұл мәселелерді шешуден едәуір мүдделі тараптар болып табылатын Орталық Азия өкілдерінің пікірін дыбыстандыру. Негізгі орталық азиаттық субъектілердің (Қытай мен Ресеймен оның альянсына/ бәсекесіне негізгі орталық азиаттық субъектілердің көзқарастарын жан-жақты түсінуді аймақта басқа өкілдердің және әсіресе Құрама Штаттардың стратегиялық күн тәртібіне үш себеп бойынша әсер етуі мүмкін. Біріншіден, Қытайдың аймақта басты рөлді атқарып, Орталық Азияның шегінен тыс жерлерде Батысты тежеу саясатын жүргізе бастағандығы фактісін елемей, америкалық сыртқы саясат Ресей Орталық Азияға қатысты келіссөздер жүргізу қажет негізгі күш болып табылатындығы болжамына негізделеді. Екіншіден, Мәскеу мен Пекин арасындағы мүдделердің қақтығысуы не Қиыр Шығыста, не Орталық Азияда шиеленісуге әкеліп, еуразиялық кеңістіктің жаһандық дамуына геосаяси әсерін тигізуі мүмкін. Үшіншіден, Қытайдың, Ресей мен Орталық Азияның ұзақ мерзімді альянсы аймақта Батыстың мақсаттарына теріс әсер етуі мүмкін. Бұл өзекті сұраққа қатысты Орталық Азияның стратегиялары мен болашағын білмей, Батыстың басты еуразиялық бәсекелестерінің стратегиялық мақсаттары мен міндеттерін түсінуді бытыраңқы және толық емес болып қалады.

Marlene Laruelle

Ph.D., is a Senior Research Fellow at the Central Asia and Caucasus Institute & Silk Road Program Joint Center (SAIS, Johns Hopkins University, Washington DC - the Institute for Security and Development Policy, Stockholm). In Paris, she is an associate scholar at Sciences Po (the Institute of Political Studies), and at the French Center for Russian, Caucasian and East-European Studies at the School of Advanced Social Sciences Studies (EHESS)

Sébastien Peyrouse

Ph.D., is a Senior Research Fellow at the Central Asia and Caucasus Institute & Silk Road Program Joint Center (SAIS, Johns Hopkins University, Washington DC - the Institute for Security and Development Policy, Stockholm).

China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies

Since 2000, China has gained significantly in importance in Central Asia and is now in a position to pose a threat to traditional Russian domination in the region. Exactly how China will intensify its presence in Central Asia and how this alliance/competition with Russia will play itself out is going to depend partly on the approaches and attitudes of the Central Asian states themselves. For this reason, it is essential to comprehend not only Chinese and Russian objectives in the region, but also to look at the indigenous viewpoints of Central Asian governments, their visions of the world, and their room for initiative on political and geopolitical issues.

The objective of this Monograph is giving a voice to those most concerned by these issues, namely the Central Asians, paying special attention to their views of the "Chinese question".

A more comprehensive knowledge of the views of Central Asian actors toward both China and its alliance/competition with Russia could influence the strategic agenda of other actors in the region, especially that of the United States. This is the case for three main reasons. The first is that American foreign policy is still based on the assumption that Russia is the principal power with which to negotiate on Central Asia, thus ignoring the fact that China is starting to play a major part in the region and is promoting a containment of the West outside of the Central Asian arena. The second is that in the eventuality of a conflict of interest between Moscow and Beijing, whether in Central Asia or the Far East, a new pole of tension would arise that may well have a determining geopolitical impact on the global development of the Eurasian space. The third is that a long-term Sino-Russian-Central Asian alliance would undermine the West's objectives in the region. This is most obviously the case in the domains of energy and geopolitics, but is also the case for the goal of democratizing post-communist societies. Without any knowledge of the Central Asian strategies and perspectives on such a vital question, the western understanding of the objectives and strategies of Eurasia's largest competitors is likely to remain fractured and incomplete.

Марлен Ларюэль

доктор наук, старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и Объединенного центра программы Шелкового пути (SAIS, Университет Джона Хопкинса, Вашингтон, округ Колумбия – Институт безопасности и политики развития, Стокгольм), сотрудник Парижского института политических исследований и Французского Центра российских, кавказских и восточноевропейских исследований Высшей школы социальных наук

Себастьян Пейруз

доктор наук, старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и Объединенного центра программы Шелкового пути (SAIS, Университет Джона Хопкинса, Вашингтон, округ Колумбия – Институт безопасности и политики развития, Стокгольм)

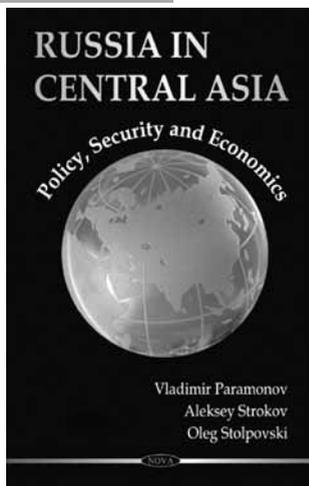
Китай как сосед: перспективы и стратегии Центральной Азии

«Китай как сосед: перспективы и стратегии Центральной Азии» - это монография, опубликованная Институтом Центральной Азии и Кавказа и Программой по изучению Шелкового Пути.

С 2000 года Китай приобрел значительную важность в Центральной Азии и сейчас представляет угрозу традиционному русскому доминированию в регионе. То, каким образом Китай будет усиливать свое присутствие в Центральной Азии, и каким образом сложится альянс/конкуренция с Россией, будет зависеть частично от подходов и отношения самих стран Центральной Азии. По этой причине очень важно понимать не только задачи Китая и России в регионе, но также принимать во внимание точку зрения местных центральноазиатских правительств, их видения мира и их возможных инициатив по решению политических и геополитических проблем.

Цель данной монографии озвучить мнение представителей Центральной Азии, которые являются наиболее заинтересованными сторонами в решении этих проблем, уделяя особое внимание их мнению по «китайскому вопросу».

Всестороннее понимание взглядов основных центральноазиатских субъектов на Китай и его альянс/конкуренцию с Россией может оказать влияние на стратегическую повестку дня других представителей в регионе и в особенности Соединенных Штатов по трем причинам. Во-первых, американская внешняя политика основывается на предположении, что Россия является основной силой, с которой необходимо вести переговоры по поводу Центральной Азии, тем самым, игнорируя тот факт, что Китай начинает играть ведущую роль в регионе и проводит политику сдерживания Запада за пределами Центральной Азии. Во-вторых, постепенно конфликт интересов между Москвой и Пекином либо в Центральной Азии, либо на Дальнем Востоке, приведет к напряжению, которое может оказать решающее геополитическое влияние на глобальное развитие евразийского пространства. В-третьих, долгосрочный Альянс Китая, России и Центральной Азии может оказать негативное влияние на цели Запада в регионе. Без знания стратегий и перспектив Центральной Азии по поводу этого актуального вопроса понимание Запада стратегических целей и задач самых главных евразийских конкурентов скорее останется разрозненным и неполным.

Владимир Парамонов

тәуелсіз сарапшы

Алексей Стрков

тәуелсіз сарапшы

Олег Столповский

тәуелсіз сарапшы, (Ташкент, Өзбекстан)

«Ресей Орталық Азияда: саясат, экономика және қауіпсіздік»

Кез келген елдің тарихында өмірдің өз дамуының стратегиясын түбегейлі қайта қарау туралы шешім қабылдауға мәжбүрлейтін белгілі шекке келетін сәттері болады. Әдетте, бұлай, не алдыңғы стратегиялық курс өзін тәмамдатқан, не терең қате болып шыққан кезде болады. Нақ осындай шекте бүгінгі Ресей де тұр. Бұның басты себебі көбірек айқын болып келе жатқан өткен ғасырдың 90-шы жылдарының басында алынған сыртқы саяси курстың құлдырауы болып табылады. Бұл курстың берік негіздері ельциндік Ресей КСРО тарағаннан кейін бірден «ұлттық республикалардың жүгінен» босатылу бойынша саясатты жүзеге асыра бастаған кезде қаланды. КСРО тарағаннан кейін басталған ресейлік тарихтың кезеңін Ресейде мемлекеттік биліктің бүкіл жүйесі құлап, ал сол кездегі халықаралық қарым – қатынастар жүйесіндегі Мәскеудің позициясы түбегейлі әлсіреген кезде XVII ғасырдың басына ұқсас «құңғірт

уақыт» деп атауға барлық негіз бар. Бүгінде Медведев-Путинның Ресейі қайтадан қарқынды өзгеретін әлемде өз орнын іздеу мәселелерімен ұшырасты. Бұның ең үздік дәлелдерінің бірі саясат, экономика және қауіпсіздік саласында Орталық Азияда (Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстан) Ресей қабылдайтын қадамдарды талдау болып табылады.

Vladimir Paramonov

independent expert

Aleksey Strokov

independent expert

Oleg Stolpovski

independent expert (Tashkent, Uzbekistan)

"Russia in Central Asia: Policy, Security and Economics"

Times occur in the history of any country at which life itself forces it to make the decision to undertake a thorough review of its strategy. This usually happens when the old strategy has run its course or has proved to be deeply flawed. Russia today is at such a point. The main reason for this is the ever more obvious crisis in the Russian foreign strategy. The foundations of this strategy were laid immediately after the disintegration of the USSR, when the Yeltsin's Russia started rapidly to shed the "burden" of the post-soviet republics. In many ways that's why the period in Russian history which began with the disintegration of the Soviet Union will no doubt one day be described as a "Time of Troubles", like the one at the beginning of the 17th century, when the whole system of state power in Russia collapsed and Moscow's position in the world became much weaker. Today Putin's and Medvedev's Russia is once again having troubles finding its place in a rapidly-changing world. The analysis of the steps being taken by Russia in the Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan) in the areas of policy, security and economic is one of the best illustration of these.

Владимир Парамонов

независимый эксперт

Алексей Стрков

независимый эксперт

Олег Столповский

независимый эксперт (Ташкент, Узбекистан)

«Россия в Центральной Азии: политика, экономика и безопасность»

В истории любой страны бывают моменты, когда она подходит к определённой черте, за которой сама жизнь вынуждает принимать решение о кардинальном пересмотре стратегии своего развития. Как правило, подобное происходит, когда прежний стратегический курс либо исчерпал себя, либо оказался глубоко ошибочным. Именно у такой черты находится современная Россия. Главной же причиной тому является становящийся всё более очевидным провал взятого ещё в начале 90-х годов прошлого века внешнеполитического курса. Фундаментальные основы данного курса были заложены сразу же после распада СССР, когда ельцинская Россия начала осуществлять политику по освобождению от «груза национальных республик». Есть все основания утверждать, что период российской истории, начавшийся после распада СССР, впоследствии назовут «смутным временем» по аналогии с началом XVII века, когда обрушилась вся система государственной власти в России, а позиции Москвы в тогдашней системе международных отношений кардинально ослабли. Сегодня Россия Медведева-Путина вновь столкнулась с проблемами поиска своего места в стремительно изменяющемся мире. Одним из лучших свидетельств этому является анализ шагов, предпринимаемых Россией в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) в сфере политики, экономики и безопасности.

Тадеуш Бодио

Саяси ғылымдар Институтының Шығыс зерттеулер кафедрасының меңгерушісі
Петр Залески

Саяси ғылымдар Институтының Шығыс зерттеулер кафедрасының ғылыми қызметкері, (Варшава, Польша)

Орталық Азияда билік таңдаулылары (дәстүрлі, этносаяси және модернизациялық аспектілер)

Ұсынылған монография әрдайым этносаяси факторлармен шарттығын тигізген. Орталық Азиядағы биліктік таңдаулылардың қызмет ету мәселесін зерттеуге арналған.

Еңбекте билік таңдаулыларының жұмыс істеуінің этносаяси және модернистік аспектілерінің талдауы жазылған.

Бірінші бөлім отарландыруға дейінгі кезеңдегі жағдайды көрсетеді. Бұнымен қоса ортаазиялық хандықтарды қарастыру кезінде, басқа ортаазиялық мемлекеттерге қарағанда Қазақ Хандығында шыңғысшылық дәстүріне көбірек көңіл бөлінгендігі байқалады.

Екінші бөлім отарлық модернизацияның билік таңдаулылары әсерін көрсетеді. Ортаазиялық мемлекеттердің инкорпорациясы Ресей Империясынан басқару жүйесін нақты ұйымдастыруды жасап шығаруды талап етті. Бұнымен қоса модернизация таңдаулылардың бір бөлігіне ғана қатысты болды.

Үшінші бөлім тәуелсіздік жағдайларында элиталар стратегиясын сипаттайды. Тәуелсіз мемлекеттерді модернизациялау жобасын іске асыруда ең басты рольді президенттер атқарды. Бұрынғысынша саяси модернизацияның орталық буыны билікті іске асыру үлгісін ауыстыру болып қалуда.

Төртінші бөлімде таңдаулылардың қызметінде трибализм мен этнократизм қарастырылады. Авторлардың пікірінше, традиционализм мен этнократияның модернизациямен тіршілік етуі Қазақстан мен Қырғызстан үшін үлкен деңгейде тән.

Tadeusz Bodio

chairman, department of eastern studies, institute of political science

Peter Zaleski

researcher, department of eastern studies, institute of political science
(Warsaw, Poland)

The authority elite in Central Asia (traditional, ethno political and modernizational aspects)

The presented monography is dedicated to the examination of the problem of functioning the authority elite in Central Asia which has always been depended on ethno political factors.

The work contains the analysis of the ethno political and modernistic aspects of the functioning of the authority elite. In spite of the historical insight the study has a political science character.

The first section reflects the authority elite's position in pre-colonial time. Thereby regarding the Central Asian khanates it was noticed that the tradition of Genghis Khanism was emphasized in Kazakh Khanate to greater degree in comparison with the other Central Asian countries of that time.

The second section reflects the affect of the colonial modernization on the authority elites. Incorporation of the Central Asian countries required from the Russian Empire the well-managed organization of the government system. Thereby the modernization affected only the part of the authority elite.

The third section characterizes the strategy of the authority elite in the condition of independence. The Presidents played the most important part in realizing the project to modernize independent states. The central part of the political modernization still remains the transformation of the model for the power realization.

The fourth section regards tribalism and ethnocracy in the elite's activities. According to the authors' point of views, the coexistence of the traditionalism and ethnocracy with modernization is mostly typical for Kyrgyzstan and Kazakhstan.

Тадеуш Бодио

заведующий кафедрой Восточных исследований Института политических наук

Петр Залески

научный сотрудник кафедры Восточных исследований Института политических наук, (Варшава, Польша)

Элиты власти в Центральной Азии (традиционные, этнополитические и модернизационные аспекты)

Представленная монография посвящена исследованию проблемы функционирования властных элит в Центральной Азии, которое всегда было обусловлено этнополитическими факторами. В работе содержится анализ этнополитических и модернистских аспектов функционирования властных элит. Несмотря на исторический экскурс, исследование имеет политологический характер.

Первый раздел отражает положение элит в доколониальный период. При этом при рассмотрении центральноазиатских ханств отмечается, что в Казахском Ханстве в большей степени, чем в других центральноазиатских государствах того времени, принималась во внимание традиция чингизизма.

Второй раздел отражает влияние колониальной модернизации на властные элиты. Инкорпорация центральноазиатских государств требовала от Российской Империи выработки четкой организации системы управления. При этом модернизация коснулась лишь части элит.

Третий раздел характеризует стратегию элит в условиях независимости. Самую главную роль в реализации проекта модернизации независимых государств сыграли президенты. По-прежнему центральным и звеном политической модернизации остается трансформация модели реализации власти.

В четвертом разделе рассматриваются трибализм и этнократизм в деятельности элит. По мнению авторов, сосуществование традиционализма и этнократии с модернизацией в большей степени характерно для Казахстана и Киргизстана.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Журнал редакциясы жариялауға мақалалар қабылдайды. Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-15 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қарпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мынатурғыдағы талаптарды ұстану қажет:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетуі тиіс. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі керек. Аббревиатуралар түсіндіріледі.
4. Мақала электронды түрде және қағазға басылған түрінде қабылданады. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
5. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне **ispr@ispr.kz** жиберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает статьи для публикации. При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках должен быть набран 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи необходимо придерживаться следующих правил:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники должны указываться в квадратных скобках постранично. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.
4. Статьи предоставляются в электронной версии и в распечатанном виде.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: **ir@ispr.kz**

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The magazine staff calls for articles to publish. The articles should meet the following requirements:

1. Text should not be more than 10-15 pages; languages are Kazakh, Russian and English, 14th font, one space interval, Times New Roman, Word for Windows.
2. Articles should contain the following information:
 - *Author's full name;*
 - *Employment information, including position;*
 - *Academic degrees and titles;*
 - *Article's title (in capital letters, in the center, without period);*
 - *Text of the article;*
 - *Contact information (telephone, fax, email)*
3. Sources should be cited in square brackets at each page. Authors must indicate all sources of quotations, figures and other information cited in an article. All abbreviations should be explained.
4. Articles should be submitted in electronic and paper-based forms.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the magazine email: **ispr@ispr.kz**

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

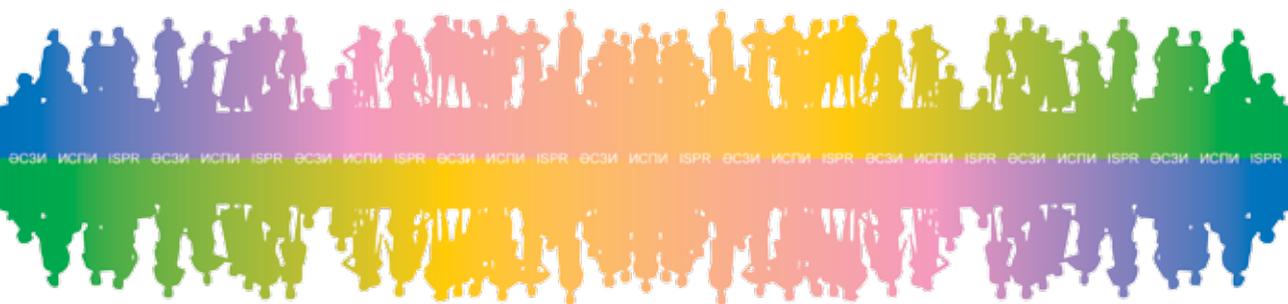
Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына
www.ispr.kz
сайтынан немесе
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234
телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on
the website:
www.ispr.kz
or by phone
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте
www.ispr.kz
или по телефонам.:
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234.

Әлеуметтік-Саяси Зерттеу Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000
Astana, Kazakhstan
Tel./fax:
+7(7172) 466 234,
457 002, 457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz
Botagoz Rakisheva –
Program Director
Candidate of Sociological
Sciences

marina.pak@ispr.kz
Marina Pak –
Executive Director
Master of Psychology

www.ispr.kz
ispr@ispr.kz